

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



3

« НАУКА »

1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



JOURNAL OF ANCIENT HISTORY



3(222)

Июль–Август–Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель), член-корр. РАН *С.С. Аверинцев*,
д. филол. н. *В.И. Абаев*, член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *О.Д. Берлев*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
член-корр. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, д.и.н. *И.М. Дьяконов*,
д.и.н. *Ю.К. Колосовская*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. АН Украины *С.Д. Крыжицкий*, д.и.н. *А.М. Лесков*,
д. филол. н. *В.А. Ливици*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*,
д.и.н. *Н.Я. Мерперт*, академик РАН *В.И. Молодин*, д.и.н. *Р.М. Мунчаев*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, акад. АН Армении *Г.Х. Саркисян*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

Ю.В. Андреев, *Е.В. Антонова*, *Л.С. Баюн*,
Ю.Г. Виноградов (зам. главного редактора), *М.Л. Гаспаров*,
В.А. Головина (зам. главного редактора), *Е.С. Голубцова*,
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *С.Г. Карпюк* (зам. главного редактора),
И.С. Клочков, *Г.А. Кошеленко*, *В.И. Кузицин*, *Л.П. Маринович*, *А.И. Павловская*,
А.В. Подосинов, *Д.С. Раевский*, *С.Ю. Сапрыкин* (ответственный секретарь),
В.М. Смирин, *М.К. Трофимова*, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreev, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *E. Frolov*,
M. Gasparov, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*, *A. Pavlovskaya*, *A. Podosinov*, *D. Paevsky*,
S. Saprykin, *V. Smirin*, *S. Shkunayev*, *M. Trofimova*, *V. Ukolova*, *Yu. Vinogradov*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

Н. Симс-Вильямс

НОВЫЕ БАКТРИЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Язык древнего населения Бактрии, располагавшейся на территории Северного Афганистана, занимает уникальное место среди иранских языков, поскольку для его записи использовался греческий алфавит. Это было одним из последствий завоевания Бактрии Александром Македонским в IV в. до н.э. Немного позднее, после подчинения Бактрии пришедшими с севера кочевниками, Кушаны, новые властители страны, вначале сохранили греческий язык в качестве основного административного языка империи, но затем довольно быстро перешли к использованию лишь греческого алфавита для записи слов местного бактрийского языка. Поворотный момент в истории последнего настал, когда кушанский царь Канишка I впервые использовал его в качестве официального на выпускавшихся им монетах. После первой эмиссии Канишки в этой части Азии греческий язык навсегда исчез из монетных легенд и был заменен бактрийским.

В первых веках н.э. бактрийский мог быть с полным основанием назван одним из важнейших языков древнего мира. Будучи языком кушанских царей, он несомненно был понятен народам всей огромной Кушанской империи, включавшей территорию современного Афганистана и Северной Индии, а также части Средней Азии. Даже после распада Кушанской империи по-бактрийски продолжали писать по крайней мере еще шесть столетий, что доказывается находками подписей IX века в долине Тучи в Пакистане, а также бактрийскими фрагментами буддийских и манихейских рукописей, найденными в далеком Турфанском оазисе в Западном Китае. Таким образом, использование литературного бактрийского языка продолжалось около тысячелетия.

Еще сорок лет назад о бактрийском языке практически ничего не было известно, за исключением легенд на монетах Кушан и их преемников. Кушанские монеты имеют надписи, сделанные греческими буквами квадратных очертаний, по-видимому, имитирующими стиль письма монументальных надписей. В принципе, эти легенды не особенно трудны для чтения, но их содержание ограничивается лишь именами и титулатурой царей и богов. Монеты более поздних правителей Бактрии – Кушано-Сасанидов, кидаритов, эфталитов, тюрков – имеют надписи курсивным письмом, которое оказалось гораздо более сложным для расшифровки. Были известны и несколько обрывков рукописей, написанных тем же курсивным письмом, однако эти фрагменты были слишком немногочисленны и отрывочны для построения сколько-нибудь надежных реконструкций.

Новые перспективы расшифровки открылись после 1957 года, когда Французской Археологической Делегацией в Афганистане (DAFA) была открыта первая пространная бактрийская надпись в Сурх-Котале, недалеко от Баглана. Текст, записанный монументальным письмом, которое уже было известно по кушанским монетам, был спустя короткое время прочитан и опубликован Андре Мариком¹, однако интерпретация надписи заняла гораздо больше времени и привлекла множество специалистов. Впрочем, наиболее важные замечания в самом начале были сделаны В.Б. Хен-

¹ *Maricq A. La grande inscription de Kanishka et l'étéo-tokharien // JA. 1958. CCXLVI. P. 345–440.*

нингом: он первым указал, что в тексте речь идет об основании святилища императором Канишкой, его последующем запустении вследствие проблем с подводом воды и его восстановлении высокопоставленным сановником по имени Нукунзук в 31-м году эры Канишки, т.е. в начале правления ее преемника Хувишки².

Множество других бактрийских надписей стало известно после открытия сурхкотальской надписи. К сожалению, большинство из них фрагментарны или плохо сохранились. Однако три года назад на городище Рабатак недалеко от Сурх-Котала случайно была открыта новая надпись, имеющая принципиальное значение. Надпись из Рабатака, перевод которой дается в приложении к настоящей статье, посвящена событиям первого года правления Канишки и по стилю необыкновенно напоминает монументальную надпись Дария Великого в Бехистуне. Поскольку подробная публикация только что была сделана автором этих строк совместно с Джо Гриббом³, в данной статье мы ограничимся лишь некоторыми наиболее важными замечаниями.

В первых строках надписи Канишка представлен как «Великий Спаситель, Праведный, Справедливый, Автократор, Бог, достойный поклонения, получивший царство от Наны и всех богов, положивший начало (?) первому году так, как это нравилось богам». Далее в тексте провозглашается, что он «издал (?) эдикт (?) по-гречески (и) затем переложил его на арийский язык». В принципе, любой язык индоарийской группы мог быть назван «арийским». Ясно, однако, что говоря об «арийском языке», Канишка имеет в виду бактрийский, т.е. язык надписи, подобно тому как Дарий имел в виду древнеперсидский, когда утверждал: «Волею Ахурамазды я составил другой текст на арийском, чего ранее не существовало». Трудно не обратить внимание на то, что Канишка счел нужным подчеркнуть в надписи употребление «арийского языка» в тот же момент, когда греческий был заменен бактрийским в легендах его монет. Нумизматические материалы показывают, что это замещение произошло в самом начале эры Канишки, и ничто не мешает датировать его первым годом правления последнего.

Строки с 4-й по 7-ю содержат список важнейших городов Северной Индии, перешедших под власть Канишки. Четыре из пяти названий могут быть идентифицированы: Сакета, Каусамби, Паталипутра и Чампа. Текст не позволяет установить с точностью, входила ли Чампа во владения великого царя, или же это был первый город за восточной границей подчиненной им территории. Однако даже если это и так, утверждение Канишки, что он правит Северной Индией вплоть до Паталипутры, в любом случае производит большое впечатление.

Основная часть надписи посвящена основанию храма, по-видимому, в самом Рабатаке, который представляется достаточно крупным населенным пунктом. В строках 9 и 10 названы божества, почитавшиеся в храме. Этот список необычайно интересен: с одной стороны, он включает имена двух зороастрийских божеств – Срошарда и Нарасы, никогда не упоминаемых на кушанских монетах, с другой стороны, в списке отсутствует целый ряд имен богов, представленных на монетах, – в частности, Ма (Лунной богини) и Ардухш (богини изобилия). После списка иранских богов было добавлено (более мелкими буквами) несколько слов, по всей вероятности, идентифицирующих всех или часть из этих богов с их индийскими аналогами.

По-видимому, храм был предназначен для почитания статуй как богов, так и царей. Канишка в надписи перечисляет четырех царей: Куджулу Кадфиза, своего прадеда, Виму Такту, своего деда, Виму Кадфиза, своего отца, и себя самого. Этот список весьма важен. Прежде всего, он впервые свидетельствует о существовании двух кушанских царей по имени Вима (ранее был известен лишь один). Многочисленные

² Henning W.B. The Bactrian Inscription // BSOAS. 1960. XXIII. P. 47–55. Из других работ см. Gershevitch I. The well of Baghlan // Asia Major. 1966. XII. P. 90–109; Nokonzok's well // Afghan Studies. 1979. II. P. 53–73; Lazard G., Grenet F., Lamberterie C. de. Notes bactriennes // Studia Iranica. 1984. XIII. P. 199–232; Sims-Williams N. A Note on Bactrian phonology // BSOAS. 1985. XLVIII. P. 111–116.

³ Sims-Williams N., Gribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 1995/96. IV. P. 75–142.

надписи, до сих пор приписывавшиеся Виме Кадфизу, в том числе и бактрийская надпись из Дашт-и Навура⁴, теперь могут быть атрибутированы его отцу, Виме Такту. По всей вероятности, монеты анонимного царя «Сотера Мегаса», в нумизматической последовательности помещаемые между Куджулой и Вимой Кадфизами, могут быть теперь отнесены к эмиссии новооткрытого Вимы Первого. С другой стороны, прямое указание на то, что Куджула Кадфиз был прадедом Канишки, имеет большое значение в давней дискуссии о «дате Канишки» и хронологии Кушан. Тот факт, что Канишка принадлежит третьему поколению после Куджулы, вводит ряд новых ограничений в восстановление начала кушанской эры. Мы не станем заходить далеко и утверждать, что новые данные совместимы лишь с одной, единственно верной хронологической системой, но все же укажем, что предлагавшиеся ранее гипотезы должны быть теперь пересмотрены.

Строки с 14-й по 17-ю содержат перечисление должностных лиц, действовавших от имени Канишки. Среди них упомянут некий Нукунзук, – по всей вероятности, тот же, что фигурирует позднее в качестве ответственного за работы, описанные в большой сурх-котальской надписи. В Рабатаке, за 30 лет до этого, он еще не имеет титула *karalrang* «маркграф» и, по-видимому занимает более низкое положение.

Последняя часть надписи, где еще можно разобрать связный текст, содержит пожелания Канишке здоровья и безопасности, а также, если наше чтение верно, пожелание, чтобы его царствование длилось тысячу лет.

Надо сказать, что ни правление Канишки, ни в целом кушанская эра не продлились тысячу лет. Около 224 года к власти в Иране пришли Сасаниды. Несколько лет спустя они завоевали Бактрию, которой впоследствии правили через посредство «вице-царей», именовавшихся кушаншахами (букв. «цари Кушан») и часто являвшихся членами сасанидской царской фамилии. Позднее Бактрия неоднократно подвергалась нашествиям приходивших с севера кочевников, известных под именами хионитов, хуннов-кидаритов и эфталитов. К сожалению, мы не можем судить с уверенностью даже о том, относятся ли эти имена к разным народам или к одному и тому же. Впоследствии Бактрия была завоевана тюрками, находившимися тогда в союзе с Сасанидами, и, наконец, арабами.

История периода от кушаншахов до прихода арабов иллюстрируется еще одним недавним открытием. В декабре 1991 г. автору этих строк были переданы фотографии только что открытого бактрийского документа, написанного на коже. Текст содержал (на обеих сторонах пергамента) 28 строк, написанных курсивным бактрийским письмом, что делало его наиболее объемным из всех известных на тот момент курсивных бактрийских документов. Несомненно, это письмо. Текст содержит в начале соответствующие формулы с адресом и благопожеланиями, практически идентичные подобным формулам в согдийских письмах. Судя по наличию в нем имен собственных Ормузд и Хосров, письмо относится к сасанидскому периоду.

Открытие этого уникального документа уже было большой удачей. Однако новые находки, сделанные в последующие четыре года, стали поистине эпохальными: в результате их корпус бактрийских документов насчитывает теперь около ста текстов, подавляющее большинство которых находится в Лондоне, в частной коллекции доктора Давида Халили. До того, как попасть туда, документы прошли через руки многочисленных торговцев и коллекционеров. Нечего и говорить, что в большинстве случаев мы не имеем точных указаний на происхождение документов. Несмотря на это, судя по некоторым соответствиям, имеющимся в текстах, а также совпадению имен собственных во многих документах, представляется несомненным, что большинство текстов (если не все) происходят из одного места.

Многие из этих документов являются письмами, некоторые из них до сих пор

⁴ *Fussman G. Documents épigraphiques kouchans // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. 1974. LXI. P. 1–75; Davary Ch.Dj., Humbach H. Die baktrische Inschrift IDN 1 von Dasht-e Nāvūr (Afghanistan) // Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz. 1976. № 1.*

оставались запечатанными и поэтому прекрасно сохранились. Одно из этих писем представляет особенный интерес, поскольку в нем упоминается некий кушаншах (корошо-рао). Учитывая, что власть кушаншахов просуществовала лишь до второй половины IV в., документ вряд ли может быть датирован позднее этого времени. Кушаншах, по-видимому, имеет имя Варахран (оарарао), хотя чтение имени в документе не совсем уверенное. Если вспомнить, что Варахран (Бахрам) – имя последнего (или двух последних) из кушаншахов, известных по монетам, письмо можно датировать концом кушано-сасанидского периода. Автор письма – принцесса (дохро) по имени Духт-Анош (дохто-аошо). Это среднеперсидское имя зафиксировано на одной из печатей, хранящихся в Национальной Библиотеке в Париже. Содержание письма еще не до конца восстановлено, однако ясно, что в нем речь идет о некоем евнухе (равастао, ср.-перс. šābestān), носящем замечательное имя Датхш-марег (давро-марно) «раб Создателя» – составное имя из бактрийского марно «раб» и авестийского генетива давишб (несомненно, так обозначался в Бактрии в зороастрийском календаре день, посвященный Создателю).

Еще одно письмо особенно важно по двум причинам. Во-первых, в нем упоминается шаханшах (равао-рао), владыка Ирана. Таким образом, текст должен относиться к одному из периодов, когда Бактрия находилась под прямым контролем Сасанидов. Во-вторых, письмо имеет дату, хотя и не ясно, по какой эре.

Представляется вполне вероятным, что эра, использованная для летосчисления в данном документе, та же, что засвидетельствована в бактрийских надписях из долины Тохи в Пакистане⁵. Эти надписи, написанные по-арабски, по-бактрийски и на санскрите, содержат даты, указанные по трем разным эрам. Пробным камнем для определения начала бактрийской эры стали две надписи-билингвы. Первая из них представлена текстами на арабском и санскрите. Арабская версия, естественно, датирована по Хиджре, что исключает разночтения. Это позволяет восстановить дату санскритской версии, записанную в сокращенной форме (знаки для тысяч и для сотен опущены). Вторая билингва имеет бактрийскую и санскритскую версии. В санскритской дата снова сокращена, однако если исходить из того, что надпись относится к тому же столетию, что и предыдущая, недостающие цифры могут быть восстановлены, что дает дату, соответствующую 863 г. н.э.⁶ В бактрийской версии имеется дата, переданная греческими буквами. Издатель бактрийских текстов, Хельмут Хумбах, читал их $\chi\lambda\beta' = 632$. Основываясь на новооткрытых материалах, мы считаем более обоснованным чтение $\alpha' = 1$ вместо $\beta' = 2$ (впрочем, разница в один год в данном случае не имеет значения). Так или иначе, бактрийская дата, по-видимому, указывает на существование эры, начинавшейся очень рано в сасанидскую эпоху – в 232 (по Хумбаху) или в 233 г. н.э. (по нашему мнению). Мы склоняемся к предположению Хумбаха, видевшего в ней «кушано-сасанидскую эру», вероятно, отсчитывавшуюся от завоевания Кушанской империи Сасанидами.

Упомянувшееся выше письмо из коллекции Д. Халили несет дату: 239. Если наши предположения верны и имеется в виду эра, начинавшаяся в 233 г. н.э., мы получаем в пересчете 471 г. н.э., т.е. время Пероза, который провел значительную часть своего правления в борьбе с эфталитами, пока, наконец, не был убит в сражении с ними. Случайно ли, в связи с этим, что в письме слово, предшествующее титулу «шаханшах», читается πρωσο? Впрочем, среднеперсидское слово rēgōz может быть не только именем собственным, но и прилагательным со значением «победоносный», так что в данном случае одинаково возможны переводы «Пероз, царь царей» и «победоносный царь царей».

⁵ Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. Wiesbaden, 1966–1967. I. P. 105–117; II. Pl. 24–27. Из последних публикаций см. *idem*. The Tochi inscriptions // Studien zur Indologie und Iranistik. 1994. XIX. P. 137–156.

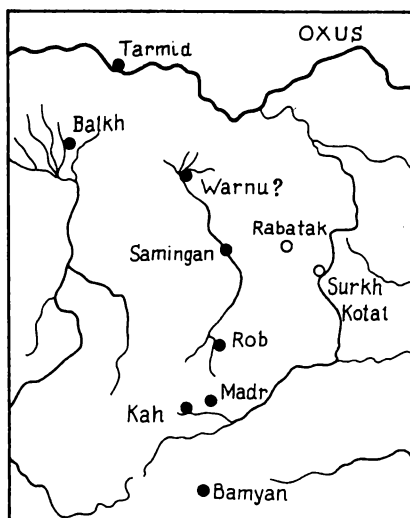
⁶ Арабо-санскритская билингва несет даты 243 (А.Н.) и samvat 32, т.е. [39]32 (Laukika); обе даты соответствуют 857 г. н.э. Санскрито-бактрийская билингва имеет дату [39]38 (Laukika), что дает 863 г. н.э. Более подробно об этом см. Humbach H. Die baktrische Ära der Tochi-Inschriften // Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans / Hrsg. von W. Eilers. Stuttgart, 1971. S. 74–79.

Помимо писем вторая по важности группа текстов представляет юридические документы – контракты, соглашения о продаже и аренде, гарантии, расписки, акты дарения или освобождения. В отличие от писем все эти документы датированы. На настоящий момент автору этих строк известно более 20 таких документов, датированных периодом между 110 и 549 гг., что дает 342–781 гг. н.э., если принять за начало отсчета 233 г. н.э. Этот промежуток времени покрывает хионитский, кидаритский, эфталитский и тюркский периоды, а также часть исламской эпохи. Документы содержат множество ценных деталей, важных для каждого из этих периодов.

Например, документ № 7 из коллекции Халили представляет собой контракт о продаже земельного участка, датированный 295 годом, что, по нашему мнению, должно соответствовать 527 г. н.э., т.е. времени эфталитского владычества. Это хорошо согласуется с упоминанием в тексте «эфталитского налога», уплаченного с данного участка. Оформление документа вполне типично. Имеется две полных копии текста: одна из них оставлена открытой, чтобы ее можно было прочитать; другая плотно свернута, завязана веревкой и запечатана пятью буллами, две из которых несут отпечатки ногтей участников сделки, а остальные – оттиски печатей трех свидетелей. Вероятно, запечатанная копия должна была быть открыта в присутствии судьи в случае опротестования договора. На оборотной стороне документа, поблизости от отверстий, через которые крепились буллы, повторены имена участников сделки и свидетелей.

Помимо дат, многие документы содержат географические названия, в том числе названия населенных пунктов, в которых они были составлены (рис.). Среди мест записи документов в разных текстах фигурируют Ках (совр. Кахмард), Малр или Мадр, Роб (совр. Руи) и Саминган. Эти четыре селения, по всей вероятности, находились под юрисдикцией одного и того же сюзерена, названного во многих документах *rwbo xaro* «*хар* Роба». Напротив, вне его владений, без сомнения, находились Тармид (т.е. позднейший Термез) на северном берегу Окса, а также Бамиан, расположенный к югу от Каха и Мадра и отделенный от них высокой горной цепью. Тот факт, что «*хар* Роба» правил и в Самингане, позволяет с уверенностью идентифицировать этого владыку с «царем Руба (Ru'b) и Симингана (Siminjan)», который в 710 г. н.э. помог арабскому полководцу Кутайбе б. Муслиму разбить мятежного Незака Гархана, о чем сообщает Табари (II. 1219).

Мы предполагаем, что титул *хар* или *xār* представляет собой иранскую диалектную форму (возможно, не бактрийскую), восходящую к др.-иран. *xšāθriya – «царь». Истинная бактрийская форма должна была произноситься *šēr* (š'g или žug в арабской передаче) и сохранилась у мусульманских авторов в качестве титула владетелей Бамиана и других мест в древней Бактрии. Сюзерен Роба в какой-то момент мог контролировать и большую территорию, чем та, что определяется упомянутыми населенными пунктами. Например, автор письма, датированного, вероятно, ок. 480 г., обращается к *хару* Роба в следующих выражениях: «Эфталитский *yabghu*... писец эфталитских владык и судья Тохаристана и Гарчистана». Тохаристаном называлась обширная страна к северу от Гиндукуша, включавшая наряду с другими территориями Роб и Саминган. Гарчистаном, «страной горных жителей», обыкновенно называется



Царство Роб в Северном Афганистане. Черными кружками обозначены упоминаемые в бактрийских документах населенные пункты, которые удалось идентифицировать (незакрашенными кружками – современные населенные пункты. – *Прим. ред.*)

горная область к западу от Бамиана, однако не исключено, что этот термин мог в более широком смысле обозначить горные районы к югу от Тохаристана.

В другом документе говорится, что он составлен в селении Варну (*oарво*). Несомненно, этот топоним должен быть идентифицирован с Аорном Арриана, поскольку то был один из двух крупнейших городов Бактрии. Поль Бернар вслед за некоторыми другими исследователями локализует Аорн неподалеку от Ташкуртана, там, где долина Роба и Самингана выходит на равнину⁷. Учитывая, что вся коллекция бактрийских документов почти наверняка происходит из царских архивов *хара* Роба, сам факт наличия в ней этого текста, составленного в Варну, должен указывать на то, что этот город также входил во владения указанного *хара*.

Следуя хронологическому порядку документов, мы должны упомянуть контракт продажи раба, начинающийся следующими словами: «В год 446, в месяц Аб, в день Вахман, этот скрепленный печатью документ, этот договор о покупке был записан здесь, в округе Саминган, в Марогане, при дворе *хара* Роба». Дата соответствует 678 г., времени тюркского владычества, когда тюркские имена собственные и титулатура успели широко распространиться, как видно и из перечисления свидетелей: «Под защитой бога Рам-сета, дающего милости и исполняющего желания, чудесного, почитаемого здесь, в Марогане, при дворе, под покровительством Зун-лада, сына Шабура, процветающего *кагана*, *tapaghligh iltäbir'a*, *хара* Роба, и в присутствии Хосро *тархана*, и в присутствии Дев-раза, доблестного верховного судьи *харов* Роба, а также в присутствии других знатных особ, которые здесь собрались и являются свидетелями по этому делу». Этот документ, как и предыдущий, рассмотренный нами, был первоначально запечатан пятью печатями, владельцы которых были указаны на оборотной стороне пергамента. Среди них любопытно обнаружить печать бога Рам-сета (букв. «дух Rām'a»), который, по всей вероятности, был представлен его жрецом. Подобным же образом в других документах среди свидетелей можно видеть бога Вахша, т.е. обожествленную реку Окс.

В тексте далее читаем: «И вот я, Яскул, и я, Ездигерд, сыновья Кава, жители Хвасту⁸, находясь здесь, в округе Саминган, и наши братья, и наши сыновья, мы продали тебе, Фанзу, и тебе, Винамаргу, и тебе, Пуску, – вам, детям Баг-марега, владения которого называются Габалиян, и вашим братьям, сыновьям и потомкам, (мы продали) мальчика, который принадлежит нам как братьям и которого зовут Халас, за три персидские драхмы, поскольку мы не можем содержать его ни в достатке, ни в голоде. И пусть поименованный мальчик принадлежит на правах полной собственности тебе, Фанзу, и тебе, Винамаргу, и вашим братьям, сыновьям и потомкам, отныне и навечно».

Следующий документ датирован 478 г. бактрийской эры (что соответствует 710 г. н.э.), месяцем *βιδιο ιωσαρδο* (букв. «Второй Новый Год»). Текст представляет собой запись акта дарения участка земли и рабыни богу Камирду и его *κηδο*, т.е. жрецу, по видимому, в благодарность за исцеление одного из членов семьи донатора. Камирд (*καμιρδο*) букв. означает «глава, начальник», так что, возможно, это не имя бога, а его титул. Слово *κηδο* с почти полной уверенностью можно связывать с китайским термином 計多 *jì-duō*, в древнем произношении *kej-ta*, используемым китайскими авторами для обозначения правоверных почитателей Зуна, бога Забулистана, области к югу от Гиндукуша. Этот бог известен также и в области Роба, на что указывает имя владыки, упомянутого в предыдущем документе: Зун-лад (*ζουολαδο*), букв. «данный Зуном». Таким образом, вполне вероятно, что именно Зун был богом,

⁷ См. Bernard P., Grenet F., Rapin C. De Bactres à Taxila // *Topoi*. 1996. VII.

⁸ Данный топоним, по всей вероятности, соответствующий современному Хосту, известен лишь по форме прилагательного *χοστασιου* «житель Хвасту». Название «Хост» имеют многие населенные пункты в Афганистане и Пакистане; в данном случае речь, возможно, идет о том из них, что расположен к северу от Андараба, чуть восточнее района, представленного на нашей карте.

скрывающимся за титулом Камирд «главный бог». Не исключено, что ему же было посвящено скальное святилище в горах к югу от Роба, известное под названием Духтар-и Нуширван⁹.

В рассматриваемом документе дарительница является женой владельца, носящего тюркское имя *Qutluğ Tapaghlıg Bilgä Sävüg* (χотолоγο таπαγλιο βιλγιο σαβουο). Сама она названа, в свою очередь, χαλασαο οισλογδο «принцесса Халаса». В предыдущем документе молодого раба также звали Халас, – по всей видимости, так передавалось название тюркского племени халаджей (в этом случае мы имеем в рассматриваемом тексте одно из самых ранних его упоминаний)¹⁰.

Один из наиболее поздних бактрийских документов – акт о продаже, датированный 525 г., что соответствует 757 г. н.э. Мы хотели бы обратить внимание на два места в его тексте.

Превое содержит интересную последовательность клаузул, описывающих права нового собственника на землю: он может «ею владеть и распоряжаться, продать ее, подарить ее, отдать в залог, сдать в аренду, обменять на другой участок земли, подарить на свадьбу сына или отдать в приданое дочери, построить на ней монастырь (βαυαρο) или храм (βαγολαγγο), устроить на ней кладбище (? λαχμγο) или крематорий (? λαχραταγγο)...». В данном случае индийский термин для обозначения буддийского монастыря, *vihāga*, употреблен в противопоставление бактрийскому слову «храм», несомненно, обозначавшему в то же время и не-буддийский монастырь. Подобное же противопоставление можно заметить и между двумя словами, по всей вероятности обозначающими участок для погребений: термин *λαχμγο*, переводимый нами как «кладбище», соответствует авестийскому *dahta*, обычно обозначающему постройку для выставления тел умерших по зороастрийскому ритуалу; термин же *λαχραταγγο*, если он действительно происходит от корня *daḥ* «сжигать», может относиться к незороастрийскому (возможно, индийскому) ритуалу кремации. Этот пассаж дает нам представление о разнообразии верований и религиозной практики в рассматриваемом регионе перед приходом ислама.

Впрочем, время независимости царства Роб подходило к концу. Если в контрактах более ранних периодов цены указаны были в золотых динарах или серебряных персидских драмах, то в поздних текстах расчеты ведутся уже в δδραχμο ταζαγο οτμγγο – «серебряных арабских дирхемах», о которых говорится, что они «имели местное хождение (?)» (ωδαγο οτζιυδδγο). Второе важнейшее место в документе связано с наиболее ранним (и единственным в коллекции) упоминанием об уплате налогов арабам.

Немного позднее арабский язык должен был заменить бактрийский в качестве письменного языка в регионе. Небольшое число обнаруженных арабских документов действительно составляет, по всей вероятности, продолжение того же архива.

К сожалению, мы имели возможность коснуться лишь небольшой части документов. Однако и этого, надеемся, достаточно, чтобы показать огромное значение нового бактрийского архива, проливающего свет на разнообразные аспекты истории и культуры древнего Афганистана. * Перевод А.Н. Бадера.

⁹ Результаты самых последних исследований памятника см. *Mode M. The great god of Dokhtar-e Noshirwān (Nigār) // East and West. 1992. XLII. P. 473–483; Klimburg-Salter D. Dokhtar-i-Noshirwan (Nigar) reconsidered // Muqarnas. 1993. X. P. 355–368; Grenet F. Mithra et les planètes dans l'Hindukush central: essai d'interprétation de la peinture de Dokhtar-i Nōshirwān // Au carrefour des religions. Mélanges offerts à Philippe Gignoux (Res Orientales, VII) / Ed. R. Gyselen. Bures-sur-Yvette, 1995. P. 105–119.*

¹⁰ Об истории халаджей см. *Doerfer G. Lexik und Sprachgeographie des Chaladsch. II. Kartenband. Wiesbaden, 1987. P. 410–423.*

П р и л о ж е н и е

перевод Рабатакской бактрийской надписи¹¹

⟨1⟩... Великий спаситель, Канишка Кушан, Праведный, Справедливый, Автократор, Бог, ⟨2⟩ достойный поклонения, получивший царство от Наны и всех богов, *положивший *начало первому году ⟨3⟩ так, как это нравилось богам. И он *издал *эдикт (по-)гречески, (и) затем переложил его на арийский язык. ⟨4⟩ В первый год было провозглашено в Индии, во *всем царстве *кшатриев, что (в том, что) ⟨5⟩ к ним (относилось) – в том числе (город)..., (город) Сакета, и (город) Каусамби, и (город) Паталипутра, и до (города) Сри-(6)Чампа, – каковы (бы не были их) правители и прочая *знать, он (их) подчинил (своей) воле, и подчинил всю ⟨7⟩ Индию (своей) воле. Затем царь Канишка приказал Шафару *каралрангу* ⟨8⟩ *в этом... создать святилище под названием Б...аб, на *равнине Ка... для этих ⟨9⟩ богов, из которых здесь... *славная Умма занимает первое место: *богиня Нана и *богиня ⟨10⟩ Умма, Аурмузд, (бог) Благотворящий, Срошард, Нараса, (и) Михр¹². И *также он ⟨11⟩ приказал изготовить изображения этих богов, (имена которых) написаны выше, и ⟨12⟩ он приказал сделать (изображения) этих царей: царя Куджулы Кадфиза, (его) ⟨13⟩ прадеда; и царя Вимы Такту, (его) деда; и царя Вимы Кадфиза, ⟨14⟩ (его) отца; и *также себя самого, царя Канишки. Затем, как царь царей, *деванутра* ⟨15⟩... приказал это сделать, (и) Шафар *каралранг* создал это святилище. ⟨16⟩ [Затем...] *каралранг*, и Шафар *каралранг*, и Нукунзук [установили] культ ⟨17⟩ [в соответствии с] приказом (царя). (А что касается) *этих богов, (имена которых) написаны выше, – пусть помогут они [сохранить] ⟨18⟩ царя царей, Канишку Кушана, навечно в добром здравии, *невредимого (и) победоносного. ⟨19⟩ И [когда] *деванутра*, *владыка всей Индии с первого года до *тысячного, ⟨20⟩ *основал святилище в первый год, тогда *также в... год... ⟨21⟩... по приказу царя... (и) было также дано..., (и) было также дано..., (и) также... ⟨22⟩... царь дал *основание для богов, и... ⟨23⟩...

NEW BACTRIAN DOCUMENTS

N. Sims-Williams

Nearly 40 years ago the Bactrian language and writing system were represented only by legends on the coins of Kushan kings and by a few extremely fragmentary manuscripts. It was in 1957 that the *Délégation Archéologique Française en Afghanistan* discovered the first big Bactrian inscription in Surkh Kotal (modern Afghanistan). The inscription dates back to the beginning of the reign of Huvishka. Besides this famous inscription many less complete and not so well preserved Bactrian inscriptions have been found in Surkh Kotal and in some other sites.

An outstanding discovery was made in Rabatak not far from Surkh Kotal three years ago. The inscription found there is dated the first year of the reign of king Kanishka and stylistically is amazingly similar to the Bisutun inscription of Darius the Great. A ceremonial introduction is followed by a list of biggest Indian towns (lines 4-7). The main part of the text deals with the foundation of a temple, probably in Rabatak. In lines 9-10 are mentioned the deities worshipped in the above temple. Presumably the temple might have possessed the statues of the kings together with those of the gods. Lines 14-17 contain the names of the functionaries holding the office in Rabatak by order of Kanishka. An analysis of the Rabatak and some other Bactrian inscriptions enables us to reconsider the problem of dating «the Kanishka era» fundamental for the Kushan epoch as a whole.

The article introduces a new and very important source on the history of Bactria. It also offers a translation of the inscription as well as philological and historical commentaries.

¹¹ Звездочкой в переводе отмечены слова, интерпретация которых особенно спорна. Цифрами в угловых скобках обозначены номера строк.

¹² Под списком богов в строках 9-10 можно разобрать следы надписи более мелкими буквами, из которой читаются лишь последние слова: «...и его зовут *Mahāsena*, и его зовут *Viśākha*».

М.М. Дандамаева

АССИРИЯ И ВАВИЛОНИЯ В МИФОЛОГИИ ГРЕКОВ

Греческая мифология может служить своего рода показателем того, в какой последовательности эллины познавали ойкумену. Местом действия ряда широко распространенных мифологических сюжетов были Малая Азия, Финикия, Египет и даже Эфиопия. Достаточно вспомнить лидиянок Ниобу и Омфалу, Данаид, бежавших в Аргос из Египта, или эфиопскую царевну Андромеду. Что же касается таких малоазийских божеств, как Дионис или Аполлон, то они стали столь органичной частью греческой мифологии, что об их восточном происхождении можно догадываться лишь по косвенным признакам. Гораздо труднее, однако, найти миф, героями которого были бы вавилоняне или ассирийцы. Вероятно, в эпоху активного формирования мифологических сказаний греки ничего или почти ничего не знали об Ассирии и Вавилонии, а когда рассказы об этих землях достигли потомков Эллина, то большинство из них было включено уже не в мифологическую, а в зарождавшуюся историческую традицию. Достаточно позднее введение в литературу ассиро-вавилонской тематики в некоторых случаях позволяет проследить, каким образом приживались на греческой почве заимствованные у чужеземцев сюжеты.

Еще Страбон обратил внимание на то, что Гомер, воспевая богатства финикийцев и упоминая египетские Фивы, ни словом не обмолвился о Ниневии или Вавилоне (XV.3.23)¹. Гораздо сложнее понять, какими познаниями в этой области обладал Гесиод². Ему в древности приписывали ряд сюжетов, так или иначе связанных с Ассирией, однако почти во всех этих случаях авторство беотийского поэта представляется весьма сомнительным³. По свидетельству Страбона (I.2.34), в «Каталоге женщин» Гесиода фигурировал некий царь Бел, отец Тронии (известной и по другим источникам нимфе), которая в союзе с Гермаоном (Гермесом) родила Араба. «Каталог женщин», судя по сохранившимся фрагментам этого произведения, представлял собою перечень смертных красавиц, родивших детей от богов. Каталог

¹ Следует заметить, что у Гомера не было оснований упоминать именно эти города, так как в его время Вавилон находился под властью Ассирии, а Ниневия стала блестящей столицей лишь при Синаххерибе (704–681 гг. до н.э.). Знаменательно, однако, что ни в «Илиаде», ни в «Одиссее» вообще не упомянута Ассирийская держава, приближавшаяся в гомеровскую эпоху к пику своего могущества.

² Общепризнанно сегодня, что «Теогония» обнаруживает следы знакомства автора с хеттским эпосом. Анализ хеттских текстов был сделан Гутербоком, который, опираясь на устное сообщение Ландсбергера, полагал, что предания дошли до греков через финикийцев, знакомых, судя по тестам из Рас Шамры, с хеттскими космогоническими мифами (*Güterbock H.G. The Hittite Version of the Hurrian Kumarbi Myths: Oriental Forerunners of Hesiod // AJA. 1948. V. 52. № 1. P. 123–134*). Однако нет серьезных оснований считать, что Гесиоду был известен и вавилонский космогонический эпос «Энума элиш», так как общее у обоих произведений сводится в основном к сюжету смены одного поколения богов другим, который не нуждается в заимствовании, так же как, например, представления о чередовании времен года. Если между греческой и вавилонской поэмами и есть какое-либо сходство, то оно скорее всего объясняется влиянием вавилонского эпоса на хеттский.

³ Так, например, Аристотель говорит о том, что Гесиоду принадлежало описание осады Ниневии (*Hist. anim. VIII. 18.2*), в то время как поэт вряд ли был еще жив в 612 г. до н.э., когда пала столица Ассирии.

служил продолжением «Теогонии», а потому приписывался Гесиоду, но скорее всего был создан в VI в. до н.э., когда складывавшаяся греческая аристократия, стремясь доказать свое благородное происхождение, поощряла составление разнообразных генеалогий.

Бел был одним из первых ассиро-вавилонских персонажей, с которыми познакомилась греческая традиция. Со времен Геродота античные авторы называли Белом Мардука, верховного бога Вавилона, однако в догеродотовой литературе этот персонаж имеет совершенно другие функции. Бел занял свое место в разветвленной системе мифологических генеалогий, которые наряду с генеалогиями отдельных родов стали весьма популярны в эпоху логографов, предшественников Геродота. Генеалогии отражали процесс знакомства греков с лежавшим за пределами родных городов миром и объясняли происхождение чужих народов. Их родоначальниками, с точки зрения логографов, были герои-эпонимы: Эллин – у эллинов, Килик – у киликийцев, Феникс – у финикийцев и т.д. Герои-эпонимы нередко состояли в родстве между собою и вели свое происхождение от старых персонажей греческой мифологии. Так, например, дочь аргосского царя Ио, вынужденная блуждать по миру в облике телки, была избавлена от мук в Египте, где родила сына Зевса – Эпафа (отождествляемого Геродотом с Аписом – II.153; III.27), который стал родоначальником египетских царей. Судя по скудным фрагментам ранней традиции, дошедшим до наших дней, Бел оказывался в большинстве этих генеалогий правителем Египта. В «Умоляющих» Эсхила он назван потомком Эпафа, отцом Египта и Даная, чьими дочерьми и были злополучные Данаиды (Suppl. 318). Эллинистический мифограф Аполлодор приводит более детальное изложение той же версии, ссылаясь на не сохранившееся до нашего времени произведение Эврипида. Бел и его брат-близнец Агенор были сыновьями Посейдона и Ливии, дочери Эпафа, по имени которой была названа страна. Агенор впоследствии стал царем финикийцев, а сам Бел – правителем Египта и отцом Египта и Даная. Кроме того, добавляет к изложению Эврипида Аполлодор, детьми Бела были Финея и Кефей (о нем см. ниже. – М.Д.). Данай воцарился в Ливии, Египет – в Аравии, а потом покорил еще и землю меламподов, назвав ее Египтом (Apollod. II.10–11). Родство Бела с Посейдоном и Ливией нередко упоминается у поздних авторов, обращавшихся к древним мифам⁴. В традиции, впрочем, не было единообразия на этот счет. Иная версия ранней генеалогии представлена в одном из очень важных источников по мифологической традиции, фрагменте произведения Ферекида, который делает Посейдона сватом Бела. Агенор, выступающий у этого автора в качестве сына Посейдона, женился на Дамно, дочери Бела, и от этого союза родился Феникс, эпоним финикийцев⁵. Что же касается Египта и Даная, то в этой версии они оказываются мужьями внучек Бела, а вовсе не его сыновьями. Однако при всем разнообразии версий Бел, как правило, косвенно связан с Финикией и непосредственно – с Египтом и Ливией. Связь с финикийскими и африканскими персонажами, по всей видимости, должна указывать, откуда пришли к грекам самые первые упоминания об этом божестве. Очевидно Бел, о котором впервые услышали греки, представлял собою отнюдь не вавилонское, а сиро-финикийское божество – Баала⁶, египетские же владения Бела заставляют предполагать, что было время, когда греки слышали про этот персонаж (скорее всего от финикийцев), но плохо представляли себе, к какой именно стране он имел отношение. Впоследствии греческая традиция столкнется с проблемой: как соединить египетского царя Бела с одноименным вавилонским божеством. Вероятно, именно потому появ-

⁴ Castor. apud Euseb. (FGrH. № 250 F.2); *Diod.* I.28.1; *Malala.* P. 28–30. Полная сводка: *Benzing.* Belos // RE. Hlbd 5. 1897. S. 260. Следует заметить, что при этом предки Бела со стороны матери и имена его братьев приводятся разные. В сохлках к Аристофану Ливия даже названа женой Бела (Schol. Aristoph. Pac. 758).

⁵ Schol. Ap. Rhod. III. 1186 = FGrH. № 3. Fr. 21.

⁶ Можно предположить, что воспоминания об этом сохранились у Вергилия, который называет финикийскую царицу Дидону дочерью Бела (Aen. I. 621–622), хотя употребление восточных имен у этого поэта, как правило, весьма произвольно.

ляется сообщение Диодора о том, что выходцы из Египта основали колонии по всей ойкумене, в том числе Бел, сын Посейдона и Ливии, вывел поселенцев в Вавилон (I.28.1). Такая формулировка, очевидно, возникла в достаточно позднее время, но она свидетельствует о существовании древних представлений о египетских корнях Бела. В том же русле лежит и замечание Диодора о египетском происхождении халдеев, вавилонских ученых и жрецов, перенесших науку о звездах из Египта в Вавилон (I.81.6)⁷.

В мифологических генеалогиях, однако, Бел ассоциировался не только с Египтом. В уже упомянутом фрагменте из «Каталога женщин» царь Бел приходится дедом Арабу, однако из крошечного фрагмента Гесиода не ясно, царем какой страны был Бел. Наконец, еще одна генеалогическая линия связывает Бела с Лидией. Геродот, проследившая историю лидийской династии Гераклидов, называет среди предков этих царей Нина, сына Бела, сына Алкея, сына Геракла (I.7). Таким образом, в отличие от египетского Бела, отцом которого был Посейдон, лидийский Бел оказывается внуком Геракла. Сыном Бела становится теперь не Египет, а Нин, эпоним ассирийской столицы Ниневии. Очевидно, что в этой генеалогической версии Бел уже имеет отношение к Ассирии. Связь Бела не с Африкой и Финикией, а с Малой Азией, по всей видимости, знаменует новый этап в освоении греками загадочного мира варваров. Вероятно, в такой форме в греческой традиции отразились сведения об Ассирийской державе, доходившие до ионийцев, скорее всего именно из Малой Азии, многие страны которой (к примеру, Лидия и Каппадокия) имели контакты с Ассирией или даже находились под ее властью, как Киликия. Геродот, по-видимому, пользовался в этом случае трудом лидийского автора, излагавшего историю своей страны в русле греческой традиции. О том, что ранняя греко-лидийская литература склонна была связывать лидийские персонажи с Ассирией, свидетельствует и фрагмент из сочинения логографа Ксанфа (вполне вероятно, что он и был лидийским источником Геродота); в этом фрагменте говорится, что Ниоба имела десять детей, а кроме того, еще десять от ассирийца Филотта, впоследствии погибшего во время охоты⁸.

Как видно из приведенного фрагмента Геродота, еще одним персонажем генеалогий был Нин, греческий эпоним Ниневии. Характерно, что герой-эпоним дал в данном случае название городу, а не народу, как это обычно бывало. Греки и в более поздние времена плохо ориентировались в вопросах определения состава Ассирийского государства и обозначения населяющего его народа, поэтому им было гораздо легче произвести эпоним от названия столицы этой огромной державы с расплывчатыми границами. Ктесий использовал генеалогический персонаж, сделав его основателем

⁷ Возможно, среди этих представлений о связи Египта и Вавилона следует искать и встречающиеся у некоторых авторов (*Diod. I.56.3–5; Strabo. XVII. 1.30*) сообщения о городе Вавилоне, основанном в Египте выходцами из великого Вавилона, находившимися в египетском плену. По словам Диодора, вавилоняне, попавшие в рабство после одной из военных кампаний египтян, не выдержали тягот плена и отвоевали себе право жить самостоятельно в основанном ими городе, который они назвали Вавилоном. В принципе нет ничего невозможного в том, чтобы переселенцы из Месопотамии основали поселение в Египте, даже если об этом не сообщают ни клинописные, ни египетские источники. Настораживает, однако, контекст, в котором Диодор делает свое сообщение. Рядом с египетским Вавилоном писатель упоминает и египетскую Трою, названную так троянскими пленниками Менелая, возвращавшегося из Илиона на родину через Египет. Далее Диодор приводит особое мнение Ктесия, утверждавшего, что египетский Вавилон был основан вавилонянами, пришедшими в Египет вместе с Семирамидой и оставшимися там. Таким образом, греческая традиция знала о египетском Вавилоне еще до Ктесия, и это обстоятельство вместе с троянскими реминисценциями с достаточной очевидностью указывает на то, что источниками всех этих рассказов были труды логографов. Опять-таки вполне вероятной представляется возможность того, что греческие авторы (например Гекатей Милетский) узнали о подобном поселении в Египте, но традиция давать имя колонии в честь далекой родины ее основателей подозрительно напоминает греческий обычай, широко практиковавшийся в эпоху логографов. По-видимому, если даже свидетельства греков о вавилонском поселении в Египте и основаны на реальном факте, они были сильно переработаны в свете греческих представлений.

⁸ Schol. Eurip. Phoen. 159.

Ассирийского государства, и со времен появления «Персидской истории» книдского автора Нин выступал только в этой функции.

Генеалогическая традиция о Беле не была, таким образом, единой и обозначала по крайней мере два географических направления – финикийское и малоазийское, – по которым свидетельства сначала об Азии вообще, а потом и об Ассирии достигали греков. В труде Геродота, однако, Бел – это не только потомок Геракла и персонаж из родословной лидийских царей, но и главный бог Вавилона (I.181). «Отца истории», использовавшего, как и другие античные авторы, для разных частей своего труда разные и часто противоречивые источники, по-видимому, не смутило то, что Бел появлялся у него в столь разных ипостасях. Можно думать, что, побывав в Вавилоне, Геродот услышал там эпитет Мардука (*bēlu* – аккадское «владыка») и ввел его в традицию в качестве нового персонажа. Теоретически до него это мог сделать кто-либо другой, но схема двойного заимствования одного и того же имени в греческую традицию должна была быть приблизительно такой – слишком сильно различаются функции этих одноименных персонажей. Со времен Геродота царь Бел древних генеалогий и Бел – вавилонское и ассирийское (что для греков было в большинстве случаев одним и тем же) божество существуют параллельно. Некоторые поздние авторы называют Бела царем Ассирии⁹, вероятно, в попытке объединить две противоречивые версии.

Наконец, Бел выступает еще в одной ипостаси. В «Метаморфозах» Овидия есть сюжет о любви бога Солнца к юной Левкогее, дочери Эвриномы и Орхама, царя «ахеменических городов» и потомка Бела в седьмом поколении. Очевидно, что под ахеменическими городами имеется в виду Персия, хотя такое название государства совершенно не типично для античной литературы, в том числе для самого Овидия. Однако имя легендарного основателя династии персидских царей Ахемена встречалось еще у Геродота (I.125; III.75; VII.11), а возможно, и у более раннего автора, послужившего источником Николаю Дамасскому, производившему это имя от греческого топонима «Ахея»¹⁰. Поздний писатель, излагавший фабулы «Метаморфоз» и назвавший место действия просто Ахеменией, сообщает, что этот сюжет заимствован Овидием у Гесиода¹¹. Это свидетельство не заслуживает большого доверия хотя бы потому, что вряд ли Гесиод мог знать название династии Ахеменидов, делавшей в его эпоху лишь самые первые шаги к всемирной известности, а может быть и вообще еще не существовавшей, однако необычное название державы уводит нас в достаточно древние времена, когда государства Востока еще не успели получить в греческой традиции устойчивых наименований. Овидий, вероятно, заимствовал легенду, как он не раз это делал, из греческой литературы конца VI–V в. до н.э., возможно, даже не вполне хорошо понимая, какая, собственно, страна имеется в виду¹². Интересно, что царь Ахеменией является потомком Бела. Очевидно, что перед нами снова Бел древних генеалогий. Его тесная связь уже не с Египтом, Лидией или Ниневией, а с Персией знаменует новую эпоху, когда почти вся Азия стала восприниматься греками как Персидское царство, а ассирийцы и вавилоняне – как предки персов. Можно с уверенностью утверждать, что эти взгляды, время от времени появлявшиеся в традиции и в поздние времена, возникли в эпоху логографов, на чьи представления о Востоке огромное влияние оказало создание Ахеменидской державы и особенно Греко-персидские войны¹³.

⁹ Castor apud Euseb. = FGnH. № 250. Fr. 1. Thall. apud Theophil. = FGnH. № 256. Fr. 2. Царь ассирийцев Балеус у Орозия, возможно, – вариант имени Бела (*Oros. I.8.10*).

¹⁰ FGnH. № 90. Fr. 6. Стефан Византийский называет Ахемена сыном Эгея (*Steph. Byz., S.v. Αχαιμηνία*), вероятно, путая его с Медом, эпонимом мидийцев, которого ранняя традиция считала сыном Медеи и афинского царя Эгея.

¹¹ Rzach. Fr. 250.

¹² Следует заметить, что в «Героидах» (XIV.73) Овидий использует версию о египетских истоках мифа о Беле, называя последнего предком Линкея, единственного из оставшихся в живых женихов Данаид.

¹³ *Drews R. The Greek Accounts of Eastern History. Washington, 1973.*

С этой точки зрения представляет интерес легенда о *кефенах*, известная в основном благодаря сохранившемуся у Стефана Византийского фрагменту из труда старшего современника Геродота, Гелланика Лесбосского: «Халдеи. Бывшие кефены, от Кефея, отца Андромеды. У нее и Персея, сына Данаи и Зевса, родился Перс, от которого получили название кефены и те, кого прежде называли халдеями, как говорится в труде "О Кефении". Гелланик же говорит в первой книге "Персики" так: "Когда Кефея уже не было в живых, они, выступив в поход из Вавилона, ушли из страны и завладели Артеей. И та земля уже не называлась Кефенией, и люди, жившие там, не звались кефенами, но халдеями. И вся страна эта зовется теперь Халдейской"¹⁴. Исходя из достаточно путаного изложения Стефана Византийского, можно думать, что он цитирует два источника: «Персидскую историю Гелланика» и некий труд «О Кефении». Геродот, вероятно, тоже, пользуясь одним из этих произведений, замечает, что кефенами раньше греки (!) называли персов (VII.61). При этом галикарнасский автор называет Кефея сыном Бела. Здесь есть своя логика: Бел оказывается у Геродота предком нескольких азиатских народов. Следует отметить, что Геродот придерживается исключительно версий об азиатском родстве Бела, нигде ни словом не упоминая о его связях с Египтом или Ливией. Аполлодор, сообщавший, что у Бела было четверо сыновей: Египет, Данай, Кефей и Финей (см. выше), как видно из его собственного текста, соединяет две версии: одну, засвидетельствованную у Эсхила и Эврипида, другую – у Геродота и еще некоторых авторов. По всей видимости, в ранней традиции эти две версии существовали параллельно.

Народ кефенов был созданием логографов и крайне редко упоминался в более поздней литературе. Поскольку кефены связаны с Халдеей и Персией, то надо полагать, что с точки зрения логографов они обитали в Передней Азии¹⁵. Характерно, что упоминание о кефенах встречается в «Естественной истории» Плиния (VI.9) среди народов, населявших Адиабену в Месопотамии. Трудно допустить, что ученый получил эти сведения из современного ему источника; по всей видимости, он аккуратно перенес их из произведений ранних авторов. На связь кефенов с Азией указывает и фрагмент Ферекида, где мать Андромеды Кассиопея названа дочерью Араба¹⁶. С азиатским местоположением кефенов хорошо согласуется и свидетельство Геродота о том, что Персей (зять Кефея) был ассирийцем (VI.54). Таким образом, Персей женился на дочери ведущего свой род от Бела азиатского царя Кефея, владения которого, по всей видимости, локализовались на территории Месопотамии. Сын Персея и Андромеды Перс стал родоначальником и этнонимом персов, являвшихся в то же время и потомками Кефея.

Весьма интересен рассказ византийского историка Малалы, бессистемно пользовавшегося разнообразными источниками, в том числе и восходящими к ранней традиции. По версии Малалы, Персей из зависти к детям Нина¹⁷ (своим кузенам, поскольку Зевс и Нин были братьями) пришел в Ассирию, убил Сарданапала, который происходил из его же рода, подчинил себе ассирийцев и *назвал их персами*. Далее византийский писатель говорит о войне Кефея и Персея, на которой мы остановимся ниже, и заканчи-

¹⁴ Steph. Byz., s.v. χαλδαῖοι = FGrH. № 4. Fr. 59. Гораздо яснее излагает эти события схолиаст к Дионисию Перизгету (Schol. Dion. Per. 1053). У него халдеи, напав на кефенов, изгнали их из страны, и тем пришлось в свою очередь завоевать Артею, которая впоследствии получила название Персии. Халдеи и кефены, таким образом, здесь мыслятся как разные народы. Однако именно логичность и простота этой версии свидетельствуют скорее всего о поздней переработке древней легенды.

¹⁵ Многочисленные попытки найти этому названию соответствие среди известных из клинописных текстов этнонимов не увенчались успехом. Впрочем, еще Геродот замечал, что кефены – это греческое название.

¹⁶ Schol. Apoll. Rhod. II.178 = FGrH. №3. Fr. 86.

¹⁷ Это замечание Малалы удивительным образом совпадает с генеалогиями, приведенными у Геродота: Нин и Бел являются потомками Геракла, который, как известно, находился в родстве с Персеем. В другом месте своего труда (II.150) Геродот называет Сарданапала сыном Нина.

вает свой рассказ следующим образом: «Так род Персея стал царствовать на земле Вавилонской»¹⁸. Подобная трактовка победы персов над ассирийцами и вавилонянами сильно отличается от привычной для античной традиции версии Ктесия (которая тоже была известна Малале) и, судя по ее архаическому характеру, особенно в рассказе об убийстве, а не самосожжении Сарданапала, в основе своей, возможно, имела какую-нибудь древнюю доктесиеву легенду. Изложение Малалы отличается и от истории о кефенах, но знаменательно, что здесь прямо говорится о завоевании и переименовании Персеем ассирийцев и вавилонян. Подобным образом, по-видимому, в представлении ранней традиции преломился переход власти над Передней Азией от Ассирии и Вавилона к Персии.

Однако гораздо более широкую известность в античной мифологии и литературе получила другая версия мифа, в соответствии с которой Кефей был царем Эфиопии, а Персей увидел прикованную к скале Андромеду, возвращаясь из Ливии с добытой там головой Медузы. Европейская литература и искусство узнали эту популярную легенду благодаря «Метаморфозам» Овидия (IV.668 sq.), однако впервые в сохранившейся традиции эфиопское происхождение белоамраморной красавицы и история ее чудесного спасения засвидетельствованы во фрагментах трагедии Эврипида «Андромеда». До этого одноименное произведение вышло из-под пера Софокла, но от него не сохранилось практически ничего кроме названия. Неизбежно встает вопрос: как же соотносится между собою кефены и эфиопы и где получил свою невесту Персей? Эта проблема ставила в тупик еще античных авторов, которые в попытке разрешить ее заставляли кефенов скитаться по всему свету, подобно тому как вавилонян во главе с Белом пришлось выводить из Египта. Несмотря на то что Геродот прямо говорит, что кефены – это предки персов, Страбон называет их выдуманным эфиопским народом (I.2.35), а Тацит, рассуждая о происхождении иудеев, в числе многих других версий приводит и ту, по которой они являлись потомками эфиопов, покинувших во времена Кефея свою родину из-за терзавших ее войн (Hist. V.2). Малала в уже упомянутом отрывке своего произведения говорит, что Персей получил в жены Андромеду в Эфиопии, а впоследствии ее отец Кефей тоже из Эфиопии пошел войной на земли зятя, т.е. на Персию (ср. фрагмент Гелланика). Авторы, не склонные к подобным миграционным теориям, пытались дать иное толкование мифа, перенося место его действия в финикийскую или иудейскую Иоппу. Такой версии придерживались Конон¹⁹ и Павсаний (IV.35.9), ее упоминал, критикуя, Страбон (I.2.35; XVI.2.28) и, самое интересное, иудейский историк Иосиф Флавий сообщал, что еще в его время на скале показывали следы от оков (Bel. Jud. III. 9.3)²⁰. Подобный подход характерен для эллинистической традиции, стремившейся дать рациональное объяснение древним мифам, но, возможно, в данном случае поздние авторы обращались к трудам живших за несколько веков до них собратьев по перу, поселивших Кефея и его семейство в Передней Азии.

Где же все-таки была прикована к скале Андромеда? По всей видимости, в Африке, а не в Азии, так как в этой знаменитой легенде отчетливо прослеживаются африканские корни. В средневековом Египте засвидетельствован уходящий своими корнями в древность обычай приносить в жертву Нилу накануне его разлива девушку; кроме того, обряд жертвоприношений реке, существовавшей в древнем Египте, за-

¹⁸ Ioannis Malalae Chronographia. Ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 35–39.

¹⁹ FGrH. № 26. Fr. 1, 40.

²⁰ Различные версии авторов древности и нового времени относительно страны, где происходили события мифа, собраны Тюмпелем (*Tümpel. Die Aithiopenländer des Andromedamythos // Jahrbücher für classische Philologie. 1887. Supplbd 16. Ht 2. S. 127–220*). Перенесение места действия в Иоппу помогало избежать неприятного вопроса о несоответствии между цветом кожи Андромеды и ее подданных, который или благоразумно не затрагивался писателями при изложении этой истории, или, наоборот, обыгрывался, как в романе Гелиодора «Эфиопика», где интрига закручена именно на этом противоречии. Только Овидий, в «Метаморфозах» назвавший Андромеду творением из мрамора (XIV.675), в «Героидах» говорит о темноте ее кожи (XV.35–36).

фиксирован на каменной стеле, установленной на границе Египта и Нубии (греческой Эфиопии)²¹. Греки, основавшие свои города в Египте в конце VII в. до н.э. и уже в начале VI в. до н.э. достигшие земель к югу от Египта, которые они и называли Эфиопией²², без труда могли заимствовать этот сюжет.

Миф о спасении Андромеды единодушно относят к числу наиболее поздних эпизодов истории Персея, он не засвидетельствован ни у Гомера, ни у Гесиода; упоминавшие Андромеду Ферекид²³ и Геродот (VII.61.150) ничего не говорят об ее избавлении от чудовища. Хотя впервые в сохранившейся традиции история спасения Андромеды и Эфиопия в качестве действия рассказа встречаются у Эврипида, по всей видимости, не он ввел этот сюжет в литературу. На пелике середины V в. до н.э. изображены Андромеда и Кефей, соседствующие со слугами – эфиопами²⁴. Эта роспись была сделана на несколько десятилетий раньше выхода в свет трагедии Эврипида, и, возможно, источником здесь послужила «Андромеда» Софокла. Однако легенда о Персее и Андромеде была известна гораздо раньше, уже во второй четверти VI в. до н.э., о чем свидетельствует датированная этим временем ваза с изображением Персея, сражающегося с чудовищем, и помогающей ему (а не связанной и прикованной к скале, как будет единодушно трактовать этот миф более поздняя традиция) Андромеды²⁵. Все три фигуры снабжены именами, не оставляющими сомнения в том, какой именно миф имеется в виду. К сожалению, в отличие от упомянутой выше вазы здесь нет изображений слуг, а потому не ясно, где именно Персей совершил свой подвиг. Самые ранние вазовые росписи с изображением «эфиопов» относятся к чуть более позднему времени – третьей четверти VI в. до н.э.²⁶, хотя эта разница может объясняться лишь случайностью находок. Иконография древней вазы с Андромедой без оков дает основание предполагать, что миф имел первоначально несколько иную форму, чем та, которая получила распространение впоследствии, вероятно, под влиянием трагиков.

Завершая рассмотрение этого сюжета, можно с уверенностью утверждать лишь то, что легенда о спасении Андромеды от чудовища в той или иной форме была известна грекам уже в первой половине VI в. до н.э. В середине V в. до н.э. местом ее действия считалась Эфиопия, однако жившие примерно в то же время Гелланик и Геродот ничего не говорят об эфиопском происхождении Андромеды, а Кефению локализуют в Передней Азии. Приходится предполагать, что либо в ранней традиции произошла путаница, о причинах которой не дает возможности судить плохая сохранность источников, либо у греков первоначально существовала своя легенда об Андромеде, а когда они услышали в Африке рассказ о жертвоприношении девушки, то перенесли место действия знакомого мифа в Эфиопию, решив, что именно там он возник. Такое умозаключение было бы весьма в духе греческих представлений конца VI – первой половины V в. до н.э., когда истоки многих греческих мифов искали на Востоке, прежде всего в Египте. Легенда об избавлении девушки от чудовища не была чужда греческой мифологии, где кроме сравнительно поздно засвидетельствованной легенды об Андромеде существовал известный, по-видимому, еще Гомеру (II.XX.144–148) миф о Геракле, спасшем от дракона дочь троянского царя Гесиону.

Ранняя прозаическая традиция старалась привести древние греческие мифы в соответствие с известными ей сведениями об истории стран Востока. Коррективы

²¹ Певзнер С.Б. Древнеегипетский обычай в рассказе арабского историка // ВДИ. 1983. № 4. С. 107–110. См. также Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. М.-Л., 1956. С. 43–44.

²² Об этом свидетельствует надпись, сделанная в начале VI в. до н.э. в Абу-Симбеле греческими наемниками, участвовавшими в эфиопском походе Псамметиха II (Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1975. № 7).

²³ FGtH. № 3. Fr. 12.

²⁴ LIMC.I. S. 776. Taf. 622.

²⁵ Ibid. S. 775. Taf. 622.

²⁶ Ibid. S. 415. Taf. 321.

были внесены и в важнейший миф – историю Троянской войны. Троя, расположенная в Малой Азии, должна была находиться под властью Ассирийской державы. Такого рода соображения, по всей видимости, вызвали к жизни легенду о том, как Приам, будучи подданным ассирийского царя Тевтама, послал ему письмо с мольбой о помощи. Тот отправил в Трою Мемнона, и храбрый юноша погиб под Илионом. Этот рассказ встречается у Кефалиона, чье произведение известно лишь по краткому пересказу Евсевия²⁷. Кефалион, по его же собственным словам, опирался в разделе ассирийской истории на Гелланика, Ктесия и Геродота; у кого-то из двух первых авторов он, вероятно, и заимствовал этот эпизод. Упоминание Платона о вхождении Трои в Ассирийскую державу, как о чем-то само собой разумеющемся и хорошо известном читателю (Leg. III. 685 с), заставляет думать, что подобные представления были достаточно широко распространены в его время.

Фигура Мемнона, так же как и происхождение кефенов, вызвала много разногласий и у древних, и у современных исследователей. В качестве его родины традиция указывает то Сузы, наместником в которых будто бы был отец юноши Титон, подвластный Тевтаму²⁸, то Эфиопию или Египет²⁹, где, как известно, греки даже назвали его именем «поющие» статуи Аменхотепа III. Диодор (или его эллинистический источник), так же как и в истории с Белом, выходит из положения соединив обе версии. У него Тевтам посылает Мемнона под Трою, поставив юношу во главе отряда из эфиопов и жителей Суз (II.22.1–2). Некоторые исследователи новейшего времени, пытаясь сгладить противоречие, хотели видеть в Мемноне хеттского полководца³⁰. Однако, как нам кажется, вопрос о родине Мемнона может быть решен более удовлетворительно, чем проблема происхождения кефенов и Андромеды. Мемнон, как известно, упоминается у Гомера как участник Троянской войны, сын богини Эос и Титона и царь эфиопов (Od. IV. 187–188). Но где жили гомеровские эфиопы? Во всяком случае не там, где находилась Эфиопия с точки зрения греков VI–V вв. до н.э. Гомер сообщает лишь, что страна блаженных эфиопов лежит на краю земли, без более точных географических указаний. Однако, как заметил Плей, тот факт, что Мемнон был сыном богини утренней зари, заставляет искать его родину на дальнем (с точки зрения гомеровских греков) Востоке³¹. Характерно, что у Гомера нет ни одного намека на черноту эфиопов³², а такое умолчание вряд ли было случайным в богатом эпитетами гомеровском эпосе. Упоминаний о черноте эфиопов или Мемнона нет ни у Гесиода (Theog. 984–985), ни у Мимнерма (Diehl. 10); впервые эфиопы названы черными только у Ксенофана (Diehl. 14), жившего в VI в. до н.э. Приблизительно в это же время изображения эфиопов, в том числе вместе с Мемноном, появляются в вазовой живописи (см. прим. 26). К этому времени греки прочно обосновались в Египте и побывали, как уже говорилось, в стране черных людей к югу от него. Следует помнить также, что этноним эфиопы, в отличие от названий Вавилона, Ассирии и даже Египта, представляет собою не искаженный местный термин, а чисто греческое слово, означающее «опаленноликие». Люди, жившие там, где всходило солнце, были обожжены им, но из этого еще не следует вывод о черном цвете их кожи. Однако позже, в VI в. до н.э., когда греки увидели негров, то

²⁷ FGtH. № 93. Fr. 1. См. также: Georgius Syncellus et Necephorus. Ex rec. G. Dindorfii. V. I. Bonnae, 1829. P. 317.

²⁸ Лишь некоторые примеры: *Herod.* V.53, 54; VII.151; *Strabo.* XV.3.2; *Ael.* XIII.18. В качестве места погребения героя иногда называют и другие области Передней Азии (см., например, *Aristot.-Bergk* II № 55; *Joseph. Bel. Jud.* II.10.2). Павсаний, подобно Диодору, объединяет оба свидетельства: Мемнон был у него царем Эфиопии, который почему-то привел под Трою войско из Суз (X.31.7).

²⁹ Лишь некоторые примеры: *Apollod.* III.147; *Apollod.* Epit. XX; *Curt. Ruf.* IV.8.3; *Philost.* Vit. Apoll. VI.4; *Imag.* I.7; II.7; *Callist.* I. 4, 9. Более полная сводка свидетельств: *Pley J.* Memnon // *RE.* Hlbd 29. 1931. S. 638–649.

³⁰ *Leonhard W. Hettiter und Amazonen.* Lpz.-B., 1911. S. 144, 169–171, 240 f.

³¹ *Pley.* Op. cit. S. 646.

³² В русском переводе «Одиссеи» Жуковского один раз эфиопы названы черными (IV.84), однако в гомеровском тексте этот эпитет отсутствует.

существовавшее уже в языке название сослужило им хорошую службу, и земли к югу от Египта стали называться Эфиопией, а под эфиопами подразумевали уже, как правило, чернокожих людей, окрашивая иногда в черный цвет и гомеровского Мемнона. В традиции же возникло неразрешимое противоречие, вызванное несоответствием топонимики и географических представлений гомеровского времени и эпохи, следовавшей за Великой колонизацией. Возможно, одной из попыток разрешить его было разделение эфиопов на азиатских и африканских у Геродота (III.94, 101; VII.70). Ответить на вопрос о том, не могло ли противоречие между двумя Эфиопиями отразиться и на путанице в легендах о происхождении кефенов и Андромеды, не позволяет крайняя скудость фрагментов ранней традиции, касающихся этого сюжета³³.

Возвращаясь к Троянской войне, следует упомянуть сочинение об илионских событиях, вышедшее из-под пера некоего Теодора. Как известно из схолий к Энеиде Вергилия, халдей Белин предсказал древнему царю Трои Лаомедонту, что его царство погибнет, когда с соседней горы сам собою упадет камень³⁴. Теодор был, по-видимому, автором эллинистической эпохи, и его рассказ носит отпечаток достаточно позднего времени, когда халдеи и их предсказания стали нередким атрибутом важных событий.

Миф об аргонавтах тоже был приведен в соответствии с расширившимся географическим горизонтом греков. Евсевий со слов Кефалиона рассказывает восходящую к Ктесию или к более раннему источнику историю о том, что плавание аргонавтов приходилось на правление ассирийского царя Панина. Геракл покинул корабль в поисках Гиласа, своего возлюбленного, и, отстав от спутников, достиг Каппадокии³⁵. В упомянутом фрагменте рассказывается о том, что при ассирийском царе Белиме в страну приплыл Персей с флотилией из ста кораблей, но был обращен в бегство Дионисом. Возможно, этот сюжет и история прибытия Персея к Кефею то ли с военными, то ли с matrimonialными намерениями, о которой упоминают многие авторы, представляют собой разрозненные фрагменты одного и того же рассказа. Геродот один раз прямо говорит, что Персей был ассирийцем (VI.54), Флавий же Филострат называет ассирийцем Диониса, вероятно, опираясь на какую-либо из подобных легенд (Vit. Ar. II.9). Из приведенных свидетельств видно, что Ассирия в данном случае для греков – это не собственно Ассирия, а все земли, находившиеся, с их точки зрения, под властью ассирийского царя. Действие же легенд, очевидно, происходит на территории Малой Азии.

Все фрагменты, о которых шла речь до сих пор, по сути дела не имеют никакого отношения к собственно ассирийским и вавилонским мифологическим сюжетам. Очевидно лишь, что греки знали о существовании Ассирийской державы и представляли себе, хотя и весьма приблизительно, ее северо-западные границы. Самый ранний из известных рассказов, где ощущается некоторое ассиро-вавилонское влияние и связь с Ассирией ясно обозначена самим автором, засвидетельствован у Паниассиса Галикарнассского; Аполлодор, следуя Паниассису, рассказывает историю дочери ассирийского царя Теанта Смирны, имя которой тождественно названию одного из крупных городов Ионии (III.183–185). В наказание за неуважение к Афродите девушка была охвачена страстью к собственному отцу и, с помощью кормилицы проникнув к нему под видом посторонней женщины, провела с Теантом двенадцать ночей. Когда же он узнал о случившемся, то в гневе погнался за дочерью, чтобы убить ее, но боги сжалились над несчастной и превратили ее в дерево. По истечении положенного срока дерево треснуло, и на свет появился прекрасный младенец, которого называют обычно Адонисом. Восхищенная его красотой Афродита решила временно скрыть ребенка у

³³ Эллинистический автор Агафархид, ссылаясь на аргосский источник (Аргос – родина цикла мифов о Персее!), говорит, что герой отправился из своей страны в Эфиопию, которая тогда называлась Кефенией (Photii Bibliotheca. Ed. Bekker. В. 1824. P. 442). Однако это замечание скорее всего объясняется желанием Агафархида разрешить противоречие в традиции.

³⁴ FGrH. № 48. Fr. 2.

³⁵ FGrH. № 93. F. 1. См. также: *Syncell.* P. 316.

Персефоны, но та впоследствии не захотела отдавать Адониса назад. Зевс, вынужденный разрешать спор между богинями, определил, что юноша должен проводить треть года у Афродиты, вторую – у Персефоны, а третью – был свободен.

В рассказе Паниассиса присутствуют все привычные детали греческого мифа: месть богов, роковая страсть, кормилица, готовая ради своей питомицы даже на преступление и, наконец, суд Зевса. Однако эта чисто греческая по форме история имеет в своей основе распространенный у многих народов Переднего Востока сюжет об умирающем и воскресающем боге. Рассказ Паниассиса, впрочем, стоит несколько особняком среди многочисленных вариаций весьма популярной в античной литературе легенды об Адонисе. Нигде, кроме как у галикарнасского поэта, нет ссоры двух богинь. Кроме того, Адонис попадает обычно в царство мертвых, потому что погибает, у Паниассиса же Афродита сама отдает ребенка Персефоне, причем действия ее выглядят совершенно не мотивированными. Автор, по-видимому, не случайно упоминает об ассирийском происхождении своего героя, до него явно дошли отголоски ассиро-вавилонской версии мифа, где особое место занимает именно вражда богини любви Иштар и ее сестры, владычицы царства мертвых Эрешкигаль, не желающей выпускать Иштар из своей «страны без возврата», пока та не предоставит вместо себя замену. Заменой становится возлюбленный Иштар Думузи, которого та сама отправляет к Эрешкигаль. Очевидно, Паниассис не впервые услышал подобную историю: миф об Адонисе, как следует из того же фрагмента Аполлодора, был известен уже Гесиоду, который считал прекрасного юношу сыном Феникса (т.е. финикийцем). Вероятно, не случайны слова «которого называют Адонисом», – может быть, поэт слышал другое имя красавца? Скорее всего Паниассис, узнав миф об ассирийском юноше, сопоставил его со знакомой уже легендой о финикийце Адонисе, добавив новые детали и, возможно, изменив в угоду традиции концовку истории.

Героями греческой традиции, истинно ассирийское происхождение которых не вызывает никаких сомнений, были Семирамида и Сарданапал³⁶. Они носят ассирийские имена, их прототипами были реальные ассирийские цари, в легендах о них хорошо заметны следы ассиро-вавилонских сказаний (как, например, легенда о чудесном рождении и воспитании Саргона Аккадского в истории Семирамиды Ктесия) или реальных исторических событий (история самосожжения Шамаш-шум-укина или восстановления Синахерибом городов Киликии). Греческие рассказы об этих царях сегодня известны в основном в версии Ктесия, однако несомненно, что их имена (прежде всего «Сарданапал») и отдельные сказания, которые легли в основу повествования, были известны не только доктесиевой, но и догеродотовой традиции, и книдский автор широко пользовался трудами своих предшественников, комбинируя, изменяя и дополняя их по собственному усмотрению. Именно использованием ранней традиции, очевидно, объясняется то, что в сочинении Ктесия постоянно фигурируют ассирийские персонажи и события, хотя для самого писателя гораздо ближе и в хронологическом, и в географическом отношении был уже Вавилон. Рассказы о Семирамиде и Сарданапале заставляют думать, что скорее всего они достигали греков не столько через Финикию или Иудею, сколько через Малую Азию, поскольку большое значение имеют в них малоазийские, особенно киликийские мотивы. Однако литературно-фольклорная традиция об Ассирии была, по-видимому, более или менее единой на всем Переднем Востоке. Убедительное свидетельство тому – папирус из Египта, где демотическим письмом на арамейском языке изложен рассказ о восстании Шамаш-шум-укина против Ашшурбанипала (написание имени которого соответствует греческому «Сарданапал»)³⁷. Украшенную множеством ярких деталей версию этой истории представляет собой и описание конца Сарданапала у Ктесия.

³⁶ Вопросы становления этих образов в греческой традиции и история изучения вопроса рассмотрены в работе: Дандамаева М.М. Легенда о трех ассирийских владыках (Ранняя греческая традиция о Нине, Семирамиде и Сарданапале) // ВДИ. 1995. № 4. С. 14–34.

³⁷ Steiner R.C., Nims C.F. Ashurbanipal and Shamash-shum-ukin: A Tale of Two Brothers from the Aramaic Text in Demotic Script // Revue biblique. 1985. Т. 92. № 1. Р. 60–81.

Греки воспринимали легенды об ассирийских царях в соответствии со своими собственными представлениями и литературно-мифологическими традициями. Так, Семирамида становится, по сути дела, вариантом царицы амазонок или воинственной лидийской царицы Омфалы, державшей в плену переодетого в женское платье Геракла, а Сарданапал – изнеженного царя Мидаса. Если бы сказания об Ассирии пришли к грекам раньше, то герои этих сказаний, может быть, стали бы столь органичной частью греческой мифологии, как упомянутые персонажи, однако они достигли ионийцев в другую эпоху, когда мифологическая традиция уже сложилась, и поэтому больше напоминают сказки о далеких народах со странными, во всем противоположными нормальным (т.е. греческим) обычаями, чем миф.

Семирамида и Сарданапал стали основой античных сведений об Ассирии и Вавилонии, им обычно приписывали все, что традиция знала об этих странах, даже в эпоху эллинизма после появления труда Бероса. «Вавилонская история» этого автора, как известно, не оказала большого влияния на античность, некоторые эрудиты пересказали его сочинение в своих произведениях, однако сюжеты ассиро-вавилонской мифологии и космологии, изложенные у Бероса, не стали достоянием литературы и искусства, где по-прежнему царили Семирамида и Сарданапал. Одним из немногих исключений была, возможно, встречающаяся у Кастора и Талла своеобразная трактовка титаномехии. В направлении ассирийского царя Бела, рассказывает, по словам Евсевия, Кастор, Арамазд (он же Зевс) боролся с титанами, используя молнии и огненное пламя и опираясь на поддержку Персея и Диониса. После смерти Бела к нему стали относиться как к богу (типичная для поздней традиции рационализация религии), а после него ассирийцами правил Нин³⁸. В этой истории, состоящей из обрывков греческой и иранской мифологии, вероятно, есть и следы изложенного у Бероса вавилонского космогонического эпоса «Энума элиш», где, в частности, рассказывалось о борьбе Мардука со старшим поколением богов, причем с использованием примерно того же оружия, которое имелось и в арсенале «Арамазда» у Кастора.

Вероятно, к Беросу восходят и еще некоторые сюжеты поздней античной традиции. Разумеется, впечатлительных греков не мог оставить равнодушными яркий образ Иштар, которую со времен Ктесия, а может быть и гораздо раньше, греки соединили с Семирамидой, приписывая последней все, что им удавалось услышать о своенравной богине. Эта традиция продолжалась и в эллинистическую эпоху. Так, свидетельство Юбы о том, что Семирамида влюбилась в коня и совокупилась с ним (Plin. NH. VIII.155), явно восходит к рассказу о таком же грехе Иштар. Отголоски рассказов Бероса слышны и в круто замешанном на истории Ктесия сюжете Агафия о Белетаре, ставшим из садовника царем (II.25)³⁹. Род Деркетатов, восходящий к Семирамиде, сообщает Агафий, со ссылкой на Биона и Александра Полигистора, прервался на Белее, при котором попечитель царских садов Белетар собрал в качестве урожая царскую власть и привил ее к собственному роду, где она и оставалась до эпохи Сарданапала, лишенного этой власти мидийцем Арбаком и вавилонянином Белесием. Таким образом, все необходимые элементы схемы Ктесия здесь налицо: род Деркетатов (мать Семирамиды у Ктесия была дочерью сирийской богини Деркетто) и заговор Арбака и Белесия против Сарданапала. Очевидно, однако, что рассказ о Белетаре – это вариация легенды о возвышении Саргона Аккадского. Судя по тому, что Агафий ссылается здесь на Александра Полигистора, пересказывавшего Бероса в своем труде, именно к вавилонскому автору восходит этот сюжет, нашедший себе место среди традиционного греческого изложения ассирийской истории.

Яркой иллюстрацией методов, при помощи которых греки перерабатывали дошедшие до них ассиро-вавилонские сюжеты может служить рассказ Элиана о

³⁸ FGrH. № 250. Fr. 1. У Талла Бел оказывается союзником титанов, воевавшим вместе с ними против Зевса (FGrH. № 256. Fr. 2).

³⁹ См. также Syncell. P. 676. Имя «Белетар», по всей видимости, соответствует аккадскому Bel-etir (RA. Bd I. S. 474–476).

Гильгамеше, представляющий собою единственное в сохранившейся античной традиции упоминание о самом знаменитом герое вавилонского и ассирийского эпоса. Деду Гильгамеша по матери Эвехору «халдеями» было предсказано, что внук лишит его царской власти. Эвехор, подобно греческому Акрисию, как замечает сам Элиан, бдительно охранял одиночество дочери. Однако она все-таки родила сына от какого-то неизвестного человека. Ребенок был сброшен «с акрополя», но его подхватил на свои крылья орел и принес мальчика в какой-то сад. Правитель той области, увидев красивого младенца, вырастил его. Звали героя Γίλυκος, и стал он царем вавилонян. На примере этого рассказа хорошо видно, каким образом обрабатывали заимствованный материал греки. Элиан называет имя героя ассиро-вавилонского эпоса Гильгамеша, но вместо легенд о нем приводит более привычное сказание, в общих чертах известное грекам со времен Семирамиды Ктесия, а может быть и значительно раньше, – историю рождения Саргона, чья мать была жрицей, которой запрещалось иметь детей, а отец не известен. Однако все эти сюжеты чеканятся по образу и подобию старого доброго мифа о Данае и Персее, который действительно немного похож на легенду о Саргоне. Вероятно, древние творцы традиции делали подобные сопоставления произвольно, эллинистический же писатель Элиан сознает и подчеркивает сходство.

Анализ античной традиции, таким образом, показывает, что легенды об Ассирии, по всей видимости, стали достигать греков в VI – начале V в. до н.э., значительно позже, чем сведения о Сирии и Финикии, расположенных ближе к греческим землям. Судя по сохранившимся до наших дней свидетельствам, путь, по которому эти рассказы достигали греков, лежал прежде всего через Малую Азию. Несколько позже, когда стало ясно значение Вавилона, рассказы о нем влились в традицию об Ассирии. Заимствуя чужие мотивы, эллины отливали их в привычные формы собственной мифологии, но с другой стороны, в эту эпоху они были склонны искать истоки греческих сказаний на Востоке, и в том случае, если чужеземный сюжет напоминал им греческий, охотно уступали пальму первенства. Сказания об Ассирии достигли греков в то время, когда они пытались осмыслить и рационализировать мифологию, осознаваемую ими как история, поэтому греческие ученые пытались территориально и хронологически локализовать легенды об Ассирии так, чтобы они вписывались в мифологические события. При этом древнейшими царями становятся Нин и Семирамида (в некоторых поздних версиях Нину предшествует Бел), эпизоды, связанные с походом аргонавтов, происходят позже. Троянская война – еще позже. Подобное построение свидетельствует о том, что греки хорошо отдавали себе отчет в древности ассирийской и вавилонской цивилизации, однако совершенно не представляли себе реальных хронологических рамок, в которых существовали ассирийские персонажи. Так, оказывается, что Семирамида жила задолго до Троянской войны, а ее исторический прототип Саммурамат царствовала в Ассирии в IX в. до н.э. Таким образом, не имеет никакого смысла пытаться установить какую-либо хронологию событий, в том числе относительную. Даже если не раз привлекавшее внимание ассириологов сообщение Геродота о промежутке в пять поколений между царствованием Семирамиды и Нитокриды, который соответствует, хотя и весьма приблизительно, времени, прошедшему между Саммурамат и нововавилонскими царями, было сделано с некоторым знанием дела, то впоследствии эти сведения были переплавлены в котле воображения греков до такой степени, что обсуждать хронологию Семирамиды и Сарданапала можно лишь в той же мере, что и годы жизни греческих героев, тоже, как известно, разделявшихся на старшее и младшее поколения. В античной традиции имелся даже список ассирийских царей, восходящий к Ктесию или более раннему автору, может быть к Гелланику, и содержащий кроме Нина, Семирамиды и Сарданапала множество совершенно невразумительных имен⁴⁰. Даже когда античной традиции стал известен список вавилонских («халдейских») царей

⁴⁰ FGtH. № 250. Fr. 1d.

Бероса, историки нашли выход из положения, приводя старый список правителей Ассирии (которые первоначально по мысли его авторов были и царями Вавилона) вместе с Беросовым списком царей Халдеи. Греки усвоили очень мало из богатой ассиро-вавилонской мифологии, но они создали параллельную ей мифологию, самые яркие образы которой, Сарданапал и особенно Семирамида, стали неотъемлемой частью литературы и искусства античности, а затем и Западной Европы⁴¹.

ASSYRIA AND BABYLONIA IN GREEK MYTHOLOGY

M.M. Dandamayeva

Analysis of ancient sources reveals that legends about Assyria reaches Greeks in the 6th – early 5th c. B.C. when the active formation of mythological tradition had been completed and authors were trying to comprehend and rationalize mythology. That is why many Assyrian and Babylonian motifs became part of the nascent historical tradition whereby mythology was treated as history. Borrowing alien myths Greeks revised them in accordance with their own legends. On the other hand, during the period of Great Colonization Greeks were inclined to attribute the origin of Greek myths similar to tales of Oriental peoples to the latter. Ancient tradition assimilated only a few of the Assyro-Babylonian myths, but it virtually created its own, parallel mythology about Assyria and Babylonia which became an integral part of literature and art of antiquity and later of Western Europe.

⁴¹ Есть некоторые основания предполагать, что эта греческая традиция могла в свою очередь оказать влияние на вавилонян. Во всяком случае, в клинописном документе начала II в. до н.э. из Урука, последнего оплота традиционной вавилонской культуры, фигурирует женщина по имени Šamme-ra-am-ma-ta. Такое чтение было предложено автору этой работы Н.О. Чехович; опубликовавший этот документ Доти прочитал его как AN-e-ra-am-ma-ta (*Doty L.T. Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk. Diss. 1977. P. 87–88*). Не исключено, что это имя, нетипичное для аккадской ономастики, во всяком случае в позднее время, было дано его носительнице в честь греческой Семирамиды. Урукская Шаммурамат названа дочерью некоего Артемидора, и возможно, она принадлежала к греческой семье, адаптировавшейся на новой родине настолько, что ее представительница посвящала в урукский храм рабов. Однако факт знакомства вавилонских греков с ктесиевой традицией и способность сопоставить имя Семирамиды с его аккадским оригиналом, в том случае, если перед нами не простая случайность, тоже представляет большой интерес.

А.Л. Смышляев

CIVILIS DOMINATIO: РИМСКИЙ НАМЕСТНИК В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ*

Как правило, историки, изучающие систему управления провинциями в эпоху Принципата, рассматривают повседневную гражданскую (а не военную) деятельность наместников в определенном ракурсе, сосредоточивая свое внимание на ее судебных и административных аспектах, а остальные либо полностью игнорируя, либо в лучшем случае только упоминая¹.

Таким образом, объектом исследования обычно оказывается лишь управленческая деятельность, причем в более или менее привычном для нас смысле этого слова без учета ее исторической специфики, а также ее социального и социально-психологического контекста.

Между тем современные исследования характера и сущности императорской власти наглядно демонстрируют плодотворность иного, комплексного подхода к изучению раннеимперской государственности. Как показал Ф. Миллар, для адекватной оценки государственной деятельности императора, ее необходимо рассматривать в разных аспектах, а не только в сугубо управленческих, принимая при этом во внимание ее материальный и социальный контекст, а также ожидания и представления подвластных². По мнению А. Уоллес-Хэдрилла, принцепс предстал перед подданными в образе как харизматического монарха, так и республиканского магистрата³. В качестве последнего он должен был постоянно демонстрировать свое уважение к римскому народу, к его традиционным институтам и традиционной системе ценностей – свою гражданственность (*civilitas*). Поэтому соответствующее поведение и участие в различных гражданских церемониях представляли собой один из важных компонентов деятельности принцепса по управлению государством⁴.

Ф. Жак и Дж. Шайд отметили, что принцепс был не абсолютным монархом, но

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на Международном симпозиуме «Древние империи и имперские идеологии» (9–10 сентября 1996 г. ИВИ РАН) и напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508). В подготовке этой статьи автору очень помогла работа в Американской школе классических исследований в Афинах, руководству которой он выражает глубокую признательность.

¹ Весьма характерно следующее высказывание Г. Бартон – признанного авторитета в этой области: «В соответствии с тем, что от них ожидалось, наместники должны были в *дополнение* (курсив мой. – А.С.) к осуществлению публичной власти участвовать в крупнейших церемониальных, религиозных и социальных мероприятиях своей провинции и составляющих ее общин» (*Burton G.P. Provincial Procurators and the Public Provinces // Chiron. 1993. Bd. 23. P. 25*). Здесь явно подразумевается, что церемониальная этикетная деятельность наместника была чем-то второстепенным и внешним по отношению к собственно управленческой.

² *Millar F. The Emperor in the Roman world (31 BC – AD 337). L., 1977. Pass.* О концепции Ф. Миллара см. *Смышляев А.Л. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии // РЖ ИНИОН. Общественные науки за рубежом. Государство и право. 1991. № 5. С. 67–78.*

³ *Wallace-Hadrill A. Civilis princeps. Between Citizen and King // JRS. 1982. 72. P. 32 ff.*

⁴ *Ibid. P. 36 ff.; idem. Suetonius. The Scholar and his Caesars. L., 1983. P. 163 f.*

носителем особых публичных полномочий аналогичных полномочиям магистрата, а его общественная деятельность осуществлялась в рамках традиционных институтов и в соответствии с ними; он всегда мог добиться от сената и народа всего, чего хотел, но именно от них и с помощью средств, санкционированных обычаем⁵. «Пленник и владыка институционной системы, от которой никто не желал отказываться ... принцепс управлял государством, которое не было ни республикой Помпея, ни монархией»⁶.

Эти наблюдения и выводы, на мой взгляд, имеют также непосредственное отношение к правителям иного ранга и в первую очередь к наместникам провинций. Ведь их положение в некоторых аспектах было сходным с положением принцепсов. Хотя наместники не были магистратами в строгом смысле этого слова⁷, они обладали подобным же рода властью и полномочиями⁸. По словам значительнейшего и авторитетнейшего юриста Прокула, наместник должен замещать в провинции всех римских магистратов и исполнять их обязанности⁹. В повседневной речи наместники нередко именовались «магистратами» или «преторами»¹⁰. Апулей говорит о проконсуле Африки, завершающем свою службу в провинции, что тот уже почти закончил срок своего консульства (Apol. 94).

Так же как император в Риме, наместник в провинциальном городе осуществлял свою власть в соответствии с устоявшимися обычаями, имея в качестве своих визави традиционные институты городского самоуправления и поддерживая тесное сотрудничество с представленными в них городскими элитами¹¹.

Как я пытался показать ранее, уже при вступлении в провинциальный город наместник, следуя общепринятому этикету, вел себя наподобие городского магистрата, вступающего в должность¹². В представлении граждан этого города он мог даже отождествляться с высшим городским магистратом¹³. Очевидно, и подобные

⁵ Jacques F., Scheid J. Rome et l'intégration de l'Empire 44 av. J.-C. – 260 ap. J.-C. T. I. Les structures de l'Empire romain. P., 1990. P. 32, 84.

⁶ Ibid. P. 109.

⁷ Проконсулы «сенатских» провинций были промагистратами, а остальные наместники – помощниками промагистрата, т.е. принцепса, считавшегося проконсулом императорских провинций. Юристы упоминают отдельно среди тех, кто вершил правосудие, «магистратов Народа римского» и «президов провинций» (Gai. Inst. II. 24; D. 11. 1. 4. 1; 42. 1. 15 pr.-1; 50. 16. 131. 1).

⁸ Гай называет власть преторов и наместников «магистратским империем» (Inst. I. 99) и постоянно проводит параллели между полномочиями претора в Риме и наместника в провинции (Inst. I. 6, 20, 29, 101, 105, 134, 185, 200; II, 24, 278; IV. 139). В своем комментарии к провинциальному эдикту он использует слова «претор» и «проконсул» почти как взаимозаменяемые (Honore A.M. Gaius. Oxf., 1962. P. 89). Параллели подобного рода можно найти и у других юристов. Тацит именует власть наместника «преторской властью» (ius или vis) praetoris. (Ann. II. 56.4; 77.1; IV. 15.2).

⁹ «...omnium Romae magistratum vice et officio fungi debeat» (D. 1. 18. 12; ср. D. 1. 16. 7. 2; 1. 18. 10).

¹⁰ Магистратами называли либо всех наместников, либо только тех, кто имел сенаторский ранг (Vell. Pat. II. 126.4; Tac. Dial. 36. 22. 5; Ann. I. 2. 2; II. 54; III. 33. 1; 34. 3; IV. 6. 4; 20. 4; XII. 60. 2; XIII. 31. 3; XV. 20. 3; 21. 4; Suet. Aug. 47; Tib. 12. 2; Claud. 23. 2; Fronto. Ad M. Caes. 1. 6. 3 (Naber, p. 13). В греческих текстах, не являющихся официальными документами, наместник часто именуется ἀρχων, т.е. «магистрат» или «высший магистрат» (Mason H.J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974, P. 111. ff.). «Преторами» могли называть всех наместников сенаторского ранга (Tac. Ann. I. 74. 1; IV. 43. 3; 45. 1; XV. 25. 3). Греческие авторы вплоть до начала II в. н.э. нередко называли наместника (так же как и претора) «στρατηγός» (Mason. Op. cit. P. 12, 155 ff.).

¹¹ О зависимости наместника от помощи со стороны местных городских властей см. Jacques F. Le privilège de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'Occident romain (161–244). Roma, 1984. P. 343; Burton G. Government and the Provinces // The Roman World. V. I. L.-N.Y., 1987. P. 424 ff.; Lintott A. Imperium Romanum. Politics and administration. L.-N.Y., 1993. P. 129; Shulte C. Die Crammateis von Ephesos. Schreiberamt und Sozialstruktur in einer Provinzhauptstadt des römischen Kaiserreiches. Stuttgart, 1994. S. 56 ff.

¹² Смышляев А.Л. Вступление наместника в провинциальный город: церемония adventus по Ульпиану // ВДИ. 1991. № 4. С. 106–117.

¹³ Dio Chrys. Or. 34. 40–42; Jones C.P. The Roman World of Dio Chrysostom. L., 1978. P. 78 ff.; Смышляев. Вступление наместника... С. 116.

представления, и сам статус наместника, и окружающая его обстановка должны были воздействовать на его поведение и деятельность и после вступления в город¹⁴. Возникает вопрос, в какой мере поведение наместника в провинциальном городе, – его деятельность, и образ действий, определялись представлениями о нем как о магистрате и связанными с этим ожиданиями, и как все это сказывалось на осуществлении им своих властных полномочий. Если верить Тациту, у хорошего наместника время четко делилось на две части: работу и отдых (*iam vero tempora curarum remissionumque divisa...*) – со своим стилем поведения для того и другого (Agr. 9.3). Поскольку оба аспекта деятельности наместника невозможно рассмотреть в рамках одной статьи, ограничимся разбором его поведения только в рабочее время.

Как правило, современные исследования, посвященные римскому провинциальному управлению эпохи Принципата, основываются в первую очередь на эпиграфических и папирологических свидетельствах, которые при всей своей ценности с большим трудом поддаются обобщению, вследствие присущей им географической и хронологической разрозненности и фрагментарности. Построить только с помощью таких локальных данных общую модель поведения наместника провинции едва ли возможно.

Основой данной работы стали источники иного рода – сочинения римских юристов II – начала III в. н.э.¹⁵ Прежде всего это – сохранившиеся лишь в виде отдельных фрагментов трактаты-инструкции «Об обязанностях (или "О должности...") наместника провинций», авторы которых, используя различные правовые акты (и в первую очередь императорские письма, рескрипты и мандаты), а также апеллируя к устоявшейся практике управления, дают рекомендации наместникам. Особое значение имеет самый подробный и лучше всех сохранившийся трактат Ульпиана «*De officio proconsulis*», в котором речь идет о деятельности наместников всех провинций, а не только «сенатских»¹⁶.

К трактатам «Об обязанностях наместника» и хронологически, и тематически, и по жанру очень близки юридические сочинения сугубо практической направленности, ориентированные на повседневную судебную практику и посвященные административному, уголовному, процессуальному праву, – сохранившиеся также только в отдельных фрагментах трактаты «О наказаниях...», «Об апелляциях...», «О судебных расследованиях»¹⁷. Не менее важны «Институции» Гая, который уделял больше внимания, чем другие юристы, применению римского права в провинциях и правовой деятельности наместников¹⁸. И трактаты-инструкции и «Институции» представляют собой учебные руководства, в которых разбираются и комментируются главным образом не самые сложные и запутанные, а элементарные, наиболее часто встречающиеся на практике вопросы и ситуации. Таким образом, работа по обобщению конкретного материала и выделению самых распространенных казусов и способов их решения в значительной мере уже проделана за нас римскими юристами.

¹⁴ Насколько мне известно, первым обратил на это внимание Н. Перселл, отметивший, что поскольку во главе провинций ранней Империи стояли «магистраты», сохранялось и уважительное отношение к подданным, полагавшееся свободным, а римское правление по-прежнему имело не прямой характер (*Purcell N. The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World / Ed. J. Boardman. et al. Oxf. – N.Y., 1986. P. 566*).

¹⁵ Свидетельства римских юристов наряду с данными иного рода неоднократно использовались историками, но основой для изучения деятельности наместников они были лишь в небольшой монографии Г. Майероу, представляющей собой не столько самостоятельное исследование, сколько сводку правового материала, в которой данные разных периодов привлекаются без каких-либо оговорок для характеристики провинциального управления при Юстиниане (*Mierow H.E. The Roman Provincial Governor as he appears in the Digest and Code of Justinian. Colorado Springs, 1926*).

¹⁶ *Jacques*. Op. cit. P. 665; *Смышляев А.Л.* Домиций Ульпиан и его трактат «Об обязанностях проконсула» // ВДИ. 1985. № 4. С. 225.

¹⁷ *Wlassak M.* Zum Römischen Provinzialprozes. Wien, 1919. S. 21, 72 ff.; *Schulz F.* Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961. S. 164 f., 313.

¹⁸ *Honoré*. Op. cit. P. 88 ff.

То же самое можно сказать и об авторах тех литературных памятников, в которых наряду с конкретными данными о деятельности наместников можно обнаружить множество устоявшихся стереотипов, клише, общих мест. Это – в первую очередь сочинения риторического характера (речи, риторические руководства), либо работы, написанные в риторическом ключе. По большей части они, так же как и юридические трактаты, относятся ко II – началу III в. н.э. – эпохе расцвета не только классической юриспруденции, но и второй софистики. По словам Тацита, свое рабочее время образцовый наместник Агрикола проводил в собраниях и судах (*conventus ac iudicia* – *Agr.* 9.3). Поскольку в мирное время судебные разбирательства были главной обязанностью наместника и основным способом решения стоявших перед ним задач¹⁹, разбор его деятельности следует начать именно с «судов».

Чтобы понять особенности поведения наместника во время заседаний, необходимо обратить внимание на то, где именно и в каких условиях они проходили. Как отмечал Т. Моммзен, едва ли не первым рассмотревший этот вопрос, судебные разбирательства в республиканском Риме велись в обстановке гласности и открытости, а трибуналы вершивших суд магистратов располагались на форуме и в базиликах. При империи гласность остается нормой судопроизводства, но вместе с тем как императоры, так и наместники нередко проводят судебные разбирательства не на форуме перед трибуналом (*pro tribunali*), а в закрытых помещениях – *auditoria* или *secretaria*, куда могли не допускать посторонних²⁰.

Но в каких именно случаях наместники могли отступать от признанной нормы? Или, говоря юридическим языком, какого рода дела они могли постоянно, а не в виде исключения, решать в порядке ускоренного судопроизводства (*de plano* – букв. «на ровном месте»)? Если исключить осуществляемую наместником *iurisdictio voluntaria*, не связанную с судебными спорами и не требующую в большинстве случаев судебного разбирательства²¹, то остается две основных категории дел, решавшихся *de plano*. Во-первых, это – незначительные преступления и гражданские тяжбы²². Во-вторых, это – дела воинов и заключенных²³, т.е. лиц, имевших особый статус, в силу которого они либо вообще не могли входить в гражданский коллектив какого-либо города, либо занимали в нем маргинальное положение²⁴. Очевидно, и среди тех, чьи дела

¹⁹ «Мне ... кажется, что обязанности по управлению Азией не особенно разнообразны, но все они в высокой степени поддерживаются судебной властью» (*Cic. Q. fr. I. 1. 20*. Пер. В.О. Горенштейна).

²⁰ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht*. Lpz., 1899. S. 358 ff.

²¹ Некоторые правовые действия, связанные с юрисдикцией такого рода, например, утверждение отпуска на волю взрослых рабов, могли совершаться даже не в помещениях, а «на ходу (*in transitu*)», когда наместник шел в баню или театр (*Gai. Inst. I. 20; D. 40. 2. 7*). Пользуясь случаем, выразить благодарность Е.В. Ляпустиной, обратившей мое внимание на эти свидетельства.

²² Ульпиан упоминает «незначительные преступления (*levia crimina*)», которые наместнику следует разбирать *de plano* (*D. 48. 2. 6*). Константин предписывает проконсулу Африки разбирать открыто и гласно (*publice*) все гражданские тяжбы и особенно те, которые вызывают наиболее широкий отклик (*quae fama celebriores sunt*) (*CTh. 1. 12. 1*). Валентиниан и Валент требуют от наместников, чтобы те не разбирали «в домашнем уединении (*in secessu domus*)» дела о статусе людей и наследственном достоянии (*CTh. 1. 16. 9*). Возможно, именно эти дела «вызывали наиболее широкий отклик».

²³ Тацит противопоставляет простое и незамысловатое лагерное правосудие (*castrensis iurisdictio secreta et obtusior*) хитроумию форума (*calliditas fori*), на котором наместник разбирает дела между гражданами (*inter togatos*). – *Agr.* 9. 2). По свидетельству Павла, производить суд над заключенными можно не только перед трибуналом, но и *de plano* (*D. 48. 18.18. 10*). В рескрипте Траяна указывалось, что праздники освобождают наместников от судебных разбирательств на форуме (*a forensibus negotiis*), но не от судопроизводства по делам воинов и заключенных (*D. 2. 12. 9; ср. D. 48. 1. 12. 1*). По словам Ульпиана, наместник может быть занят делами воинов, заключенных или судебными разбирательствами (*aut militariibus, aut custodiis aut cognitionibus*) (*D. 38. 15. 2. 2*).

²⁴ Во времена Республики тюрьмы предназначались для рабов, военнопленных и неграждан (*Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome*. Berkeley – Los Angeles, 1988. P. 325), в период Принципата – для рабов и маргиналов. (*D. 48, 3, 1–3*).

относились к незначительным, подавляющее большинство составляли люди невысокого социального статуса²⁵.

Видимо, в провинциях, так же как и в самом Риме, нормальное, по римским понятиям, судопроизводство чаще всего было делом таких же нормальных, т.е. почтенных и зажиточных граждан²⁶. Для писателей, принадлежащих к этой среде, обычное рабочее место наместника – на трибунале в окружении огромной толпы²⁷. Не случайно юристы в числе прочих рекомендаций дают наместнику советы, как надо держать себя во время судебного заседания, чтобы не ронять свой авторитет в глазах окружающих²⁸.

Открытость и гласность судопроизводства в античном городе были, как известно, средством контроля граждан за деятельностью магистратов и других судей. Окружающие трибунал люди были не только зрителями, но в известной мере и участниками судебного разбирательства и могли своим поведением оказывать воздействие на его исход²⁹. То же самое можно сказать и о провинциалах, толпившихся вокруг трибунала наместника. По словам Филострата, знаменитый софист Адриан, обвинявшийся в убийстве, был оправдан в первую очередь потому, что в его защиту выступили собравшиеся на суд эллины, рыдавшие и обращавшиеся с мольбами к проконсулу (V. S. II. 10, p. 588). Когда епископ Поликарп, приведенный на суд другого проконсула, хотел выступить перед ним и убедить его в своей невиновности и правоте своей веры, тот ответил (имея в виду собравшуюся вокруг трибунала толпу) «убеди народ» (Euseb. H.E. IV. 22). Характерно, что в так называемом указе Константина об аккламациях, требующем от наместников проводить судебные разбирательства не в закрытых помещениях (in secretariis), а с трибунала, всем присутствующим предоставляли право с помощью общественных аккламаций (publicis adclamationibus) (доводившихся впоследствии до сведения императора) восхвалять справедливых судей и обвинять несправедливых (C.Th. 1. 16. 6; C.J. 1. 40. 3). Признание в этом указе права городского плебса на открытое выражение своего мнения (а фактически – права оказывать давление на наместников-судей) было прямым продолжением античной традиции³⁰.

Деятельность наместника не была совершенно бесконтрольной даже и тогда, когда он вершил суд «в закрытом помещении». Иногда доступ в зал суда был открыт всем желающим³¹. Но и в ином случае в судебном заседании все равно принимали участие граждане того города, где оно проходило. Ведь законную силу имели судебные решения, принятые наместником в присутствии его советников, в число которых входили не только подчиненные и «спутники» наместника, составлявшие его свиту, но

²⁵ Провинившихся в незначительных преступлениях наместник приговаривал к телесному наказанию (D. 48. 2. 6.), что свидетельствует об их невысоком социальном статусе. Мелкие тяжбы также, видимо, велись в основном людьми небогатыми и незнатными.

²⁶ Ср. *Sherwin-White A.N. Roman Society and Roman Law in the New Testament*. Oxf., 1963. P. 14; *MacMullen R. Roman Social Relations 50 BC to AD 284*. New Haven – London, 1974. P. 39 f.

²⁷ *Apol. Flor. 9*; *Apol. 28*; 44; *Tert. Apol. 1.1*.

²⁸ D. 1. 16. 9. 2; 1. 18. 19. 1. *Bonini R. I «Libri de cognitionibus» di Callistrato. Ricerche sull'elaborazione giurisprudenziale della «cognitio extra ordinem»*, Milano. 1964. P. 30.

²⁹ В своем проекте идеального государства Дион Кассий заявляет от имени Мецената (LII. 30. 2): «...Плебеи не должны обладать какой-либо властью ... Поэтому ... не следует и римскому плебсу собираться ни на судебные заседания, ни на избирательные комиции, ни на другие собрания подобного рода, на которых обсуждаются общественные дела». Таким образом, присутствие плебеев на судебных заседаниях рассматривается в одном ряду с их участием в работе комиций и свидетельствует, по мнению Диона, что они обладают властью и вмешиваются в решение общественных дел.

³⁰ *Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (По данным кодексов Феодосия и Юстиниана)*. Л., 1980. С. 127. Если не по закону, то по обычаю плебс пользовался этим правом и раньше (*Colin J. Les Exigences de la populace païenne dans la littérature grecque chrétienne du II^e siècle // REG. 1965. 77. P. 330 suiv*; *MacMullen R. Roman government's response to crisis AD 235–337*. New Haven – London, 1976. P. 78; *idem. Corruption and the Decline of Rome*. New Haven – London, 1988. P. 117 f.).

³¹ *Mommsen. Op. cit. S. 362*. Ср. *Millar. Op. cit. P. 230*.

также, как правило, самые богатые и влиятельные представители местных городских элит. (Сл. 7. 45. 6). Перечисляя достоинства идеального наместника, Филон упоминает, что тот разбирает важные дела с помощью людей, обладающих властью³². Прокуратор Иудеи Фест проводил в Кесарии предварительное судебное разбирательство по делу апостола Павла вместе со своими военными трибунами и «самыми выдающимися мужами полиса»³³. По словам Модестина, наместник, собираясь разбирать дела заключенных в провинциальном городе, должен пригласить в свой совет как всех мужей сенаторского ранга (*clarissimos viros*), так и всех адвокатов (*patronos causarum*), если они живут в этом городе (D. 48. 1. 12 pr.)³⁴. Видимо, адвокаты привлекаются не только как эксперты, хорошо ориентирующиеся в местных правовых обычаях и судебной практике, но и как «самые выдающиеся мужи» в городе после сенаторов³⁵.

Формально наместник, так же как и любой другой судья, не был обязан следовать мнению своих советников, но в силу обычая он должен был с ним считаться и стараться выносить свое решение на основе мнения совета (*e consilii sententia*)³⁶. Правитель, не считавшийся со своими советниками, рассматривался как тиран (*Ioann. Lud. De mag. I. 3. 6.*)³⁷. Наместник не мог игнорировать мнение своих местных советников также и потому, что только сотрудничество с «самыми выдающимися мужами» городов позволяло ему нормально выполнять свои обязанности по управлению провинцией³⁸ и быть спокойным за свою дальнейшую карьеру³⁹. О значении местных советников позволяют судить слова Диона Хризостома, заявившего после превращения его родной Прусы в центр судебного округа, т.е. в город, где вершит суд наместник, что его сограждане теперь сами себя судят, а не судятся перед другими⁴⁰.

³² «...ἔδικαζε τὰ μεγὰ μετὰ τῶν ἐν τέλει» (*Philo. In Flac. I. 4.*).

³³ «...σὺν τε χιλιάρχοις καὶ ἀνδράσι τοῖς κατ' ἐξοχὴν τῆς πόλεως» (*Acta Apost. 25:23*).

³⁴ Перевод дан с учетом конъектуры Т. Моммзена.

³⁵ В деятельности адвоката залогом успеха были «достойное социальное положение (*dignitas aliqua*) (D. 1. 16. 9. 4), а также, как правило, связанные с ним хорошая риторическая подготовка (*Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxf., 1969. P. 22 f.; 26 ff., MacMullen R. Roman social relations.... P. 107*) и покровительство наместников (*Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. Camb., 1982. P. 150 ff.*). Не случайно Плутарх считает адвокатуру подходящим занятием для политика, добывающего верховенства в своем городе (Праес. г. р. ger. 805 В). Ульпиан советует наместнику проявлять во время суда терпимость к адвокатам, но с умом, так, чтобы не казалось, что им можно пренебрегать, а кроме того не позволять адвокатам быть зачинщиками и откупщиками тяжб (D. 1. 16. 9. 2). Здесь в качестве адвокатов явно выступают *viri potentiores* с присущими им наглостью и страстью к сутяжничеству. Все адвокаты, оставившие почетные надписи своим покровителям-наместникам принадлежали к верхам городской знати (*Saller. Op. cit.; Wilkins P.J. Legates of Numidia as Municipal Patrons // Chiron. 1993. 23. P. 200 f.*). Единственный известный нам адвокат, заседавший в совете наместника, – это знаменитый софист Полемон – человек неизмеримо богатый знатный и наглый. Во время суда над каким-то бандитом он подает наместнику шуточные советы, нарушая тем самым чинную атмосферу судебного заседания и демонстрируя свое пренебрежение к судье (*Philost. V. S. I. 25, p. 541*).

³⁶ *Mommsen. Op. cit. S. 149 f.; Garnsey P. The Lex Julia and Appeal under the Empire // JRS. 1966. 56. P. 177 ff.; Sherwin-White A.N. The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary. Oxf., 1966. P. 395, 541; Lintott. Op. cit. P. 57.*

³⁷ Характеризуя Тарквиния Гордого как тирана, Тит Ливий отмечает: «Он разбирает уголовные дела единолично, ни с кем не советуясь (*sine consiliis per se solus exercebat*), и потому (курсив мой. – А.С.) получил возможность умерщвлять, высылать, лишать имущества не только людей, подозрительных или неугодных ему, но и таких, чья смерть сулила ему добычу... Он первым из царей уничтожил унаследованный от предшественников обычай обо всем совещаться с сенатом и распоряжался государством, советуясь с домашними...» (I. 48. 4–5; 7. Пер. В.М. Смирнина).

³⁸ См. выше прим. 11.

³⁹ Тразея Пет, по словам Тацита, с возмущением отзывался о наместниках, заискивающих перед могущественными провинциалами и уподобляющихся под конец своего правления кандидатам на магистратуры, гонящимся за голосами (*Ann. XV. 21*). Следует учесть, что при Тразее соискатели магистратур в Риме гонялись за голосами сенаторов, а не рядовых граждан.

⁴⁰ *Dio Chrys. Or. 40. 10; Jones. Op. cit. P. 108.*

Разумеется, советники из местной городской знати использовали свое влияние прежде всего в собственных интересах, и именно поэтому разбор сколько-нибудь важных дел за закрытыми дверями мог вызывать негативную реакцию основной массы граждан⁴¹.

Во время открытых судебных заседаний «pro tribunali» наместник нередко должен был подвергаться разнонаправленному давлению как со стороны своих высокопоставленных местных советников, так и окружающих трибунал остальных граждан. Он должен был проявлять при этом немалый дипломатический такт. Плиний хвалит наместника Бетики Тирана за то, что тот повышает цену своего правосудия в глазах провинциалов своей большой обходительностью, в которой самое главное – привлечь к себе каждого почтенного человека и, будучи любимым маленькими людьми, в то же время пользоваться уважением первых людей города. Большинство же наместников, опасаясь показаться слишком угодливыми по отношению к могущественным лицам, приобретают славу недоброжелательности и даже злобности (Ер. IX. 5). Характерно, что Плиний упрекает наместников-судей не в том, что они пытаются кому-то угодить, а в том, что они не могут угодить сразу всем.

Существенная особенность юрисдикции наместника заключалась в том, что она не была разграничена с юрисдикцией городских магистратов⁴². Ульпиан отмечает, что «поскольку проконсул обладает всеобъемлющей юрисдикцией (plenissima iurisdictio), он один осуществляет (в провинции) полномочия всех лиц, которые в Риме вершат суд в качестве магистратов или в экстраординарном порядке, и нет в провинции такого дела, которое не мог бы решить он сам» (D. 1. 16. 7. 2; 1. 16. 9 pr). Применительно к провинциальному городу это означает, что наместник осуществлял – в числе прочих – также и полномочия местных магистратов и мог разбирать те же самые дела, что и они. И, судя по имеющимся свидетельствам, он действительно занимался делами подобного рода. К ним относились уже упоминавшиеся выше «легкие преступления» (D. 48. 2. 6), а также мелкие тяжбы⁴³. Светоний рассказывает, что, когда Гальбу назначили проконсулом Африки для наведения там порядка, он добился этого, проявляя величайшую заботу о строгом и справедливом разборе даже незначительных дел (in parvulis rebus)⁴⁴. Дублировать деятельность некоторых местных магистратов наместнику приходилось также и в делах, относящихся к его iurisdictio voluntaria⁴⁵.

Итак, в провинциальном городе наместник, как правило, исполнял свои обязанности судьи там же, где и местные магистраты, с помощью примерно тех же самых людей, и разбирая в числе прочих те же самые дела. Принимая свои решения, он так же

⁴¹ Нерон, согласно Тациту, в своей первой речи, произнесенной в сенате после прихода к власти, обещал, «отмежевываясь главным образом от того, что вызывало еще не заглохшее озлобление: он не станет единоличным судьей во всех судебных делах, дабы заперев в своем доме обвинителей и подсудимых, потакать, таким образом, произволу немногих могущественных» (Пер. А.С. Бобовича) (Tac. Ann. XIII. 4; Millar. Op. cit. P. 229). Дион Кассий, стремившийся в своем проекте идеальной монархии поставить императоров под контроль высшей знати (Смышляев А.Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1) советует принцепсам от имени Мецената вернуть суд только с советниками из числа самых уважаемых и высокопоставленных сенаторов и всадников (LII. 33. 3) и вместе с тем не разрешать римскому плебсу присутствовать на судебных заседаниях (LII. 30. 2).

⁴² Nörr D. «Imperium» und «Polis» in der hohen Prinzipatzeit. München, 1966. S. 33.

⁴³ Так, например, по свидетельству Ульпиана, наместники (как и преторы в Риме) должны были разбирать иски кормилиц грудных младенцев по поводу причитающейся им платы (D. 50. 13. 14).

⁴⁴ В качестве примера Светоний приводит самоличную разбор Гальбой тяжбы о праве собственности на некое вьючное животное (iumentum) (Galba. 7. 1–2).

⁴⁵ К этой юрисдикции относились такие дела (решавшиеся в Риме только магистратами) как утверждение манумиссий, усыновлений и крупных сделок, назначение опекунов и попечителей и т.д. (Jacques, Schied. Op. cit. P. 182). В провинции эти вопросы могли решаться некоторыми местными магистратами (Paul. Sent. 2. 25. 4; Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd I. 3 Aufl. Darmstadt, 1957. S. 156; Langhammer W. Die rechtliche und soziale Stellung der Magistratus municipales und der decuriones un der Übergangsphase der Städte von sich selbstverwaltenden Gemeinden zu Vollzugsorganen der spätantiken Zwangsstaates (2–4 Jahrhundert der römischen Kaiserzeit). Wiesbaden, 1973. S. 80 f.).

должен был считаться с мнением и «самых выдающихся мужей» города и рядовых граждан.

Деятельность наместника «в судах» имеет определенное сходство с его деятельностью «в собраниях», к которым, очевидно, относились заседания городского Совета и народного собрания. В отношении первых особый интерес представляет фрагмент трактата Ульпиана «Об апелляциях», посвященный порядку подачи жалоб теми, кто был назначен магистратом против своей воли. «По большей части наместники, — пишет Ульпиан, — имеют обыкновение отсылать декурионам названного (ими человека), с тем, чтобы те сделали бы Гая Сея магистратом, либо наделили бы его какой-нибудь иной должностью или обязанностью. Следует ли в таком случае подавать апелляцию тогда, когда Совет вынесет свое постановление, или же апелляция должна быть подана в связи с отсылкой, сделанной наместником? Скорее следует подать апелляцию, когда Совет вынесет свое постановление, ведь наместник, по-видимому, скорее дал совет о том, кого надо сделать (магистратом), чем сам (это) постановил, поэтому апелляцию надо подавать самому наместнику, а не на него. Но и, если наместник, как это обычно происходит (*ut fieri adsolet*), был в Совете, когда тот назначал кого-либо (на должность), обращаться с апелляцией нужно будет к самому (наместнику), как если бы апелляция подавалась (только) на решение Совета, а не его самого» (D. 49. 4. 1. 3—4).

Процедуру, о которой сообщает Ульпиан, можно трактовать по-разному. По мнению У. Сестона, здесь имеются в виду два варианта одного и того же заседания городского Совета: в первом случае декурионы руководствуются письменным распоряжением наместника, а во втором — тот лично присутствует в курии и отдает распоряжения⁴⁶. А Ф. Жак считает, что речь идет о двух разных этапах выборов и соответственно заседаниях Совета: на первом происходит утверждение списка кандидатов (*nominatio*), а на втором — собственно выборы магистратов (*creatio*). Причем наместник, присутствующий на втором заседании, не имеет отношения к процедуре *nominatio*⁴⁷. Если принять эту трактовку, остается неясным, почему наместники имели обыкновение лично участвовать только в процедуре *creatio*, и почему вследствие их присутствия решение Совета оказывалось фактически решением самого наместника⁴⁸. Как отмечает сам Ф. Жак, ни у одного из авторов, кроме Ульпиана, нет указаний на четкое разделение процедур *nominatio* и *creatio*, а сами эти термины нередко используются юристами как синонимы⁴⁹.

Скорее всего отсутствие четкости в терминологии и при описании процедуры выборов связано не с беззаботностью или беспомощностью юристов классического периода, а с отсутствием унификации процедуры самих выборов в городах ранней Империи с их разнообразными местными законами, обычаями и порядками. Этим, видимо, объясняется и отсутствие свидетельств о широком распространении в эпоху Принципата процедуры выборов, включающей в себя два отдельных заседания Совета, разделенных определенным промежуток времени⁵⁰.

На мой взгляд, нет никаких оснований видеть в Ульпиане исключение из общего правила. Рисуя картину выборов в провинциальном городе, он, так же как и другие юристы, не выписывает ее во всех деталях, а дает в самом общем, «смазанном» виде. По всей вероятности, в нашем фрагменте говорится о двух вариантах одного и того же заседания, содержанием которого могло быть и утверждение кандидатов и назначение магистратов, и то и другое одновременно.

⁴⁶ *Seston W.* Le décret de Digne et la fin de l'autonomie municipale en Occident // REA. 1962. P. 322 suiv.

⁴⁷ *Jacques.* Op. cit. P. 341 suiv.

⁴⁸ В доказательство повсеместного распространения такой процедуры Ф. Жак приводит только свидетельства IV в. н.э. (СTh. XII. 1. 8; XI. 30. 19; *Jacques.* Op. cit. P. 342), т.е. эпохи, когда былые различия городских «конституций», обычаев и избирательных процедур в значительной мере сглаживаются.

⁴⁹ *Jacques.* Op. cit. P. 341, 437.

⁵⁰ О разнообразии городских «конституций» и процедур, связанных с выборами и назначениями на должности во II—III вв. н.э., см. *Langhammer.* Op. cit. Pass.

Но зачем вечно перегруженному делами наместнику⁵¹ нужно было постоянно посещать заседания городского Совета? По мнению У. Сестона, это связано с практикой эпохи Северов, заключающейся в постоянном вмешательстве наместников в работу городского самоуправления, в лишении городских властей какого-либо самостоятельного значения, что вело к фактической ликвидации городской автономии⁵². С такой трактовкой убедительно полемизирует Ф. Жак, отметивший во-первых, что, как следует из самого словоупотребления Ульпиана, речь идет не о нововведениях северовского времени, а об обычной давно устоявшейся практике⁵³, а во вторых, что в провинциях, включающих в себя, как правило, множество городов, наместники физически были не в состоянии подменять собою городские власти и, не имея собственного аппарата управления в городах, они вынуждены были, выдвигая своих кандидатов, пользоваться советами самих декурионов⁵⁴. Таким образом, в данном случае речь идет не о столкновении, а о сотрудничестве центральной и местной власти, о подкреплении мнения декурионов авторитетом наместника.

Как полагает Ф. Жак, наместник посещал те заседания курии, которые обещали быть особенно бурными, чтобы выступать там в качестве арбитра, разрешавшего споры и смягчавшего конфликты⁵⁵. Непонятно, однако, как, например, проконсул Азии и его легаты, регулярно посещавшие только 14 из без малого 300 городов своей провинции, могли поддерживать в ней мир и согласие подобными методами. По всей видимости, в данных условиях личное участие наместника и его легатов на заседаниях городских Советов должно было иметь в первую очередь церемониальный демонстративный характер. Обращаясь в Совете к декурионам с предложением утвердить своего кандидата, наместник действовал наподобие городского магистрата⁵⁶ и, так же как и в церемонии *adventus*, выступал в его роли⁵⁷. И если в первом варианте заседания принятое решение могло рассматриваться как волеизъявление двух разных инстанций: наместника и курии, то во втором – только одной: городского Совета в составе председателя-магистрата и декурионов. Именно поэтому личное присутствие наместника в курии создавало особую ситуацию, и Ульпиану пришлось специально отметить, что и в этом случае апелляцию нужно адресовать президу, «как если бы она подавалась (только) на решение Совета, а не его самого (*quasi ab ordine non ab ipso fiat appellatio*)».

Вероятно, участие наместника в заседаниях народного собрания также имело демонстративный характер. В Дигестах есть только одно (причем небесспорное) свидетельство подобного участия. В трактате «Мнения», приписываемом (но не принадлежащем) Ульпиану, говорится: «Если установлено, что дуумвир не был избран законным путем, но только потребован криками простонародья (*vocibus popularium postulatum*), а проконсул тогда согласился с ними, чего он не должен был делать, то апелляция в столь ясном деле является излишней» (D. 49. 1. 12). По мнению Ф. Жака, речь идет о каком-то конкретном случае⁵⁸ народной манифестации, связанной скорее

⁵¹ Не случайно императорские мандаты начинались с предписания наместникам заботиться о своем здоровье (*Luc. Pro lapsu int. salut. 13; Talbert R.J.A. Pliny the Younger as Governor of Bithynia-Pontus // Studies in Latin Literature and Roman History. V. II / Ed. C. Deroux. Bruxelles, 1980. Collection Latomus. V. 108. P. 421*).

⁵² *Seston. Op. cit. P. 323 suiv.; cp. Clavel-Leveque M., Leveque P. Villes et structures urbaines dans l'Occident romain. P., 1984. P. 190.*

⁵³ К этому можно добавить, что еще в начале правления Траяна Плиний упоминает (как о чем-то вполне обычном) о речи легата проконсула Африки в городском Совете Лептиса (Ер. II. 11. 23).

⁵⁴ *Jacques. Op. cit. P. 341 suiv.; cp. Jacques, Scheid. Op. cit. P. 180 suiv.*

⁵⁵ *Jacques. Op. cit. P. 343.*

⁵⁶ Как правило, по крайней мере с конца II в. н.э., выдвижение кандидатов на должности проводилось городскими магистратами (*Langhammer. Op. cit. S. 46 ff., 232 f.; Jacques. Op. cit. P. 442 suiv.*).

⁵⁷ Выдвижение наместником своего кандидата могло быть частью церемонии *adventus* (*Смышляев. Вступление наместника... С. 115*).

⁵⁸ Поскольку вместо общих терминов «наместник (*praeses*)» и «магистрат» используются конкретные «проконсул» и «дуумвир» (*Jacques. Op. cit. P. 384*).

всего не с выборами в народном собрании, а с представлением народу утвержденных курией кандидатов или же со зрелищами, на которых присутствовал наместник⁵⁹. Однако, если учесть, что именно требовал народ, то более подходящим обрамлением для этих требований выглядят скорее выборы, чем зрелища. По-видимому, этот инцидент произошел на народной сходке во время представления утвержденных Советом кандидатов или на заседании народного собрания⁶⁰.

Неюридические свидетельства участия наместника в заседаниях народного собрания не особенно многочисленны, но весьма выразительны. По сообщению Тацита, сразу же после провозглашения Веспасиана императором наместник Сирии Муциан сначала привел к присяге свои легионы, а затем в театре на заседании народного собрания Антиохии выступил с речью, «встреченной со льстивой восторженностью» (Hist. II. 80). Очевидно, его целью была демонстрация всеобщей поддержки нового императора. Вступление Гальбы в борьбу за императорскую власть также было связано с народной манифестацией. Громадная толпа, собравшаяся на форуме Нового Карфагена, провозгласила своего наместника императором, как только он появился на трибунале. После этого он выступил перед народом с речью (Plut. Galb. 5; Suet. Galb. 10. 1). Чтобы погубить проконсула Африки 69 г. н.э. Кальпурния Пизона Галериана, его противники подготовили карфагенян провозгласить своего наместника императором. «Доверчивая чернь... хлынула на форум, принялась шуметь, аплодировать и требовать, чтобы Пизон показался толпе» (Tac. Hist. IV. 49. 3. Пер. Г.С. Кнабе).

Характерно, что в городах западной половины Империи демонстрация всеобщей поддержки нового императора происходила не в театре (как в Антиохии), а на форуме, т.е. именно там, где проходили заседания народного собрания и народные сходки (contiones). Аккламации собравшейся на форуме толпы (требовавшей на этот раз не нового дуумвира, а нового императора) могли рассматриваться как волеизъявление народа.

Интересные сведения о наместниках в народном собрании имеются в речах Диона Хризостома – единственном дошедшем до нас от эпохи Империи образце ораторского искусства, связанного с повседневной политической жизнью⁶¹. Свидетельства Диона относятся к началу правления Траяна и посвящены событиям в его родной Прусе. Выступая в народном собрании, Дион напоминает слушателям о том, как проконсул, узнавший о выдвинутом оратором плане постройки портика в Прусе, по собственной инициативе созвал экклесию и зачитал там предложение в пользу этого проекта. Следом за ним сам Дион произнес речь в поддержку строительства. В итоге предложение было принято единогласно, вызвав всеобщий энтузиазм (Or. 45. 15–16). Здесь перед нами опять демонстрация всеобщего согласия и единства, причем проконсул участвует в ней в роли городского магистрата, в чьи обязанности входили и созыв народного собрания, и выдвижение проектов постановлений⁶².

Другая речь Диона, связанная с интересующим нас вопросом, также адресована народному собранию, созданному с разрешения проконсула впервые после перерыва, вызванного какими-то недавними неурядицами (Or. 48. 1). Дион собирается пригласить на заседание проконсула, чтобы экклесия могла выразить ему свою благодарность (Or. 48. 15), но прежде, чем это сделать, напоминает собравшимся, как им следует себя вести в присутствии наместника. Он внушает согражданам, что поскольку ни один здравомыслящий проконсул не созывает без крайней необходимости народ,

⁵⁹ Jacques. Op. cit. P. 384 suiv., 400 suiv.

⁶⁰ Выборы магистратов в народном собрании нередко сопровождалось нарушением принятой процедуры и выдвижением «непригодных» кандидатов (C.Th. XII. 5. 1; Lepelley C. Les cités de l'Afrique romaine au Bas-Empire. T. 1. P., 1979. P. 142 suiv.).

⁶¹ Kennedy G. The Art of Rhetoric in the Roman World 300 BC–AD 300. Princeton, 1972. P. 574.

⁶² Следует учесть, что в городах Восточных провинций к тому времени уже утвердился западный обычай, в соответствии с которым выступать в народном собрании со своими предложениями могли только магистраты (Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ. V. I. Princeton, 1950. P. 640).

пребывающий в состоянии беспорядка, то не надо обманывать ожиданий наместника и отягощать его своими раздорами. Вместо этого необходимо, преисполнившись чувством дружбы и всеобщего согласия, выразить проконсулу свою признательность, приветствовать его аплодисментами и добрыми пожеланиями, воздать ему почести (Ог. 48. 1–2).

Таким образом, народные собрания и сходки, на которых выступает или должен выступать наместник, имеют одну общую особенность: они проходят в атмосфере всеобщего энтузиазма, сопровождаются аплодисментами и аккламациями, а все решения принимаются собравшимися гражданами единогласно.

Вряд ли эти особенности представляли собой случайные совпадения. Можно предположить, что заседания народного собрания, на которых присутствовал наместник, имели главным образом церемониальный характер. Их участники, демонстрируя (так же как и в церемонии *adventus*) свое единодушие и добровольное подчинение правителю, свое сплочение с ним, способствовали тем самым легитимации его власти, ее оформлению в соответствии с понятиями и представлениями граждан античного города⁶³. Именно поэтому наместник ведет себя на заседании народного собрания (или на народной сходке) подобно городскому магистрату.

Вероятно, так же как и публичные заседания суда, народное собрание с участием наместника могло использоваться для давления на него. Во время демонстрации всеобщего единства и согласия проконсулу, о котором упоминалось выше, очень нелегко было игнорировать «крики престолярды» и не согласиться с незаконным выдвиганием нового дуумвира.

Поведение наместников «в собраниях и судах» можно сопоставить с поведением не только городских магистратов, но и императоров эпохи Принципата. Характеризуя Адриана как образцового императора, Дион Кассий указывает: «Все самые важные и неотложные вопросы он решал с помощью сената, а суд он вершил с помощью первых людей... с трибунала, чтобы сделать общедоступным все происходящее (*ὡς τε δημοσιεύσθαι τὰ γυῦνόμενα*)» (LXIX. 7. 1)⁶⁴.

Современные исследователи вслед за Дионом Кассием отмечают, что выступления принцепса в сенате и в народном собрании (а чаще на народной сходке), суд с трибунала вместе с ведущими сенаторами и самоличное разбирательство в числе прочих массы повседневных рутинных дел характеризуют поведение «хорошего» императора в первые два столетия принципата⁶⁵. Причем, когда император оказывался в провинциальном городе, он посещал заседания городского Совета, вершил суд с трибунала с помощью «самых выдающихся граждан» этого города и самолично разбирал те же дела и решал те же вопросы, которыми занимался наместник провинции⁶⁶. Видимо, подобное поведение императоров и наместников имело в немалой степени демонстративный церемониальный характер и было связано с традиционной античной системой ценностей и с ожиданиями подвластных. Упрекая проконсулов Африки в отказе от открытого и гласного судопроизводства и нарушении принятых правил, когда дело касается христиан, Тертуллиан напоминает им: «Та держава, которой Вы служите, – это владычество гражданское, а не тираническое (*Nos imperium, cuius ministri estis, civilis non tyranica dominatio est*)» (Apol. 2. 14). Уподобление поведения наместников (и императоров) поведению магистратов было наглядным выражением этого «гражданского владычества».

⁶³ Ср. *Mac Cormack S.G.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley–Los Angeles–London, 1981. P. 18, 21, 46 ff., 64, 168 ff.; *Jacques*. Op. cit. P. 401.

⁶⁴ Ср. характеристику Веспасиана (LXV. 10. 5) и идеального правителя в «речи Мецената» (LII. 32. 1–2).

⁶⁵ *Millar*. Op. cit. P. 120 f., 229 ff., 368 ff.; *Talbert R.J.A.* The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 163 f., 174 ff.; *Jacques*, *Schied*. Op. cit. P. 84 ff.

⁶⁶ *MacCormack S.G.* Change and Continuity in Late Antiquity; The Ceremony of *Adventus* // *Historia*. 1972. Bd 21. P. 723; *Millar*. Op. cit. P. 120 f.; *Halfmann H.* *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich.* Stuttgart, 1986. S. 153 f.

Участие в различного рода «гражданских церемониях», решение мелких дел и дублирование в ряде случаев деятельности городских магистратов должно было значительно ограничивать и так не особенно большие возможности реализации римскими правителями их обширных властных полномочий, что способствовало в свою очередь длительному сохранению власти и влияния местных городских элит и институтов. Все это свидетельствует о важной роли античной гражданской общины, ее традиций и ценностей в эпоху ранней Империи.

*CIVILIS DOMINATIO: THE ROMAN GOVERNOR
IN A PROVINCIAL CITY*

A.L. Smyshlyaev

In the principate epoch governors of provinces in everyday language were often called magistrates (*magistratus*) and their power *magistratus imperium*. The aim of the article is to find out to what extent the behaviour of a governor at his working time, his *modus operandi* was determined by the perception of him as a magistrate and the expectations related to this as well, as to trace the impact of the above on the administration of his powers.

Drawing on the evidence of Roman lawyers, orators and writers of the 2nd–3rd c. A.D., the author points out that in a provincial city the governor fulfilled his duties in the same place as the city magistrates, and approximately in the same way. He had to personally sort out insignificant routine cases, which were also dealt with by local magistrates. He personally participated in the sittings of the city council and the popular assembly.

In the author's opinion this behaviour was to a considerable extent of demonstrative, ceremonial nature. It was also characteristic of the emperors of the principate epoch who demonstrated their loyalty to the values and traditions of the civic community. It was connected with the perception of the Roman Empire as a civilian, and not despotic sway (*civilis dominatio*) (Tert. Apol. 2. 14). Similarities in the behaviour of the representatives of the central power according to the established etiquette with that of the city magistrates and duplication in a number of cases of their actions tended to limit the not so big opportunities of the former to realize their extensive powers. As a result of this, the power and influence of the local city élites and institutions remained intact for a long time. These facts testify to the importance of the ancient civic community, its traditions and values in the Early Empire.

© 1997 г.

Ю.П. Зайцев

ЮЖНЫЙ ДВОРЕЦ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Неаполь Скифский – столица позднескифского государства в Крыму, царская крепость-резиденция – неизменно привлекает пристальное внимание исследователей¹. Среди множества открытых здесь объектов особое место занимают два фундаментальных архитектурных комплекса: так называемые Южный и Северный дворцы. Первый из них открыт в районе южных ворот крепости и датируется II–I вв. до н.э., а второй расположен в северной части городища (раскоп Д) и относится в основном к римскому времени. В Неаполе Скифском, как и на всей территории Крымской Скифии эллинистического периода, Южный дворец – это пока единственный архитектурный ансамбль, отмеченный совокупностью редких и уникальных признаков (многочисленные находки обработанных камней, кровельной черепицы, изделий из драгоценных металлов, терракот, скульптуры, эпиграфических документов, фресковых росписей и комплексов богатых захоронений). Итогом его исследований² явилось построение общей архитектурно-хронологической периодизации дворца³, которая и легла в основу предлагаемого его анализа.

¹Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 62; *он же*. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // МИА. 1971. № 177. С. 133; *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 197; *Храпунов И.Н.* Поздние скифы на Днепре и в Крыму: Автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 14; *Колтухов С.Г.* Укрепления Крымской Скифии: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Киев, 1993. С. 13.

²Шульц П.Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. 1946. Вып. 12; *Соломоник Э.И.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. Вып. III; *Зайцев Ю.П.* Допитания про грецке населения Неаполя Скифського // Археологія. 1990. № 1; *Zaitsey Ju.* La peinture murale de «Mégaron du Palais» de Naples de Scythe // АРМА. № 2 (в печати); *Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953; *Погребова Н.Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96; *Зайцев Ю.П.* Мавзолей Неаполя Скифського // Археологія. 1992. № 2; *Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П.* Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1990 г. // Архив КФ ИА АН Украины. № 264; *Зайцев Ю.П.* Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1992 г. // Архив КФ ИА АН Украины. № 268.

³Согласно новейшим археологическим раскопкам, двухслойный горизонт Е перекрывает поверхность материка; горизонт Е2 повсеместно перекрыт слоем пожара Е1 и представляет собой локальные линзы культурного слоя, с которым соотносятся мегарон «Н», землянки № 3, 4, дом с полуподвалом, другие наземные сооружения. Горизонт Д на первом этапе (Д4) отмечен восстановлением лишь мегарона, пристройкой к нему ограды двора, сооружением бассейна I и «здания с портиками К». Последние два объекта выполнены из обработанных известняковых плит. В то же время, возможно, возникает и древнейшая оборонительная стена. Дальнейшее развитие комплекса (Д3-2), параллельно с многократным усилением оборонительного узла центральных ворот, ознаменовано строительством мавзолея, дома «Р», «Восточного дома», «здания с портиками Л», алтаря, бассейна II, в которых использованы обработанные квадры. Их существование отмечено слоем золистого суглинка и многослойным (23 прослойки) глинобитным полом внутри мегарона. Сооружения горизонта Д4-2 повсеместно перекрыты слоем сырцовый глины (Д1), который образовался в результате их разрушения. Слой Е-Д содержали многочисленные родосские клейма V хронологической группы (150–108 гг. до н.э.). Слой рушенного сырца (Д1), на основании находок монет 112–105 гг. до н.э., относится ко времени походов Диофанта. Относительная стратиграфия участка позволяет

Древнейший на этом участке горизонт Е2 (примерно десятилетие, предшествующее 137–130 гг. до н.э.) представлен фундаментальным мегароном (здание Н площадью около 240 кв.м), в ближайшем соседстве с которым располагались так называемые «дом с полуподвалом», несколько полуземлянок и наземных построек, объединенных условным названием «мегаронного поселка» (рис. 1, Е). Благодаря сильному пожару, возникшему вскоре после постройки комплекса (около 135–130 гг. до н.э.), в культурном слое сохранились следы устройства многих объектов этого времени. Так, например, мегарон и дом с полуподвалом имели черепичные кровли и толстые каменно-сырцовые стены, внутри них на момент катастрофы было сосредоточено большое количество продуктов в амфорной таре производства Родоса и других центров. Предметы домашнего обихода представлены богатым набором чернолаковой расписной и обычной посуды, бусами, фибулой, орудиями домашнего производства, деталями ларцов и шкатулок. Отдельную группу составляют большой мраморный лутерий на подставке, крупные полихромные терракоты Деметры – Коры/Персефоны, керамические алтари и фимиатерии. Стены одного из зданий украшала красная штукатурка, на фрагментах которой сохранились неразборчивые греческие граффити. Главное и единственное помещение мегарона Н имело в центре большой очаг-платформу и каменную полку-скамью в юго-восточном углу, а напротив восточного входа был установлен единственный деревянный столб.

Исходя из многих данных наиболее вероятно жилое или хозяйственно-жилое назначение всех объектов «поселка» при их явной спецификации: землянки могли быть временным сезонным обиталищем небогатых рядовых семей, дом с полуподвалом, поскольку первый его этаж был складом, принадлежал, возможно, торговцу, а мегарон – основное здание комплекса – был жилищем главы рода и его большой (неразделенной) семьи. Мегаронный зал был местом собраний членов рода, трапез и культовых церемоний, чему есть красноречивые доказательства в последующий период. Обращают на себя внимание чисто греческие по облику бытовые и сакральные «вещественные наборы», совмещенные с архитектурными сооружениями смешанных традиций⁴.

Появление в глубинах крымских предгорий среди группы усадебных структур «мегаронного поселка» – событие очень важное. Показательна яркая и нетипичная для этих мест культура его обитателей (греческие терракоты, развитое домостроительство, высокий уровень быта, практическое отсутствие в керамическом комплексе лепной посуды и т.д.). Вся сакральная жизнь населения этого поселка, на данном этапе, вероятно, была сконцентрирована внутри мегарона, вокруг главного очага и домашнего культа женских божеств греческого пантеона. Нельзя не отметить высокий материальный достаток людей, населявших мегарон и дом с полуподвалом, что контрастирует с относительной простотой быта хозяев других наземных жилищ и полуземлянок и, в свою очередь, наводит на мысль об устойчивой иерархии сообщества первопоселенцев.

Начало второго этапа жизни комплекса, после пожара, ознаменовано превращением мегарона в сложную многофункциональную структуру. На начальной стадии (горизонт Д4 – около 137–130 гг. до н.э. + 5–7 лет) это выразилось в возникновении двух культовых сооружений – греческого портика и двора с бассейном (рис. 1, Д4). Бассейн, сложенный из обработанных плит (рис. 2), располагался к западу от здания. На дне его сохранились различные изображения, несомненно, сакрального характера, а в восточной стене был устроен слив, через который с прилегающей скальной поверхности вода могла поступать внутрь бассейна. Второй объект – «здание с портиками К» – был возведен напротив проема ворот и обращен к нему фасадом.

предполагать возникновение всего комплекса около 135–130 гг. до н.э., а завершение его архитектурного оформления – в 125–120 гг. до н.э. См. *Зайцев Ю.П.* Новые материалы по эллинистической хронологии Неаполя Скифского // Тез. докл. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье, 1994. С. 60–62.

⁴*Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 135 сл.

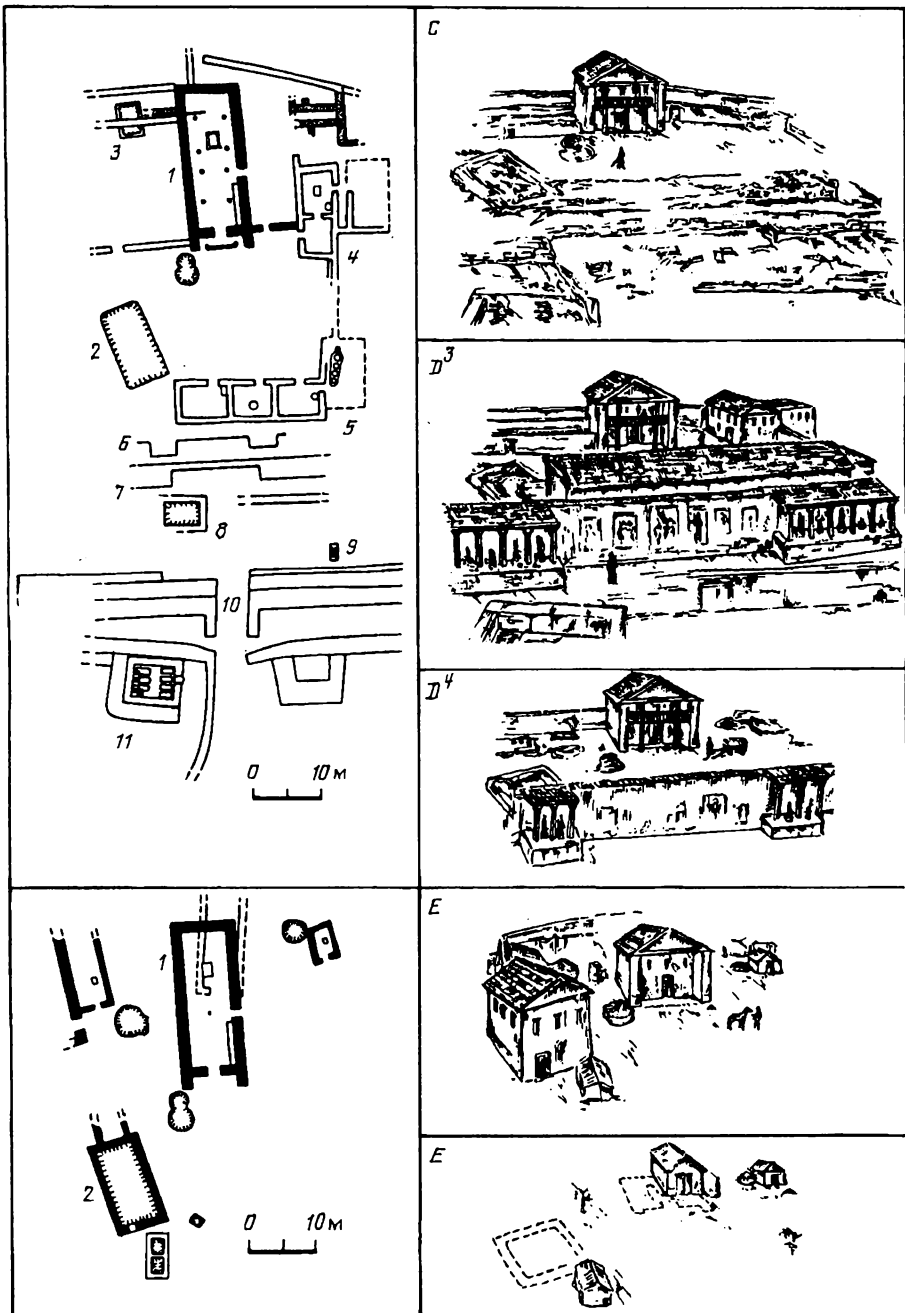


Рис. 1. Планы и эскизы объемных реконструкций Южного дворца Неаполя Скифского по горизонтам (E–C). Экспликация: 1 – мегарон Н, 2 – дом с полуподвалом, 3 – бассейн I, 4 – «Восточный дом», 5 – «дом Р», 6 – «здание с портиками К», 7 – «здание с портиками Л», 8 – бассейн II, 9 – алтарь, 10 – надвратная башня, 11 – мавзолей

Построенный из таких же плит, что и бассейн, он имел вид стены с выступами-портиками, в которых предположительно были установлены статуи-посвящения Афине, Зевсу, Ахиллу⁵. Функции этих двух сооружений, очевидно, были различными, если портики служили местом поклонения греческим божествам, то бассейн мог быть связан с более архаичными календарно-астральными культовыми традициями.

Примерно тогда же был сооружен второй этаж-галерея с опорой на столбы вдоль стен. Отныне жилая часть дома оказалась наверху, а нижний этаж с очагом стал только залом для трапез и церемоний. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать локальные зольные выбросы у бокового входа (аналогичные по структуре заполнению котлованов дома с полуподвалом и землянки 3): в них найдено огромное количество обломков амфор с винным осадком, столовой чернолаковой посуды, «мегарских» чаш, рубленых костей животных. Особое внимание привлекает фрагментированный расписной лягинос с граффити ΧΡΗΣΤΟΥ ΧΑΙΡΕ – красноречивое свидетельство того, что здесь имели место заупокойные (?) пиры – тризны. В нише западной стены

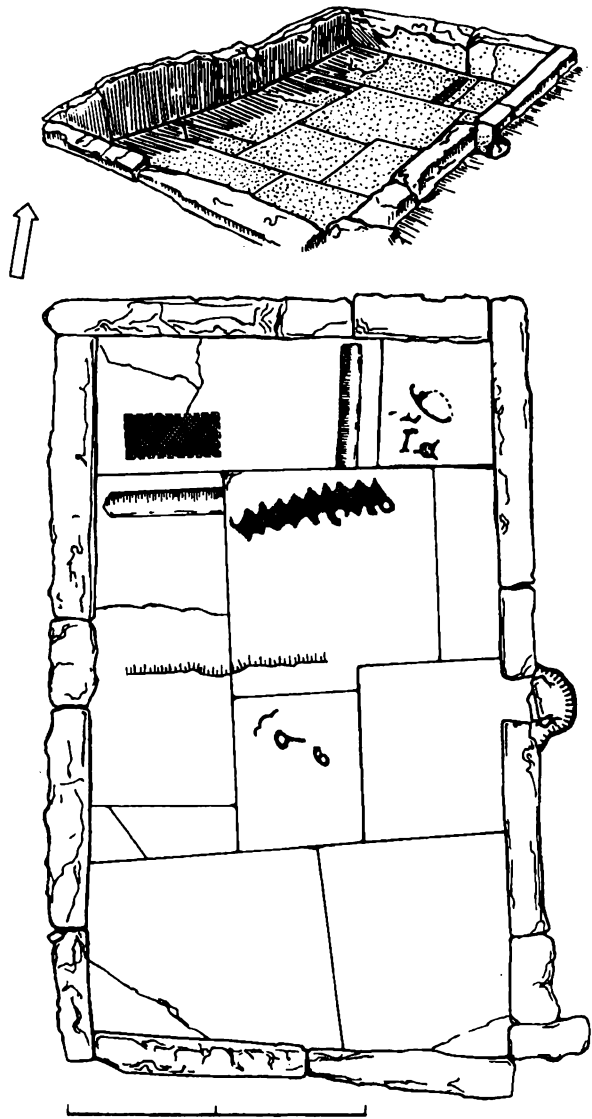


Рис. 2. Бассейн I горизонта Д4 Южного дворца Неаполя Скифского

здания, перед очагом, была установлена известняковая герма главного объекта поклонения – женского божества (рис. 3). В составе упомянутых трех сооружений – мегарона, «здания с портиками К» и двора с бассейном – комплекс просуществовал немногим более 5–7 лет.

Кардинальные изменения структуры и внешнего вида комплекса произошли около 130–125 гг. до н.э. (горизонт Д3). Внутреннее убранство мегарона (рис. 4) дополнилось полихромной фресковой росписью, украсившей западную стену. В стене были устроены предположительно две ниши, в одной из которых находилась упомянутая женская герма и алтарный блок с полихромным геометрическим

⁵Шульц. Исследования... С. 70; Карасев А.Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г. // Архив КФ ИА АН Украины. А № 5. С. 24–25; он же. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г. // Архив КФ ИА АН Украины. А № 6. С. 18–21; Высотская. Неаполь... С. 58 сл.

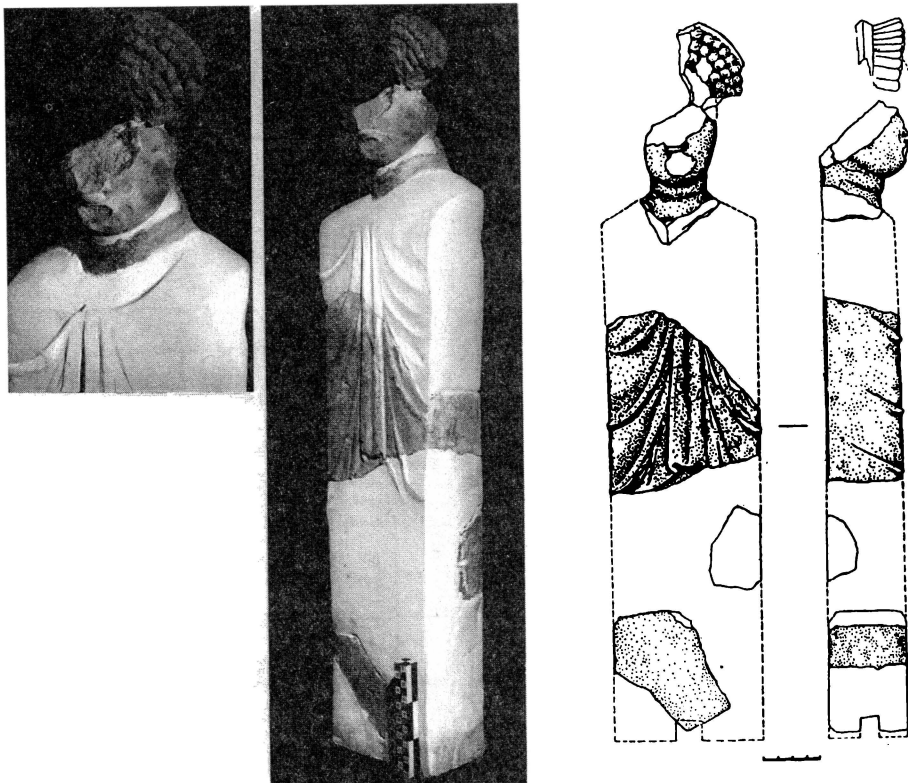


Рис. 3. Известняковая женская герма из мегарона Н. Фото и прорисовка

орнаментом⁶. Вторая ниша занимала дальний северо-западный угол, отделенный деревянной загородкой. В ней размещались несколько алтарей, столик на ножках и статуэтки, одна из которых изображала сидящую Кибелу⁷, а другая – Деметру (рис. 5, 1–9, 14). Все эти предметы были сделаны из глины, их фрагменты сохранили следы обильной полихромной росписи и позолоты. В этой же части здания находился крупный мраморный гекатейон, о котором нам известно по уцелевшему фрагменту с изображением драпировки и взявших за руки танцовщиц (рис. 6).

Вокруг мегарона снаружи были оставлены дополнительные свободные площадки, ограниченные заборами, а к югу и западу возведены два многокамерных двухэтажных

⁶Скульптура выполнена из плотного мшанкового известняка и – при высоте около 0,75 м – имела вид четырехгранного драпированного столба, увенчанного головой с полным лицом немолодой женщины и прической в виде валиков, перехваченных обручем или лентой; сохранилось шесть ее фрагментов, из которых четыре найдены внутри мегарона в слое его окончательного разрушения (судя по незначительным остаткам краски, драпировка имела зеленый цвет, а лицо – красно-коричневый); несмотря на профессиональное исполнение присутствует явный схематизм отдельных деталей (шея, прическа). Лучшее сохранившийся обломок – нижняя часть лица – был обнаружен вблизи западной стены здания: рядом с этим местом в нижней части заполнения траншей выборки этой же стены найдены три обломка из мшанкового известняка, украшенные в шахматном порядке ромбами красного и желтого цвета с черной обводкой. Это позволило предположить, что в западной стене здания была ниша, в которой стояли герма и жертвенник (?).

⁷Наличие второй ниши предполагается по факту скопления разбитых культовых сосудов и статуэток, обнаруженных у стены в северо-западном углу: передняя часть платформы трона с остатками ступней ног и обломок колена в складках одежды принадлежат одной статуэтке и практически идентичны известному ольвийскому изображению Кибелы. См. *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 105 сл. Рис. 51.

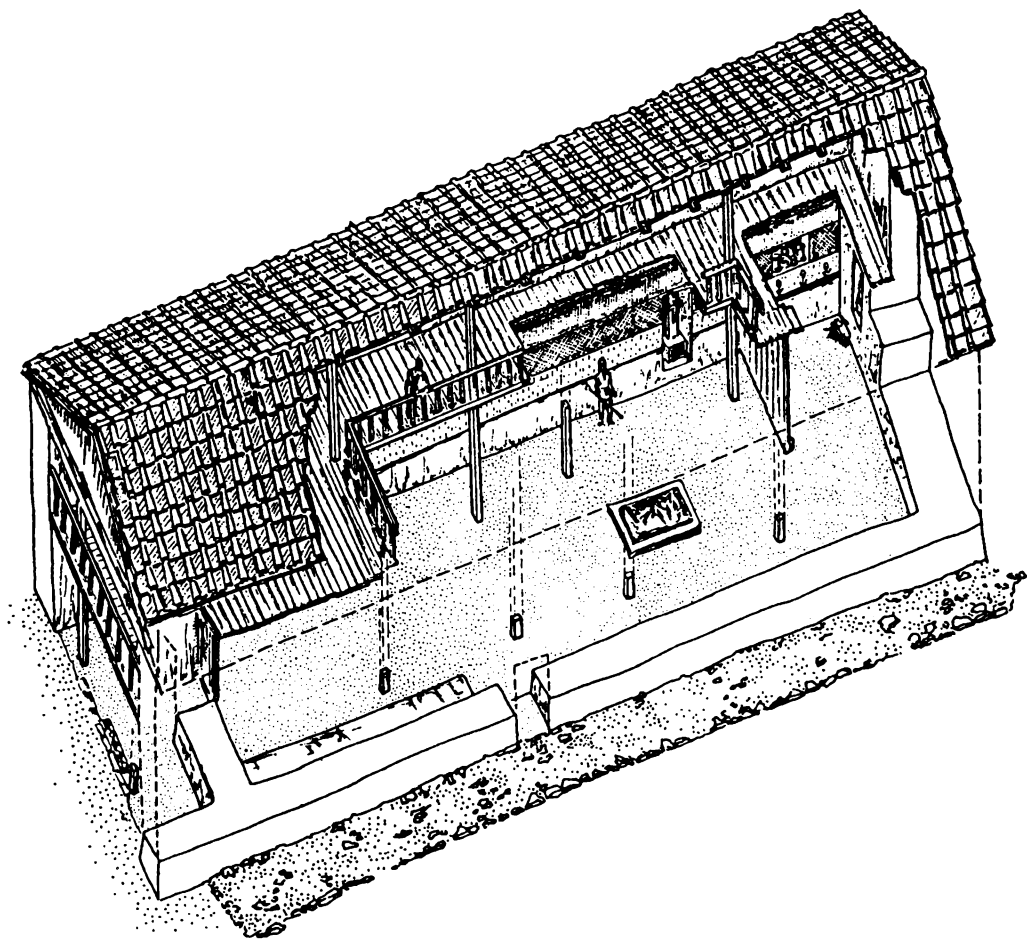


Рис. 4. Реконструкция внутреннего устройства мегарона Н Южного дворца Неаполя Скифского горизонта ДЗ

дома: «Р» и «восточный». Пока только условно можно говорить о формировании своеобразного «производственного пояса» дворца – винодельни, керамических и металлообрабатывающих мастерских, так как имеющихся для этого данных недостаточно.

К югу от этого основного блока был создан культовый комплекс, соединивший в одно целое разные по характеру объекты: бассейн II⁸ и второе здание с портиками. Предшествовавшие им здания не были разобраны или закрыты новой застройкой, а оставлены в неприкосновенности на своих местах. Новое здание с портиками «Л» – теперь уже из квадров – было украшено колоннадой

⁸Раскопки этого объекта выявили прямоугольную вырубку в скале, вокруг которой прослежены остатки кладки. Ее заполнение оказалось перекопанным в XIX в., когда территория городища использовалась для добычи камня. Это имело бы смысл только в случае наличия на дне и по бортам котлована обработанного камня. К двум сохранившимся блокам его обкладки примыкала вымостка площадки «здания с портиками Л». Эти факты, а также близость параметров этого сооружения бассейну I, позволяют предполагать сходство их функций и относительную синхронность. Это подтверждается и сливом в углу бассейна II.

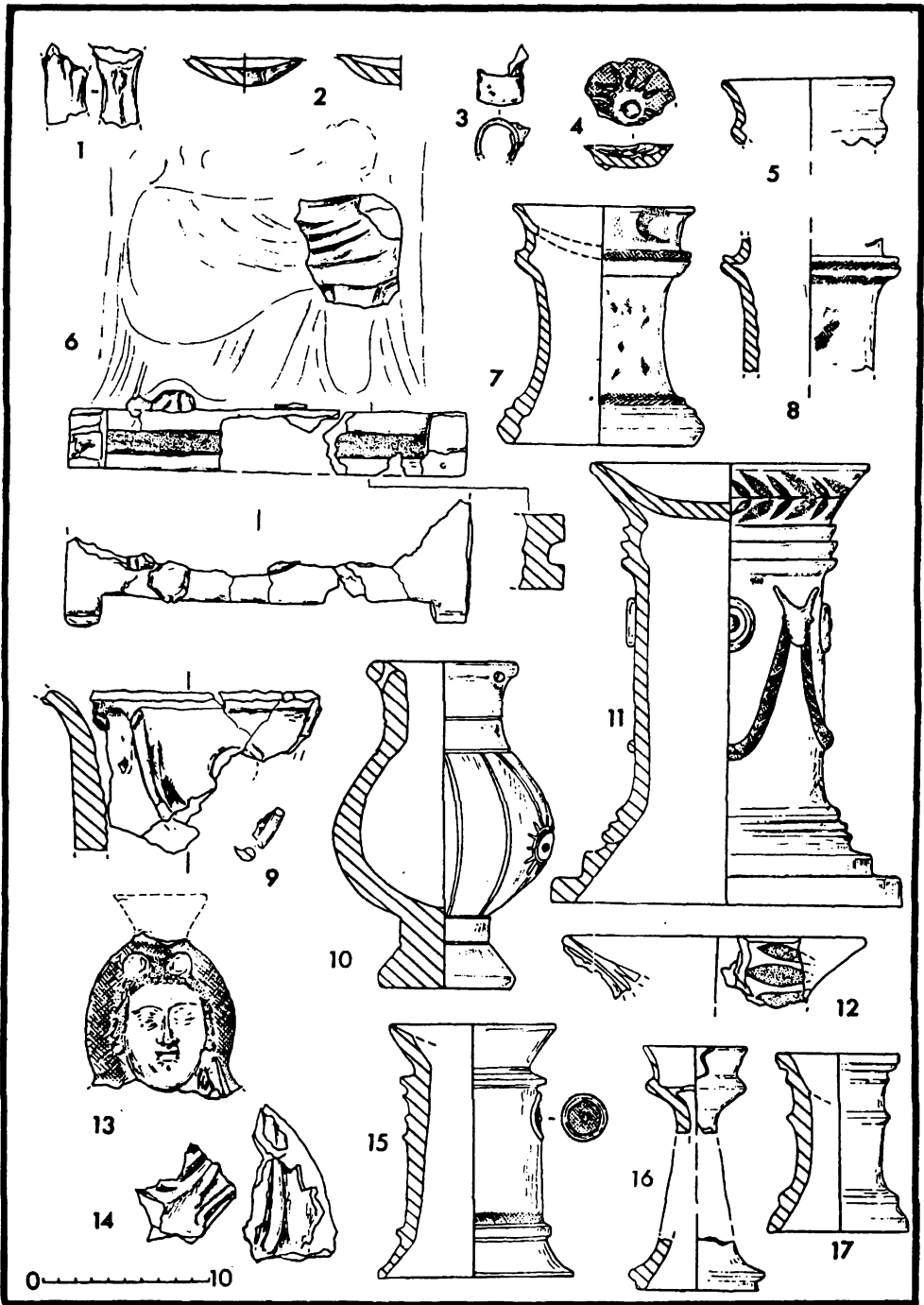


Рис. 5. Некоторые находки культового характера из раскопок Южного дворца Неаполя Скифского. 1-9, 14 – фрагменты терракот и алтариков из северо-западной части здания Н, слой горизонта Д1; 10, 11 – лепная курилница с врезным орнаментом и керамический алтарь из мавзолея; 12, 13, 15, 16, 17 – терракота и алтарики из слоя пожара горизонта Е1

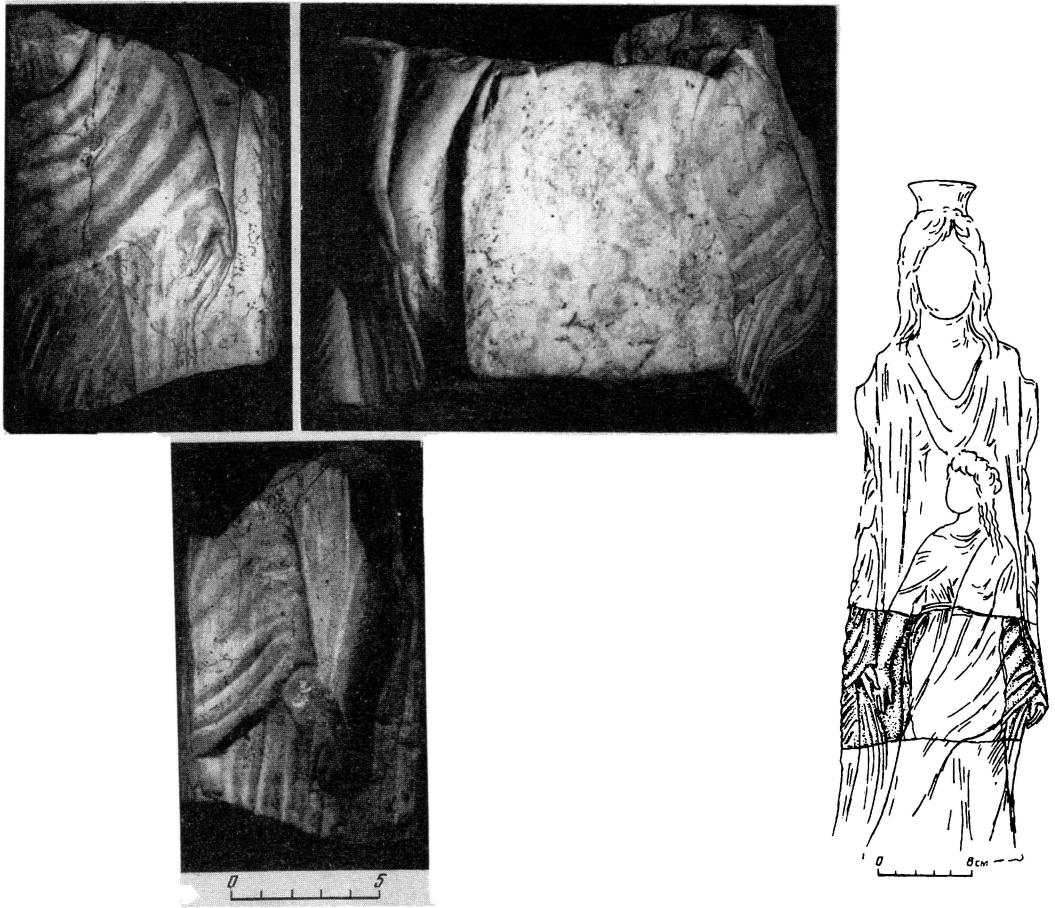


Рис. 6. Фрагмент и предполагаемая реконструкция мраморного гекатейона из мегарона Н

дорического ордера⁹ (рис. 7, 1). В пределах этого культового участка в разное время найдены рельефы и их обломки¹⁰ (рис. 7, 6–9; 8, 1, 2), постаменты с посвящениями греческим богам (рис. 8, 3–8), архитектурные детали (рис. 7, 3–5), обломки мраморных и бронзовых скульптур (рис. 7, 15–20), алтарики, светильники, мелкие приношения: фибулы, бусы, бляшки, монеты и т.д.

На этом же этапе застройки в непосредственной близости от центральных ворот был построен мавзолей¹¹, который был, несомненно, связан с дворцовыми сооружениями. Каменная гробница мавзолея содержала захоронение пожилого мужчины, в ногах которого размещался комплект частично поврежденного вооружения (разломанный латенский меч в железных ножнах, шлем типа Пилос, копье, стрелы, серебряный предмет). На животе и бедрах покойного, вероятно, лежало свернутое полотнище (штандарт?), украшенное несколькими сотнями золотых бляшек и аппли-

⁹Карасев. Раскопки Неаполя... в 1949 г. С. 25–27; он же. Раскопки Неаполя... в 1950 г. С. 21–25; Высотская. Неаполь... С. 58 сл.

¹⁰Еще в начале века были найдены мраморный рельеф с двумя фигурами и известняковый рельеф с изображением всадника (Шульц. Скульптурные портреты... С. 50; он же. Мавзолей... С. 58). Во время раскопок 1949–1950 гг. здесь же были обнаружены утраченные теперь известняковые фрагменты: плиты с рельефным изображением руки, держащей копье, карниза (?) с растительным орнаментом, рельефа с головой скифа (?) и т.д. (рис. 7, 6–8).

¹¹Шульц. Мавзолей... С. 21–25; Погребова. Погребения... С. 184–186.

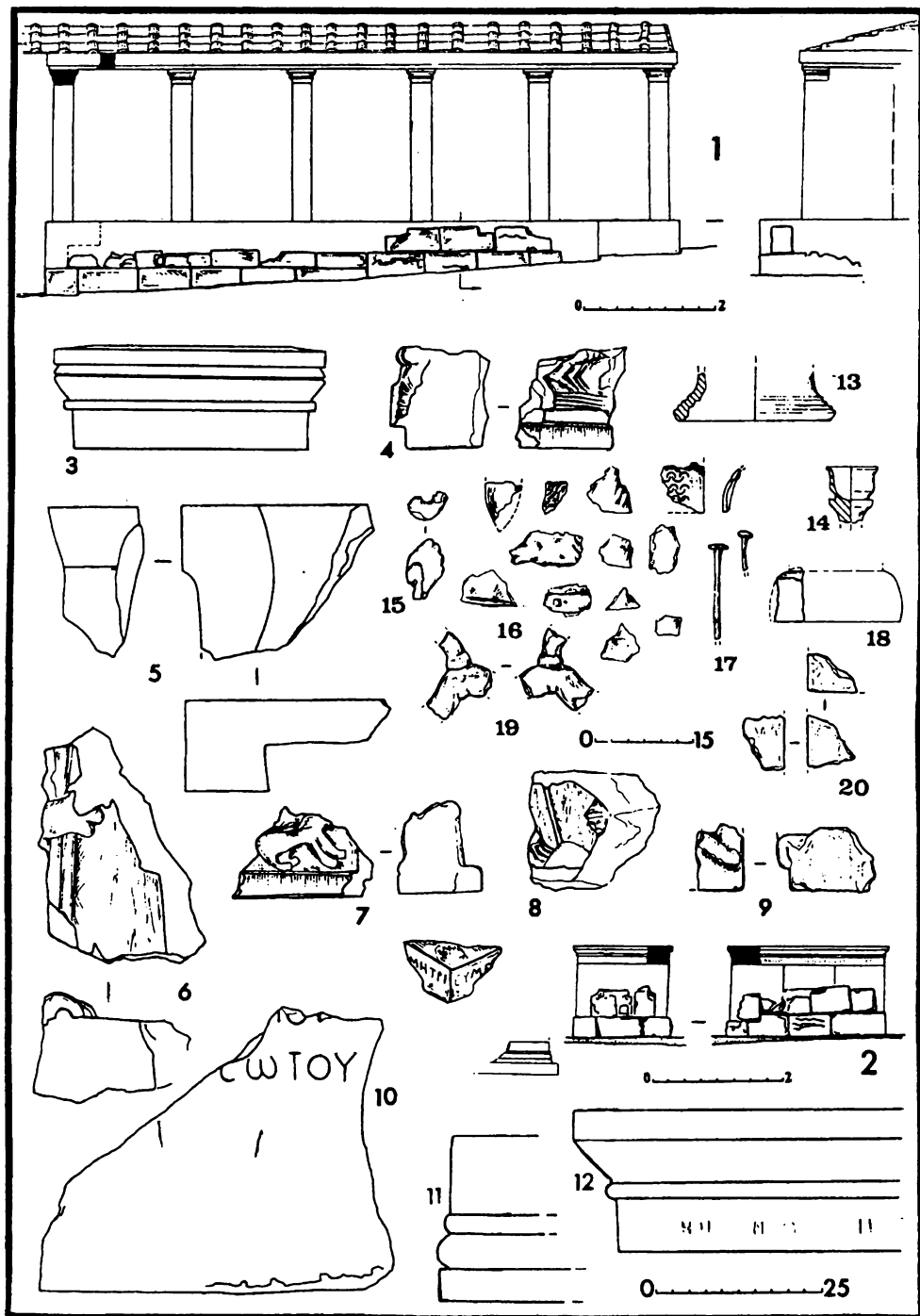


Рис. 7. Комплекс «здания с портиками Л» горизонта ДЗ: реконструкция восточного портика (1) и алтаря у оборонительной стены (2); известняковые архитектурные детали здания (3-5), фрагменты известняковых рельефов (6-9), керамических алтариков и фимиатериев (13, 14), части мраморных (15, 18-20) и бронзовых (16, 17) скульптур и других изделий; известняковая плита с остатками надписи и мраморный жертвенник с посвящением (10)

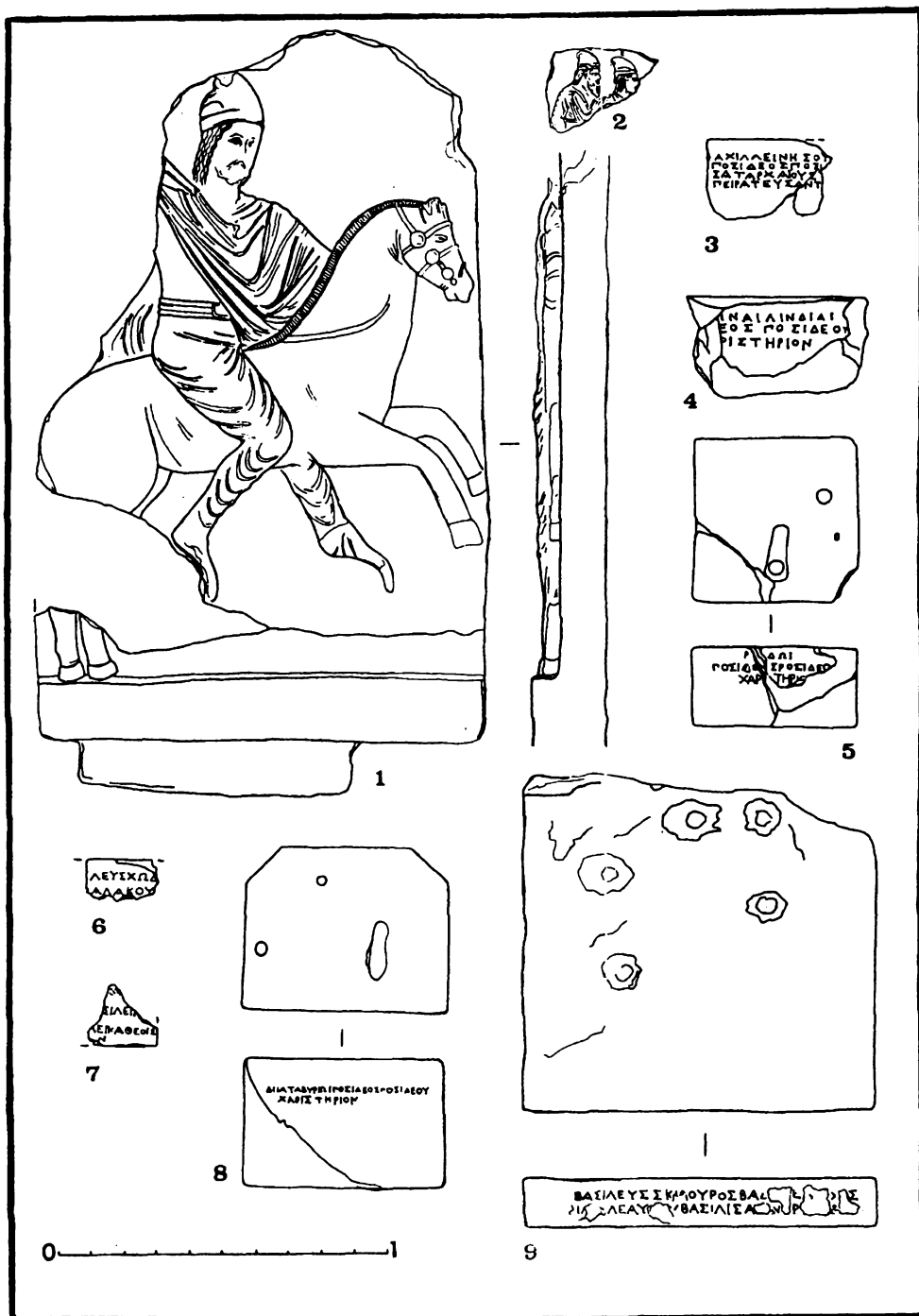


Рис. 8. Рельефы и постаменты статуй с надписями, предположительно происходящие из «здания с портиками Л»: 1 – известняковый рельеф с изображением «конного Палака», 2 – мраморный рельеф с изображением «Скилура и Палака», 3–8 – мраморные постаменты статуй с посвящениями, 9 – известняковый постамент конной статуи с именем царя Скилура

каций); оно могло быть знаком власти¹². Рядом находились четыре конских погребения. Второе захоронение в мавзолее было женским, как предполагается, в резном саркофаге¹³. Захоронение в гробнице мавзолея главы рода, наделенного большой военно-административной властью, и его жены – гречанки, в данном случае могло стать отправной точкой в формировании смешанного греко-варварского погребального обряда¹⁴. Затем в сравнительно короткий промежуток времени здесь последовательно совершили еще 70 погребений.

Среди многочисленного погребального инвентаря необходимо отметить культовые сосуды – две шаровидные лепные курильницы (рис. 5, 10) и керамический алтарь (рис. 5, 11)¹⁵, которые предположительно сопровождали женские захоронения (что может косвенно свидетельствовать о приоритете женщин в отправлении домашних культов) и имеют многочисленные аналогии среди материалов из дворцового комплекса. Другие предметы чисто сакрального назначения – золотые наглазники и нагубники – напротив, встречаются исключительно в захоронениях мужчин и мальчиков (?). Там, где это достоверно зафиксировано *in situ* (погр. 30, 72), они оказались под черепом или спиной погребенного и обращены в землю. Это позволяет высказать предположение, что некоторые представители мужской половины рода наделялись как бы «вторым лицом», необходимым для особой связи с потусторонним миром.

Таким образом, период наивысшего расцвета южного дворцового комплекса длился около 20 лет и был прерван событиями так называемых Диофантовых войн, когда войска под руководством известного полководца провели ряд успешных операций на территории Крымской Скифии¹⁶.

Единовременное разрушение всех сооружений дворца произошло во время вероятного присутствия здесь понтийского гарнизона, после чего восстановили только мегарон и началось возведение новых оград (горизонт С). Захоронения продолжались и в мавзолее. Этот последний этап существования мегарона был весьма коротким. Два пожара, случившиеся один за другим, привели к окончательному запустению некогда богатого комплекса.

¹²Повторная находка среди материалов Бахчисарайской археологической станции и детальная реставрация сохранившихся фрагментов вооружения и доспеха из каменной гробницы несколько изменили первоначальное представление о них. См. Шульц. Мавзолей... Табл. 1; Погребова. Погребения... С. 114 сл., 120; Зайцев Ю. П. Верховная знать Неаполя Скифского (Новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии. СПб., 1994. Рис. 1–4). Сопоставление дневниковых записей с ежедневной фотофиксацией процесса расчистки средней части костяка в каменной гробнице не подтвердило интерпретацию скопления золотых бляшек как украшения рукавов и подола кафтана. Судя по их действительному положению – хаотично, но компактной группой, вытянутой наискосок поверх костяка – здесь скорее всего находилось свернутое в рулон полотнище (штандарт (?), знак власти).

¹³Шульц. Мавзолей... С. 25–29; Домбровский О. И. Саркофаг царицы. Опыт реконструкции // Рукописный архив КФ ИА АН Украины. № 24; Зайцев. Мавзолей... Рис. 3, 4.

¹⁴Сравнительный анализ дневников и фотоматериалов раскопок мавзолея 1946 г. позволил откорректировать первоначальное суждение о представленном здесь погребальном обряде. Согласно наблюдениям, во многом совпадающим со старыми выводами, первый этап отмечен захоронением в каменной гробнице, в резном деревянном саркофаге, и четырьмя конскими; второй этап был ознаменован появлением плотной глинистой засыпи в восточной и западной частях погребальной камеры, в которых были устроены могилы, либо обшитые деревом, либо в виде вкопанных в грунт ящиков, располагавшиеся двумя параллельными рядами. По мере совершения захоронений более ранние останки периодически перекрывались деревянными настилами. Центральную часть мавзолея в это время заняли три аналогичные, но единовременные могилы, поверх которых накопился целый слой перемешанных костных останков и инвентаря. Третий этап – собственно деревянные узкие ящики с одиночными захоронениями и группа почти безинвентарных погребений в юго-восточном углу.

¹⁵Неправильная графическая реконструкция «терракотового сосуда» приведена в работах Н. Н. Погребовой (Погребения... С. 113) и Т. Н. Высотской (Неаполь... Рис. 92). Реставрация показала его совсем другой облик и иное назначение (см. Зайцев. Мавзолей... С. 93–95. Рис. 1).

¹⁶Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 73–75.

Затрагивая вопрос о конкретных обитателях Южного дворца Неаполя Скифского, следует упомянуть Посидея¹⁷ (которого многие исследователи считают крупным политическим и военным деятелем как Ольвийского государства, так и Крымской Скифии, навархом и кибернетом из Ольвии¹⁸, крупным торговцем, особо приближенным лицом Скилура) и Евмена¹⁹; граффити на керамических сосудах сохранили имена Христа и Сокона. Увязка самого комплекса с центральными воротами могла бы указывать на ранг его хозяина – коменданта крепости или правителя конкретной административной территории (номарха) с центром в Неаполе. Гипотезе о том, что хозяевами дворца были Скилур и его сын Палак в данном случае как будто бы противоречит предположение о том, что мужское погребение в каменной гробнице было совершено еще при жизни обоих.

С другой стороны, уже около полувека это захоронение остается наиболее богатым и ярким среди обнаруженных погребальных памятников Крымской поздней Скифии. Сочетание исключительных признаков (форма погребального сооружения, его местоположение, соседство с богатейшим архитектурным комплексом особой структуры) свидетельствует о неординарной личности умершего, которому были возданы высочайшие последние почести. Таким человеком в конце II в. до н.э. мог быть царь Скилур, ушедший из жизни до начала войны с Митридатом VI Евпатором²⁰. Предположение о захоронении этого выдающегося царя в мавзолее выдвинул еще П.Н. Шульц: в доказательство этого была приведена пластическая реконструкция М.М. Герасимова по черепу и сделано сравнение с монетными и скульптурными изображениями²¹. Если присоединиться к этой гипотезе, то хронологическое противоречие, упомянутое выше, может быть легко устранено. Такое фундаментальное сооружение, как мавзолей с каменной гробницей, строилось явно заранее, не по факту смерти – во время генеральной реконструкции всего дворцового комплекса горизонта ДЗ. Когда же точно в каменной гробнице было совершено погребение и было ли оно действительно самым первым – установить по археологическим материалам невозможно. Поэтому относительное соответствие хроноиндикаторов погребения стратиграфии и периодизации Южного дворца не может быть определяющим в решении конкретного вопроса. В качестве дополнительной информации по данной проблеме можно привести также ситуацию внутри мегарона, где на уровне ниже двух прослоек пола, перекрытых сырцовыми развалами (по подробной хронологической схеме – за два года до событий Диофантовых войн) были убраны столбовые конструкции и, надо полагать, ликвидирован второй этаж-галерея. О значительности этого акта может свидетельствовать синхронное принесение в жертву синопской амфоры с вином, установленной в ямку за очагом и запечатанной деревом и глиной. Ножка у сосуда была аккуратно отбита, а образовавшееся отверстие примыкало к скале, вероятно, для того, чтобы вино уходило в землю. Подобная жертва является очень редкой и очевидна ее связь с хтоническими культами²². В предложенном контексте эта акция может быть объяснена смертью хозяина дома, после которой строение утратило жилые функции. Как бы то ни было, остается очевидным, что в мавзолее был захоронен представитель высшей аристократии, глава большого рода, наделенный довольно высокой пожизненной властью.

Представленные свидетельства показывают, что практически на новом месте возникает яркий и своеобразный культурный феномен, за короткий промежуток времени переживший несколько этапов развития. На начальной стадии «мегарон-

¹⁷Соломоник. Эпиграфические памятники... С. 44.

¹⁸Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 241, 243; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 204.

¹⁹Соломоник Э.И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. XXVIII. С. 310.

²⁰Она же. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53–58.

²¹Шульц. Мавзолей... С. 65.

²²Попова Е.А. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. 1990. № 3.

протодворец» представлял собой, вероятно, центр культово-административной организации родового или племенного поселка. После сильного пожара, возникшего, может быть, при набеge сарматов²³, в несколько приемов произошла его трансформация в развернутую систему с четко выраженным ядром (мегарон – одновременно жилище божества и главы рода) и окружающим обособленным пространством, частично занятым хозяйственно-жилыми структурами (дома «Р», «Восточный» и прочие), самостоятельным культовым участком и, наконец, мавзолеем – «домом мертвых». Как уже отмечалось, все внутреннее пространство мегарона делилось на сакральную и бытовую уровни; на нижнем этаже, перед очагом, была установлена герма женского верховного божества.

Благодаря недавней находке в Пантикапее жертвенного стола с посвящением богине Дитагойе²⁴ от Сенамотис, дочери царя Скилура, стало известно имя негреческой богини, почитаемой, вероятно, в среде высшей аристократии позднескифского царства. Автор находки предполагает хтонический характер этой богини, ее тесную связь с культами Гекаты и Артемиды. Фрагменты изображений этих богинь найдены рядом в святилище акрополя²⁵. Поскольку в неапольском мегароне вместе с терракотами и алтарем обнаружен фрагмент мраморного гекатейона с танцовщицами, подобного пантикапейскому²⁶, но несколько другого типа, то это позволяет предполагать, что именно богиня Дитагойя могла быть одним из верховных родовых божеств, которое почиталось обитателями Южного дворца Неаполя Скифского.

Интересно, что материальные свидетельства религиозной жизни обитателей дворца нельзя считать однозначно греческими или варварскими. Все выглядит сложнее и, возможно, отражает особый греко-варварский религиозный мир. Поиски же аналогий остаткам материальной культуры Южного дворца Неаполя приводят во многих случаях на Азиатский Боспор. Именно там, в греко-варварской среде, известны ближайшие аналогии погребению в каменной гробнице мавзолея²⁷, предметам культа²⁸ и многому другому. Предположение о переселении некоторой группы лиц из Боспора в Центральный Крым будет, наверное, сильно упрощенным и вряд ли объяснит ситуацию. Вероятно, мы имеем дело с более сложными процессами, суть которых можно будет осмыслить на более широкой базе данных. Сейчас очевидно лишь, что формирование аристократической верхушки так называемого позднескифского царства времени Скилура было основано на теснейшем слиянии различных этнических групп, культур и мировоззрений. В результате это и дало подобную картину,

²³Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 117.

²⁴Толстиков В.П. Святилище на Акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 108, 112.

²⁵Там же. С. 112 сл.

²⁶Акимова Л.И. Новый памятник скульптуры из Пантикапея (к проблеме гекатейонов) // ВДИ. 1983. № 3.

²⁷Сама гробница – почти точная, вплоть до размеров, копия гробницы Первого Артюховского кургана: см. Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 9–10 – автор отмечает, что данный тип погребальных сооружений применялся на Тамани только для состоятельных слоев населения. Золотая фибула-брошь из того же погребения мавзолея находит ближайшие аналогии опять-таки на Боспоре (Артюховский, Зелинский курганы), где подобные предметы являлись принадлежностью мужской одежды (там же, с. 71).

²⁸Массовые в пределах Южного дворца керамические алтарики, фамиятерии и терракоты за редким исключением не встречены больше ни на территории Неаполя Скифского, ни в других местах Крымской Скифии (см. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. 1992. Т. 11. Рис. 23; 28; 27, 4, 8). Наиболее часто они встречаются на Азиатском Боспоре (см. Соколовский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 102 сл. Рис. 5.; Салов А.И. Археологические находки в Анапе // СА. 1962. № 2. Рис. 1, 2; Кругликова И.Т. О гончарной мастерской Горгиппии // Там же. Рис. 3, 1, 2). Азиатский Боспор наряду с Ольвией дает также наибольшее количество аналогий в плане набора и сюжетов терракот: Кибелы, Деметры, Афродиты и т.д. (см. Соколовский. Таманский толос... С. 93 сл.; Русяева. Земледельческие культы... С. 53. Рис. 29, 3 (Деметра); С. 105. Рис. 51 (Кибела).

трудно согласуемую с традиционной схемой генезиса и развития позднескифского общества²⁹.

Образ жизни, структура рода и семьи³⁰, общественное положение в полукучевой варварской среде определили особое место знати в административном, общественном и религиозном устройстве общества, повседневном быту и хозяйственных процессах. Отсюда – отчетливо осязаемое противостояние данной дворцовой структуры другим, более скромным объектам Неаполя того же времени, сосредоточение в ней наиболее важных и ярких проявлений культовой и общественной жизни.

Близость по многим признакам неапольского дворца аналогичным комплексам эгейского мира³¹, сходная с ними структура и назначение большинства элементов позволяют предполагать и такую его роль, как резиденция высшей знати и сакральный родо-племенной центр. В главном зале, вероятно, устраивались трапезы и культовые церемонии, перед колоннадой имели место ритуальные действия с приношениями, а бассейны использовались во время астрально-календарных празднеств. Показательно сближение культа героизированных вождей и богов греческого пантеона, заметное по сюжетам рельефов и скульптур «здания с портиками "Л"».

Вся структура этого дворцового комплекса и происходившие здесь обряды вероятно, в какой-то степени отражают мировоззрение полиэтничного греко-варварского населения данного региона, которое много веков спустя повторило опыт религиозно-общественного устройства своих средиземноморских предшественников – представителей крито-микенской культуры. В связи с этим уместно напомнить, что П.Н. Шульц и С.Д. Крыжицкий в разное время отмечали идентичность социально-экономического развития позднескифского и крито-микенского обществ³². Особенно показательно здесь то, что дворцово-мегадонный архитип эпохи бронзы существовал в период расцвета крито-микенской цивилизации, тогда как Южный дворец Неаполя Скифского был создан в культурной среде греческих государств, стоявших на более высокой ступени общественного развития. Все это может свидетельствовать об удивительно цельной и стойкой системе мировоззрения древнего общества, существовавшей в различных проявлениях несколько тысячелетий.

²⁹О преобладании традиционно скифского уклада в материальной и духовной культуре поздних скифов, поступательном перерастании раннескифского общества в позднескифское и другие моменты см. Шульц. Мавзолей... С. 7–8; он же. Позднескифская культура... С. 127 сл.; Погребова. Погребения... С. 179–183; Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // МИА. 1971. № 177. С. 148 сл.; Высотская. Неаполь... С. 61–71, 156–177, 191–197; она же. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 5–28; она же. Этнический состав населения Крымской Скифии // Материалы этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 65.

³⁰Михлин Б.Ю. О характере позднескифской семьи // СА. 1987. № 2; Дашевская О.Д., Раевский Д.С. К статье Б.Ю. Михлина «О характере позднескифской семьи» // Там же.

³¹Блаватский В.Д. О развитии эллинского храма // Античная археология и история. М., 1985. С. 50–54; Сидорова Н.А. Новые открытия в области античного искусства. М., 1965. С. 33–34; Press L. Budownictwo Egejskie. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1964; The Function of the Minoan Palaces. Proceedings of the Fourth Intern. Symposium at the Swedish Institute in Athens, 10–16 June 1984. Stockholm, 1987.

³²Шульц. Позднескифская культура... С. 135; Крыжицкий. Жилые дома... С. 135–136; он же. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 227.

THE SOUTHERN PALACE OF THE SCYTHIAN NEAPOLIS

Yu.P. Zaitsev

The article is devoted to the publication and scientific interpretation of the results of the investigation of the palatial complex in Scythian Neapolis, capital of the Late Scythian Kingdom in the Crimea. The author singles out the stratigraphy of the archaeological layers of the palace, which enables him to make the chronology of its existence more precise and link stages of its existence to the momentous historical events in Crimean Scythia in the IInd c. B.C. The first stage of the existence of the palace is a megaron settlement (ca 147–137 B.C.) destroyed by a big fire about 135 B.C.; the second stage is the evolution of the megaron into a complicated polyfunctional structure combining public, religious and burial functions of the whole complex. At this stage a mausoleum connected with the palace structures was built. An elderly man, probably one of the kings of the Scythian kingdom in the Crimea (Sciluros?) was buried there.

It was the period of the highest prosperity of the whole complex which lasted for about 20 years. This period was interrupted by the Diophantine Wars when all the palace structures were simultaneously destroyed. The author links the destruction to the presence of a Pontic garrison in Neapolis.

Глиптика Средней Азии и Ближнего Востока

© 1997 г.

МАРГИАНСКО-БАКТРИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И ХАРАППСКОЕ ПИСЬМО

Несмотря на различные компьютерные программы, разработанные командами русских, финских, индийских и американских ученых, несмотря на многочисленные отважные попытки – главным образом индийских ученых – дешифровать письменность долины Инда, провозглашавшуюся протодравидской, протоэламодравидской, индо-шумерской, санскритской, брахми, кхарошти, эта индская письменность вот уже более шестидесяти лет хранит свои тайны и не поддается прочтению.

У нас нет археологических свидетельств в пользу того, что собственно индское письмо когда-либо использовалось вне его культурной среды или что его понимали в сопредельных землях, не говоря уж о том, чтобы его там использовали. Те надписи, выполненные индскими знаками, которые были найдены за пределами распространения индской, или хараппской культуры, можно в общем разделить на три категории:

1. Надписи на квадратных стеатитовых печатях с нормальной индской просверленной и украшенной канавками ручкой-выступом на оборотной стороне, которые состоят только из собственно хараппских значков, расположенных именно таким образом, как было принято в индской/хараппской системе письма. Надписи этой группы до сих пор встречались в основном на Ближнем Востоке, прежде всего – в Месопотамии.

2. Надписи на печатях-штампах не только квадратных, на деле чаще с рабочей поверхностью круглого очертания, реже – на призматических штампах. Часть надписей этой группы состоит из подлинных индских знаков, но располагаются они в порядке, который не засвидетельствован для надписей из районов Инда. На других надписях, в особенности – из районов Персидского залива, и главным образом на круглых печатях-штампах с индской или похожей на индскую ручкой-выступом, видны пиктограммы, лишь напоминающие собственно индские знаки; однако ни последовательность расположения этих знаков, ни их вид не соответствуют индским образцам. Круглые печати-штампы этой категории встречаются как в Месопотамии, так и в районах, примыкающих к Персидскому заливу, большинство – в последних.

3. Граффити на керамике.

Аналитический каталог индских надписей с Ближнего Востока, изданный А. Парполой¹, содержит 41 надпись (на самом деле 42, см. ниже) на квадратных, круглых и призматических печатях-штампах, а также на керамике (граффити). А. Парпола разделяет их на следующие группы: I. «Индско-хараппские, т.е. строчки письма, состоящие из несомненно индских знаков, написанных только в присущей хараппской письменности последовательности и сопровождающихся чисто хараппской иконогра-

¹ Parpola A. Harappan Inscriptions. An Analytical Catalogue of the Indus Inscriptions from the Near East // Qala'at al-Bahrain. V. 1: The Northern City Wall and the Islamic Fortress / Ed. F. Højhund, H. Andersen. Aarhus, 1994. P. 304–315.

фией. Предметы, на которых нанесены надписи этой группы, также являются вещами чисто хараппского типа [квадратные очертания] и, по-видимому, были вывезены из районов долины Инда». II. «Вероятно индско-хараппские – идентичны предшествующему классу надписей [наш № 1], только последовательность знаков не столь очевидно хараппская». III. «Местные хараппские – надписи, состоящие из несомненно индских знаков, расположенных в чисто хараппской последовательности в сопровождении хараппской (даже стилистически) иконографии, но на вещах чуждых типологически (круглая печать-штамп [здесь следовало бы добавить призмовидную печать-штамп], цилиндрическая печать), либо чуждых по материалу (медь), которые, вероятно, были произведены на Ближнем Востоке хараппцами, недавно прибывшими туда из районов долины Инда». IV. «Вероятно местные хараппские – идентичны предшествующему классу надписей, только последовательность знаков не столь очевидно хараппская». V. «Хараппские – надписи, написанные несомненно индским письмом, однако последовательность знаков может быть хараппской или нехараппской, либо же смешанной – хараппской и нехараппской (неопределенная классификация)». VI. «Аккультурированные хараппские – надписи, состоящие из явно индских знаков, но с нехараппской последовательностью и/или с хараппской иконографией и типом вещей, которые могут включать и нехараппские элементы (мотивы, стиль, ручка на обороте, тип вещи)». VII. «Вероятно аккультурированные хараппские». VIII. «Возможно хараппские – состоящие из знаков, которые, возможно, представляют индское письмо»².

В рамках настоящей статьи, посвященной памяти Эдит Порады, мы не можем рассматривать *in extenso* все еще распространенное мнение о том, что индские круглые печати-штампы с изображениями быков, впервые обнаруженные в Месопотамии, но теперь найденные и в странах Персидского залива, следует рассматривать как аккультурированные хараппские, или принадлежавшие индцам, которые долго жили в месопотамском обществе и интегрировались в него; индские надписи на таких печатях обнаруживают явные отличия в последовательности знаков при сравнении с настоящим индским письмом. Встречаются на таких печатях едва распознаваемые знаки и даже знаки, которые не встречаются на печатях-штампах из долины Инда. Хотя на них и использованы индские знаки, полагают, что надписи были составлены не на языке Мелуххи. Тем не менее, мне хотелось бы кратко изложить здесь некоторые вопросы, которые я поднимаю в готовящихся к выходу публикациях³.

Мысль о том, что упомянутые выше печати-штампы следует рассматривать как принадлежавшие аккультурированным хараппцам, жившим на Ближнем Востоке, восходит к одному утверждению Г.Р. Хантера, сделанному в 1932 г. «Четыре круглые печати, найденные в Мохенджо-Даро, показывают хорошо известную последовательность знаков, тогда как на трех месопотамских печатях этого типа значки идут в последовательности, нигде более в индской письменности не отмеченной. Однако обычные квадратные печати, найденные в Месопотамии, дают обычную для Мохенджо-Даро последовательность знаков. Другими словами, надписи на квадратных печатях сделаны на индском языке, а сами печати были, вероятно, ввезены в процессе торгового обмена; на круглых же печатях надписи сделаны хоть и индским письмом, но на другом языке. Вероятно, они были сделаны в Месопотамии для шумеро- или аккадоязычных потомков индцев»⁴.

Таким образом, эти круглые индские печати с изображением быков и нехараппской последовательностью знаков были описаны как принадлежавшие купцам хараппского происхождения, жившим в Месопотамии.

² *Ibid.* P. 305, 309.

³ *During Caspers E.C.L. The Meluhhan Heritage: Indianesque Stamp and Cylinder Seal, their Relevance for the Acculturation Process of the Harappans Abroad // Persica XV; eadem. Local MBAC Materials in the Arabian Gulf and their Manufacturers. Proceedings of the Seminar for Arabian Studies 26.*

⁴ *Hunter G.R. Mohenjo-daro – Indus epigraphy // JRAS. 1932. P. 466–503.*

Утверждают, что эти харапцы в результате процесса культурной интеграции, либо же по каким-то иным, более тонким причинам, приняли месопотамские имена, но продолжали поддерживать отношения со своей родиной, чтобы регулировать двустороннюю месопотамско-индскую торговлю. Свидетельства о том, что люди из долины Инда интегрировались в ближневосточное общество, имеются в клинописных текстах III династии Ура. Подобная ассимиляция, как недвусмысленно указывают эти тексты, включала среди прочего и принятие индцами шумерских имен. Упоминание в клинописном тексте некоего мелухского поселения, в особенности же тот факт, что оно было полностью включено в экономическую структуру общества III династии Ура, кажется, подразумевает, что с момента (гипотетического) основания мелухской торговой колонии прошло много поколений⁵.

Первые мелухцы, о которых упоминают уже аккадские тексты, – «мелухец судовладелец», «Су-илишу, переводчик с мелухского языка», «Лу-Сунзида, человек из Мелуххи»⁶, – несомненно, прибыли на Ближний Восток, чтобы вести свои дела; они могли еще пользоваться своими обычными квадратными печатями-штампами с настоящими мелухскими подписями. Но авторы цитированной выше работы указывают на одну индскую круглую печать из Ура, опубликованную С.Дж. Гэддом (табл. I, 1)⁷, которая как будто свидетельствует о том, что «нехарапская последовательность знаков уже встречается на печатях, с большой степенью надежности датированных периодом Саргонидов»⁸. Это соответствует взглядам авторов на основание мелухского поселения в эпоху, предшествовавшую III династии Ура, и побуждает их говорить о том, что «процесс культурной ассимиляции мог начаться значительно раньше того времени, на которое прямо указывают рассмотренные нами тексты III династии Ура»⁹.

Как уже отмечалось, круглые индские печати с изображениями быков, найденные в Южной Месопотамии, прежде всего в Уре, с их отличающейся от индских стандартов или сомнительной последовательностью знаков, т.е. печати вроде той, о которой мы упоминали выше, стали рассматриваться как археологические свидетельства того процесса аккультурации, намеки на который содержались в клинописных текстах. Исследователи полагали, что отклоняющийся от норм порядок индских пиктограмм означает, что они использовались для «передачи» шумерского или же какого-то семитского языка. На это можно, конечно, возразить, что если эти бывшие харапцы, или «новые шумерийцы», аккультурировались, то для написания своих шумерских или семитических имен они использовали бы клинопись; но тогда зачем им было изменять индский порядок знаков и/или использовать несовместимые значки при общении с сородичами, оставшимися дома, на родине? Едва ли кто-нибудь будет серьезно утверждать, что обитатели долины Инда могли понять такие надписи.

В результате, различие в последовательности знаков и/или появление пиктограмм, по своему виду не соотносящихся с собственно индскими значками, может объясняться необходимостью найти ближайшее из возможных «приспособлений» мелухского письма для недавно принятого этими бывшими харапцами, ныне постоянно проживающими на Ближнем Востоке, в качестве средства общения семитского или шумерского языка. Возникает вопрос: так ли уж крепко были привязаны эти «новые шумерийцы» спустя поколение или даже несколько поколений к своему родному языку, чтобы помнить эти значки? Логично допустить, что даже если мелухский оставался языком общения в их домах на Ближнем Востоке, то необходимость писать

⁵ *Parpola S., Parpola A., Brunswig Jr.R.H. The Meluhha Village. Evidence of Acculturation of Harappan Traders in the Late Third Millennium Mesopotamia? // Journal of Economic and Social History of the Orient. 1977. XX. P. 145, 158. Not. 40.*

⁶ *Ibid. P. 130 f., 160.*

⁷ *Gadd C.J. Seals of Ancient Indian Style found at Ur // Proceedings of the British Academy. 1932. XVIII. P. 201 f., № 16.*

⁸ *Parpola, Parpola, Brunswig. Op. cit. P. 158. Not. 39.*

⁹ *Ibid. P. 158.*

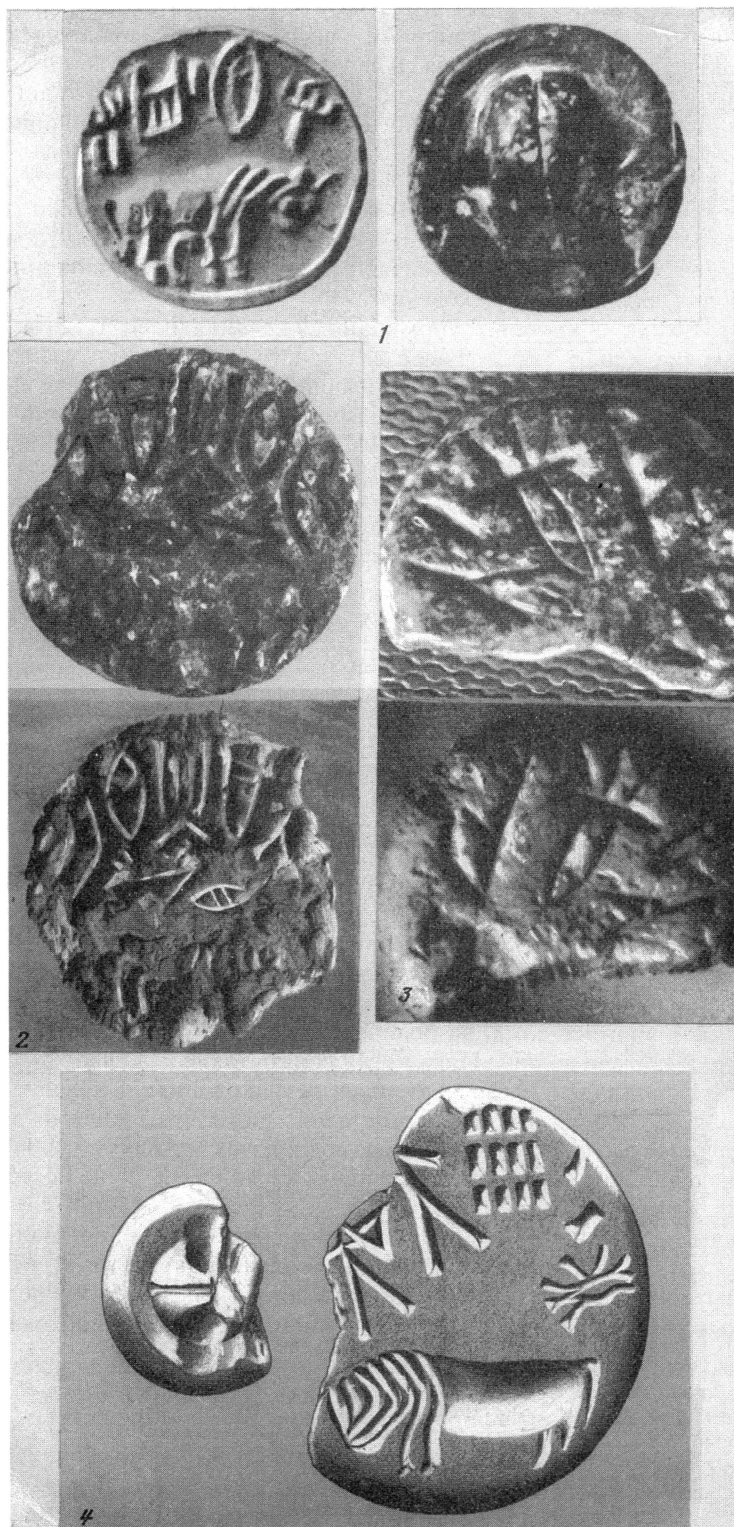


Табл. I

Табл. I. 1 – круглая индская печать-штамп из Ура, Месопотамия. Гэдд, 1932, табл. III, № 16; 2 – круглая индская печать-штамп с о. Файлака, Персидский залив. С любезного разрешения П. Кьерума (1983, рис. 279); 3 – круглая индская печать-штамп с о. Файлака, Персидский залив. С любезного разрешения П. Кьерума (1983, рис. 319); 4 – круглая индская печать-штамп с Кала'ат аль-Бахрейна, Персидский залив. С любезного разрешения П. Кьерума (1994, рис. 1725)

по-мелухски весьма сократилась. Хотя некоторые исследователи высказывают мнение, что «общий тон текстов III династии Ура создает впечатление, будто мелухцы III династии Ура поддерживали редкие контакты со своей родиной»¹⁰, все же, кажется, есть серьезные основания подозревать, что мелухцы III династии Ура скорее были склонны держаться за старое и стремиться к сохранению старых форм, чем поддаваться порче языка. Основывающееся на текстах III династии Ура положение, будто эти «новые шумерийцы» поддерживали редкие контакты с родиной, само по себе противоречит предположению о том, что круглые печати-штампы с изображением быков и перевернутым либо испорченным индским письмом предназначались для дальних родичей «новых шумерийцев» в районах долины Инда и должны были быть понятны им.

До сих пор никто не сомневался в том, что найденные в Месопотамии или будто бы из нее происходящие круглые печати-штампы с индской или похожей на индскую ручкой-выступом и с изображениями быка принадлежали интегрированным и аккультурированным хараппцам. Никто никогда не высказывал предположения, что такие печати могли появиться не в Месопотамии.

В аналитический каталог А. Парполы включены десять круглых печатей-штампов: две из Ура, по одной из Дикдикка, Телло и Суз и пять с неустановленным провенансом; ни одна из этих печатей не рассматривается как индско-хараппская, вероятно индско-хараппская, местная хараппская или вероятно местная хараппская. Правда, в индивидуальной могиле 489, урском детском погребении эпохи Саргонидов, была найдена медная квадратная печать-штамп, которую А. Парпола считает индско-хараппской или местной хараппской. Далее А. Парпола утверждает, что она могла происходить с богатого медью Оманского полуострова, так как другой квадратный медный штамп с изображением быка и индского типа шарообразной ручкой без канавки был найден на поселении конца III тыс. до н.э. на Ра'с аль-Юнайс. Считается, что оба этих квадратных медных штампа были изготовлены где-то на территории Омана. Одна круглая печать-штамп с изображением быка была найдена в Сузах. Квадратные печати-штампы из Телло (2), Ниппура (1) и Киша (2) и древний оттиск квадратной печати-штампа, найденный в Джохе, явно индско-хараппские и, несомненно, представляют собой импорт из районов долины Инда.

Круглые печати-штампы с индской или индского типа ручкой-выступом и изображениями быка были найдены и в регионе Персидского залива – на островах Файлака и Бахрейн. Отсутствие в регионе Персидского залива квадратных печатей-штампов, за исключением упомянутого выше медного штампа местного производства с «индско-хараппской» надписью, найденного на Ра'с аль-Юнайс, как и отсутствие письменных свидетельств из Месопотамии, делает рискованным предположение о том, что ситуация в зоне Залива напоминала ту, которая была в Южной Месопотамии. Здесь едва ли есть археологический материал, который в свете принятой ныне хронологии для Кала'ат аль-Бахрейн, иначе – участка Северной городской стены, мог бы дать ближневосточные археологические свидетельства в пользу присутствия хараппцев в аккадское время. Слои Город Ia–Ib датируются поздним аккадским периодом, а слои Город Па-с, в которых были найдены круглые печати-штампы, включая печати с изображением быков и с индской ручкой-выступом, датируются в пределах от раннего времени III династии Ура до позднего периода Исина–Ларсы (ок. 2075–1880 гг. до н.э.). Никаких печатей, ни квадратных, ни круглых, не было найдено до сих пор в слоях Город I. Это указывает на то, что все круглые печати-штампы с индской ручкой и

¹⁰ Ibid. P. 153.



Табл. II. 1 – круглая индская печать-штамп с Кала'ат аль-Бахрейна, Персидский залив. С любезного разрешения П. Кьерума (1994, рис. 1726); 2 – трехгранная каменная призматическая печать из аль-Хаджара, Бахрейн. С любезного разрешения Г. Вайсберга (1981, рис. 54); 3 – трехгранная каменная призматическая печать с Бахрейна, без надежного провенанса (П. Вайн, 1993, рис. на с. 48, внизу). С любезного разрешения Национального музея Бахрейна

изображениями быков относятся к концу III – началу II тыс. до н.э. Круглая печать-штамп, найденная в могиле № 1757 на Мадинат Хамад на Бахрейне, на которой имеется надпись из четырех значков, помещенная над изображениями короткого быка и – как полагает директор Индийской археологической экспедиции на Бахрейне К.М. Шривастава – павлина, была датирована примерно 2200–2000 гг. до н.э.¹¹

А. Парпола считает эту печать «вероятно местной хараппской», а неопубликованный круглый штамп из Хамад-гауна с пятью или шестью индскими знаками, хранящийся в Бахрейнском национальном музее, он относит к разряду «хараппских»¹². Немногочисленные круглые штампы с быком и индскими письменами, найденные на Файлаке, относятся к тому же позднему времени. Шесть круглых печатей-штампов и две призматические печати-штампы (табл. I, 2–4; II, 1–3) по типологии А. Парполы попадают в разряды «местный хараппский»; «вероятно местный хараппский», «хараппский», «аккультурированный хараппский», «вероятно аккультурированный хараппский».

Мы отметили то обстоятельство, что круглые «индские» печати-штампы из Месопотамии (и Элама) всегда считались вещами, изготовленными на Ближнем Востоке аккультурированными/интегрировавшимися «новыми шумерийцами»; многое, однако, будет зависеть от того, как мы будем рассматривать печати, найденные в зоне Персидского залива. Можем ли мы быть уверены в том, что и они принадлежали «новым шумерийцам», или «новым месопотамцам» индского происхождения? Так как печати являлись личными вещами, знаками собственности или власти того или иного лица, то найденные образцы должны рассматриваться как оригиналы, а не как предметы торговли или вошедшие в моду подражания. Соответственно мы должны допустить, что, весьма вероятно, владельцы этих печатей жили в зоне Персидского залива и использовали их в своей торговой деятельности, как это делали владельцы круглых «индских» печатей-штампов в Месопотамии. В случае с последними мы уже выражали сомнение в том, что мелухцы, жившие на родине, в долине Инда, могли бы читать знаки этого письма, не говоря уж о том, чтобы понимать их смысл. То же самое можно сказать и об «индских» печатях-штампах из зоны Персидского залива. И здесь встает вопрос: можем ли мы видеть в собственниках «индских» штампов, находимых на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива, представителей одного народа или по меньшей мере людей, относящихся к этнически и лингвистически близко родственным общностям?

Известно, что к 2200 г. до н.э. три цивилизации были активно вовлечены в экономическую и торговую деятельность в зоне Персидского залива: Месопотамия, индская цивилизация и мургабско-бактрийская культура. Влияние первых двух на торговую деятельность ясно видно по археологическим материалам, поступающим с Оманского полуострова и из центральной части зоны Персидского залива, т.е. с Бахрейна, из прибрежных районов Саудовской Аравии и с острова Файлака.

Торговое взаимодействие с Индской цивилизацией наиболее сильно чувствуется на Оманском полуострове, укажем на поселение Умм ан-Нар на Ра'с аль-Юнайс, на расположенный неподалеку участок Ра'с аль-Хадд на восточном побережье Омана, на Шималь, Рас аль-Хайма в ОАЭ, на Тель Абрак, Умм аль-Кайвайн в ОАЭ и на Бахрейн – слои Город II а в Кала'ат аль-Бахрейне. Торговые контакты с Месопотамией лучше представлены на Файлаке, в Северо-Восточной провинции Саудовской Аравии и на Бахрейне.

Ра'с аль-Юнайс на восточном берегу султаната Оман дает свидетельства активной торговли с Индской цивилизацией; об этом говорит индская керамика с процарапанными хараппскими письменами (граффити), в частности – черные лощеные сосуды,

¹¹ *Srivastava K.M.* Madinat Hamad Burial Mounds – 1984–1985. Bahrain. Ministry of Information, State of Bahrain, Bahrain National Museum, 1991. P. 25–28, 239. Fig. 55 A1.

¹² *Parpola.* Harappan Inscriptions... P. 310.

использовавшиеся индцами для хранения пищевых продуктов¹³. Типично хараппские каменные квадратные гири были найдены в Шимале, в могиле периода Вади Сук (Шималь, могила № 6)¹⁴ и на поселении в Телль Абраке¹⁵; кубические и сферические каменные индские гири, найденные в слоях Город Па в Кала'ат аль-Бахрейн¹⁶, красноречиво свидетельствуют о тесных экономических связях между странами Персидского залива и Южной Азией. Месопотамские клинописные значки на керамике и на каменных изделиях из районов, примыкающих к Месопотамии, месопотамская гиря-утка, подобранная туристом на берегу около Кала'ат аль-Бахрейн в 1970-х годах, и бочковидные месопотамские гири из слоев Город Пв, из Аль-Хаджара 2 и из кургана в Саре, который, как полагают, датируется концом периода Город П¹⁷, указывают на экспорт из Месопотамии товаров, о чем мы знаем и из месопотамских перечней товаров. Черепок месопотамского сосуда с клинописным граффито, оказавшийся в асфальте, завезенном из Месопотамии в Оман, был найден в слоях П периода на Ра'с аль-Юнайс; эта находка расширяет наше понимание ближневосточной торговли с Оманом, который в клинописных текстах III тыс. до н.э. назывался Маганом¹⁸. Месопотамская торговля асфальтом дает представление о географических горизонтах месопотамских торговых интересов в Персидском заливе в конце III тыс. до н.э., а упоминание в месопотамских клинописных текстах трех человек с семитическими именами, прибывших из Магана, может оказаться исключительно важным для решения вопроса о том, на каком языке или языках говорили в зоне Персидского залива в этот период торгового взаимодействия между Ближним Востоком, Персидским заливом, Южной и Средней Азией. Насколько мы можем сейчас судить, в конце III тыс. до н.э. *lingua franca* в западной части Персидского залива вполне мог быть шумерский или же какой-то семитский язык. О восточной и южной части залива у нас нет информации, за исключением письменного свидетельства о некоем агенте с именем Либур-бели, который заверил сделку по покупке меди в Магане по поручению торговца с именем Лу-Энлилла. Соответствующий текст из Ура, датированный вторым годом правления Ибби Сина (2027 г. до н.э.), отмечает, что «табличка Либур-бели в деле (досл.: вместилище) о торговой операции» была «отправлена на корабле в Маган»¹⁹. Из приведенных выше фактов можно заключить, что в определенных кругах клинопись читали и понимали. Черепки с граффити, найденные на Ра'с аль-Юнайс и в районе Ра'с аль-Хадда, могут указывать на то, что и мелухское письмо тоже понимали в Магане-Омане, хотя, возможно, оно было распространено меньше, чем клинопись.

Третий чужеземный элемент, присутствовавший в зоне Персидского залива, связан со Средней Азией. Большая часть вещей, связанных с МБАК, которые были найдены в странах Залива, происходят из погребений. Вещи эти легко делятся на две категории: импорт из ареала МБАК и явные копии и подражания среднеазиатским прототипам. Ситуация здесь не похожа на ту, которая была характерна для индийско-иранских пограничных районов; там свидетельства контактов с маргианско-бактрий-

¹³ Méry S. Origine et production des récipients de terre cuite dans la péninsule d'Oman à L'Âge du Bronze: Paléorient 1991. 17/2. P. 66.

¹⁴ Cardi B.de. Harappan Finds from Tomb 6 at Shimal, Ras al-Khaimah, United Arab Emirates // South Asian Archaeology. L., 1985. P. 12.

¹⁵ Potts D.T. A Prehistoric Mound in the Emirate of Umm al-Qaiwain, U.A.E. Excavations at Tell Abra q in 1989. Copenhagen, 1990. P. 40–42; Potts D.T. South and Central Asian Elements at Tell Abra q (Emirate of Umm al-Qaiwain, United Arab Emirates), C. 2200 B.C. – A.D. 400 // South Asian Archaeology. 1993. 11. Helsinki, 1994. P. 617.

¹⁶ Bibby T.D. «...Efter Dilmun Norm», Kuml 1970. P. 345–353; Højhund F.H. Other Finds – Stone weights // Qaila' at al-Bahrain. V. 1. P. 395–397.

¹⁷ Højhund. Other Finds... P. 396 f.

¹⁸ Cleuziou S., Gnoli G., Robin C., Tosi M. Cachets Inscrits de la fin du IIIe Millénaire av. notre ère à Ra's al-Junayz, Sultanat d'Oman. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres – Comptes Rendus. 1994. P. 457. Not. 5.

¹⁹ Potts D.T. The Arabian Gulf in Antiquity. V. 1. Oxf., 1990. P. 145.

ским комплексом, как и в зоне Залива, происходящие главным образом из могил, по-видимому, подтверждают точку зрения, согласно которой мы имеем дело с реальным передвижением людей. Характерные для МБАК вещи, найденные в могилах, являются действительно среднеазиатскими, и, как правило, их опускали в могилы вместе с предметами местного иранского происхождения. Лишь в редких случаях погребальный инвентарь могилы состоял исключительно из среднеазиатских вещей²⁰.

Таким образом, набор археологических артефактов из зоны Персидского залива, где собственно местные вещи находят вместе с подлинными вещами МБАК или с подражаниями им, остается пока уникальным. Поразительным представляется и тот факт, что вещи МБАК и подражания им встречаются повсеместно в зоне залива; среди этих вещей есть медные/бронзовые кубки, керамические кубки, медные/бронзовые «рубящие ножи», медные/бронзовые (редко серебряные или из электра) фигурки зверей, посуда различных типов, сосуды из хлорита, гребни из слоновой кости, призматические каменные печати-штампы, к рассмотрению которых мы вскоре обратимся, и происходящие пока только с острова Файлака круглые (в одном случае – прямоугольная) печати-штампы²¹. В большинстве случаев изображения на этих печатях не включают каких-либо фигур, а состоят из простеньких крестов, делящих поверхность на четыре части, и нехитрых перекрещивающихся узоров. Обратная сторона подобной печати представляет собой срезанный (иногда очень низко) конус с отверстием; сделаны они из камня, стеатита или терракоты. У других печатей ручка сделана в виде просверленной полусферы или конуса с закругленной просверленной верхушкой. Эта группа печатей с острова Файлака является еще одним указанием на бактрийское влияние в зоне Персидского залива, так как подобные формы печатей-штампов характерны для мургабско-бактрийской культуры²².

И месопотамская цивилизация, и индская, влиявшие на зону Персидского залива, принесли с собой и свое письмо, хотя мы и не можем до сих пор прочесть последнее. А вот о том, был ли письменный язык у народов Средней Азии, мы пока не знаем. А. Парпола предположил, что они говорили на прединдоарийском языке²³. До сих пор не удавалось найти никаких следов бактрийской письменности ни на территории искомого распространения МБАК, ни за ее пределами и, в частности, в зоне Персидского залива. И все же культурное влияние Средней Азии, которое столь ощутимо чувствуется в зоне Залива, а также «вещи-гибриды» и местные подражания и переработки прототипов МБАК предполагают, что в регионе Персидского залива социально-экономическая и/или культурная ситуация отличалась от постулированного ранее для пограничных индийско-иранских районов положения, вызванного простым передвижением народов, как было уже отмечено выше.

На мой взгляд, нам стоило бы рассмотреть вопрос о пребывании мургабско-бактрийцев в зоне Персидского залива, основанном на торговых взаимосвязях с различными районами залива, с Месопотамией, с племенами МБАК, ушедшими в индийско-иранские пограничные области, с Индской цивилизацией и с родиной МБАК. Скорее всего их первое появление следует связывать с торговыми миссиями, приведшими в конце концов к возникновению постоянных поселений.

Недавно я высказала предположение о том, что бактрийский мир был культурно и экономически прочно связан с Индской цивилизацией и что эти индско-бактрийские

²⁰ Hiebert F.T., Lamberg-Karlovsky C.C. Central Asia and the Indo-Iranian borderlands // Iran. 1992. XXX. P. 3.

²¹ Kjaerum P. Failaka / Dilmun. The Second Millennium Settlements. V. 1:1. The Stamp and Cylinder Seals. Danish Archaeological Investigations on Failaka, Kuwait. Jutland Archaeological Society Publications // Kjaerum P. Failaka/Dilmun. The Second Millennium Settlements. V. 1:1. The Stamp and Cylinder Seals. Danish Archaeological Investigations on Failaka, Kuwait. Jutland Archaeological Society Publications, XVII. 1. Aarhus, 1983. P. 130–134.

²² During Caspers E.C.L. Intercultural/Mercantile Contacts Between the Arabian Gulf and South Asia at the Close of the Third Millennium B.C. // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1922. 22. P. 104.

²³ Parpola A. Margiana and the Aryan Problem // IASCCA. Information Bulletin 19. P. 49–52.

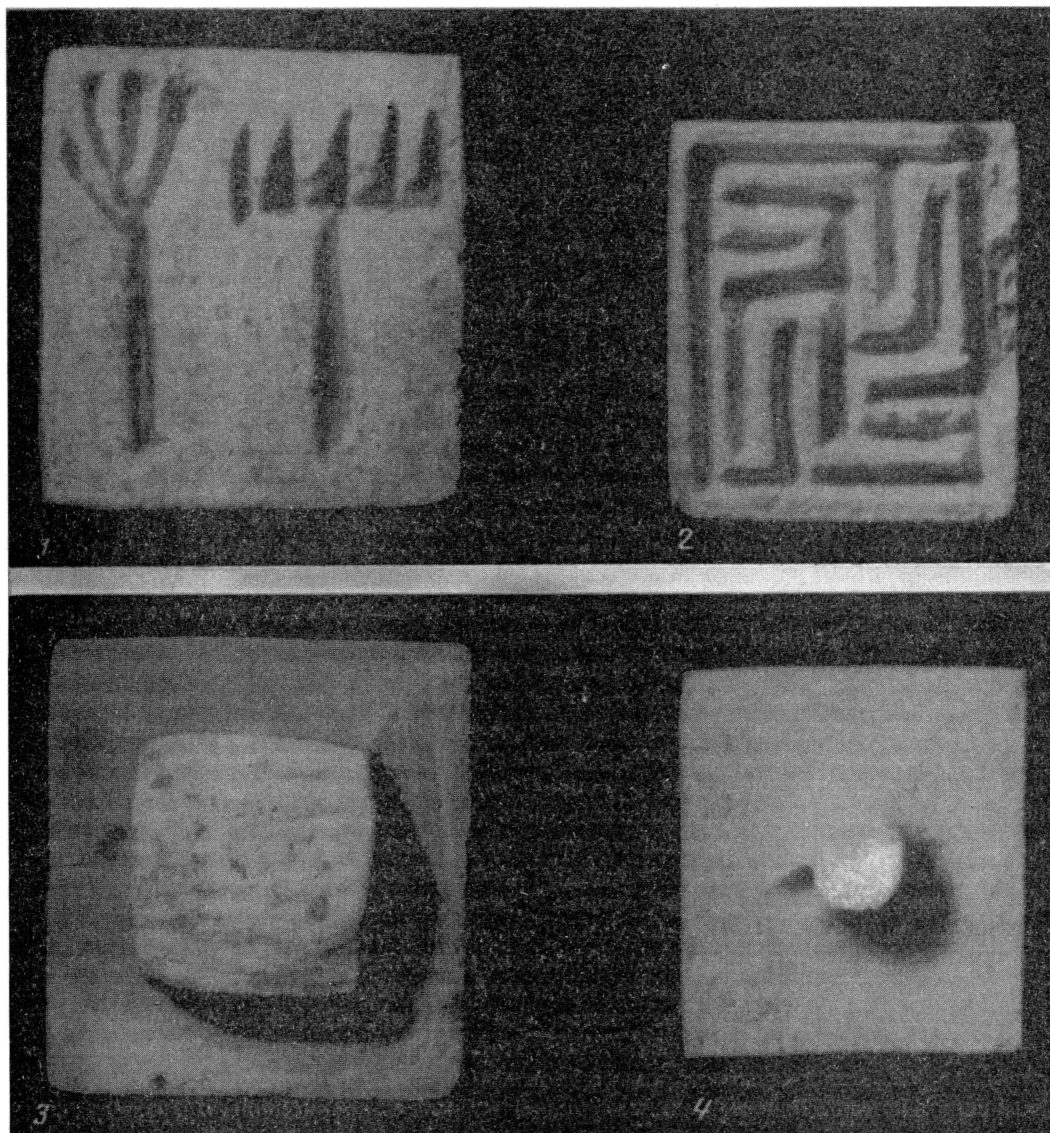


Табл. III. 1–4. Две квадратные каменные печати с индскими письменами и со свастикой с Алтын-депе, Туркмения. С любезного разрешения В.М. Массона (1981, рис. 2)

отношения в конечном счете могли привести к совместным торговым предприятиям в Персидском заливе.

Как я уже говорила в начале статьи, у нас нет археологических свидетельств в пользу того, что собственно индское письмо использовалось вне индской культурной среды или что его понимали в соседних землях, не говоря уже о том, чтобы его там использовали. И все же кажется возможным допустить предположение, что племена МБАК благодаря своим культурным связям были по крайней мере знакомы с некоторыми индскими знаками. Такое предположение получает некоторое подтверждение в находке двух печатей-штампов, подражающих индским прототипам, на Алтын-депе в Туркменистане. Важность этих печатей связана как с архитектурным контекстом, в котором они были найдены, так и с их местным происхождением и видом (табл. III, 1–4). Первая печать-штамп, почти квадратная, сделанная из мягкого белого камня,

напоминающего алебастр, несет на своей поверхности два обычных значка индского письма, но, как полагает А. Парпола, расположены они в последовательности, не характерной для хараппской письменности²⁴. На обороте печати просверленный квадратный выступ-ручка 9 × 9 мм, высота 3 мм; размеры самой печати 14 × 15,4 мм. Она была найдена в 1975 г. на раскопе 9, в помещении 105, которое перекрывало богатые дома элиты; таким образом, эта печать происходит из самого позднего строительного слоя периода Намазга V. Вторая печать индского происхождения, как и первая, тоже почти квадратная и сделана из мягкого белого камня, напоминающего алебастр. Размеры ее – 11,5 × 13 мм при толщине 3 мм. На рабочей плоскости двойной линией изображена свастика, заключенная в квадратную рамку. На обороте печати просверленная овальная ручка-выступ длиной 3 мм, высотой 2 мм. Хотя овальный выступ-ручка на оборотной стороне заставляет усомниться в том, что перед нами собственно индская вещь, способ, которым была вырезана свастика, совершенно идентичен тому, которым резались свастики на многих штампах из районов долины Инда. Эта печать была найдена во время раскопок 1972 г. на участке 7, где функционировало святилище, в котором возле алтаря были обнаружены разнообразные ценные артефакты, включая широко известную золотую голову быка. Этот комплекс относят к этапу перехода от Намазга IV к Намазга V²⁵.

Нехараппская последовательность двух индских значков на первой из описанных печатей-штампов заставила А. Парполу считать ее «аккультурированной хараппской»; таким образом, он относит ее к той же категории, в которую попадают некоторые из круглых печатей-штампов с изображениями быков и индскими письменами, найденные в Южной Месопотамии и в зоне Персидского залива.

Раскопки русских на Тоголоке-21, Тоголоке-1 и Гонуре (все три памятника находятся в Маргиане) открыли на каждом из этих поселений по храму, которые, по словам русских археологов, с большой степенью надежности могут быть связаны с культом огня и сакральных возлияний галлюциногенных напитков²⁶. В.И. Сарияниди пишет, что на полу одного из храмовых помещений на Южном Гонуре «был найден круглый амулет из розоватого камня с изображениями на обеих сторонах. На одной стороне было вырезано изображение горбатого зебувидного быка, под мордой которого помещался какой-то треугольник. Композиция на другой стороне амулета была более сложной: человек (возможно, с птичьей головой) держит в одной руке убитого козла, висящего головой вниз, а в другой, – по-видимому, тигра. На заднем плане даны три треугольника в ряд, специальный штрих добавлен снизу, чтобы подчеркнуть линию их основания... У зебувидного быка "индийской" породы под мордой изображен "треугольник", а еще важнее – знак, состоящий из трех треугольников, известный по хараппским письменным источникам, где он означает "горы" или "холмы" и в более широком смысле, вероятно, "горную страну"²⁷. Треугольник под носом горбатого быка заштрихован четырьмя-пятью горизонтальными линиями, что также представляет собой знак, постоянно встречающийся в индском письме, вариант № 204, согласно И. Махадевану²⁸. Более того, изредка обычную «кормушку», появляющуюся рядом с изображениями почти всех индских животных, кроме «единорога», заменяет письменный знак, хотя, насколько мне известно, треугольный значок, вроде гонурского, не был засвидетельствован. Едва ли нужно подчеркивать, что внимательное изучение глиптики МБАК вполне может привести к открытию других

²⁴ *Parpola*. Harappan Inscriptions... P. 313.

²⁵ *Masson V.M.* Seals of a Proto-Indian Type from Altyn-depe // *The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries* / Ed. Ph.L. Kohl. N.Y., 1981. P. 150.

²⁶ *Sarianidi V.I.* Excavations at Southern Gonur // *Iran*. 1993. XXXI. P. 25–37; *idem.* Recent Archaeological Discoveries and the Aryan Problem // *South Asian Archaeology 1991*. Stuttgart, 1993. P. 252–264; *idem.* Margiana and the Indo-Iranian World // *South Asian Archaeology 1994*. II. Helsinki, 1994. P. 667–680.

²⁷ *Idem.* Excavations at Southern Gonur... P. 35. Pl. X c-d.

²⁸ *Mahadevan I.* The Indus Script. Texts, Concordance and Tables // *Memoirs of the Archaeological Survey of India*. 1977. 77. P. 33, 788.

подобных «пиктограмм»; это может иметь отношение к высказанной идее о предположительном (ограниченном?) знакомстве мургабо-бактрийцев с индской письменностью.

Есть и другое косвенное указание на то, что по меньшей мере некоторые из индских знаков были известны среднеазиатским народам; на торцевой стороне одной из цилиндрических печатей-штампов МБАК, найденных в Сибири, возле Мергарха, в Центральном Белуджистане, изображен знак «горы», который был опубликован И. Махадеваном в его Конкордансе индских текстов в качестве варианта знака № 1459²⁹. Однако индский знак «горы» на торцевой поверхности печати из Сибири связывается с тем, что может оказаться знаком № 389 (или его вариантом) индского письма; таким образом, образуется комбинация, которая не встречается в корпусе индских знаков. А. Парпола опубликовал эту цилиндрическую печать МБАК из Сибири в книге, посвященной пакистанским коллекциям³⁰ (табл. IV, 1). Жарриж упоминает о находке амулета с двумя значками индского письма³¹; к сожалению, этот амулет не был включен в издание Шаха и Парполы 1991 г., и в настоящее время о нем ничего нельзя сказать. В Сибири и Мергархе VIII есть хараппская керамика, и это не позволяет исключать возможности того, что данный амулет с индским письмом был подлинной индской вещью.

Другая мургабо-бактрийская стеатитовая цилиндрическая печать, ныне хранящаяся в отделе восточных древностей Британского музея и опубликованная Р. Ноксом³² (табл. IV, 2), по-видимому, была найдена в Сеистане. На обломанной верхней части цилиндрика, вполне возможно, было ушко для подвешивания; такое предположение кажется весьма вероятным из-за того, что нижняя торцевая поверхность использовалась как штамп для оттискивания какой-то треугольной фигуры. Хотя изображение на торце, к сожалению, повреждено, все же можно разглядеть отдаленный вариант знака «горы» индской письменности, который, правда, в собственно индском письме в таком виде не встречается. Р. Нокс описывает эту так называемую печать Мак Магона: «Неизвестно ни одной другой цилиндрической печати-штампа с индской надписью, и поэтому невозможно сказать, что было расположено выше уцелевшей строки текста... Сохранившаяся надпись... состоит из шести значков»³³. Основная часть сохранившегося текста включает три знака в виде человечков; один отделен колонкой, состоящей из трех рядов вертикальных черточек по четыре черточки в каждом ряду; за третьей фигуркой человечка видны две большие вертикальные черточки, а за ними, возможно, был еще один человечек. Третья фигурка слева на оригинале представляет собой известный индский знак, но та, что левее его, не имеет соответствия в индской письменности, да и порядок следования знаков в целом, насколько я знаю, не засвидетельствован в известных индских надписях. А. Парпола, вероятно, отнес бы эту строчку знаков к «аккультурированным хараппским» или «возможно хараппским» надписям. Р. Нокс считает этот цилиндр собственно хараппским, но, по моему мнению, он должен быть отнесен к МБАК. Так называемая надпись и так называемый индский знак на штамповом торце заставляют отнести эту цилиндрическую печать к той же категории вещей, что и цилиндрическая печать из Сибири и группа печатей-штампов из Южной Месопотамии и зоны Персидского залива, на которых имеются индские надписи с явными отличиями в порядке расположения знаков и со знаками, не встречающимися в письме самой долины Инда. К этой же группе мы теперь, вероятно, можем добавить каменный амулет с Южного Гонура в

²⁹ Ibid. P. 789.

³⁰ *Shah S.G.M., Parpola A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. 2. Collections in Pakistan. Helsinki, 1991. P. 412. Sb-2E, Sb-2e.*

³¹ *Jarrige J.-F., Usman Hassan M. Funerary Complexes in Baluchistan at the end of the Third Millennium in the Light of recent Discoveries at Mehrgarh and Quetta // South Asian Archaeology 1985. L., 1989. P. 150.*

³² *Knox R. A New Indus Valley Cylinder Seal // South Asian Archaeology 1993: 1. Helsinki, 1994. P. 375-378.*

³³ Ibid. P. 375.



Табл. IV. 1 – торцевой штамп цилиндрической печати МБАК из Сибри, Центральный Белуджистан, Пакистан. Рисунок А. ван Дриля по изданию Шаха и Парполы 1991, с. 412, 2в – 2Е; 2 – цилиндрическая печать Мак Магона из Британского музея. Р. Нокс 1994, рис. 32.1 и 32.2. С любезного разрешения попечителей Британского музея, Лондон

Маргиане, о котором шла речь выше. Мы уже отметили, что в зоне Персидского залива были обнаружены «гибридные» археологические материалы, показывающие чисто местные черты в сочетании с мургабо-бактрийскими. Среди них отметим призматические печати-штампы, число которых все увеличивается³⁴. В отличие от призматических штампов МБАК, найденных в Центральном Белуджистане, на другом берегу залива, призматические печати-штампы из Омана (Майсар 1) и Бахрейна (одна

³⁴ *During Caspers E.C.L. Triangular Stamp Seals from the Arabian Gulf, one Again // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1994. 24. P. 97–107.*

из могилы 1 (?) в Аль-Хаджаре, две – с поселения Саар, одна без провенанса)³⁵ едва ли могут быть признаны подлинными вещами МБАК. В самом деле, недавно опубликованный обломок стеатитовой заготовки трехгранной призмы, которая путем дополнительного сверления была превращена в подвеску, найденную при раскопках участка Северной городской стены в Кала'ат аль-Бахрейн³⁶, не оставляет сомнений в том, что призматические печати-штампы изготовлялись также и на месте, на берегах Персидского залива. Это согласуется с уже упоминавшимися местными подражаниями среднеазиатским вещам.

До сих пор не было известно круглых печатей-штампов с изображениями быков и ручками-выступами индскими или индского типа на оборотной стороне, которые содержали бы такие же надписи, как те, что порой встречаются на обычных квадратных индских печатях-штампах. Однако две идентичные четырехзначные надписи есть на двух трехгранных просверленных по оси стеатитовых призмах с Бахрейна, и они самым прямым образом связаны с темой нашей статьи. Одна из них – хорошо известная призма из Аль-Хаджара, о которой уже была речь (табл. II, 2).

На одной ее плоскости изображены друг против друга два козла или две газели; на другой – опустивший голову бык с короткими рогами, а перед ним – скорпион. На третьей плоскости – четыре знака, идущие в последовательности, характерной для хараппской письменности. Однако обычное направление письма, справа налево, изменено на противоположное, и А. Парпола считает призму «местной хараппской». Вторая, хранящаяся в Национальном музее Бахрейна, не имеет точного провенанса (табл. II, 3). На одной ее плоскости изображены два животных, не поддающихся идентификации (может быть, это даже какие-то предметы), на другой – опустивший голову бык, а на третьей – четырехзначная надпись индскими письменами, идентичная надписи на призме из Аль-Хаджара. А. Парпола не упоминает об этом призматическом штампе, но он, несомненно, отнес бы и его к «местным хараппским».

Только две из четырех индских пиктограмм (А. Парпола считает, что надпись состоит из трех знаков) на призматических печатях из Аль-Хаджара и Национального музея Бахрейна встречается в такой же последовательности в индских надписях, да и нормальное направление письма – справа налево – здесь оказалось замененным на противоположное. Скорпион, изображенный перед быком на первой печати, не часто встречается на печатях Индской цивилизации. Заключать рисунок в рамку, как это было сделано на призме из Аль-Хаджара, – тоже не индский прием, да и просверленные каменные призматические печати-штампы не очень-то характерны для индской культуры. Узор «решетка», видный на обеих этих призмах, является вариантом знака № 245, по каталогу И. Махадевана. Третья прямоугольная с остроконечной задней стороной стеатитовая печать-штамп, проточенная по длинной оси, была найдена на поселении Саар на Бахрейне³⁷. В описании печати говорится, что на ее оборотной стороне имеются четыре кружка с точками и три врезные линии по дильмунской моде. На лицевой стороне изображен лежащий олень с длинной «окольцованной» шеей, похожий (но не идентичный) на антилоп с полоской на шее, появляющихся в глиптике позднего Дильмуна. Особенностью, не имеющей параллелей в изображениях на дильмунских печатях, являются три коротких рога на голове этого животного, которые напоминают вставшие торчком уши. Над животным

³⁵ Weisgerber G. «...und Kupfer in Oman» – Das Oman Projekt des Deutschen Bergbau-Museums // Der Anschnitt. 1980. 32. Pl. 77; *idem*. Archäologische und archäometallurgische Untersuchungen in Oman. Allgemeine und Vergleichende Archäologie // Beiträge des Deutschen Archäologischen Instituts. 1980. Bd 2. Pl. 15; *idem*. Mehr als Kupfer in Oman – Ergebnisse der Expedition 1981. Der Anschnitt 33. Pl. 54; Crawford H. London-Bahrain Archaeological Expedition: Excavations at Saar 1991. Arabian Archaeology and Epigraphy 4/1 (1993), fig.9; Moon J. et al. London-Bahrain Archaeological Expedition: Excavations at Saar: 1993 season. Arabian Archaeology and Epigraphy. 6/3 (1995). Fig. 16; Vine P. Bahrain National Museum. L., 1993. P. 48. Fig. on bottom.

³⁶ Kjaerum P. Stamp Seals, Seals Impressions and Seal Blanks // Qala'at al-Bahrain. V. 1: The Northern City Wall and the Islamic Fortress... P. 339f. Fig. 1755.

³⁷ Crawford. London-Bahrain. Archaeological Expedition... Fig. 9.

помещен непропорционально большой узор «решетка», почти идентичный знаку 245 по каталогу И. Махадевана, вариант 1004. Узоры «решетка» или подиум часто встречаются на обычных круглых дильмунских печатях-штампах; некоторые из них совершенно идентичны индскому знаку «решетка», изображенному на двух призмах из Аль-Хаджара и из Национального музея Бахрейна³⁸. В последнем случае знак был помещен в верхней части поля, как и на одной из описанных выше саарских печатей.

В заключение, может быть, будет уместно сделать предположение о том, что рассмотренный в настоящей статье археологический материал указывает на определенное, хотя, по-видимому, и ограниченное, знакомство мургабо-бактрийской культуры со знаками индской письменности. Сейчас еще слишком рано говорить о том, подразумевает ли это обстоятельство известное знание мелухского языка. И все же мы едва ли сильно ошибаемся, полагая, что круглые печати-штампы с изображениями быков и индской (или индского типа) ручкой-выступом на оборотной стороне, имеющие так называемые хараппские надписи, происходящие из Южной Месопотамии и зоны Персидского залива, не принадлежали людям хараппского происхождения, принявшим шумерский или какой-либо семитский язык. Одно из важнейших возражений против подобной точки зрения состоит в том, что во время хождения этих круглых индских штампов с быками *lingua franca* на Ближнем Востоке в зоне залива был, по всей вероятности, шумерский или аккадский язык; соответственно было бы естественно ожидать, что аккультурированные и интегрированные мелухцы, или «новые шумерийцы», должны были использовать или по крайней мере стараться использовать официально признанный шумерский или какой-то семитский язык, который широко употреблялся при ведении торговых дел, и писать на нем, недвусмысленно утверждая свой новый статус.

Совсем иным могло быть положение мургабо-бактрийцев, прибывших в зону Персидского залива и в Южную Месопотамию. У нас нет никаких свидетельств, что они интегрировались, подобно индцам, и потому мы не знаем, была ли у них настоятельная необходимость изучать *lingua franca* зоны Залива и Ближнего Востока. Если А. Парпола прав в своем предположении о том, что носители МБАК говорили на прединдоарийском языке, их знакомство с индским письмом, скорее всего полученное при ведении дел с хараппцами дома, могло привести к усвоению своего рода «пиджин-хараппского» языка. Быть может, такой «пиджин-хараппский» мы и встречаем на круглых индских штампах; быть может, это и есть ближайшая «передача» языка мургабо-бактрийских племен либо в семитско/шумерскую систему, либо в мелухскую.

Оставаясь в настоящий момент весьма умозрительными, предположения, высказанные в этой работе, посвященной памяти Эдит Порады, могут найти подтверждение в будущем*.

Э. Дюринг-Касперс

MARGIANA-BACTRIAN ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AND THE HARAPPAN SCRIPT

E.C.L. During Caspers

- The article deals with interpretation of inscriptions consisting of Indus characters recovered outside the boundaries of the Indus Valley, primarily in the Arabian Gulf regions and in Southern Mesopotamia. The author makes a supposition that inscriptions on foreign (non-Harappan) seals and objects with non-Harappan sign sequences and/or inclusion of non-Harappan signs could belong not to the so-called «new Sumerians», acculturated and integrated Meluhhans who lived in the Gulf region, but to the Murghabo-Bactrians who had come to the Arabian Gulf and Southern Mesopotamia. The latter could have acquired some knowledge of the Harappan script and language at their home in Central Asia.

³⁸ *Kjaerum. Stamp Seals...* P.331. Fig. 1742.

* Перевод И.С. Клочкова.

Древние империи

(Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

От редколлегии

Начиная с этого номера журнала на страницах «Вестника древней истории» будет публиковаться серия статей отечественных и зарубежных авторов, объединенных темой «Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)».

В первую очередь будут напечатаны доклады (и написанные на их основе статьи), прочитанные на организованном Центром сравнительного изучения древних цивилизаций и «Вестником древней истории» Международном симпозиуме «Древние империи и имперские идеологии»¹. Как показал этот представительный научный форум, интерес к вечной теме древних империй в настоящее время чрезвычайно высок, причем особенно популярны у современной научной общественности темы, связанные с имперской идеологией и культурой. Заметна также тенденция к решительному отказу от одномерного модернизаторского в своей основе подхода к исследованию империй через призму всемогущего центра, навязывающего свои порядки, правила и нормы подчиненной периферии.

Вместе с тем, как хорошо видно уже по тем статьям, которые опубликованы в этом номере, определенное единство в отношении интересов и подходов вовсе не предполагает согласия в выводах и концепциях. Тематика, связанная с древними империями, остается остродискуссионной, и продвижение вперед порождает больше вопросов, чем ответов.

При обсуждении членами редколлегии тематики и перспектив посвященной древнейшим империям дискуссии выяснилось, что наибольший интерес вызывают две проблемы, которые и было решено предложить для дальнейшего обсуждения на страницах «Вестника древней истории» в качестве основных. Первая – роль традиционных форм жизни (политической, социальной, культурной, хозяйственной) и традиционной системы ценностей в древних империях; вторая – взаимодействие и взаимовлияние центра и периферии в древних империях. Эти процессы также предполагается рассмотреть в различных аспектах.

Вместе с тем очевидно, что в ходе дискуссии возможен и даже желателен выход за обозначенные заранее тематические рамки и появление новых подходов и новых тем.

Ряд ведущих зарубежных и отечественных специалистов по истории древнего мира выразил желание принять участие в дискуссии. Некоторые уже прислали статьи.

«Вестник древней истории» приглашает своих авторов последовать их примеру. Журнал заинтересован в получении научных статей, написанных на конкретном материале и отвечающих высоким требованиям, которые всегда предъявляются ко всем, кто присылает свои статьи в ВДИ.

Выражаем признательность Российскому гуманитарному научному фонду и банку «Империал» за помощь в проведении симпозиума и публикации его материалов.

© 1997 г.

МЕТАФИЗИКА ТЕСНОТЫ.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ*

Со времен Соссюра мы знаем, что понять явление в его актуальной реальности можно точнее всего на основании его противоположности другому явлению, ему контрастному, – на основании их, как говорят лингвисты, «релевантной противоположности». Слово «писал» в современном русском языке представляет собой не причастие (каковым оно является по своей исторической морфологии), а прошедшее

¹См. Колосова О.Г., Смышляев А.Л. Международный симпозиум «Древние империи и имперские идеологии» (Москва, 9–10 сентября 1996 г.) // ВДИ. 1997. № 2.

* Настоящая статья представляет собой запись доклада, прочитанного 10 сентября 1996 г. в Институте всеобщей истории РАН на Международном симпозиуме «Древние империи и имперские идеологии». Ограниченность аппарата примечаний и некоторая разговорность интонаций объясняются таким происхождением статьи.

время глагола, поскольку его релевантной противоположностью в языковом сознании русскоговорящего является не «пишущий», а «пишу» или «буду писать». Релевантной противоположностью слова-понятия «империя», если употреблять его как обозначение государственного строя, является слово-понятие «республика» (тоже если мы имеем в виду государственный строй). Оба понятия соотносятся и раскрывают свой смысл через противоположность друг другу. Она стала осознаваться уже в древнем Риме, начиная с той эпохи, когда обе государственные формы оказались сопоставлены в самой жизни. Цезарь утверждал, что «республика – ничто, пустое имя без тела и облика», причем контекст в источнике (Светоний. Божественный Юлий. 77) исключает возможность понять здесь слово «республика» не в государственно-правовом, а в староримском неформальном смысле как совокупность народных и государственных интересов. Так же обстоит дело и с язвительными словами Цезаря, приведенными в том же источнике: «не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?» (там же. 76). Дело было не только в словах. В январе 41 г. н.э. сразу после убийства Гая (Калигулы) сенат собрался с твердым намерением восстановить республику, но после нескольких часов заседания убедился, что это невозможно: республика навсегда отошла в прошлое, уступив место империи, пока что в ее начальной фазе – в виде принципата.

Сложность и противоречивость положения, однако, обнаружившаяся с самого начала научно-исторического исследования принципата в середине XIX столетия, состояла в том, что принципы и практика республики, с одной стороны, и принципы и практика империи, с другой, в условиях данного строя предстали не столько в своей противоположности, сколько в нерасчлененности и взаимоопосредованности. Факты, сюда относящиеся, широко известны. Императорская власть представляла собой совокупность республиканских магистратур, предоставляемых сенатом, и вне их не имела самостоятельной конституционно-правовой базы. Центуриатные комиции – одна из основ республиканского строя, были отменены в первый же период принципата, но как выяснилось, реально продолжали существовать по крайней мере до конца I в., и император, не утвержденный этим древним республиканским органом, мог быть сочтен узурпатором. Каждый строй имеет свою, соответствующую его сущности и целям, административную систему управления. Империя долго сохраняла республиканскую систему, перестраивала ее с большим трудом и окончательно выработала административную, себе адекватную, лишь века через полтора. Республикански-имперская двусмысленность государственного бытия столь же долго продолжала характеризовать и общественное самосознание. После падения самодержавного правления императора Нерона в пору Флавианско-Вителлианской смуты римляне неожиданно вспомнили самые архаические образцы республиканского поведения и создали народное ополчение для защиты города. При вступлении некоторых императоров на престол вплоть до II в. чеканились монеты с легендой «Восстановленная республика».

При этом, однако, чувство радикальной противоположности общества, в котором они живут сегодня, т.е. при империи I–II вв., обществу республиканской поры как безвозвратно ушедшему в прошлое, владело, по-видимому, римлянами повсеместно. Его хорошо выразил в январе 69 года император Гальба: «Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным открыть путь республиканскому правлению. Однако, мы издавна уже вынуждены идти по другому пути» (Тацит. История. I. 16. 1).

На чем было основано ощущение контраста обеих общественных форм, если в административной, военно-политической, даже социально-психологической сфере было столь распространено убеждение в их взаимоопосредованности и как бы преемственной нераздельности? Есть основания утверждать, что ощущение контраста, жившее рядом с ощущением преемственности и взаимосвязи принципата и былой республики, во многом находит себе объяснение, наряду с другими факторами, в переживании

римским обществом соотношения обеих форм как мало отчужденного и сильно отчужденного типов исторической действительности.

Круг явлений, подтверждающих и иллюстрирующих указанную закономерность, весьма широк. Можно назвать следующие. – Почти полное исчезновение элемента клановой солидарности и взаимной выручки в клиентельных отношениях. Переход от армии, основанной на народном ополчении, к армии, основанной на профессиональных контингентах. Индивидуальные и массовые переселения, разрушавшие традиционную связь человека с его гражданской общиной, его чувство принадлежности к обжитому миру, его укорененность в местных институтах и местной почве – все это было известно греко-римскому миру задолго до образования Римской империи, но именно при империи становится доминирующим процессом, окрашивающим жизнь общества в целом. Меняется характер социальных микромножеств, в которых реально всегда протекала жизнь римских граждан (да и граждан греческих полисов): на месте контактных групп, объединявших людей на основе личных отношений, появляются группы подчас огромного размера, исключавшего общие личные связи, а главное – группы эти теперь легализуются и в принципе существуют лишь с правительственной санкции. Появляется, ширится и в ряде случаев становится принципиальным уклонение от занятия официальных должностей в отдельных общинах и в государстве в целом: почетная должность – некогда предмет страстных стремлений и доказательство уважения граждан, теперь начинает восприниматься как обуза. Иным становится образ носителя власти; некогда это был гражданин общины, богатый, окруженный почетом, взысканный богами, которого, однако, можно было встретить на улицах города и с которым можно было поговорить, – фигура вполне реальная, соответственно реалистическими были его изображения в виде статуй или на рельефах. По мере укрепления принципата и эволюции его к империи эти изображения становятся условными, стилизованными под изображения бога, все более свободными от реалистических черт; власть не сосредоточена в гражданском коллективе, а как бы парит над ним.

Перечень такого рода явлений мог бы быть продолжен. Мы сосредоточимся на трех из них: на Цинциевом законе, на изменениях в семиотике одежды и обуви, на том, что случилось – по мере становления империи – с жизнью в римских домах, ранее столь тесной и скупенной.

1. Цинциев закон

Закон, принятый на основе плебейского плебисцита по инициативе народного трибуна Марка Цинция Алимента в 204 г. до н.э., официально назывался Цинциевым законом о подарках и воздаяниях. Полный текст закона не сохранился, но основное содержание его явствует из 59-ти отрывков, дошедших до наших дней. В самом законе 204 года и в его дальнейшей судьбе как бы скрестились два магистральных процесса римской истории и римской культуры, связанные с феноменом отчуждения. Первый из этих процессов – разложение принципа клановой солидарности и взаимопомощи в социальных микрогруппах и вытеснение его практикой всякого рода поборов с членов таких микрогрупп, осуществляемой людьми, посторонними традиционной микрогрупповой структуре римского общества. Второй процесс – процесс превращения судебной защиты из почетной обязанности патрона микрогруппы по отношению к попавшему под суд ее члену в дело профессиональных адвокатов, нанимаемых каждым подсудимым и оплачиваемых им из своих средств; подобная эволюция сказалась определенным образом и на изменении характера римского судебного красноречия.

Второй из указанных смыслов того же закона выделен как основной и практически единственный в относительно поздних источниках, которые и сделали его столь популярным в исторической науке – в «Анналах» Тацита, в переписке Плиния Младшего, в описании принципата Августа у Диона Кассия. Между тем, рассмотрение

закона в историческом контексте, его породившем, и внимательное знакомство с сохранившимися отрывками не оставляет сомнения в том, что в первоначальном своем виде закон Цинция, если и содержал положения, запрещавшие судебным ораторам брать деньги за защиту в суде, то главный смысл и основное направление закона были совсем иными. Он не случайно назывался «О подарках и воздаяниях» – без упоминания о судебной и ораторской практике – и запрещал не подарки вообще, а только дары «сверх меры». Взаимное вспомоществование на бытовом и повседневном уровне оставалось неизбежным; важно было принять меры использования практики дарения для радикального обогащения одариваемого посредством предоставления ему недвижимости, крупных сумм денег и т.д. Санкции закона, кроме того, не касались кровных (когнатных) родственников до пятого колена, супругов, сирот. «Мы можем определенно утверждать, – пишет один из недавних исследователей Цинциева закона, – что он не был направлен против даров, но лишь против даров, вырываемых насильно – в силу социального неравенства дарителя и одариваемого (...). Задача закона состояла в защите свободы воли дающего в тех случаях, когда статус одариваемого, постороннего в кругу родных, в кругу свойственников и близких, или его близость к власти заставляли с основанием полагать, что свобода воли нарушена, и носитель ее принужден поступать так, как он не поступил бы, действуя по искреннему побуждению и исходя из сущности дарения»¹. О том, кто были эти вымогатели, посторонние в кругу родных и (или) стоявшие близко к власти, недвусмысленно сказал один из первых комментаторов закона Марк Порций Катон Цензорий: «Что вызвало к жизни Лициниев закон о пятистах югерах? Жадность владельцев, которые только и мечтали расширить свои поля. Отчего принят был Цинциев закон о подарках и воздаяниях? Оттого что плебеи уже и так платили сенату налоги и подати» (Ливий. 34. 4. 9). Закон воспрещал конкретные виды и формы дарения, тем самым указывая на те злоупотребления, которые вызвали закон к жизни и, следовательно, составляли распространенную практику, подрывавшую патриархальные микрогрупповые отношения. Так, закон специально запрещал наследникам требовать обещанные им дары после смерти обещавшего, т.е. ограждал семейное имущество от покушения лиц, посторонних семье, сумевших вырвать у человека обещание передать им кое-что после своей смерти в порядке завещания. За дарящим в течение определенного времени сохранялось право удерживать у себя подаренное, если оно фактически оставалось в его владении, как при манципации без передачи или при дарении недвижимости, таким образом принимались меры против отнятия дома или имущества у человека, который был принужден совершить акт дарения.

Перед нами, таким образом, картина распространившихся в обществе после II Пунической войны покушений на принципы и нравы патриархальных микромножеств, прежде всего семейных, на ту атмосферу доверия и солидарности, которая в идеале должна была в них царить и, как явствует, встречалась не только в идеале, а и составляла определенную практику. Закон исходил из возможности эту атмосферу защитить и восстановить, исходил из нее как из достижимой нормы. Показательно, что в числе инициаторов закона был старый Квинт Фабий Максим (см. Цицерон. О старости. 4. 10). Закон, скорее всего, не определял санкций за его нарушение, полагаясь отчасти на решение претора, отчасти на традицию и силу сопротивления семьи.

Полное переосмысление Цинциева закона при империи состояло в частности в том, что вся описанная система отношений и норм вообще выпала из поля зрения общества. По-видимому, перспектива содействовать восстановлению ее с помощью данного закона стала нереальной вплоть до полного забвения некогда существовавших если не расчетов, то надежд. На первый план выходит то содержание закона, которое в первоначальном его виде, если и присутствовало, то в качестве обертона, во многом внеположное его исходному смыслу, но отражающее тот же процесс

¹ Casavola F. Lex Cincia. Contributo alla storia delle origini della donazione romana. Napoli, 1960. P. 25–26.

отчуждения общественных связей – теперь уже утвердившегося и, в свою очередь, ставшего нормой. В сенатском эпизоде, описанном Тацитом в главах 5-й – 7-й XI книги «Анналов» и относящемся к 47 году н.э., Цинциев закон определяется как «старинный закон, запрещавший ораторам принимать деньги или подарки за защитительную речь в суде». Требование «вернуть ему силу» сенаторы обосновывали необходимостью обуздать «вероломство судебных защитников»: «Где помышляют лишь о наживе, там нет места ни честности, ни доверию. Если бы тяжбы никому не приносили прибыли, их было бы меньше, сейчас же распри и взаимные обвинения, ненависть и беззакония поощряются в расчете на то, что эта разъедающая наше правосудие моровая язва обогатит судебных защитников». За этой картиной всеобщего отчуждения, достаточно выразительной самой по себе, стоят некоторые явления, о которых необходимо напомнить. При республике – во всяком случае до ее предсмертного кризиса в первой половине I в. до н.э. – судебная защита была делом патрона данной микрогруппы, чаще всего фамилиальной. Право на нее не принадлежало такому патрону автоматически, а предполагало особую процедуру удостоверения его нравственного достоинства, делавшего выступление в роли защитника возможными и авторитетными. Не случайно деятельность судебного оратора упоминалась среди особых заслуг в надгробных речах и панегирических сочинениях. Такое положение обуславливало и пути подготовки оратора. Она осуществлялась в ходе повседневного общения обучающегося юноши с маститым оратором – либо отцом, либо человеком, издавна связанным с данной семьей. Все здесь, таким образом, – и подготовка, и санкция деятельности, и общественный ее смысл – были замкнуты в рамках клана и оценивались по его нормам. Положение, описанное Тацитом, противоположно этому прежде всего потому, что характеризуется полной отчужденностью всех отношений. Судебное красноречие стало профессией, к деятельности судебного оратора готовятся в специальных школах, помощь оратора предоставляется за деньги и потому может быть оказана совершенно постороннему человеку. В том же сенатском заседании ораторы этого нового типа доказывали, что такой характер их деятельности соответствует окружающей общественной действительности, т.е. что Цинциев закон даже и в этом своем смысле стал излишен, ибо отчужденной, регулируемой не патриархальными или традиционными, а лишь деловыми или денежными связями, стала сама жизнь, сама общественная реальность Рима. Противоположность патриархальных, мало отчужденных отношений отношениям, отчужденным более или менее полностью, выступала в этом случае в особенно ясной связи с противоположностью республики и империи: сторонники фактической отмены Цинциева закона мотивировали свою позицию тем, что живут в условиях императорского «римского мира» – «в государстве, где царит спокойствие», а следовательно, не в грозовой атмосфере республики с ее кланами и вечным соперничеством между ними.

2. Тога и сандали-крепиды

Обнаруженная выше тенденция охватывала все стороны римской жизни. Нашла она себе выражение, в частности, и в семиотике одежды и обуви.

Пример тоги очевиден, общеизвестен, и нам остается лишь напомнить основные положения. Римская одежда, в отличие от греческой, всегда делилась на официальную, удостоверявшую принадлежность человека к гражданскому коллективу, и простую, знакового смысла более или менее лишенную. Тога, по крайней мере со времен Средней республики, относилась к первой из этих категорий. Суть дела в том, однако, что дистанция между обеими категориями была не столь велика, утверждение своей принадлежности к гражданскому коллективу было частью жизненного поведения, и тога была одеждой специальной, но отнюдь не редкой. Когда в 80 г. до н.э. царь Понта Митридат VI Евпатор решил разом покончить с властью римлян в Малой Азии и истребить римлян, находившихся в ее городах, он приказал своим

сторонникам убивать всех, кто одет в тогу. Есть все основания утверждать, что жившие здесь римляне не были сплошь ни магистратами при исполнении обязанностей, ни вообще официальными лицами. То были, как обычно, купцы, мелкие торговцы, италийцы, купившие здесь земельные наделы, или демобилизованные солдаты, еще раньше получившие их в порядке оккупации. Тем не менее они были римлянами и, значит, даже в обычных условиях появлялись в тогах. Положение сохранялось на первых порах принципата, когда государство еще выглядело вполне пореспубликански. Известен описанный Светонием случай, когда Август увидел на форуме группу граждан, стоявших без тог, в одних туниках, и сделал им резкий выговор, сказав, что нету для римлянина большей чести, чем выйти на форум в тоге. Смысл этого эпизода не исчерпывается тем, что в нем обычно усматривают – это не просто признак выхода тог из употребления, но свидетельство о чем-то прямо противоположном: ведь если император обратил внимание на людей в туниках, значит все остальные были в тогах. В этих условиях слова Вергилия о римлянах – «одетое тогами племя» – оказываются не просто эпическим образом, но и отражением реальной практики. Государство и гражданство не воспринимались как сфера отчуждения.

Положение меняется на протяжении первого века принципата и уже ко времени расцвета империи при Антонинах отчуждение государства и гражданства проникает не только в идеологию (в виде, например, стоической философии) и не только в область политического поведения (как например, уклонение от магистратур), но и в общественное подсознание. Принадлежность к гражданской общине и ее традициям, верность ее нормам, заключенные в знаковой семантике тоги, вступают в конфликт с требованиями повседневной жизни, с ее ориентациями и ценностями. Статус гражданина становился парадным, во внешности, ему соответствовавшей, появлялись черты декоративности и искусственности. Уже в конце I в. н.э. многие адвокаты стали являться в суд в накидках-лацернах. Это было удобно, модно, так адвокат шел по улицам, направляясь в суд. Но выходя к трибуналу судьи, он социально и психологически, этически перемещался в сферу, где удобство и мода должны были исчезнуть перед парадной архаикой – перед образом патрона, о котором мы подробно говорили выше. Он, как свидетельствует в своей XVI сатире Ювенал, сбрасывал лацерну и оставался в тоге, входя в свою старинную, в повседневной практике давно утраченную роль.

О том же свидетельствует Марциал: «Требуешь ты от меня, – с раздражением думает один из его персонажей, клиент, о своем патроне, – без конца чтобы в тоге потел я» (III. 46), являясь с утренним приветствием в его атрий и принимая в остальном ему совершенно чуждую роль члена патриархальной патронально-клиентельной группы – некогда основной единицы римского общества.

На том же уровне, но в более изощренной форме предстает тот же процесс в меняющейся семиотике сандалий-крепид. Отвлечемся сейчас от сложного вопроса о сосуществовании на родине этой обуви – в Греции – двух ее разновидностей, о соотношении их социальных смыслов, о сохранении их различия в Риме, куда крепиды проникли вместе со многими другими восточными новшествами в конце III и в первой половине II в. до н.э. Сосредоточимся на главном. В республиканскую пору крепиды распространяются в Риме, сохраняя четкий и острый демонстративный знаковый смысл – греческой моды, признака изнеженности и «культуса», вызывающего отклонения от римской традиционной, сплывавшей гражданский коллектив системы ценностей. Именно крепиды были одним из поводов для доноса в сенат на Сципиона и на его поведение в Сицилии в 205 г. до н.э. По получении доноса здесь «много толковали о том, что и сам Сципион ведет себя не по-римски и тем более не так, как подобает командующему кампанией: появляется в греческом плаще и крепидях в гимнасии, отдает много времени и сил упражнениям на палестре и чтению книжек; да и все его приближенные, ленивые и изнеженные, точно также наслаждаются сполна прелестями сиракузской жизни» (Ливий. 29. 19. 11–12). По доносу как водится, была

создана комиссия, проверявшая подготовку Сципиона к африканской кампании на месте. Выяснилось, что подготовка ведется активно и безупречно, что Сципион полностью контролирует положение и с такой староримской суровостью держит армию в руках, что через несколько месяцев, уже в Африке, смог позволить себе дисциплинарные меры, на которые вряд ли решились бы и самые строгие римские командующие былых времен. Эллинофильство и «культус», таким образом, были демонстративны и неорганичны, а характерные для них поведение и инвентарь – частью семиотического имиджа, сознательным и локальным отклонением от римской гражданской традиции, которая, следовательно, на идеологическом и военно-политическом уровне полностью сохраняла свое значение нормы.

Положение не изменилось вплоть до эпохи Ранней империи. В крепидах ходил во время поездки по греческому Востоку Германик Цезарь, дабы «быть приятным народу» и «подражать Публию Сципиону» (Тацит. *Анналы*. II. 59. 2). Во время своей двухлетней опалы наследник Августова принципата Тиберий жил на Родосе. «Он забросил обычные упражнения с конем и оружием, отказался от отеческой одежды, надел греческий плащ и сандалии-крепиды и в таком виде прожил почти два года, с каждым днем все более презираемый и ненавидимый» (Светоний. *Тиберий*. 13. 1). Положение не изменилось, но радикально изменился его смысл. Когда боги обсуждали вопрос об основании Рима и о дальнейшей его судьбе, Юнона добила с от Юпитера обещания, что римлянам никогда не будет дано «речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться» (Вергилий. *Энеида*. XII. 825). Обещание сохранило свое значение в идеализированно-мифологическом образе Рима и в официальных обрядах государственной религии. Демонстративно от них отклоняясь, Сципион и Марк Антоний, Германик и Тиберий лишь эпатировали норму. В реальной же повседневной жизни римляне только и делали, что «рядились в чужеземное платье». В массовом повседневном обиходе крепиды утратили свой острый знаковый смысл и стали одной из разновидностей обычной обуви – осознаваемой как греческая по происхождению, но не влекущей на этом основании никаких семиотических импликаций. Уже Цицерон обращал внимание сенаторов на то, что на статуе, стоящей на форуме, Луций Сципион, победитель Антиоха, представлен в хламиде и крепидах, и это «не вызывает ничего осуждения ни в мыслях, ни в словах» (В защиту Рабририя Постума. 27). Полусумасшедший Гай Калигула рядился в самые невозможные одежды, но при этом не делал никакой разницы между солдатскими каллигами, крепидами и женскими «галльскими» туфельками. Положение это отразилось в словоупотреблении. Крепиды вошли в поговорки, где они означали просто обувь в самом широком смысле, как у Горация (*Сатиры*. I. 3. 126–128): «Хрисипп, наш наставник, так говорит, что мудрец хоть не шьет ни сапог, ни сандалий (в подлиннике – крепид), но сапожник и он». Так же веком позже у Плиния Старшего: «Да не судит сапожник ни о чем выше сапога (в подлиннике – крепиды)». Семиотический сигнал растворился в шуме бытовой повседневности, нейтрализующей былые семиотические различия как слишком идеологические и наджизненные, отчужденные от непосредственной реальности.

И здесь наступает самое интересное.

Авл Геллий (*Аттические ночи*. XIII. 22(21). 5), констатировав, что «любая обувь, состоящая из подошвы, которая покрывает лишь ступню, все остальное оставляя открытым и прикрепляясь к ноге ремешками, называется римскими сандалиями, а иногда также и греческим именем – крепиды», рассказывает случай, когда преподаватель риторики сделал выговор ученикам из сенаторских семей, явившимся на занятия в туниках, толстых плащах с рукавами и сандалиях. (Ритор назвал их «галльскими», но по разъяснению Геллия слова «галльские», «римские» и «крепиды» были в эту эпоху уже взаимозаменяемы и могли относиться к любому типу легкой обуви). Выговор был сделан с древнеримской суровостью и основан на том, что провинившиеся были детьми сенаторов. Одежда и обувь их были, – признавал ритор, – совершенно обычными и давно уже общераспространенными, но недопустимыми

именно для них как для отпрысков сенатских родов. Знаковый смысл крепид и других видов обуви или одежды того же чина ко времени Адриана, когда происходил описанный эпизод, давно нейтрализовался. Возвышенная архаическая собственно римская традиция вознеслась в отчужденную сферу государственно-республиканской символики, утратившей связь с жизненной практикой императорской поры. Стоило, однако, римлянину модулировать в жившую рядом сферу официально утверждаемых республиканских реминисценций, как республиканская семантика оживала, отчуждение как будто исчезало, и вещи начинали снова значить то, что они значили когда-то, когда повседневно-бытовая и государственная сферы, жизнь и *Res publica Romana* не разошлись так, как разошлись они в империи Антонинов. Названный Авлом Геллием ритор не был одинок. Несколькими десятилетиями раньше Персий говорил о человеке, который издевался над «крепидами греков» – но издевался лишь потому, что был «горд италийского званием эдила» (Сатиры. I. 126–129), т.е. в определенный момент ощутил себя официальным лицом, римлянином «с большой буквы», а значит человеком, чуждым тем обычаям и тем критериям, которые регулировали его жизнь каждый день.

3. Теснота

Говоря о законе Цинция, мы стремились показать, как изменения правовых представлений на протяжении последних веков республики и первого века принципата обнажали социально-психологическую перестройку общественного сознания: от норм неотчужденного существования при республике к реальности более или менее отчужденного бытия при империи. Как бы глубоко ни проникало это противопоставление в массовое сознание, непосредственной его основой оказывался в этом случае определенный правовой акт. Контраст республиканской неотчужденности и имперского отчуждения был как бы культурно-антропологической надстройкой над некоторой идеологической основой. Когда дело касалось семиотики одежды и обуви, люди в известной мере отдавали себе отчет в общественном и культурном смысле изменений, вносимых ими в свой внешний облик, но в виде основного регулятора выступали, разумеется, внеидеологические факторы: вкус, мода, престиж, состязательность и т.д. Мы таким образом подошли существенно ближе, чем в первом случае, к той живой глубине исторического бытия, где условия труда и жизни переплавляются в полуосознанные, насыщенные эмоциями и страстями непосредственные устремления и реакции, которые и являются первыми, исходными импульсами исторического поведения. Сделаем следующий шаг и обратимся теперь к тому культурно-историческому пространству, где вообще нет места идеологии, где все от подсознательного деления действительности на привычное и непривычное, наше и чужое, где привычное и «наше» начинает излучать комфортность, престижность и тем самым становиться ценностью, где противоположность республикански-неотчужденного и имперски-отчужденного уклада существования составляет самый глубокий пласт исторического бытия римлян, в котором сопоставление этих двух укладов образовывало реально переживаемую дихотомию. В этом смысле переживание тесноты и, в качестве ее противоположности, – того, что англичане называют *privacy*, – оказывается корнем разбираемой ситуации, а восприятие Цинциева закона, семиотика одежды и другие сродные явления – ее разрежением и сублимацией, своеобразной *метафизикой тесноты*.

Вплоть до второй половины I в. н.э., т.е. до полного развития империи в ее ранней, принципатной форме, в Риме, на улицах и в жилых домах, в тавернах и общественных зданиях царил крайняя теснота. Технически она была связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, центральная зона города, где сосредоточивалась общественная жизнь, куда в утренние часы стягивалась большая часть взрослого мужского населения и приезжих, была очень ограничена, не более двух квадратных километров между излучиной Тибра и Виминалом, между Марсовым полем и Целием.

Улицы имели обычно ширину пять-шесть метров и никогда, кажется, не больше девяти. Ювенал так описывал центр Рима флавианской эпохи:

(...) Мнет нам бока огромной толпою
Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой
Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
С разных сторон и вонзается в пальцы военная шпора
(III. 244–248)

Не лучше обстояло дело в общественных зданиях, если судить, например, по Юлиевой базилике. В этом пятинефном здании размером 60 на 180 метров постоянно заседали четыре уголовных суда; в каждом было по 26 судей, подсудимый приводил с собою десятки людей, оказывавших ему моральную поддержку, а выступления знаменитых ораторов привлекали сотенные аудитории. Тут же непрерывно шла игра (следы очерченных на полу кругов и квадратов, куда забрасывались кости, сохранились до сих пор), кричали менялы, постукивая монетами по своим столикам; все это постоянно хотело есть и пить, и в толпе курсировали продавцы съестного. Вряд ли по-другому обстояло дело у храмов. Стиснутые на узких улицах люди одновременно, вплотную друг к другу, занимались самыми разными делами. В декабре 69 г., когда солдаты императора Вителлия штурмовали Капитолий, где засели флавианцы, младший сын Флавия Веспасиана и будущий император Домициан спасся, замешавшись в толпу поклонников Исиды, которые спокойно отправляли свой культ, нимало не смущаясь сражением, идущим вплотную к ним.

Так же обстояло дело в жилых домах. Об инсулах в том виде, в каком они существовали примерно с конца II в. до н.э. до середины I в. н.э., говорить не приходится – положение описано здесь многими авторами и общеизвестно. Но и особняк-domus был ареной той же тесноты и шумной публичности существования. Связано это было с наличием таберн, большинство из которых сдавалось внаем и не только под склады, но и под лавки или публичные дома, хозяева которых поселялись тут же на антресолях; с наличием в доме второго этажа, помещения в котором иногда соединялись с внутренними комнатами дома, а иногда имели самостоятельный выход на улицу; с практикой приобретения одним хозяином нескольких соседних домов и соединения их в один жилой муравейник; с балконами, которые соединяли по фасаду несколько домов, так что жильцы могли проходить через комнаты соседей. Можно представить себе, каково жилось в Помпеях в доме № 18 двенадцатого участка VII района, часть которого занимала одна семья, в табернах расположился публичный дом, а в аттике ряд помещений принадлежал каждое отдельной семье, и члены их проходили домой по балкону, имевшему выход через соседний дом № 20. В VIII книге «Дигест» есть целый титул (второй), посвященный разбору казусов, возникавших из того, как переплетались в подобной путанице права отдельных хозяев на помещения, архитектурно и строительно представлявшие собой единый и неразделимый жилой муравейник.

Существенных уточнений требует распространенный взгляд, согласно которому описанная скученность – порождение перенаселенности Рима в раннеимператорскую эпоху. Такого рода перенаселенность, разумеется, существовала и связана она, действительно, с историческими процессами эпохи Ранней империи. Но не менее – а с точки зрения проблем, обсуждаемых в данных заметках, и более – важно также другое. Архитектурные предпосылки «муравейниковой» структуры жилой среды сформировались очень рано, в недрах республиканского строя жизни. Этажность упоминается и в эпоху царей, и при описании событий II Пунической войны; балконы назывались «менианами» по имени цензора 348 г. до н.э.

С верхнего этажа домов своих друзей любил смотреть на городские зрелища император Август. Вся эта скученная, тесная, путаная городская среда существовала в Риме до конца первого века принципата, восходя своими истоками к этрусским поселениям типа Марцаботто. К частичной ликвидации ее приступили, по-видимому,

только Цезарь, скупивший (через посредство Цицерона) и снесший пеструю застройку центрального района, на месте которой расположился вскоре его форум, Август, перестроивший Палагин, Нерон, расчистивший место для Золотого дома.

Такой характер жилой среды имел социально-психологический и нравственный ценностный смысл, воспринимаясь как естественная форма гражданской солидарности, равенства и доверия – словом, как неотчужденная форма существования. Римляне полагали, что на самой заре истории боги научили их

...строить дома, сочетая жилище свое воедино
С крышей другой; чтоб доверье взаимное нам позволяло
Возле порога соседей заснуть (Ювенал. XV. 153–156).

В той мере, в какой первые принцепсы старались сохранить республиканский уклад жизни города и своей семьи, они жили очень публично, подчас в тесноте и скученности, не только не смущаясь, но как бы даже бравируя этим: такой стиль входил в имидж «первого среди равных». Так жили Август, Клавдий, Вителлий. В опасную минуту они стремились идти в толпу, ища защиты среди сограждан, «своих», как Гальба или тот же Вителлий.

Теснота и как факт городской планировки, и как ценность начинает исчезать во второй половине I в. н.э. – с постепенным утверждением империи не просто как формы государственной организации, а и как строя жизни. Новые правила городской застройки, установленные Нероном после грандиозного пожара 64 г., принципиально изменили все ощущение городской среды. Центральные улицы Рима, а вслед за ним и многих городов империи выровнялись и расширились. Единицей градостроительства стал теперь не застроенный участок – инсула или разросшийся домус, – а отдельное архитектурное сооружение, ограниченное со всех сторон собственными стенами; было запрещено застраивать дворы, этажность была ограничена. Соответственно исчезло большинство предпосылок для «дома-улья», а вскоре и большинство домов этого типа. Разумеется, смена эта не была ни мгновенной, ни линейно-четкой. Обе традиции сосуществовали довольно долго, но контраст нового уклада с описанным выше тем не менее раскрывается в ряде сопоставлений совершенно ясно: инсулы, описанные в III сатире Ювенала, и новые жилые кварталы Остии; «ульи» в районе помпейского форума и особняки-виллы, вроде дома Лорея Тибуртина в районе новостроек в конце улицы Изобилия; форум Цезаря и форум Траяна; Стабиевы бани в Помпеях и термы Каракаллы в Риме; старые комнаты в помпейском доме Менандра в сопоставлении с новыми, отстроеными незадолго до катастрофы, комнатами того же дома и многое, многое другое.

Римская архитектурная революция, как иногда называют описанные изменения, была вполне очевидно порождением империи и означала конец римской гражданской общины, ее республиканской формы, если не в политическом или хозяйственном, то во всяком случае в аксиологическом смысле, в смысле отступления ценностей неотчужденного, скученного, микрогруппового существования перед ценностями независимости каждого от прессы коллективности. Не станем напоминать сейчас о распространении стоической философии с ее императивом: «отвоюй себя для себя самого» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию. I. 1), о появлении наряду с огромными триклиниями, приспособленными для десятков, если не сотен пирующих гостей, прохладных нимфеев и малых беседок со столиком и ложами на одного-двух человек. Обратим лучше внимание на тот размах, какой приобретает со времени римской архитектурной революции строительство терм, и на то, какое они создают самоощущение у людей, в них пребывающих. В конце республики в Риме было не более 170 общественных купален, принадлежавших, как правило, отдельным владельцам и по размерам весьма скромных. При Августе один лишь Випсаний Агриппа подарил городу небольшие термы. В них должно было быть изрядно тесно, и никого это, по-видимому, не смущало. Начиная с Нерона, термы, одни других огромнее, строит почти каждый император. Двор терм Каракаллы имел размеры 400 на 400 метров, центральный комплекс – 150

на 200 метров. В термах Диоклетиана этот центральный комплекс был 200 на 300 метров. Всем достаточно памятна та громада, которая возвышается в центре нынешнего Трира (римская Августа Треверов), которую археологи долго принимали то за храм, то за императорский дворец, пока не убедились, что перед ними общественные бани. В этих огромных залах, бесконечных галереях, прохладных нимфеях и библиотеках человек чувствовал себя в принципе по-иному нежели в портиках и базиликах республиканской поры – предоставленным самому себе и одному-двум собеседникам, соотношенным с окружающими, а не вдавненным в их толщу. Мы живем в упорядоченном государстве, где правит один человек, – говорил с удовлетворением в годы Домициана один из участников Тацитова «Диалога об ораторах», – «и пусть каждый пользуется благами своего века, не порицая чужого» (41.5).

4. Римская классика и принцип империи

Отличительная черта античных империй – не только римской, но и эллинистических – состоит в том, что описанные процессы в них как правило не доходят до конца. Отчуждение как атмосфера жизни как бы сосуществует здесь с сохранением более архаичных и потому более органичных, мало отчужденных форм общественного уклада, восходящих к гражданской общине и, соответственно, к республике как ее политической форме. «Диархия», открытая Моммзеном и нашедшая себе подтверждение в сотнях позднейших исследований, получает здесь свою культурно-антропологическую санкцию и объяснение. Римская архитектурная революция радикально изменила планировку и застройку городов империи, как то наглядно видно на примере Остии II в. или Эфеса IV в., но скученность в жилых помещениях сплошь да рядом оставалась прежней. Это явствует из некоторых приводившихся выше примеров, не говоря уже о сохранившемся распределении солдат в лагере по палаткам – 8 человек на 9 квадратных метрах. Клавдий или Вителлий, действительно, не чурались толпы и сознательно стремились пребывать в ней, равно как всегда, если не в толпе, то в группе появляется Траян на колонне его имени. Но не только Марк Аврелий в середине II в. понял, как важно отчуждение от толпы, уединение; некоторые соблазны того же «отчужденного» стиля существования должны были испытывать и Тиберий, и Домициан, и, особенно, Адриан. Анализ рельефов с колонны Траяна показывает, что авторы их сознательно стремились противопоставить бодрую тесноту, царящую в римских «кадрах», как стихию Рима и его империи, – унылой пустоте начальных и заключительных «кадров», где изображен мир даков до появления римлян и после их ухода. Нарушение клиентельных обязательств отмечается в эпоху принципата в качестве массового явления, но те же источники (тот же Ювенал и вводные главы к «Истории» Тацита) указывают и на их сохранение. Действительно, «тогу в края италийских не носит никто / Лишь покойника кутают в тогу» (Ювенал. III. 172–173), но и веком позже Тертуллиан в «De pallio» пишет об особой привлекательности тоги для новообращенных граждан империи. На социальные микромножества II–III вв. распространяется та атмосфера отчуждения, которая вообще царит в империи Антонинов и Северов, но есть немало случаев, когда первоначальная атмосфера в них сохранялась и не только в Риме, но и в провинции III и даже IV вв.

Перед нами еще одно подтверждение того особого характера античной культуры, который Гегель назвал классическим, дав определение, с тех пор повторяемое на протяжении почти двух столетий: «субстанция государственной жизни была столь же погружена в индивидов, как и последние искали свою собственную свободу только во всеобщих задачах целого» (Эстетика. II Отдел. Введение, § 2). На другом материале Гегель комментирует ту черту античной жизни о которой у нас только что шла речь: неустойчивость, в которой пребывают здесь общественные противоречия, противоречивое сосуществование исторического динамизма и консервативности, человеческой самостоятельности и растворения личности в коллективе, отчуждения ее от общест-

венно-государственного целого и сохранения своих неотчужденных связей с ним, короче – традиций гражданской общины и республики как ее политической формы со структурой, порядками и нравами правовой, административно жестко упорядоченной космополитической и, следовательно, отвлеченной от всего местного и частного империи.

И тут возникают два вопроса, которые, в виде заключения, автору необходимо поставить, хотя – а скорее, именно потому, – что ответов на них у него нет.

Приведенный материал подтверждает представление о классическом характере антично-римской культуры, всего антично-римского строя жизни, или опровергает его? Оценка этого строя жизни и этой культуры как классической предполагает, что полюсы указанного противоречия в конечном счете сближаются и тяготеют к единству. Классика предполагает не только сосуществование противостоящих друг другу полюсов, но и равновесие между ними – разумеется, живое, разумеется, неустойчивое и динамическое, но итоговое, историческое равновесие, определяющее тип культуры в целом. Можем ли мы доказать, что положение было именно таким? Судебный защитник предстает здесь одновременно и как старинный патрон солидарной микрогруппы, и как хапуга, выжимающий деньги из ее членов. Сенаторы демонстративно одеваются так, чтобы *не* походить на римлян былых времен, целиком принадлежащих традиции, и они же в определенных условиях (прежде всего военных) и одеваются, и ведут себя так, чтобы ничем не отличаться от римлян былых времен. Август придает огромный государственный масштаб отстраиваемым им храмам, чтобы не походить ни на кого из старинных *primores civitatis*, и он же заставляет жену и дочь ткать шерсть в атрии своего дома, чтобы ничем не отличаться от этих *primores*. Легкая и удобная ссылка на «лицемерие» ничего здесь дать не может: лицемерить имеет смысл, чтобы выглядеть соответствующим тем нормам, какие приняты в окружающем обществе. Приведенные примеры показывают, что сами эти нормы существовали в своей двойственности. Так все-таки, что же такое классический исторический образ Рима и его культуры – выдумка якобинцев и декабристов, гимназический миф XIX столетия, скрепленный авторитетом Гегеля и Моммзена, или отражение исторической реальности? Или правы сегодняшние историки, доказывающие, что перед нами примитивное общество, не знающее других забот, кроме грабежа и обогащения, а все остальное – древняя риторика или новые либеральные выдумки, ничего общего с исторической реальностью не имеющие, – «Алиса в стране чудес», как однажды выразился М. Финли? Или – что было бы самым печальным – приходится склониться перед столь модным сегодня убеждением, что знаковые коды, в которых живет и выражает себя каждая прошлая эпоха, непроницаемы и проникнуть в их жизнь, в их непосредственное, реальное содержание людям иных эпох не дано?

И второй вопрос. Сочетание в Римской империи явной и упорной тенденции к углубляющемуся отчуждению индивида, его повседневной жизни и интересов, круга его забот от официально-государственной сферы и в то же время незавершенность этой тенденции, сохранение в империи элементов неотчужденного существования, напоминающих о доимперских и в этом смысле общинно-республиканских порядках и нравах, есть специфически римская черта, признак одной древней империи, или такая неполнота имперской унификации и имперского отчуждения, сохранение доимперских, более патриархальных пережитков есть имманентная черта империй как принципа государственной организации, по крайней мере империй европейских, не случайно в столь многих случаях ориентированных на империю Рима как на свой эталон? Опыт по крайней мере Российской и Британской империй мог бы говорить о возможности положительного ответа на последний вопрос.

Г.С. Кнабе

THE METAPHYSICS OF LIVING AT CLOSE QUARTERS.
THE ROMAN EMPIRE AND ALIENATION

G.S. Knabe

The passage from the republican community of Rome to the universal Roman empire lasted from the civil wars of the early I century BC to the Antonines. Within this period, however, there is no event and no series of events about which we could say that before them Rome was a republic and after them an empire. It is logical therefore to turn for explanation not to the sphere of historic events, but to a different historic realm – to the continuous and multilevel process of restructuring everyday life habits, mass mentality, archetypes regulating public behaviour, multiple changes in the sphere of axiology and culture. Facts of this kind, despite their diversity, illustrate one and the same tendency: the passage from the republican city-state community of Rome to the universal Roman empire appears as a passage from less alienated historic life structures to the existence of human beings alienated from these structures more or less completely. The author analyses the following phenomena which to his mind confirm the above formulated tendency.

Living at close quarters, crowded and cramped, was accepted under the republic as a value, as a sign of the democratic solidarity of the citizens; after the Roman Architectural Revolution of the late I century AD it became one of the material conditions of life bereft of any exiological importance.

The rôle of the practice of exchanging gifts in early Rome, as in many archaic societies, was double: the gifts made the collective more coherent by creating an atmosphere of mutual aid, and it hierarchized the collective by forcing the recipient to pay the gift and hence depend on the bestower. This practice in its double meaning was the source of many important Roman institutions such as the *clientela*, relations between the army and the *dux*, the legal practice where the *patronus* defended the *reus* on the basis of mutual obligations. In all these spheres the passage from the republican to the imperial style of existence is marked by a radical shift from the above mentioned first aspect of the gift ethics to the second.

In his everyday life the Roman citizen belonged to a small social group or to several of them – *collegium*, a group of *amici*, a circle of individuals depending on one and the same *patronus*, visitors of one tavern etc. These groupings satisfied the desire proper to any member or the community for a collective existence, for solidarity and fellowship. At the peak of the empire they continued existing, but formalized, put under governmental control and with so huge an amount of members that no solidarity or personal contacts could determine the atmosphere in such groupings any more.

The author shows that the attitude to official *honores*, the image of the *principes civitatis*, even the Roman dress followed the same evolution from less alienated forms of life to forms which were or were accepted as alienated more or less fully. The analysis of all these instances, however, shows that the tendency to alienation never triumphed completely, never became really and truly universal. The life in the Roman empire is characterized by two conflicting tendencies: alienation grows constantly; traditional, less alienated patterns of social life born under the Republic melt away, but subsist too.

Is this *coexistence* a proof and a manifestation of a specific classical type of the civilization of antiquity as described by Hegel in the second volume of his *Aesthetics*? Or is it a general feature proper to European empires most of which were modelled to a greater of lesser extent on the Empire of Rome? This problem needs to be formulated, but better left unsolved.

ОТНОШЕНИЕ «ГРАЖДАНИН–ПОЛИС» В СИСТЕМЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ*

Существование греческих полисов восточных провинций в системе огромной державы приводило к различным последствиям: экономическим, политическим, социально-психологическим. Важнейшим из них было постепенное отчуждение жителя античного полиса от государственных и общественных структур.

Римляне застали в Восточном Средиземноморье полисы с достаточно сложными внутренними связями. Гражданский коллектив в городах, включенных в состав эллинистических монархий, был противопоставлен окружающему местному населению: граждане обладали правом собственности на землю, правом доступа к общественной (храмовой) земле в форме аренды (как об этом свидетельствуют арендные договоры Олима–Миласы¹), а также участвовали в различного рода мероприятиях (празднества, общественные обеды, раздачи), устраиваемых за счет доходов полисов. Сохранение полисных форм самоуправления отличало их от местных деревень. При внешнем существовании и в период Империи полисных органов управления, общественных празднеств и т.п., ситуация изменилась достаточно резко.

Уже в период Республики римляне не только поселялись в провинциальных полисах (главным образом это относится к богатым городам провинции Азии), но и покупали там землю. О таких покупках упоминает, в частности, Цицерон в речи, принесенной в защиту Флакка (46; 51). Переселившиеся римляне не становились гражданами городов, но не включались они и в какую-либо статусную группу неграждан. В надписях они упоминаются просто как римляне или «проживающие римляне». При этом они могли присоединяться к постановлениям, которые издавали полисы: известны декреты, принятые от имени буле, демоса и οἱ κατοικοῦντες Ῥωμαῖοι (MAMA VI. 177; 180; 183; 372); декрет Гиераполя приняли буле, демос и синедрион римлян (IGR IV. 818).

Особое положение занимали те жители греческих городов, которые получали римское гражданство, и императорские вольноотпущенники, как, например, Флавий Архипп (по-видимому, вольноотпущенник Домициана), о котором мы знаем из переписки Плиния с Траяном (X. 58–60; 81). Этого человека уличили в подлоге, его осудил проконсул, но он избежал наказания и даже занимал кресло судьи. Во время правления Домициана полис вынужден был оказывать ему почести и ставить статуи. Характерно, что и после гибели Домициана Архипп продолжал спокойно жить и даже выступил с обвинениями против Диона Хрисостома. Такие люди были частью имперской системы и избавиться от них было очень трудно.

Появление всех этих людей – неграждан-римлян, которые занимали более высокое положение, чем граждане полисов, вольноотпущенников, которым полис вынужден был подчиняться, – приводило к тому, что полисное гражданство, полисная солидарность теряли свою ценность. Становится возможным «множественное гражданство» – обладание правами в нескольких полисах, подчас расположенных в разных провинциях (например, Аврелий Поликарп был гражданином Кибирь, Филадельфии, Лакедемона, Афин, Эфеса, Николополя – IGR IV. 1761; ср. MAMA VIII. 42). Одна надпись I в. н.э., найденная на Хиосе, упоминает некоего Юста Эфесца Тиберита (возможное восстановление – Тибериополит², не исключено, что это – известный иудейский историк Юст

*Текст доклада, прочитанного на Международном симпозиуме «Древние империи и имперские идеологии» (Москва, 9–10 сентября 1996 г.).

¹Эти договоры опубликованы в BSA. 1917/18. 22. Храмы даже специально покупали землю для сдачи ее в аренду гражданам.

²BSA. 1964. 59. P. 36.

из Тивериады). Множественное гражданство было почетным: среди таких граждан были победители на различных спортивных играх.

В период Империи постепенно теряло свое значение противопоставление граждан и неграждан. В официальных полисных надписях постепенно уменьшается число терминов, обозначающих различные категории неграждан, а некоторые исчезают совсем. Вместо пареков, метеков, вольноотпущенников, встречавшихся еще в надписях I в. до н.э., стали употребляться общие обозначения, например, «граждане и все проживающие» (ἑπιδημιοῦντες – Тиатиры: IGR IV. 1273). Неграждане принимали участие в празднествах, чествованиях благодетелей³, раздачах. Ощущение общечеловеческой, а не только гражданской общности, которое начало формироваться еще в период эллинизма, ярко выражено в надписи времени Империи из небольшого карийского городка Панамары: в празднестве в честь бога-покровителя города Зевса Панамарейского приглашаются участвовать все граждане, ксены, рабы, женщины и «все люди населенного мира»⁴. Разумеется, организаторы празднества не рассчитывали на прибытие к ним жителей всей ойкумены, своим приглашением они стремились поднять престиж местного праздника, но употребленная ими формула показывает, что преимущества гражданства уже настолько не осознавались, что упоминание о них исчезает из риторических оборотов.

В поведении граждан изменение системы ценностей сказывалось и в отношении к полисным должностям и обязанностям. Еще в период эллинизма в некоторых городах практиковалась продажа жреческих должностей, причем покупатель освобождался от выполнения важных литургий: так, в Приене купивший жречество за шесть тысяч драхм освобождался от устройства состязаний, гимнасиархии, содержания лошадей, лампадархии и др., а купивший за двенадцать тысяч драхм – и от триерархии, исполнения обязанностей эконома и неопея⁵. В римское время освобождение от литургий могли получить наиболее почтенные люди города⁶. То, что стремление освободиться от общественных обязанностей и выполнения полисных магистратур не было частным случаем, показывает «Наставление о государственных делах» Плутарха. Сам факт появления подобного сочинения (как и других наставлений) говорит об известном неблагополучии в этой сфере деятельности. Плутарх стремится на примерах прошлого рассказать о достойном поведении государственного мужа. При этом он отмечает, что его современники охотятся за участием в управлении провинцией, оставляя дела родного города и доживая до старости у чужих дверей (18). Люди, волею судьбы оказавшиеся причастными к общественным делам, не получив славы и власти, сетуют на участь человека, вынужденного заниматься государственными делами (2).

Членство в буле в ряде городов могло носить чисто символический характер, наряду с множественным гражданством существовало и множественное членство в буле: так, уже упомянутый Аврелий Поликарп был булевтом во всех городах, где он имел гражданство, – трудно предположить, что он мог реально выполнять свои обязанности. Должности не только булевтов, но и жрецов местного культа порой были номинальными: так, некто Трасон из Гиеракоме, согласно надписи в его честь, в десять лет занимал должность верховного жреца, а в шестнадцать – жреца Зевса Панамарейского (ВСН. XI. 1887. Р. 32). Такая ситуация не могла не приводить к потере авторитета и полисных властей, и самой идеи полисного самоуправления.

Но не следует думать, что процесс отчуждения от полисных структур был завершен в первые века существования империи. Стремление проникнуть в римскую администрацию провинций непосредственно или через личные дружеские связи (о чем

³В частности, это отмечено в херсонесском декрете II в. н.э. в честь римского военачальника, спасшего город от опасности (текст декрета см. *Виноградов Ю.Г.* Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ. 1996. № 1. С. 48 слл.).

⁴*Laumonier A.* Les cultes indigènes en Carie. P., 1958. P. 327.

⁵*Inscriptionen von Priene.* В., 1906. 13; 26; 82; 83; 108.

⁶Например, архиатр из Сидимы – ТАМ II. 221.

пишет тот же Плутарх) сочеталось с благодеяниями, которые местная провинциальная знать оказывала своему родному городу. Дарения, пожертвования, возведение зданий, устройство празднеств на частные средства достаточно часто упоминаются в надписях восточных провинций. Правда, мы не можем оценить, насколько эти деяния были выражением искренней заботы о своем полисе, а насколько – способом приобретения влияния, прямой связи между местным населением и центральной властью. Но и оказывая благодеяния, представители провинциальной знати в определенном смысле ощущали свою оторванность от города, который они называли «сладчайшей родиной». В этом отношении показательна надпись о дарении участка земли городу Ариассу, сделанном архиереем Августом Диотимом. Дарение это, зафиксированное в надписи, сделано в форме письма Диотима, адресованного архонтам, буле и демосу. Л. Робер отмечает редкость случаев, когда письмо гражданина городу высечено на камне⁷. Диотим уже не чувствует себя членом демоса Ариасса, он как бы дистанцируется от полиса, к которому обращается с посланием, как некогда обращались к городам эллинистические монархи.

В условиях падения роли гражданских связей постепенно ослабевали и другие связи между людьми, традиционные для античного мира: связи между членами фратрий, фил и даже семейные связи. Плутарх с горечью пишет в «Наставлении», что в его время люди, связанные принадлежностью к филе, соседством, родством, вместо того, чтобы при каких-либо конфликтах проявлять взаимную уступчивость (т.е. решать дела в узком кругу), отдают свои разногласия в руки стряпчего (19). На разрушение семейных связей указывают и некоторые надгробные надписи, в которых специально оговаривается, что в склепе не должен быть похоронен никто, кроме владельца склепа, или даже прямо говорится, что там нельзя хоронить наследников⁸.

Отчуждению рядового жителя империи от традиционных гражданских форм жизни способствовали и столь распространенные и столь возможные в рамках империи переселения из города в город, из провинции в провинцию. В «Деяниях апостолов» среди первых христиан упомянуты такие переселенцы, например, Лидия, торговка багрянницей: она жила в Филиппах, а происходила из Тиатиры (16: 14); Акила, соратник апостола Павла, был иудей родом из Понта: он перебрался в Рим, был оттуда изгнан вместе с другими иудеями, но не вернулся на родину, а обосновался в Коринфе, где занимался изготовлением палаток (18: 2). Среди скульпторов Эфеса, упомянутых в надписях, встречаются самосец, паросец, карфагенянин⁹. Сохранилось надгробие двух поколений семьи, переселившейся из г. Минда в г. Кедреи (SEG 18. 441). О том, какое количество провинциалов переселялось в Рим, с точностью судить трудно, но, безусловно, столица притягивала и знать и простой люд.

Особенностью общественной жизни в империи было существование больших ассоциаций, формально объединявших значительное число членов. Как правило, такие ассоциации были связаны с администрацией и императорским культом и представляли собой своеобразную организацию, создававшую поддержку (можно сказать, общественную) центральной власти. Так, существовало объединение римлян и эллинов Азии (IGR IV. 860), глава которого был верховным жрецом императорского культа. Собрание греков и римлян могло обращаться прямо к императору по поводу спорных вопросов, связанных с деятельностью наместника. Эта организация была достаточно аморфна, вряд ли в ней реально могли участвовать свободные жители провинции в сколько-нибудь значительном числе: именно неопределенность структуры и размеры объединения приводили к тому, что действовали только руководители ассоциации. Но психологически сама идея объединения эллинов и римлян приводила к вытеснению полисного менталитета имперским.

Внутри греческих полисов важную роль играл императорский культ, который способствовал включению городов в имперскую систему. К организации празднеств в

⁷Robert L. *Études anatoliennes*. Amsterdam, 1970. P. 378 suiv.

⁸Ibid. P. 309; MAMA VIII. 543.

⁹Die Inschriften von Ephesos. Bd II. Bonn, 1979. 510, 511, 516.

честь императора привлекались и общественные ассоциации, такие как союзы старцев и молодых. В отличие от небольших религиозных товариществ классического времени (например, объединение граждан, почитавших Геракла в Афинах, насчитывало всего 18 человек – IG II². 2443), возрастны союзы были достаточно многолюдны. Герусия в Эфесе включала в себя более 300 человек, в Сидиме – около ста; в герусии фригийского города Себасте был 71 человек¹⁰. Вряд ли все эти люди близко знали друг друга и испытывали удовлетворение от личных контактов. Но участие в таких объединениях позволяло представителям городских верхов обратить на себя внимание центральной власти, а для выходцев из низов обеспечивало участие в общественной жизни (а может быть, и какие-либо другие блага). Так, первым гимнасиархом в Сидиме стал выходец из демоса, а не из сословия булевтов (в надписи Сидимы отдельно даны имена булевтов и демотов). Многие гимнасиархи занимали разные должности, в том числе связанные с императорским культом. В Дорилее гимнасиарх герусии был одновременно жрецом императорского культа. В состав таких союзов входили люди даже темного происхождения: в списке Сидимы один из них назван сыном неизвестного отца¹¹. В редких случаях в союзах могли участвовать и женщины (г. Себасте). Таким образом, существование подобных объединений вопреки полисным традициям привлекало к выполнению общественных обязанностей – прежде всего связанных с императорским культом как воплощением идеи единой империи – людей самого разного положения, которые иначе не могли занять сколько-нибудь заметную позицию в своем городе. Однако начиная с III в. упоминания о возрастных союзах резко сокращаются. Это может быть связано с формализацией императорского культа и радикальной переменой в религиозном сознании жителей империи. В надписях III в., когда императоры сменяли друг друга, порою процарствовав совсем немного, каждый император назывался «наибожественнейшим из когда-либо бывших» (см., например, OGIS 519). Такие выражения скорее отвращали, чем привлекали основную массу населения к культу императора.

Но разрушение традиционных связей требовало какой-то замены: имперская идея не могла спасти рядового человека от ощущения своего одиночества и потерянности в огромной державе. В период Империи дальнейшее распространение в восточных провинциях получают небольшие религиозные союзы почитателей самых разных (но не римских!) божеств. Союзы эти, по-видимому, были немногочисленны. Они устраивали совместные пиршества: как правило, среди должностных лиц союзов были симпосиархи. В ряде уставов фиксировались нормы поведения их членов: эранисты из Аттики оговаривали, что к ним может присоединиться только чистый, благочестивый и благородный человек (II в.); почитатели Диониса из Македонии (тоже II в.) запрещали членам союза – буколам и менадам – возбуждать и ругать друг друга¹². Термины, обозначавшие подобные объединения, были различны: койна, фиасы, эраны (реже); интересно появление в надписях времени Империи слова *συμβίωσις*, относящегося к объединению людей. Симбиос – совместное проживание (ср. Polyb. V. 81. 2, где речь идет о пребывании Теодота у царя Птолемея), жизнь в браке и т.п.; это слово могло применяться к сообществу, причем такому, которое, как полагает Л. Робер, носило не религиозный, а скорее увеселительный характер (такой «симбиос» существовал в районе Смирны, он назывался *συμβίωσις τῶν Εὐπρεπίων*, входило в него всего десять человек)¹³. Мы не знаем, жили ли эти люди реально вместе или только проводили вместе время, но воспринимали они свои отношения как совместную жизнь – не в семье, не в традиционном сообществе, а именно в дружеском кругу (словарь Liddell–Scott–Jones предлагает переводить «симбиос» как «клуб»). В рели-

¹⁰О возрастных союзах см. *Свенцицкая И.С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 33–51.

¹¹Возможно, незаконнорожденным был Аврелий Зосим, сын Афродисии, штраф за осквернение могилы которого шел герусии (TAM II. 320).

¹²*Sokolowski F.* Lois sacrées de cités grecques. P., 1969. № 53, 181.

¹³*Robert.* Op. cit. P. 65; возможно, в Пергаме также был союз, называвшийся «симбиос» (ibid. P. 63).

гиозные союзы еще со времен позднего эллинизма могли входить люди разного статуса и различной этнической принадлежности. В известном союзе из малоазийской Филадельфии I в. до н.э. были и свободные, и рабы, и мужчины, и женщины¹⁴. Уставы союзов римского времени не предусматривают ограничений, связанных с негражданским статусом. А среди почитателей Мена Аскения в III в. были жители деревень, переселенцы из разных городов, вольноотпущенники, рабы. Они носили греческие, фригийские, римские имена; надписи поставлены не только на греческом, но и на латинском языках – т.е. в этом союзе (ξένοι текτορείοι) были и выходцы из западных регионов империи¹⁵. Подобно первым христианским общинам, такие союзы не были включены ни в какую политическую или общественную структуру империи. Они не были ни официальными, ни традиционными. Их появление и распространение, с моей точки зрения, было связано со стремлением преодолеть отчуждение от некогда целостных форм существования, прежде всего, в рамках античного полиса. Они были следствием разрушения полисных структур под давлением огромной державы и в свою очередь способствовали этому разрушению, поскольку новые общности – от религиозных фиасов до «деидеологизированных» клубов – в полисных связях уже не нуждались.

Наиболее ярко это отчуждение было выражено в идеологии первых христиан, для которых, как сказано в Послании к Диогнету, «всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна» (гл. 5). Воспринимая свое пребывание в земном мире как временное, христиане выбирают для обозначения такого своего отношения термины, какими официально в городах восточных провинций назывались именно неграждане, поселенцы: так, в I Послании Петра (2: 11) автор обращается к ним как к παροίκους καὶ παρεπίδητους. Для христиан правовой смысл этих слов больше не имел никакого значения¹⁶. Они жили уже в иной, новой системе ценностей. В мою задачу не входит разбор этих ценностей, но хочу заметить, что миссионерская проповедь христиан была адресована широким слоям населения, и сам выбор тех или иных словосочетаний должен был привлекать и слушателей из язычников. А значит и для них подобные определения не вызывали прямых ассоциаций с негражданами: они были пришельцами, временными жителями на земле, как и все остальные люди. Разрушая замкнутый мир полиса, империя объективно создавала предпосылки для зарождения потребности в иных общностях, не связанных ни с полисом, ни со службой государству, во всяком случае пока это государство существовало в виде мощной бюрократической державы.

И.С. Свенцицкая

CITIZENS AND POLIS IN THE ROMAN EMPIRE: THE PROBLEM OF ALIENATION

I.S. Svetsitskaya

In the Roman period the system of polis citizenship was gradually disintegrating. There were Roman colonists who freely purchased city land, imperial freedmen ranking above citizens: with their arrival on the scene polis citizenship began to lose its importance. Romans in the Greek cities did not become *metoeci*, but just «Romans»; they took part in polis government functions: some decrees were issued jointly by the people's assembly, Council and «dwelling Romans». It was possible to receive citizenship in more than one polis without residing in each polis and become members of *Boule* in many cities at the

¹⁴Sokolowski F. *Lois sacrées de l'Asie Mineure*. P., 1954. № 20.

¹⁵Ramsay W. *The Tekmorean Guest Friends* // JHS. 1912. XXXII. P. 151 ff.; Hardy M. *The Shrine of Men Askaenos* // Ibid. P. 111 ff.

¹⁶Определение «пареки» употреблено и в Послании к Диогнету, где сказано, что христиане живут в своем отечестве как пареки, они имеют участие во всем как граждане и все терпят как чужестранцы. Здесь еще раз проявляется и подчеркивается несущественность деления на граждан и чужаков.

same time (e.g. IGR IV 1761). The sharp contrast between a citizen and a non-citizen lost its significance. Some terms used to describe the non-citizen status disappeared from official inscriptions: all non-citizens were called *ksenoi* or ἐπιδημοῦντες πάντες. The ties of citizenship, of membership in tribes and *fratria* were losing their meaning. Plutarch complained that many relatives, neighbours, members of the same *fratria* did not want to use internal dispute resolution methods, but opted instead to hire lawyers. Some citizens in the I–II centuries did not want to do public service. In the Roman empire there appeared official and semiofficial unions tied with the Roman administration and the imperial cult (such as «Assembly of Greeks and Romans of Asia» or various unions organized by age groups). The members of such large unions (in Ephesos there were 300 members of *gerousia*) did not know each other and could not have personal contacts with one another.

Besides such official associations there were smaller unions in Greek cities. They had their own sanctuaries, worshipped their own (mostly Eastern) gods. These unions admitted people of different strata and nationality. Being a citizen offered no special privileges when it came to participating in a union. The existence of such groups may have been linked to the destruction of the Greek polis and probably hastened that destruction. This process took place under pressure from the huge world power and was caused by growing alienation of individuals from traditional structures of ancient society.

Историческая география античного Причерноморья

От редакции

С этого номера наш журнал начинает дискуссию в рамках международного «круглого стола» «Историческая география античного Причерноморья», предусматривающую публикацию исследовательских статей и материалов по различным аспектам этой важнейшей проблемы истории древних государств на берегах Черного моря. В ходе дискуссии предполагается затронуть вопросы, связанные с заселенностью Причерноморского региона в эпоху античности, выявить характер географических представлений об этом районе. Важное место в дискуссии займет источниковедческий анализ свидетельств древних географов о Причерноморье, проблема локализации античных поселений по нарративной традиции и в свете новых исследований археологов. Предполагается публикация статей о локализации и местоположении древней Синдской Гавани и Синда в связи с последними находками в античной Горгииппии. Значительное внимание будет уделено новым данным по исторической географии Херсонеса Таврического и его хоры, в частности, вопросу о зависимости пространственной структуры его аграрной территории от природно-климатических условий. Эти же проблемы мы намечаем обсудить и применительно к другим областям Причерноморья.

Существенное место в дискуссии будет уделено определению мест переправ через Боспор Киммерийский в связи с новыми данными археологии по локализации «малых» городов Боспора. Предполагается также опубликовать статьи по исторической географии Западного и Восточного Причерноморья, а также по определению границ эллинистических царств и греческих городов-государств в Южном Причерноморье.

Редакция обращается к авторам журнала, желающим принять участие в дискуссии, с просьбой присылать статьи по всем вопросам, связанным с тематикой этого международного «круглого стола».

ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ И ЯВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИИ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА

Среди трагических и красочных описаний античными авторами последних дней жизни царя Митридата VI Евпатора¹ особняком стоит свидетельство Павла Орозия (VI.5.4), в котором говорится буквально следующее: «В то время как Митридат справлял на Боспоре праздник Цереры, внезапно произошло такое сильное землетрясение, что, говорят, за ним последовало страшное разрушение городов и полей». События эти произошли в 63 г. до н.э. – в последний год жизни царя Понтийского государства, когда он, находясь тогда в Пантикапее, был вынужден уступить власть сыну своему Фарнаку и покончить жизнь самоубийством в результате заговора и восстания своих солдат². Свидетельство Орозия, писателя V в. н.э., в современной науке обычно приводят как доказательство сильного землетрясения на Боспоре в год смерти Митридата VI³, тем более что, согласно новейшим археологическим данным, там действительно на рубеже нашей эры произошла какая-то природная катастрофа, в результате чего многие поселения и городские постройки были разрушены⁴. Возможно, эти разрушения уместно связать с землетрясением, о котором говорит пассаж из сочинения Диона Кассия (XXXVII. 11. 4): «...Митридат ослабевал (кроме других причин слабости – землетрясение, сильнейшее из всех когда-либо бывших, разрушило у него многие города)». Поскольку события и этого рассказа датируются 63 г. до н.э., то на основании обоих сообщений можно сделать вывод о реально имевшем место на Боспоре сильном землетрясении.

Нас, однако, интересует не столько последствие этого природного катаклизма, сколько само сообщение Павла Орозия. Если пристальнее к нему приглядеться, то можно обратить внимание на такое важное и никем не отмеченное обстоятельство: сильное землетрясение произошло в то время, когда Митридат Евпатор справлял празднества в честь богини Деметры, или римской Цереры. Далее, и праздник Деметры, и сильное землетрясение логически привязаны к последнему году жизни великого понтийского царя, когда он ослабел, потерял почти все свои владения и его империя находилась на грани гибели, а он сам – накануне своей кончины. Читая пассаж Орозия, невольно складывается впечатление, что праздник Деметры вкупе с землетрясением, за которым последовало разрушение всего и вся, а также стоящий как бы за кадром факт гибели царя Митридата, ассоциируется с концом света, наступлением хаоса и тьмы.

Этот вывод подтверждается не случайным упоминанием празднества богини Деметры. Культ этой богини, покровительницы земледелия и плодородия, воплощения производительных сил природы, бессмертия и всего сущего, являлся одним из основных земледельческо-хтонических культов на Боспоре, при этом сама Деметра и ее дочь Кора-Персефона почитались там в классической элевсинской традиции. В ней, помимо чисто земледельческой стороны, присутствовал и в какой-то степени даже преобладал катахтонический загробный момент, когда идея плодородия и возрождения природы и всего сущего на земле соседствовала с представлениями об умирании и гибели, о возможности жизни после смерти и бессмертии души. В толковании элевсинских мистов эта идея воплощалась в символ победы темных сил над светлыми и

¹ *App. Mithr.* 111, 112; *Cass. Dio.* XXXVII. 13.3; *Servilius Damocrates. Theriaca.* 100–105; *Plin. NH.* XXV. 7; *Oros.* VI. 5; *Liv. Epit.* CII; *Galenus. Ad Pisonem.* I. 1.9.

² *Молев Е.А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 134–138; *Reinach T.* Mithridates Eupator, König von Pontos. Lpz., 1895. S. 407–409; *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 164 f.

³ *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. М., 1976. С. 10; *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. Berlin-Amsterdam, 1971. S. 321.

⁴ *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 129; *он же.* Природа... С. 10.

светлых над темными. Жрецы элевсинского культа Великих богинь истолковывали идею гибели и смерти как воплощение бессмертия и возможность жизни после смерти, т.е. данное представление, сложившееся под непосредственным влиянием элевсинской религии, становилось как бы основой для героизации и обожествления. Неслучайно, что в самом Элевсине и в тех областях греческого мира, включая Боспор, куда проникли идеи элевсинских мистерий, почитание Деметры и Коры всегда соседствовало с мужскими богами умирающей и воскресающей природы: Дионисом, Аполлоном, Зевсом, Гермесом, а также бессмертными героями Гераклом, Ахиллом, Орфеем, Триптолемом и др.⁵ Если с этой точки зрения рассмотрим цитированную выше фразу Орозия, то становится ясно, что этот автор, а скорее всего его источник, рассматривал хтонические силы Великих богинь как причину разрушения и гибели мира, столпом и опорой которого выступал сам царь Митридат VI Евпатор. В контексте изложения у Павла Орозия смерть царя как бы приравнивалась к гибели всего сущего, поскольку Митридат VI сам был героизирован, обожествлен и в представлении его подданных владел доброй половиной мира. Следовательно, факт реально происшедшего на Боспоре землетрясения был переосмыслен и увязан со смертью понтийского монарха, причем это переосмысление было определено навеяно представлениями о божественной сущности правителя, что составляло основу царского культа в эллинистическую эпоху.

Под этим углом зрения пассаж Орозия о смерти Митридата Евпатора, празднике богини Деметры и разрушении городов и полей – суть гибели всего на земле – уместно сопоставить с сообщениями античных писателей о рождении этого царя. Рассказ об этом находим у Юстина (Помпея Трога): «Будущее величие Митридата предсказывали даже небесные знамения. Ибо и в тот год, когда он родился, и в тот год, когда начал царствовать, в течение 70 дней была видна комета, которая светила так ярко, что казалось, будто все небо пылает огнем. По величине она занимала четвертую часть неба, а блеском своим затмевала солнечный свет, между восходом и заходом ее проходило четыре часа» (XXXVII. 2.1–3). О детских годах Митридата сохранилось упоминание у Плутарха: «В действительности, когда Митридат был еще младенцем, молния сожгла его пеленки, не оставив на теле никакого следа, кроме незначительного ожога на лбу, скрываемого волосами; и уже в его зрелые годы снова молния ударила в комнату, где он спал, и, минуя его, сожгла только стрелы в висевшем рядом колчане. Прорицатели тогда истолковали это как предвещание будущих побед его лучников и легковооруженных войск; а в широком окружении его стали называть Дионисом по сходству с этим богом, которое усматривали в ударах молнии» (Мор. 624 В = Quaest. conv. I. 6.2).

Оценивая эти сообщения, ученые единодушны в том, что они принадлежат обычному арсеналу эллинистического историописания⁶, призванного возвеличить властителя. По мнению Е.С. Гаджера, детали чисто романтического характера проникли в биографию Евпатора с целью подчеркнуть будущее величие молодого царя, создать представление о нем как о герое, способном на чудесные подвиги. Как и в случае с подлинным фактом землетрясения у Орозия, свидетельство о кометах в год рождения или зачатия Евпатора у Помпея Трога (Юстина) также подлинное: действительно, по данным астрономов, в 134 г. до н.э., т.е. в год зачатия или рождения царя, и в 120 г. до н.э. – в год вступления его на царство, наблюдались появления комет⁷, истолко-

⁵ Kern O. Eleusinische Beiträge. Halle, 1909. s. 8–10; Simon E. Die Götter der Griechen. München, 1985. S. 100–104; Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н.э. (К вопросу о содержании обрядов земледельческих богинь на Боспоре) // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 59–71.

⁶ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 293; Reinach. Op. cit. S. 42; McGing. Op. cit. P. 46.

⁷ Finegan J. Handbook of Biblical Chronology. Princeton, 1964. P. 241–245; McGing Op. cit. P. 43. Not. 1. Cp. Gaggero E.S. La propaganda antiromana di Mithridate VI Eupatore in Asia Minore e in Grecia // Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti. Genova, 1976. P. 104–106. Традиционная дата восшествия Митридата VI на престол – 120 г. до н.э., однако среди античных писателей существуют на этот счет разногласия, связанные

ванные прорицателями как предвестия чудесных свершений Митридата в годы царствования. Следовательно, справедливо заключение Гаджеро, что он использовал небесные и природные явления в пропагандистских целях для своего возвеличивания, так как они способны вызвать представления о великом царе в умах подданных, царе, который одерживал победы над многочисленными врагами ради установления на земле золотого века, т.е. идеи всеобщего счастья⁸. Пророчества и их использование в эллинистической биографической литературе применительно к царю Понта, по мнению Б. МакГинга и Г. Виденгрена, были призваны объяснить его прозвище «Дионис», подчеркнуть иранские традиции семьи и отразить сравнение с Александром Македонским⁹. Таким образом, из пассажей Трога и Плутарха, явно восходящих к биографической литературе о Митридате Евпаторе, со всей очевидностью следует, что природные явления использовались царем и его окружением, включая и придворных биографов, для создания культа эллинистического владыки, которому было предначертано заботиться о подданных и чудесным образом избавлять их от врагов и различного рода опасностей.

Если спроецировать это заключение на свидетельство Орозия, то становится очевидным, что и в данном случае природное явление (землетрясение) соединяется с божественными предзнаменованиями, но не Диониса, как при рождении Митридата, а хтонической Деметры – одной из Великих богинь плодородия и всего сущего, как нельзя более подходившей к разрушению всего земного и смерти владыки, правившего половиной мира. Это также не что иное, как пропагандистский прием, призванный истолковать смерть царя как гибель мира и всего на земле, как разрушение мифа о «золотом веке», созданного прорицателями и биографами Митридата Евпатора, которые описывали его рождение и юность как цепь чудесных явлений и знамений. Поэтому в сообщениях Плутарха, Трога и Орозия, связанных друг с другом по смыслу, отражены отголоски одной и той же эллинистической биографической традиции, основная цель которой была возвеличить властителя и подчеркнуть его богоизбранность для совершения чудесных и великих деяний. При этом смерть этого богоподобного правителя, приравненного к герою, должна была олицетворять в глазах подданных крах якобы счастливого мира, спасенного им от зла и несправедливости.

Наиболее правдоподобное, на наш взгляд, объяснение символики легенд о чудесном рождении и удивительной юности царя Понта дал Т. Рейнак; по его мнению, комета находилась на небе 70 дней, что соответствовало 70-летней жизни Митридата Евпатора, о чем известно из других источников¹⁰. Четверть неба, которую занимала комета, означала четверть мира, находившуюся под властью Митридата VI; сияние Солнца, будто бы затмеваемое кометой, символизировало образ Римской державы, разгромленной царем Понтийского государства; четырехчасовая продолжительность свечения кометы обозначала события двух самых важных войн, которые вел Евпатор – первую Митридатову войну (89–85 гг. до н.э.), т.е. его столкновение с Суллой, и заключительную эпопею третьей Митридатовой войны, т.е. его борьбу с Гн. Помпеем (66–63 гг. до н.э.), когда окончательно рухнули политика и держава царя¹¹. В этом объяснении, хотя и не во всех деталях бесспорном, содержится одно очень важное положение: рассказы о комете могли быть использованы прорицателями и биографами

с определением возраста царя в год его смерти и начала борьбы с Римом. Поэтому, если следовать некоторым из них, например, Мемнону, Плинию Старшему, Саллюстию, Павлу Орозию и другим, то инаугурация Евпатора будет датироваться 123/122 г. до н.э. К тому же после смерти отца в 123 г. до н.э. власть, согласно письменной традиции, не сразу оказалась в руках его сына Митридата VI, который, будучи несовершеннолетним, вынужден был подчиняться какое-то время своей матери-регентше Лаодике (или Нисе). Об этом подробнее см. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 103, 123–126.

⁸ *Gaggero.* Op. cit. P. 105.

⁹ *Widengren G.* La légende royale de l'Iran antique // *Hommages à Georges Dumézil.* Collection Latomus. 1960. 45. P. 230–233; *McGing.* Op. cit. P. 43–46.

¹⁰ См. *App. Mithr.* 112; *Eutrop.* VI. 12; *Oros.* VI. 5.7; *Cass. Dio.* XXXVI. 9.4; *Sall. Hist.* V. 5.

¹¹ *Reinach.* Op. cit. S. 42. Anm. 2.

понтійського царя не раніше 63 г. до н.е. – рока смерті Митридата Евпатора. Это по времени совпадает с заметкой Павла Орозия о празднестве Деметры, землетрясении и смерти Митридата на Боспоре, подтверждая тем самым, что пассажи о чудесных знаменьях, природных явлениях и вмешательстве богов, олицетворявших бессмертие царя Понта, взяты Плутархом, Трогом и Орозием из одного и того же сочинения о жизни и деяниях Митридата Евпатора.

Если обратиться к деталям в приводимой Плутархом легенде, в частности о молниях, якобы дважды ударявших в Евпатора, но счастливо его миновавших, то и они подтверждают сделанный нами вывод. Как уже неоднократно отмечалось, эта легенда совпадает с преданием о чудесном знаменнии, случившемся при рождении Александра Македонского. Олимпиаде, матери будущего покорителя Азии, во сне привиделось, будто раздался удар грома и ей в чрево ударила молния, от удара которой вспыхнул сильный огонь, языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли (Plut. Alex. 11). Эта традиционная для эпохи эллинизма историософская легенда о происхождении царя, призванного совершить бессмертные деяния, должна была создать образ обожествленного правителя, поэтому миф о его чудесном рождении или зачатии приравнивался к легендам о рождении богов, в данном случае – Диониса. Ведь согласно распространенной версии, его мать Семела, будучи им беременна, погибла от удара молнии Зевса, сделавшей младенца Диониса бессмертным¹². Александра Македонского нередко отождествляли с богом Дионисом, выражая таким образом бессмертную сущность обоих и подчеркивая спасение им Азии от персов¹³. Официальная царская пропаганда понтійского двора стремилась представить Митридата Евпатора как Александра, внушала эллинским подданным, что он, подобно своему великому предку (по материнской линии понтійские цари, начиная с Митридата III, являлись потомками Селевкидов, которые вели родословную от царей Македонии), был призван освободить Азию и Грецию от римлян, намекая тем самым, что римляне, как ранее персы, – враги греков. Для того чтобы создать Митридату образ спасителя, сотера, использовали популярные среди эллинского и эллинизованного местного населения Переднего Востока культы греческих и греко-ирано-малоазийских божеств и героев – Персея, Митры, Гелиоса, Аполлона, Геракла, Зевса и, наконец, Диониса. Не случайно поэтому Митридат Евпатор носил эпитет «Дионис»¹⁴, его портрет на монетах и в скульптуре тиражировался в образе того же Геракла, Аполлона-Митры, Персея, Гелиоса и, конечно же, Диониса, что было понятно грекам, видевшим в нем воплощение бессмертия и спасения, как некогда это проявилось в деяниях популярного еще и в I в. до н.е. Александра Македонского¹⁵. Однако, как убедительно показано К. Бом, образ Александра в официальной идеологии и пропаганде Понта начинает складываться применительно к царю Митридату Евпатору не ранее 88 г. до н.е., когда он вступил в Пергам и, как казалось, окончательно изгнал римлян из Азии¹⁶. Сложнее обстоит дело с включением царем Понта в свою титулатуру эпитета «Дионис». Впервые он засвидетельствован в посвящениях афинского жреца Гелианакта, сына Асклепиодора, на Делосе, датируемых 102/101 г. до н.е. (Durtbach. 133, 134 = ID. 1562, 1563). Поскольку этот эпитет отсутствует в декрете в честь Диофанта, датируемом концом предпоследней – началом последней декады II в. до н.е. (IOSPE I².

¹² Hes. Theog. 940–942; Eur. Bacch. 1–9, 88–98, 286–297; Pind. Od. II. 25–28; Paus. II. 37. 5. См. Graves R. Les mythes grecs. P., 1967. P. 92.

¹³ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 246–248.

¹⁴ App. Mithr. 10; Athen. V. 212d; Cic. Pro Flacco. XXV. 60; Reinach. Op. cit. S. 459. Anhg. № 7, 21 = IOSPE II. 356 = CIRB. 31; 979; Vinogradov Ju. // Bull. ép. 1990. 859 = SEG. XXXVII. 668.

¹⁵ Неверов О.Я. Митридат-Дионис // СГЭ. 1973. XXXVII. С. 42–46; он же. К иконографии Митридата Евпатора // ТГЭ. 1972. XIII. С. 112; он же. Митридат и Александр: к иконографии Митридата VI // СА. 1971. № 2. С. 86.

¹⁶ Bohm Cl. Imitatio Alexandri im Hellenismus. Untersuchungen zum politischen Nachwirken Alexanders des Grossen in hoch-und späthellenistischen Monarchien. München, 1989. s. 172–174; ср. Неверов. К иконографии. С. 110; McGing. Op. cit. P. 98 f.

352), то его включение в титулатуру Митридата Евпатора следует датировать самым концом II в. до н.э. Однако Б. МакГинг высказал предположение, что Митридат VI принял эпитет «Дионис» как указание на свое родство по материнской линии с селевкидским царем Антиохом VII Дионисом¹⁷, что сомнительно, так как в таком случае данный эпитет следовало бы ожидать в титулатуре царя ко времени составления Диофантова декрета, а коль скоро его там нет, то его принятие не связано с родством Митридата VI и сирийского царя Антиоха VII. Использование Митридатом Евпатором имени «Дионис» стало, вероятно, результатом постепенного складывания культа обожествленного царя после 106 г. до н.э., когда Митридат начал проводить территориальные захваты в Малой Азии, в частности в Пафлагонии. Однако поначалу этот эпитет использовался ограниченно, без ярко выраженной идеализации образа монарха и провозглашения его богом или Новым Дионисом. Это было вызвано тем, что не все население еще готово было воспринимать царя в такой ипостаси. Неслучайно поэтому некоторые исследователи склонны допускать даже, что ранее 88 г. до н.э. Митридат Евпатор вряд ли включил эпитет «Дионис» в свою титулатуру¹⁸. Очевидно, только после вступления в Пергам и окончательного очищения провинции Азия от римлян царь официально стал величаться богом и вкладывать в свое имя «Дионис» истинно божественный смысл. Это подтверждается как нумизматикой, где имеются монеты с его идеализированным изображением в облике Диониса¹⁹, так и словами Цицерона, который говорит, что «они (т.е. жители римской провинции Азия. – С.С.) звали Митридата Богом, отцом, спасителем Азии, Евхием, Нисием, Вакхом, Либером» (Pro Flacco. XXV. 60). Как видим, среди эпитетов царя вакхические или дионисийские прозвища преобладают, причем именно те, которые выражают апотропеические и спасительные функции бога виноделия, природы и всего сущего, что наиболее близко образу Александра Македонского, на которого как раз в это время стремился походить царь Понта. В монументальной пропаганде Митридат VI как Новый Дионис или Александр, т.е. в образе бога или обожествленного героя, начинает выступать в 80-х годах до н.э., когда в скульптуре и глиптике, а также в монетных портретах отчетливо прослеживается тенденция к его идеализации²⁰. Следовательно, попытка связать чудесные предзнаменования в годы рождения и юности царя с воплощением его как Диониса и Александра могла иметь место либо в конце II в. до н.э., когда стал складываться его культ как божественного владыки, получивший наглядное воплощение в строительстве на Делосе героона-часовни при святилище Кабиров²¹, либо в 88–85 гг. до н.э., когда он триумфатором вошел в Пергам и отовсюду получал почести как новый Александр и спаситель Дионис. А это означает, что пассажи Трога, Плутарха и Орозия могут восходить к какому-то сочинению о божественных деяниях Евпатора, появившемуся не ранее конца II в. до н.э., а скорее всего написанному в конце жизни Великого царя.

Не вызывает сомнений, что предполагаемый труд о жизни и свершениях Митридата Евпатора составлен автором, входившим в ближайшее окружение царя. На это указывают элементы официальной идеологии, которая господствовала при дворе владыки Понта. Это прежде всего религиозный синкретизм, пропитывающий изложен-

¹⁷ McGing. Op. cit. P. 90 f. Not. 5.

¹⁸ О.Я. Неверов (Митридат-Дионис. С. 45 сл.), склоняясь в целом к этой точке зрения, допускает тем не менее, что Митридат мог быть провозглашен Дионисом и до 88 г. до н.э. См. также: *Homolle T.* // BCH. 1884. VIII. P. 103; *Ropel H.* // Northern American Journal of Numismatics. 1965. № 4. P. 167.

¹⁹ *Карышковский П.О.* О титуле Митридата VI Евпатора (К вопросу об иранских и эллинских традициях в Понтийской державе) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 575; *Price M.J.* Mithridates VI Eupator Dionysus and the Coinage of the Black Sea // NC. 1968. 8. P. 4–6.

²⁰ *Newell E.T.* Royal Greek Portrait Coins. N.Y., 1937. P. 40 (fig. 3), 47–50; *Toynbee J.N.C.* Roman Historical Portraits. L., 1978. P. 114–116. № 204, 205; *Bieber M.* The Sculpture of the Hellenistic Age. N.Y., 1955. P. 121 f.; *Smith R.* Hellenistic Sculpture. L., 1991. P. 24, № 19.

²¹ *Chapouthier F.* Le Sanctuaire des dieux de Samothrace // EAD. 1935. 16. P. 13–16; *Risom S.* Le «Monument de Mithridate» à Delos // Acta Archeologica. 1948. XIX. P. 204–209.

ные выше рассказы о чудесных знамениях и явлениях природы в детские и юношеские годы царя, а также при его смерти, – синкретизм, характерный для религии Понтийского царства вообще. Необычные явления при рождении и смерти царя навеяны представлениями о светлом и темном началах, обожествлении и смерти, добре и зле, т.е. проникнуты идеями дуализма, что являлось основой маздаизма – официальной религии персов и их правителей из династии Ахеменидов, к которым официальная придворная пропаганда Митридата Евпатора возводила генеалогию его предков – царей Понтийского государства. Свидетельство Орозия о землетрясении и грандиозных разрушениях в момент совершения хтонических религиозных обрядов богини Деметры и к тому же в год смерти Митридата появилось явно под воздействием эсхатологических представлений о конце мира. По канонам зороастризма конец мира ознаменует появление Спасителя человеческого рода²², поэтому если перенести эту идею на рассказы о чудесных явлениях природы при рождении Митридата VI, призванные сравнить его с Александром или богом Дионисом – Спасителем (Сотером), то можно заметить явные параллели с эсхатологическим учением маздаизма, облаченным в понятную для греков религиозную оболочку дионисийского культа Спасителя. Эти же идеи, но только в завуалированной форме, проявляются и в рассказе Павла Орозия, в котором элевсинский культ Деметры с его представлениями о бессмертии перекликается с учением элевсинских мистов о чудесном возрождении и спасении, т.е., иными словами, смерть владыки мира и обожествленного спасителя означает гибель и разрушение мира, но этот природный катаклизм в целом поправим вмешательством божественной Деметры, дарующей бессмертие и общее спасение.

Свет кометы и огонь от молний – все это элементы светлого начала в дуализме, положенном в основу официальной иранской религии. Для зороастризма вообще свойственно использование звезд и их света для объяснения характера людей и их поступков²³. Молнии фигурируют и в эллинском культе Зевса Стратия, верховного покровителя династии Митридатидов, который выступал как греческий аналог персидского верховного бога Ахуро-Мазды, покровителя Ахеменидов²⁴. Молнии также присутствуют в культе лунного бога Мена, одного из ирано-анатолийских божеств светлого начала, входившего в официальный пантеон богов Понтийского царства под именем Мена-Фарнака²⁵. Его нередко отождествляли с Митрой – едва ли не главным божеством солнечного света в пантеоне зороастризма, который, наряду с Зевсом Стратием, или персидским Ахуро-Маздой, выступал покровителем понтийских Митридатидов (от *Mithradata*, т.е. «дарованный Митрой»). Поскольку в образе победителя тьмы и мрака Митра сближался с греческим героем Персеем, официальным предком персов и их правителей Ахеменидов, а также следовавших им понтийских Митридатидов, а как покровитель солнечного света он был тождествен эллинским богам Аполлону и Гелиосу, входившим в официальный пантеон богов Понта и выступавшим основой для приравнивания к ним Митридата Евпатора²⁶, то официальная пропаганда при понтийском дворе имела веские причины для создания идеализированного портрета Митридата VI как воплощения светлого начала, победителя мрака и злых сил, спасителя от различных врагов как воплощения этих сил, т.е. сотера и бессмертного героя. В этом находились истоки его многочисленных и постоянных отождествлений с Персеем, Митрой, Гераклом, Гелиосом и Дионисом – богами с ярко выраженными спасительно-апотропейческими функциями. В том же аспекте и его многочисленные сопоставления с Александром Македонским как героем,

²² Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965. С. 387.

²³ Molé M. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. P., 1963. P. 404–406.

²⁴ Cumont F. Le Zeus Stratos de Mithradate // RHR. 1901. 43. P. 47–49.

²⁵ Ср. пучок молний на монетах Фарнака I над фигурой стоящего Мена-Фарнака (WBR I². Fasc. 1. Pl. I. 8–9; Oppermann H. Men-Pharaku // RE. 1938. XIX, 2. S. 1855).

²⁶ О синкретизме иранского Митры с различными эллинскими богами и обожествлении на этом основании представителей династии Митридатидов см. Сапрыкин С.Ю. Золотая пластина из Горгиипии // ВДИ. 1983. № 1. С. 76.

богом-спасителем, священным предком, обожествленным как Зевс-Аммон и потому бессмертным для греков и в период позднего эллинизма и в эпоху ранней Римской империи²⁷. Вот почему официальная идеология понтийского двора намеренно стремилась соединить элементы иранской религии с греческой, что было близко и понятно подданным Митридата Евпатора, среди которых были и греки, и варвары, в том числе иранского происхождения. Это означает, что один из придворных биографов понтийского царя действительно мог создать историософский труд, пронизанный официально господствовавшей идеологией, направленной на создание бессмертного образа царя Митридата VI Евпатора как Нового Диониса и Александра.

Мы, к сожалению, не знаем, кому из авторов, близких ко двору царя Понта, мог поступить заказ написать подобное произведение. Не исключено, что он мог исходить от римлян, победителей Митридата Евпатора в длительных кровопролитных войнах с целью возвеличить подвиги римских полководцев для придания веса их триумфа. Ведь не надо забывать, что во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. образ Митридата как Александра был очень популярен в Риме. А Гн. Помпей, «главный виновник» поражения Митридата, получил, как известно, тело умершего на Боспоре царя и оказал ему, мертвому, уважение и почести²⁸. Среди создателей такой биографии могли быть Метродор из Скепсиса, Гераклид из Магнесии и даже некий Эзоп, царский чтец и автор панегириков в честь понтийского монарха, чьи сочинения до нас не дошли. Однако мы с некоторой долей уверенности можем утверждать, что сведения τὰ Μιθριδατικά συγγραφοῦτες, очевидно, попали к поздним писателям через Посидония из Апамеи, известного философа-стоика, географа и историка, оставившего описание событий мировой истории после Полибия и создававшего свой труд во второй половине II – первой половине I в. до н.э.

На это указывают, по нашему мнению, следующие обстоятельства. В сохранившемся у Афинея отрывке из сочинения Посидония о прибытии в 88 г. до н.э. в Афины обласканного Митридатом Евпатором его ставленника философа-перипатетика Афинеона говорится, что он был встречен актерами Диониса и приверженцами его культа как посланник Нового Диониса. В честь этого события и в ознаменование заслуг покровителя Афинеона царя Митридата Евпатора были организованы общественные празднества, принесены жертвы и совершены обряды (Posid. ap. Athen. V. 212 d)²⁹. Это означает, что Посидоний, описывая события первой Митридатовой войны, вполне мог привести легенды о новом спасителе, коим считали Митридата VI Евпатора Диониса, заимствовав их из биографии понтийского монарха, написанной как раз в годы составления его труда³⁰.

Дошедшие до нас рассказы о природных явлениях и катастрофах при рождении и смерти Митридата VI в деталях и по заложенному в них смыслу перекликаются с философской концепцией Посидония и поздней стои. Согласно учению Посидония, в основе мироздания находился бог, который действовал в соответствии с самой природой и ее законами; мир – это видоизменение божества, и он являл собой огонь или огненную «пневму». Это представление стоика о жизни и устройстве мира согласуется с появлением огня от ударов молний, случившихся при рождении и в детские годы Митридата Евпатора. Как философ-стоик Посидоний разработал и понятие о судьбе и провидении, что явно заложено в смысловой оттенок рассмотренных выше

²⁷ Об этом говорит повсеместное использование типов Александра в нумизматике различных античных центров: Seyrig H. Parion au 3^e siècle avant notre ère // Centennial Publication of the American Numismatic Society. N.Y., 1958. P. 603–624.

²⁸ О популярности образа Александра в Риме на рубеже эр и в первых веках нашей эры см. Неверов. К иконографии... С. 114–116; Rostagni A. L'epitafio di Pompeo // Rivista di filologia. 1931. № 9. P. 12.

²⁹ Laffranque M. Poseidonios historien: un épisode significatif de la première guerre de Mithridate // Pallas. 1962. XI. P. 104–113.

³⁰ Посидоний мог быть главным источником о событиях Митридатовых войн, особенно первой: McGing B. Appian's «Mithridateios» // ANRW. 1993. Bd 34. P. 500. Свой труд историк доводил до 50-х годов до н.э. (см. Laffranque. Op. cit. P. 104).

мифов и легенд. Однако главное в учении Посидония – это мантика: в ней воплощена идея о том, что все и вся в мире пронизаны огненным началом; явления природы и события в обществе могут быть предсказаны путем наблюдений за небесными светилами, составления гороскопов и чтений звездного неба для определения будущей судьбы³¹. Эти положения позднеэллинистического и раннеимператорского римского стоицизма находят свое выражение в легендах об огненном свете молний и пламени, ими оставляемом, ярком свечении кометы на звездном небе, предсказаниях о будущем величии понтийского монарха. Поэтому стоик Посидоний вполне мог заимствовать нужные для его философской концепции описания мировых событий детали биографии Митридата VI, которые были разработаны под влиянием официальной идеологии понтийского двора его личными биографами, стремившимися подчеркнуть необычные явления и знамения. Описывая рост могущества Понта и столкновения с Римом, Посидоний, как теперь очевидно, довел свой труд до 50-х годов до н.э.³² и поэтому вполне мог воспользоваться биографией Евпатора, которая, как указывалось выше, могла появиться в конце его жизни или тотчас после его смерти в 63 г. до н.э.

Таким образом, мы полагаем, что дошедшие до нас пассажи Помпея Трога и Плутарха о чудесных знамениях при рождении Митридата VI Евпатора и сообщение Павла Орозия о землетрясении в год гибели царя сохранились у позднеантичных авторов благодаря тому, что их, следуя своей философской концепции, записал стоик Посидоний, заимствовав у официальных биографов великого понтийского царя*.

С.Ю. Сапрыкин

NATURAL CATASTROPHES AND PHENOMENA IN THE IDEOLOGY OF MITHRIDATES THE GREAT

S.Yu. Saprykin

The article deals with the narratives of classical authors about the earthquake in Bosphorus which happened in 63 B.C. – the year of king Mithridates' death. This natural catastrophe and the destruction that followed are called up by the idea of the deified ruler's death, so they were taken for the ruin of the whole universe. Comparing the evidence on the earthquake with the fragments surviving up to our days of unpreserved works by the Pontic king's biographers where natural and cosmic phenomena are interpreted as signs of future greatness and deification of the monarch, the author comes to the conclusion that all evidence of classical writers on natural phenomena was inspired by stoic ideas. So we can assume that they go down to the work of a well-known stoicist-philosopher and geographer Posidonius of Apamea who used natural cataclisms for expressing the ideas of stoic philosophy on the world's ruin. Presumably for presenting the ideas of the Late Stoa Posidonius had actively used the lost works by the biographers of king Mithridates Eupator, glorifying his sublimity and showing him as a god-like ruler.

³¹ О стоической концепции Посидония см. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 1976. С. 484–488; *Богомолов А.С.* Античная философия. М., 1985. С. 283–285; о землетрясениях как предсказании бедствий в концепциях средней и поздней стои и о молниях и природных явлениях как чудесных знамениях: *Cic. De Div. I. 12. 19; 18.35; 43.98; 44.99; De Nat. Deor. II. 5. 14.*

³² *Laffranque.* Op. cit. P. 103 f.; *Desideri P.* Posidonio e la guerra Mithridatica // *Athenaeum.* 1973. 51. P. 3–29.

* Статья написана в рамках научного проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Код проекта № 96-06-80053.

Эллинизм: политическая практика и культурные традиции

Публикацией совместной статьи Ю.А. Виноградова, К.К. Марченко и Е.Я. Рогова, а также статьи Ю.Г. Виноградова «Вестник древней истории» начинается научную дискуссию по проблемам эллинизма и эллинских традиций в эпоху Римской империи. Редакция видит свою задачу в том, чтобы этой дискуссией продолжить обмен мнениями по различным проблемам эллинизма в его классическом понимании и особенно в так называемую «пост-эллинистическую» эпоху, т.е. в первые века н.э. Предполагается рассмотреть вопросы социально-экономической, политической и культурной истории стран Средиземноморья, Причерноморья и Средней Азии в IV в. до н.э.–III в. н.э. Редакция предлагает всем заинтересованным специалистам принять участие в обсуждении этих проблем на страницах журнала.

© 1997 г.

САРМАТЫ И ГИБЕЛЬ «ВЕЛИКОЙ СКИФИИ»

Конец первой–начало второй трети III в. до н.э. были ознаменованы трансформацией всей системы греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье. Внезапное и едва ли не одновременное прекращение существования подавляющего большинства стационарных сельских поселений эллинов и туземцев подорвало экономическую основу существования местных эллинских государственных образований, предопределив тем самым бурный рост кризисных явлений, охвативших вскоре все основные стороны жизнедеятельности греческих государств¹.

В современной историографии существуют три различные точки зрения, объясняющие причины всеобъемлющих по масштабам событий первой трети III в. до н.э. Первая из них связывает данный феномен с продвижением из-за Дона в Причерноморье новых волн кочевников – сарматов, уничтоживших в процессе своей экспансии «Великую Скифию и установивших здесь свое политическое господство»². Согласно второй модели, начавшаяся в III в. до н.э. аридизация степной зоны региона вызвала принципиальные изменения в направленности хозяйственной деятельности, а также в географии расселения скифов³. Наконец, третья точка зрения объясняет происшедшее опустошительными рейдами из района Карпато-Дунайского бассейна военных отрядов кельтов или германцев – галатов, упоминаемых в декрете в честь Протогена⁴. Рассмотрим все три точки зрения.

¹ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 188 сл.

² См., например: Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимодействиях на территории эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 361 сл.

³ См., например: Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 28–31; Полін С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992; Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989; ср. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 96.

⁴ См., например: Рубан В.В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–II вв. // ВДИ. 1985. № 1. С. 43–44; он же. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 19; Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 274 сл.

Основная слабость последней позиции состоит в локальном подходе к объяснению процессов, охвативших буквально всю территорию Северного Причерноморья, а не только Нижнее Побужье и Поднестровье. Более того, есть некоторые основания считать, что в самых различных частях этого обширного региона от Днестра и до Дона одинаковыми оказались не только конкретные проявления и направленность действия дестабилизирующих факторов, но и их хронология. Гибель укрепленных и неукрепленных эллинских и варварских поселений дельты Дона, Европейского Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья и окрестностей Ольвии в 70–60-е годы III в. до н.э.⁵ создает впечатление одновременности проведения масштабной военной акции, что вряд ли было под силу кельтам или германцам Прикарпатья. Таким образом, не отвергая в принципе возможность участия кельтов (германцев) в военных столкновениях, развернувшихся в конце первой–начале второй трети III в. до н.э. на территории Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья, все же приходится признать, что не они являлись основным дестабилизирующим фактором в Северном Причерноморье.

Между тем и вторая точка зрения, ставящая серьезное ухудшение греко-варварских отношений в Северном Причерноморье в прямую связь с крупномасштабным усыханием степной зоны этого региона, тоже имеет существенные изъяны. Судя по данным исследователей, какое-то изменение климата действительно имело место в эллинистический период. Однако все еще нет ясности в вопросе о времени начала этого явления⁶. При этом важно заметить и то, что как бы мы теперь не датировали начало глобального изменения климата, следует учитывать, что такие перемены вплоть до достижения климатического оптимума имели достаточно длительный период своего накопления. До некоторой степени растянутым во времени должны были оказаться и нарастание негативных последствий аридизации степной зоны Северного Причерноморья. Вместе с тем существующие на настоящий момент археологические материалы рисуют совершенно иную картину развития событий. Речь скорее всего должна идти о единовременной, резкой и к том уже практически повсеместной гибели подавляющего большинства сельских поселений эллинов и туземцев этого региона. Заметим также, что в канун столь кардинальных перемен, а именно на протяжении всей первой трети III в. до н.э., жизнь и хозяйственная деятельность на всех этих поселениях, начиная от дельты Дона и кончая Поднестровьем, по всей видимости, достигает наивысшего расцвета. Такое положение дел, на наш взгляд, никак не может свидетельствовать о сколько-нибудь далеко зашедшем иссушении степных, а тем более прибрежных районов Северного Понта.

Перейдем к рассмотрению точки зрения, объясняющей запустение Скифии в конце первой–начале второй трети III в. до н.э. появлением с востока новых кочевых орд сарматов. Напомним, что она, как кажется, находит свое подтверждение в независимых свидетельствах античной литературной традиции⁷. Со стороны же археологических источников, решение этого вопроса наталкивается на вполне определенные трудности. Дело в том, что реальные следы освоения сарматами степных районов к западу от Дона относятся ко времени не ранее второй четверти II в. до н.э.⁸ Окон-

⁵ *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128; *он же.* О греко-варварских взаимодействиях... С. 192; *Доманский Я.В., Марченко К.К.* Поселение Ольвийской хоры Козырка II // АСГЭ. 1980. № 21. С. 38; *Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской конф. Симферополь, 1988. С. 207; *Марченко К.К.* Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1. С. 137.

⁶ Ср., например: *Бучинский И.Е.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев, 1963. С. 59; *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (ландшафт и этнос) // ВЛУ. 1966. № 6. Сер. геологии и географии. Вып. 1; *Иевлев.* Ук. соч.

⁷ *Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам письменных источников // АСГЭ. 1971. № 13. С. 44–54; *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 7–10.

⁸ *Полин.* От Скифии к Сарматии. С. 124–146: Приложение 1.

чательное же закрепление этих кочевников в Нижнем Поднепровье и на границах Ольвийского государства происходит и того позже – лишь в конце II–начале I в. до н.э.⁹ И только к самому началу I в. до н.э., может быть отнесено проникновение сарматских племен в степное междуречье Южного Буга и Дуная¹⁰. Таким образом, создается впечатление, что между предполагаемой крупномасштабной военной операцией пришлых номадов, проведенной в конце первой–начале второй трети III в. до н.э., и их действительным перемещением на новые территории прошел необъяснимо большой промежуток времени. Это обстоятельство, по-видимому, и заставляет исследователей сомневаться в возможности прямой увязки этих событий. На поверку как бы оказывается, что сарматы не имели прямого отношения к распаду «Великой Скифии». Остановимся на этом вопросе подробнее.

Начать, по всей видимости, следует с определения времени появления самых первых признаков реальной военной угрозы Скифии, исходящей от ее восточных соседей. При этом, как кажется, наиболее действенным инструментом анализа событий должны стать прежде всего материалы одного из крупнейших памятников туземной культуры степной зоны Северного Причерноморья – так называемого Елизаветовского городища на Дону. Такой выбор имеет вполне определенные резоны.

В настоящий момент есть все основания полагать, что не позднее середины IV в. до н.э. Елизаветовское городище фактически стало выполнять функции хозяйственного, культурного, административного и, вероятно, религиозного центра весьма обширного района Нижнего Подонья и Северно-Восточного Приазовья¹¹. Пограничное положение памятника – на стыке трех крупнейших этнических массивов: скифского, савроматского (сарматского) и меотского, а также непосредственная близость эллинских городов Боспорского государства делали это поселение главным и, пожалуй, единственным центром оптовой «международной», а также межплеменной торговли всей юго-восточной части Геродотовой Скифии¹². Таким образом, необходимо считаться с существованием прямой и скорее всего неразрывной связи исторических судеб этого центра и контролируемого им района.

Как ныне установлено, в истории Елизаветовского городища могут быть выделены, по меньшей мере, четыре отдельных этапа, так или иначе связанные с различными сторонами жизнедеятельности всего населения Нижнего Подонья и его взаимоотношениями с жителями соседних областей и греками Боспора¹³.

Не приходится сомневаться в том, что на протяжении всего V в. до н.э. и первой половины следующего столетия развитие местного населения протекало без видимых серьезных осложнений со стороны внешних сил. Создается полное впечатление, что обитатели дельты не имели себе достойных противников в среде варварского окружения и полностью контролировали обстановку в Нижнем Подонье. Об этом прямо свидетельствует отсутствие у Елизаветовского поселения указанного времени каких-либо искусственно созданных рубежей обороны. Лишь в середине IV в. до н.э. селище впервые окружается сразу двумя мощными линиями укреплений. Данное обстоятельство со всей очевидностью указывает на ухудшение внешнеполитической

⁹ Там же. С. 15; *Симоненко А.В.* Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

¹⁰ *Дзиговский А.Н.* Периодизация сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987.

¹¹ *Брашинский И.Б., Марченко К.К.* Елизаветовское городище – поселение городского типа // СА. 1980. № 1.

¹² *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980; *он же.* Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 1984.

¹³ Ср. *он же.* Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону – Северо-Восточном Приазовье // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983; *Марченко К.К.* Основные этапы истории Елизаветовского городища на Дону // Там же.

обстановки в Северо-Восточном Приазовье – появление реальной военной угрозы его населению, исходящей со стороны соседей. Особенно ярким показателем существования военной угрозы, а может быть, и ее реализации на практике является факт разрушения наиболее ранних укреплений Елизаветовского городища не позднее третьей четверти IV в. до н.э., т.е. вскоре после своего создания¹⁴. Это знаменательное событие не может быть объяснено внутренними потребностями развития самого поселения, например, расширением его площади. Оно, скорее, указывает на иное – временную потерю жителями дельты Дона своей политической независимости.

Сколько долго Елизаветовское поселение оставалось лишенным фортификационных сооружений, неясно. Этот отрезок времени был весьма непродолжительным, во всяком случае вторая половина–конец IV в. до н.э. ознаменовались созданием новых, еще более надежных рубежей обороны, просуществовавших на этот раз до прекращения функционирования самого центра¹⁵.

Какие, однако, силы оказались способными вызвать такую глубокую дестабилизацию военно-политической обстановки на интересующей нас в данный момент окраине Геродотовой Скифии? В первом приближении в их числе, как кажется, логичнее всего выделить сразу две – Боспорское царство и одну из первых кочевых орд сарматов.

Впрочем, что касается Боспора – единственного среди греческих государств Причерноморья, обладавшего достаточной мощью для проведения масштабной военной акции, то такой вариант решения вопроса, если и не невероятен, то все же наименее оправдан. Против него свидетельствуют прежде всего материалы самого Елизаветовского городища, прямо указывающие на непрерывно возрастающие во времени контакты боспорских купцов с местными жителями, а также факт нахождения на территории памятника торговых лавок самих греков, функционировавших здесь как раз в середине IV в. до н.э.¹⁶, но особенно – выведение в дельту Дона во второй половине этого же столетия небольшой боспорской колонии – своего рода отдельного «квартала», инкорпорированного в структуру крупного варварского поселения¹⁷.

Другое дело – сарматы (савроматы). Археологические данные позволяют считать, что во второй половине IV в. до н.э. эти номады прочно закрепились вблизи скифских кочевий. Об этом вполне определенно говорит появление здесь, в степных районах Подонья, Калмыкии, Прикубанья и в Центральном Предкавказье первой серии погребальных комплексов новых пришельцев с востока¹⁸. Важно заметить, что внедрение самой ранней волны сарматов на новые территории заметно дестабилизировало военно-политическую обстановку в Прикубанье и Центральном Предкавказье, что выразилось в строительстве на стационарных поселени-

¹⁴ Марченко К.К. Основные этапы... С. 62; Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3. С. 71.

¹⁵ Марченко К.К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону // СА. 1974. № 2. С. 256.

¹⁶ Брашинский И.Б., Марченко К.К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. 1978. № 2. С. 207–214; Марченко К.К. Елизаветовское городище... С. 213; Житников В.Г., Марченко К.К. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. 1984. № 3. С. 167 сл.

¹⁷ Марченко К.К. Боспорские поселения... С. 130–133.

¹⁸ См., например: Железчиков Б.Ф. Степи Евразии и савромато-сарматы Нижнего Поволжья–Дона в VII–III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 38; Максименко В.Е. О савроматской этнической принадлежности язоматов и языгов // Там же. С. 42; Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 33; Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы Прикубанья // Там же. С. 42–43; Марченко И.И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э.–III в. н.э. (По материалам курганных некрополей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 7–8; ср. Десятчиков. Ук. соч. С. 6–7.

ях местных жителей фортификационных сооружений, а в отдельных случаях и в гибели этих поселений¹⁹.

Аналогичная ситуация возникает, по всей видимости, и на восточной границе Скифии, в Нижнем Подонье – одном из наиболее удобных районов для зимовки кочевников. Но дело, разумеется, не только или, точнее, не столько в привлекательности данного конкретного района для сарматов. Гораздо важнее другое – скифские племена являлись по существу единственным и до поры до времени, надо думать, все еще достаточно серьезным препятствием на пути установления пришельцами своей гегемонии в степном коридоре Северного Причерноморья. Именно это последнее обстоятельство делало вчерашних повелителей и очередных претендентов на роль хозяев региона непримиримыми врагами. И именно это же обстоятельство неизбежно заставляло более слабую из вступивших в противоборство сторон – в данном случае частично осевших и в силу этого во многом уже утративших свою былую мобильность скифов – по возможности искать разрешения смертельно опасного конфликта в переселении на более отдаленные и соответственно более безопасные территории.

Одно из самых крупных предприятий такого рода, по-видимому, относится еще к началу появления первых сарматских зимовий в районе Северного Кавказа и времени строительства ранних оборонительных сооружений Елизаветовского городища на Дону, т.е. к середине IV в. до н.э.²⁰ Речь идет о переселении большой орды во главе с Атеем, знаменитым соперником Филиппа Македонского, на запад в Добруджу (Just. IX. 2; Strabo. VI. 3. 18; Luc. Makrob. 10; Front. Strat. II. 8. 14). Результат этой неудачно завершившейся операции хорошо известен. Существеннее, пожалуй, то, что с этого времени города Левого Понта частично вновь оказываются включенными в сферы военно-политического воздействия северопричерноморских номадов. Будучи тесными со всех сторон местными племенами, в числе которых древние авторы отдельно упоминают трибаллов и истриан (Just. IX. 2; Front. Strat. II. 4. 20), скифы Атея, по всей видимости, вынуждены были пойти на особые, ранее – т.е. в V и первой половине IV в. до н.э. – явно не свойственные им формы отношений с эллинистическими центрами. Греческие города в сложившихся условиях приходилось рассматривать не только в качестве привычного источника поступления регулярного трибута, но, прежде всего, как вполне возможных, хотя, разумеется, и неравноправных, союзников в борьбе за сохранение скифской гегемонии.

Еще более очевидной представляется заинтересованность в союзе с Атеем самих эллинов Добруджи, нуждавшихся после распада фракийского царства Одрисов в быстрой стабилизации обстановки в районе, но главное – в приобретении заступничества перед лицом агрессивных устремлений Филиппа II. Выбор заключался в следующем: либо оставаться один на один с грозным правителем Македонии, что почти наверняка должно было привести к разгрому и полной утрате политического суверенитета, либо номинально признать сюзеренитет скифов и выплачивать им дань, но при этом фактически сохранить свою независимость. Судя по выпуску серебряных монет с именем Атея в Каллатии, предпочтение было отдано второму варианту²¹.

Борьба за Добруджу, как известно, завершилась в 339 г. до н.э. победой Филиппа II. С этого момента судьба скифских племен была в значительной степени предопределена. Непреодолимое препятствие на западе в лице Македонии поставило «Великую Скифию» перед необходимостью сосредоточить теперь большую часть своих усилий на отражении сарматской угрозы.

¹⁹ Березин, Виноградов. Ук. соч. С. 33; Ждановский, Марченко. Ук. соч. С. 47–48; Марченко И.И. Ук. соч. С. 13.

²⁰ Ср. Мачинский // Археология Старого и Нового Света. 1966. С. 52; Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. 1987. № 28. С. 39.

²¹ О существующих у современных специалистов различиях в оценке факта чеканки монет Атея и других скифских владетелей см. Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 231–238.

Археологические материалы второй половины IV в. явно свидетельствуют в пользу заметного нарастания военно-политической напряженности в степной зоне региона. Первое, на что следует обратить внимание в связи с этим, – появление дополнительных фортификационных сооружений у Елизаветовского городища на Дону, значительно усиливших обороноспособность этого центра. Не менее показательным в этом отношении является и смещение к западу, т.е. в глубь Скифии, ареала «царских» курганов, скорее всего указывающее на сокращение надежно контролируемой номадами территории степей²². Наиболее примечательным, однако, оказывается факт довольно быстрого перехода кочевой знати от преимущественно потребительских и, очевидно, не всегда лояльных отношений к главным образом мирным и даже дружеским связям с большинством греческих полисов.

Усиливающееся давление с востока создавало, по всей видимости, дополнительные стимулы для более быстрого сближения интересов греков и варваров. Судя по данным письменных источников, в это время скифская аристократия и греческие полисы Северного Причерноморья начинают выступать как естественные союзники за сохранение status quo в регионе. Таковыми, как представляется, были их действия по отражению агрессии Зопириона в 331 г. до н.э., таковыми же, очевидно, были их действия и во время междоусобной борьбы на Боспоре в 310/309 г. до н.э. В последнем случае скифы как раз выступили на стороне законного претендента на престол Перисада – его старшего сына Сатира, в то время как восставший против своих братьев Евмел был, по всей видимости, решительно поддержан сарматским (савроматским) племенем сираков²³. За возникшей таким образом коллизией отчетливо угадывается бескомпромиссная борьба двух наиболее могущественных группировок местного населения²⁴.

Не случайно, что именно победа Евмела, обязанного своим воцарением сарматам, и устроенное им сразу же избиение сторонников Притана, а следовательно, и скифской аристократии, стали одним из поворотных пунктов в истории греко-варварских отношений в Северном Причерноморье. Отныне Боспор в отношении местных племен ищет опору не в союзе со скифами, а в союзе с сарматами²⁵.

Результаты столь очевидного ослабления военно-политического положения скифов вскоре не замедлили сказаться. Не позднее рубежа IV–III вв. или в самом начале III в. до н.э. сарматы, судя по всей совокупности данных, наносят окончательный удар по «Великой Скифии» Наиболее чувствительным индикатором этого события вновь оказывается Елизаветовское городище на Дону. Население на этот раз даже не

²² Алексеев. Ук. соч. С. 39.

²³ См. Десятчиков. Процесс сарматизации... С. 7–8; Виноградов Ю.А. Историческая ситуация на Боспоре в конце IV–начале III в. до н.э. (Опыт реконструкции) // Проблемы античной истории и классической филологии. Тез. докл. конф. Харьков, 1980; он же. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 14.

²⁴ Виноградов Ю.А. Историческая ситуация...

²⁵ Он же. Особенности... С. 14; ср. Десятчиков. Ук. соч. С. 11 сл. Очень показательные в этом отношении изменения демонстрируют курганы варварской знати, расположенные в районе Боспора Киммерийского. Традиция их возведения, как известно, сложилась в первой половине V в. до н.э., что, с одной стороны, наглядно характеризует важное отличие Боспора от других греческих центров Северного Причерноморья в плане развития греко-варварских связей, а с другой, – позволяет изучать эти связи, так сказать, на самом высоком уровне (Виноградов Ю.А. О курганах варварской знати V–III вв. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 40–42). Любопытно, что начиная с конца IV в. до н.э. курганы местной элиты в основном стали насыпаться в азиатской части Боспора (Зеленский курган, комплексы Васюринской горы, Буерова могила и др.), при этом, сохраняя некоторые особенности погребального обряда синдо-меотской племенной аристократии, они содержат и ряд новых, явно сарматских черт; на европейской же стороне к этому времени относится единственный комплекс – Ак-Бурун, но и он в культурном отношении тяготеет отнюдь не к скифскому, а к меото-сарматскому миру (Виноградов Ю.А. Курган Ак-Бурун (1875) // Там же. С. 38 сл.).

пытается оказывать сопротивление противнику, а просто покидает обжитое место²⁶. Практически одновременно, как известно, в степной зоне исчезают так называемые «царские» курганы знати и прекращают использоваться старые родовые кладбища номадов²⁷.

Вместе с тем важно отметить, что сарматское нападение этого времени было направлено своим острием именно против скифов и отнюдь не преследовало, как кажется, цели разорения эллинов и тесно связанных с ними варваров. Об этом прямо свидетельствует неопровержимый факт продолжения вполне благополучного функционирования подавляющего большинства сельскохозяйственных поселений европейской части Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Побужья и Поднепровья. Более того, создается полное впечатление, что как раз после исчезновения с политической арены вчерашних соседей в лице скифской кочевой элиты строительная и хозяйственная деятельность жителей этих, кстати сказать, большей частью не укрепленных поселений, достигает своего максимума.

Такое странное и на первый взгляд трудно объяснимое поведение сарматов должно иметь, по всей видимости, свои достаточно серьезные основания. Нельзя исключать, к примеру, что сама по себе определенная заданность удара и связанные с его осуществлением военные действия захватили сравнительно небольшой отрезок степного коридора Северного Причерноморья в восточной части «Великой Скифии», и после выполнения своей главной задачи ослабленные сарматы сразу же ушли восвояси. Немаловажным фактором лояльного отношения к эллинам в этот период могло, вероятно, стать и установление тесных союзнических отношений сарматской аристократии с боспорскими правителями, возникших после захвата власти Евмелом²⁸. Наиболее ярким подтверждением сказанному является факт основания Боспором своей новой колонии в начале III в. до н.э. в одном из недавно наименее стабильных, а ныне, вполне вероятно, уже находившемся под действенным контролем сарматов районе – дельте Дона²⁹.

Анализ материалов показывает, что время, прошедшее с момента насильственного прекращения существования поселения скифов и его греческого «квартала» и до возникновения здесь второго, на этот раз гораздо более крупного выселка боспорян, по всей видимости, было минимальным.

Среди причин, побуждающих боспорян в столь тревожное время возобновить свое присутствие в Нижнем Подонье, на первое место, как кажется, следует поставить сам факт полного прекращения функционирования Елизаветовского торгового центра, до тех пор вполне удовлетворявшего все потребности эллинов в различных видах местной продукции. То обстоятельство, с какой быстротой отреагировал Боспор на исчезновение своего традиционного партнера в дельте и приступил к выводу сюда своей собственной колонии, лишь еще раз подчеркивает его крайнюю заинтересованность. Однако столь же очевидным, пожалуй, является и другое – существование достаточно твердых гарантий благополучного исхода этой рискованной акции со стороны недавних победителей хозяев Дона – сарматов.

Как бы то ни было, но, судя по всему, боспоряне устроились на только что покинутом его обитателями поселении скифов надолго и основательно. Как установлено, буквально все из ныне изученных комплексов нового боспорского выселка в дельте были возведены одновременно и, очевидно, по заранее разработанному плану. Судя по имеющимся данным, все дома греческого поселения принадлежали к типу наземных построек на каменных цоколях с сырцовыми стенами, что, безусловно, требовало значительных затрат труда по организации транспортировки дефицитного в условиях речной дельты строительного материала. Наконец, привлекает к себе внимание и то немаловажное обстоятельство, что греки вместе со строительством всех этих

²⁶ Брашинский, Марченко. Строительные комплексы... С. 221.

²⁷ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 33 сл.

²⁸ Виноградов Ю.А. Историческая ситуация...; он же. Особенности... С. 14.

²⁹ Марченко К.К. Боспорские поселения... С. 133 сл.

долговременных домов не только не начали сооружение новых оборонительных линий вокруг своей колонии, но, по всей видимости, даже не стали сколь-либо значительно укреплять и старые, возведенные туземцами. Словом, весь облик боспорского выселка начала III в. до н.э. на территории только что оставленного варварами Елизаветовского городища создает полное впечатление уверенности его обитателей в своей дальнейшей судьбе.

Вместе с тем, говоря о существовании с конца IV в. до н.э. достаточно близких отношений Боспора с сарматскими племенами Прикубанья и той выгоде, которую эти отношения, вполне вероятно, принесли боспорцам, нельзя не предполагать уже априорно, что она в целом вряд ли могла полностью компенсировать грекам утрату их прежнего естественного защитника и партнера в коммерческих предприятиях в лице «Великой Скифии», до недавнего времени способной надежно контролировать военно-политическую ситуацию в степной зоне Причерноморья. Особенно велики оказались потери для эллинских центров северо-западной части Понта.

Впрочем, сначала для последних, по-видимому, должна была последовать полоса даже некоторого улучшения экономического положения, поскольку под их боком уже не было могущественного и, скорее всего, достаточно привередливого соседа, требующего к себе постоянного внимания и заботы. Именно это обстоятельство, вероятно, тогда же привело к изменению системы культурных и хозяйственных связей Ольвии с варварами хинтерланда и вызвало заметное усиление жизнедеятельности на многочисленных аграрных поселениях Нижнего Побужья и Поднестровья. Однако по прошествии весьма непродолжительного времени для местных греков со все большей очевидностью стали раскрываться и отрицательные стороны столь радикального изменения демографической ситуации в регионе, связанные с отсутствием сильного союзника, в равной мере озабоченного сохранением стабильного положения в названных районах.

Складывается впечатление, что очень скоро на место прежних властителей степей появился новый, возможно, изначально даже более жесткий, нежели скифы, хозяин – их победители сарматы. Такое предположение возникает хотя бы на том основании, что сарматы к этому времени прошли значительно менее длительный путь тесного общения с передовой греческой культурой и, следовательно, в гораздо меньшей степени подверглись ее воздействию. К тому же после разгрома скифов они, по всей видимости, уже не нуждались в поддержке греков, во всяком случае относительно небольших и к тому же достаточно удаленных от районов их основных кочевий эллинских полисов северо-западной части Понта. В силу этого их подход к этим центрам мог быть построен и на более грубом, в сравнении с Боспором, преимущественно силовом давлении с целью получения трибута. Одно из наиболее ярких свидетельств именно такого развития событий уже во второй половине III в. до н.э. содержит ольвийский декрет в честь Протогена, в котором, в частности, сообщается (IOSPE. I². 32A. 11, 34, 42–45, 84–92) о некоем, скорее всего, сарматском царе саев Саитафарне и скептухах, требовавших у эллинов под угрозой военного нападения богатых, подчас просто непосильных даров³⁰.

Но дело, разумеется, не только в этом. Развал «Великой Скифии» по существу оставлял греческие полисы Северо-Западного Причерноморья один на один с их потенциальными или реальными противниками, например, теми же галатами и скирами Протогеновского декрета. При появлении опасности с запада приходилось в основном уже рассчитывать только на свои собственные силы. Обосновавшаяся в плодородных степях Северного Кавказа сарматская элита явно не могла быть кровно заинтересованной в защите греков. Ее основные кочевья в данном случае не подвергались прямому нападению неприятеля. Более того, нельзя исключить и того, что восточные номады до поры до времени вообще не были сколь-либо глубоко обеспокоены такого

³⁰ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 67 сл.; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 184.

рода событиями, происходившими так далеко на западе от их постоянных зимовий, и в свою очередь рассматривали этот район главным образом как один из источников своего прямого обогащения.

Вернемся, однако, к исходному пункту нашей интерпретации событий конца первой–начала второй трети III в. до н.э. Есть достаточные основания полагать, что именно в это время сарматы нанесли свой очередной, на этот раз всеокрушающий удар, направленный теперь уже против оседлого населения Северного Причерноморья. В результате его практически одновременно гибнет подавляющее большинство торговых, ремесленных и сельскохозяйственных поселений греков и варваров не только низовий Дона, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья, Побужья и Поднестровья, но и Европейского Боспора. Данная катастрофа вполне может быть связана «с тем тотальным опустошением Скифии, о котором сообщает Диодор (II. 43), когда сарматы, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»³¹.

Можно полагать, что удар по оседлому населению Северного Причерноморья был нанесен либо из глубинных районов степей Волго-Донского междуречья новой волной сарматских орд, носителей так называемой прохоровской культуры, либо сарматами Прикубанья. Во всяком случае нельзя исключить возникновение фатального разрыва прежних добрососедских отношений между сарматами Прикубанья и Боспором, за которым неотвратимо должно было последовать военное нападение номадов на своих прежних союзников. На возможность утраты Боспором контроля над военно-политической ситуацией в Прикубанье еще в первой четверти III в. до н.э. указывает отсутствие в титулатуре Спартока IV упоминания о подчинении ему местных племен синдов, меотов и фатеев, обязательное в предыдущем столетии³².

Впрочем, судя по отсутствию надежных материальных следов постоянного пребывания сколько-либо значительных групп кочевников к западу от Дона в течение всего III в. до н.э., скорее всего это был один из самых мощных, но далеко не последних из стремительных набегов сарматов, на долгие годы превративших большинство районов Северного Причерноморья в зону постоянных конфликтов, грабежей и военных столкновений. Само же реальное освоение сарматами запустевших к тому времени степных пастбищ региона последовало, как уже говорилось, значительно позже – примерно с середины II в. до н.э.

Очень показательны памятники степной зоны интересующего нас времени – так называемые клады, в состав которых, в частности, входят фалары (например, Федуловский, Старобельский, Янчокракский и др.)³³. В основном они концентрируются на Дону. Наиболее ранний из них, Федуловский, как будто датируется концом III–II в. до н.э.³⁴ «Появление и распространение в Причерноморских степях этого любопытного пласта древностей вполне обосновано и, на наш взгляд, связывается с общим процессом этнополитической истории региона, прежде всего, с продвижением на запад сарматских племен»³⁵. Вероятно, следует согласиться со специалистами по сарматской археологии и признать, что значительная часть фаларов датируется уже II–I вв. до н.э., однако совсем не исключено, что при дальнейшем изучении в их числе будут вычленены и более ранние предметы, синхронные начальному этапу сарматских передвижений. Следует признать, что существующая ныне хронологическая схема

³¹ Виноградов, Щеглов. Образование... С. 361 сл.

³² Яйленко. Ольвия и Боспор... С. 301 сл.

³³ Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29; Гуцина И.И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М., 1969; Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности // ЗКҮӨКА. ПАВ. 1993. № 5; Мордвинова В.А. Фалары конской упряжи на территории степей Евразии в III в. до н.э.–первой половине II в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.

³⁴ Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1965. Вып. 7. С. 36.

³⁵ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 551 сл.; он же. Сарматские и индо-скифские древности. С. 45–46; Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 145 сл.; Мордвинова. Ук. соч. С. 21 сл.

развития сарматской культуры очень несовершенна³⁶. В этом отношении можно указать на факт наличия фаларов в некоторых наиболее поздних погребальных комплексах «Великой Скифии», – это и знаменитый Александропольский курган в Поднепровье, и не менее знаменитая Большая Близица на азиатской стороне Боспора³⁷. И хотя А.Ю. Алексеев считает, что наличие таких вещей свидетельствует не о появлении новой волны кочевников, а о кратковременной политической ситуации, связанной с дипломатическими контактами Александра Македонского времени его среднеазиатских походов³⁸, эту точку зрения вряд ли можно признать бесспорной. Замечательно, наконец, и то, что в состав одного из кладов – у с. Антиповка Воронежской области, как известно, входил кельтский шлем³⁹. Кельтские шлемы – еще одна из характерных и любопытнейших особенностей культурного облика степей Восточной Европы. За последние годы их датировка в научной литературе изменяется от второй половины I в. до н.э.⁴⁰ до конца III–I в. до н.э.⁴¹ и, наконец, IV–III вв. до н.э.⁴² Последняя датировка наиболее убедительна. Действительно, большинство шлемов относится к типу Монтефортино А и должны датироваться IV–III вв. до н.э.⁴³

Сложнейшая проблема интерпретации этого пласта находок заключается в том, что ранние кельтские шлемы входят в состав более поздних сарматских комплексов (II–I вв. до н.э.). Вряд ли можно признать удовлетворительной точку зрения исследователей, которые объясняют данное несоответствие тем, что шлемы были захвачены сарматами во время походов Митридата VI Евпатора⁴⁴, хотя, в принципе, она вполне может объяснять причину появления в причерноморских степях шлемов более поздних – типа Монтефортино С, но их найдено очень немного. В отношении же основной части находок приходится признать, что сарматы оказались владельцами главным образом тех шлемов, которые были на 100–200 лет древнее этих походов.

Дело здесь, надо думать, не в каком-то странном пристрастии сарматов к старине. Наиболее вероятно, что эти шлемы номады захватили непосредственно у кельтов, когда в Северном Причерноморье (Поднепровье) столкнулись две волны экспансии: с востока – сарматская, с запада – кельтская⁴⁵. Это столкновение, правильнее сказать, – столкновения, привели к тому, что на долгое время Поднепровье стало как бы ничьей землей, не один из претендентов не мог здесь закрепиться. В высшей степени показательным для этого состояния является факт нахождения здесь, в Северо-Западном Причерноморье, отдельных комплексов и кельтов, и прикубанских сарматов, датируемых как раз первой половиной III в. до н.э. В последнем случае имеются в виду находки в погребальных памятниках так называемых «кубанских» удиц с весьма своеобразными крестовидными псалиями, датируемыми ныне второй–третьей четвертями III в. до н.э.⁴⁶

Основные кочевья и, разумеется, плацдарм нападения номадов на запад в III в. до н.э. находились, как уже отмечалось выше, в областях Подонья и особенно

³⁶ Шукин. Ук. соч. С. 147.

³⁷ Алексеев А.Ю. Уникальные украшения конской узды из Александропольского кургана // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. № 6; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Прага–Ленинград, 1996. С. 70. Табл. 298.

³⁸ Алексеев. Уникальные украшения... С. 74–75.

³⁹ Гущина И.И. Случайные находки из Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 241 сл.

⁴⁰ Шилов В.П. «Кельтские» бронзовые шлемы в степях Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 112.

⁴¹ Симоненко. Кельто-италийские шлемы... С. 110 сл.

⁴² Raev B.A. Celtic «yoockey-cap» helmet in the Don area // Raev B.A. Roman imports in the Lower Don basin. BAR. International Series. 278. 1986. P. 85 f.

⁴³ Robinson H.R. The Armour of Imperial Rom. L., 1975. P. 3–17.

⁴⁴ Raev. Op. cit. P. 85 f.; ср. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 124; Шукин. Ук. соч. С. 147.

⁴⁵ Ср. Симоненко. Кельто-италийские шлемы... С. 112.

⁴⁶ Лимерис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 124.

Прикубанья. Здесь в отличие от западных районов жизнь сравнительно быстро стабилизировалась. Именно в Прикубанье, по мнению ряда исследователей, тогда же сформировался и центр одного из крупнейших объединений этих кочевников – так называемый сиракский союз⁴⁷. Весьма показательно резкое возрастание числа обитателей степной зоны Прикубанья. На это прямо указывают результаты сравнительных статистико-комбинаторного и хронологического анализа материалов, согласно которым на последнюю четверть III–II в. до н.э. приходится около половины фонда всех до сих пор учтенных погребальных комплексов воинственных степняков⁴⁸.

Не менее примечательным следствием этого события оказывается и довольно быстрое сложение в Прикубанье – к середине III в. до н.э. во всяком случае – весьма влиятельного сармато-меотского общественно-политического объединения⁴⁹, вызвавшее к жизни, как полагают, и некоторое межэтническое сближение кочевников и земледельцев⁵⁰. Создается впечатление необычайно быстрого, но в принципе вполне понятного в условиях тесного окружения сарматов Прикубанья более высокоразвитыми культурами, развития совершенно определенных социально-экономических тенденций в структуре местного кочевого общества⁵¹, закономерно ведущих к его постепенной стабилизации и утрате той чрезмерной агрессивности, которая обычно бывает свойственнаномадам на стадии завоевания и освоения новых территорий под заселение. Начался новый период относительного замирения степи, приведший тогда же в самых различных частях Северного Причерноморья к постепенному возврату населения к оседлой жизни за пределами сильно укрепленных городов греков⁵².

Такой в общих чертах нам представляется гибель «Великой Скифии» и сложение в Северном Причерноморье новых этнополитических отношений.

Ю.А. Виноградов, К.К. Марченко, Е.Я. Рогов

SARMATIANS AND THE DESTRUCTION OF GREAT SCYTHIA

Yu.A. Vinogradov, K.K. Marchenko, Ye.Ya. Rogov

The article is devoted to the consideration of the whole complex of the events military-political and demographic history of the Northern Black Sea region in the 2nd half of the 4th–1st third of the 3rd c. B.C. which led to a sharp deterioration of Graeco-Barbarian relations in the area. Sudden and nearly simultaneous cessation of the functioning of the overwhelming majority of the stationary rural settlements of the Hellenes and the native population at the end of that period undermined the economic basis of the existence of the local Hellenic cities, thus predetermining rapid growth of crisis phenomena which soon enveloped all major aspects of the vital activity of the Greek states. The analysis of the available information has enabled the authors to conclude that the main, if not the only, reason for the profound destabilization of the situation was the gradual penetration into the Black Sea region of new hordes of nomadic Sarmatians who in the process of their expansion westward destroyed Great Scythia.

⁴⁷ См., например: *Десятчиков*. Ук. соч.; *Ждановский А.М.* История племен среднего Прикубанья во II в. до н.э. (По материалам курганных погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Марченко И.И.* Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

⁴⁸ *Ждановский, Марченко*. Ук. соч. С. 42–44; *Марченко И.И.* Сарматы степей... С. 7–10.

⁴⁹ *Ждановский, Марченко*. Ук. соч. С. 17.

⁵⁰ *Марченко И.И.* Проблемы этнической истории... С. 75.

⁵¹ См. *Десятчиков*. Ук. соч. С. 17.

⁵² Подробнее об этом см. *Марченко К.К.* Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2. С. 72 сл.

ХЕРСОНЕССКИЙ ДЕКРЕТ О «НЕСЕНИИ ДИОНИСА» IOSPE I² 343 И ВТОРЖЕНИЕ САРМАТОВ В СКИФИЮ

Одной из кардинальных проблем, занимающих умы отечественных антиковедов в последние два десятилетия, стал вопрос о времени и причинах гибели Великой Скифии и неразрывно связанном с этим событием обезлюдении хоры греческих государств эллинистического Северного Причерноморья. На долгие годы в науке незыблемо утвердилась концепция М.И. Ростовцева, который, отталкиваясь от наметочных гипотез предшественников¹ и опираясь главным образом на единственное практически свидетельство Диодора (II. 43. 7), подкрепляемое им археологическими памятниками, назвала виновниками вытеснения скифов из южнорусских степей – их родовой зоны обитания – в Крым сарматские племена, перешедшие в конце IV или начале III в. до н.э. Дон и вторгшиеся в Скифию².

Для того, чтобы оценить прочность источниковой базы работ выдающегося русского ученого, стоит привести заметку Диодора *in extenso*. Закончив рассказ о возвышении скифов (II. 43. 1–6), историк сообщает буквально следующее (II. 43. 7): τούτους δ' ὕστερον πολλοῖς ἔτεσιν αὐξηθέντας πορῆσαι πολλὴν τῆς Σκυθίας, καὶ τοὺς καταπολεμηθέντας ἄρδην ἀναίρουντας ἔρεμον ποιῆσαι τὸ πλεῖστον μέρος τῆς χώρας – «они же [сарматы], возвысившись много лет спустя, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя покоренных во время войны, превратили большую часть страны в пустыню».

Выдвигаемые в последнее время аргументы критиков Ростовцева сводятся к следующим двум основным положениям. Во-первых, свидетельство Диодора точно не датировано, а посему недостоверно, а коль скоро оно помещено в архаико-мифологическую II книгу его труда, то и оно-де заслуживает наименования «легендарного, мифического». При этом, естественно, даже не ставится вопрос о том, не мог ли сицилийский историк, излагающий и в данной, и в последующих книгах реальные события погодно, сделать здесь конкретную историческую вставку в весьма приблизительно представляемую им картину древнейшей истории Вавилона, Египта, Мидии, Индии, Аравии, Скифии, амазонок и гипербореев. Во-вторых, – и это главное – «сарматская» концепция не подкрепляется пока ни одним археологическим памятником в степном междуречье Дона и Днестра: первые погребения сарматов появляются в этом обширном регионе во всяком случае не ранее середины II в. до н.э., реальнее же с Митридатовой эпохи³. В поисках иного, нетривиального объяснения феномена гибели

¹ Исчерпывающий обзор историографии вопроса см. в кн.: *Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 7–33.

² *Ростовцев М.И.* Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. XXXII. С. 60 сл.; *он же.* Сириск – историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Апр. С. 157 сл.; *он же.* Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918. С. 43, 127 сл.; *idem.* Επιδόσεις // Klio. 1919–1920. 16. S. 203–206; *idem.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 85, 139; *idem.* Skythien und der Bosphorus. Bd I. В., 1931. S. 405, 605. Гипотезы его предшественников (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, П.И. Шафарик, И.Е. Забелин, В.В. Латышев и др.) и развитие идеи его последователями (Ю.В. Готье, Б.Н. Граков, Д.А. Мачинский, П.О. Карышковский, А.Н. Щеглов, К.Ф. Смирнов и др.) изложены Полиным. Из последних см. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; *Щеглов А.Н.* О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 190–198; *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. I. М., 1990. С. 361 сл.; *Марченко К.К.* Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2. С. 70–80.

³ Наиболее детальное изложение эта критика обрела в кн.: *Полин. Ук. соч.* С. 96–98; ср. *Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 104. Подобные методы обращения с археологическими и письменными источниками в угоду предвзятой концепции отметил И.В. Брузяко в рец. на кн. Полина (РА. 1995. № 1. С. 230–237). От себя могу лишь добавить, что выдвигаемый оппонентами «археологический» аргумент

Великой Скифии и хоры полисов были выдвинуты три новых концепции. Согласно первой, виновниками вытеснения скифов и натиска на хору греческих государств, по крайней мере, Северо-Западного Причерноморья явились галаты, основавшие в 279 г. на Левом Понте царство с центром в Тиле⁴, или же родственные им бастарны, бриттолаги и др. Согласно второй, объяснение предлагается искать не в военно-политической, а в экологической сфере – в почти сиюминутном, т.е. происшедшем за немногие десятилетия резком изменении климата, повлекшем за собой аридизацию степной зоны и как ее следствие – уход скифов с исконной территории их обитания и оставление греками аграрной базы их государств⁵. Наконец, приверженцы третьей концепции ищут объяснения в экономической сфере: в утрате рентабельности агрикультурой эллинских государств Северного Понта, проигравшей в конкурентной борьбе экспорту дешевых масс египетского хлеба.

Итак, согласно первой версии, выдвинутой в противовес «сарматской», феномен запустения Скифии и хоры греческих полисов Северо-Западного Причерноморья следует объяснять опустошительными рейдами галатских военных отрядов из района Балкано-Карпато-Дунайского бассейна, предпринятых в союзе с германским племенем скиров, упоминаемых Протогеновским декретом⁶. Наиболее уязвимая сторона такой трактовки – узколокальный подход к пониманию процессов, охвативших одновременно весь обширный Северопонтийский регион, как, впрочем, и игнорирование политики галатов на Балканах на раннем этапе существования их царства с центром в Тиле. Насильственная гибель укрепленных и неукрепленных эллинских и варварских поселений дельты Дона, Европейского Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья и округа Ольвии в 70–60-х годах III в.⁷ создает впечатление одновременно проведенной масштабной военной акции, которая ввиду обширности территории

падает (в который уже раз !) под натиском непредвзятого анализа нарративных источников. Полибий (XXXV. 2), перечисляя гарантов мирного договора с Фарнаком, однозначно противопоставляет правившего в Европе сармата Гатала царившим в Азии династам Артаксию и Акусилоху (ср. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1966. С. 77–82). Как известно, по представлениям эллинистических (а не раннеионийских) географов, граница между Европой и Азией пролегла по Танаису, а договор был заключен в 179 г. до н.э. – до появления первых археологических следов сарматов в европейском Задонье. Не спасает положения и апелляция Полина (ук. соч., с. 93 сл.) к критике Страбоном (II. 4.5) представлений Полибия о Танаисе как якобы текущем с востока: если Полибий в одном месте (X. 48. 1) и допустил смешение двух разных Танаисов – Дона и Сырдарьи (ср. *Куклина И.В.* Этногеография Скифии. Л., 1985. С. 151), то в аутентичной теоретической части своего труда (III. 37. 4) он, очертив пределы Азии течением Танаиса и Нила, пишет только, что «Азия... приходится на часть света между летним восходом солнца и югом», ни словом не обмолвившись об истоках Танаиса на востоке. Да и сама критика Страбона («все, кто знаком с этими областями, утверждают, что Танаис течет с севера в Меотийское озеро») не оставляет сомнения в его убежденности, что Полибий, подобно ему самому, имел в виду одну и ту же пограничную реку – Дон, а не Кубань (Полин) или Сырдарью (Куклина). По всей видимости, Полибиеву эллинистическому источнику было знакомо лишь нижнее течение Дона-Танаиса, которое после схождения с Волгой действительно резко поворачивает на запад с легким уклоном к югу. Если бы Страбон понял Полибия так, как пытаются истолковать его современные экзегеты, то и сам спор оказался бы беспредметным.

⁴ Из последних работ об этом царстве см. *Лазаров Л.* О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // ВДИ. 1996. № 1. С. 114–123.

⁵ Автором этой оригинальной концепции выступил тот же Полин (ук. соч., с. 102 сл.).

⁶ См., например: *Рубан В.В.* Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 43 сл.; *он же.* Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 19; *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. I. М., 1990. С. 274 сл.

⁷ См., например: *Щеголов.* Ук. соч. С. 192; *он же.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128; *Доманский Я.В., Марченко К.К.* Поселение Ольвийской хоры Козырка II // АСГЭ. 1980. 21. С. 38; *Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Симферополь, 1988. С. 207; *Марченко К.К.* Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1. С. 137.

и внушительности расстояния вряд ли была под силу кельтам или германцам Прикарпатья и Балкан⁸.

С другой стороны, наш основной источник Полибий (IV. 45. 10; 46. 1–4) определенно свидетельствует о том, что на первых порах после образования Галатского царства с центром в Тиле в 279 г. кельты Комонтория были всецело поглощены подчинением фракийцев и терроризированием Византия, у которого они вымогали возрастающую в геометрической прогрессии подать⁹. Единственный источник – Протогеновский декрет – сообщает (на стороне В) о намечавшемся (неизвестно, состоявшемся ли) нашествии галатов в союзе со скирами на Ольвию в ряду синхронных событий, которые, безусловно, должны были быть близки времени как распада царства Кавара (ок. 213 г.), так и издания самой псефизмы, определяемому теперь двумя предпоследними десятилетиями III в.¹⁰ Таким образом, этот планировавшийся варварами набег никак не может служить подтверждением догадки об уничтожении кельтами Великой Скифии или о последовавшем затем разрушении ими аграрной базы греческих государств Северного Понта. Следует также заметить, что упоминание в Протогеновском декрете (сторона А) скорее всего сарматского, а не скифского племени саиев под водительством псевдопротектора Ольвии Саитафарна¹¹ хронологически все же намного предшествует изложению на стороне В замысла скиро-галатской агрессии.

Если же вслед за рядом исследователей¹² предполагать, что галатами знаменитой ольвийской псефизмы были осевшие в низовьях Истра бритологи, будто бы упомянутые анонимно во главе с их царем Ремаксом истрийским декретом в честь Агафокла ISM I, 15, то опять же не стоит закрывать глаза на то, что вождь этот проявил себя отнюдь не агрессором, но напротив, протектором полисов Добруджи от набегов фракийцев Золта, причем не позже рубежа III–II вв. (по датировке документа первоиздателями), т.е. именно в то время, когда на правобережье Дуная уже сложилось царство будущих сюзеренов этих полисов – Малая Скифия, упомянутая, кстати, в строке 16 той же истрийской псефизмы¹³. В любом случае, у нас нет решительно никаких оснований взваливать вину за разрушение ольвийской и тирасской хоры во второй четверти – середине III в. на галатов из Тилы или галлов-бритологов.

Что касается второй концепции, прямо связывающей серьезное ухудшение греко-варварских отношений в Северном Причерноморье с повсеместным усыханием степной зоны этого региона¹⁴, то у нее обнаруживаются еще более серьезные изъяны. Судя по отдельным косвенным данным, какие-то незначительные изменения климата могли иметь место в эллинистическую эпоху, однако пока еще так и не достигнуто

⁸ М. Домарадски (Кельты на Балканский полуостров. София, 1984. С. 83, 88) не без основания полагает, что существование ряда сильных в военно-политическом отношении фракийских правителей в III в. исключает возможность создания мощной Кельтской державы, способной подчинить себе всю Восточную Фракию. Роль галатов сводилась к эпизодическому контролю и грабительским набегам на близлежащие греческие города и соседние фракийские княжества.

⁹ Ср. *Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien: Historische Aspekte einer keltischen Staatenbildung // Hellenistische Studien. Gedenkschrift Bengtson. München, 1991. S. 115 f.*

¹⁰ *Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 182. Прим. 16; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 71.*

¹¹ Ср. *Vinogradov Ju.G. Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorgömischen Zeit im pontischen Raum (im Druck).*

¹² *Карышковский П.О. История и ее соседи на рубеже III–II вв. до н.э. // ВДИ. 1971. № 2. С. 54 сл.; Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 72. Прим. *.*

¹³ См. *Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. Запорожье, 1995. С. 147–161.*

¹⁴ *Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье, 1989; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 96 сл.*

яности по поводу их временной точки отсчета¹⁵. Однако, как бы ни определять время наступления кардинальных перемен в экологии, нельзя не учесть того факта, что подобные феномены вплоть до достижения кульминационного пункта проходили неизбежно длительный, многовековой период своей аккумуляции. В известной мере протяженными по времени должны были стать накопление и реализация деструктивного природного потенциала, порожденного усыханием степной зоны Северного Причерноморья. При всем том накопленные к настоящему моменту весьма обильные, разнохарактерные и красноречивые археологические данные свидетельствуют о противоположном – не о перманентной, но практически моментальной гибели большинства эллинистических и варварских поселений во всем обширном регионе. Не менее диагностичен и тот факт, что как раз в преддверии описываемого феномена – в первой трети III в. – жизнедеятельность хоры греческих государств и их сельскохозяйственного туземного окружения переживает период небывалого подъема, что приходит в очевидное противоречие с выдвинутой концепцией быстротечной экологической катастрофы.

Наконец, четвертая, экономическая концепция, сферу приложения которой ее автор С.А. Жебелёв¹⁶ сам ограничивал исключительно Боспором и которая лишь в последнее время была распространена на прочие северопонтийские полисы¹⁷, объясняет упадок земледелия и соответственно хоры греческих государств Северного Понта мощной конкуренцией со стороны огромных масс дешевого египетского зерна на хлебных рынках Средиземноморья и Причерноморья. Главное уязвимое место данной концепции заключается в том, что она как возникла, так и остается сугубо презумптивной¹⁸: до сих пор ее приверженцами не приведено ни единого свидетельства о целенаправленной государственно-торговой политике протекционизма или конкуренции¹⁹, не выявлено пока ни одного показания источников об относительной дороговизне понтийского хлеба по сравнению с египетским, никем не опровергнут базирующийся на множестве эпиграфических документов главный тезис Ростовцева²⁰ – о превышении в эллинистической зерновой торговле спроса над предложением, т.е. о перманентном дефиците основного продукта питания, приводившего к частым вспышкам голода по всей греческой ойкумене, что в такой ситуации делало любого хлебного экспортера желанным гостем в каждом нуждавшемся полисе. Гораздо более твердую почву имеет под собой попытка объяснить сокращение масштабов хлебного экспорта из Северного Причерноморья в III в. тем обстоятельством, что именно в это время в результате опустошения сарматами Скифии греческие государства региона теряют одного из самых щедрых поставщиков товарного зерна²¹.

¹⁵ Убедительные контраргументы представил И.В. Бруяко в рецензии на книгу Полина (РА. 1995. № 1. С. 236).

¹⁶ СР. С. 84 сл., 147 сл. Эта презумпция обрела себе солидное число сторонников: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 76–78; *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 135–137; *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 10; *он же.* Пантикапей. М., 1964. С. 101–104; *Шургай И.Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. 138. С. 51–59; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 163 сл.

¹⁷ *Сапрыкин С.Ю.* Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI–II вв. до н.э.: государственная политика или частная инициатива // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 129, 135–142.

¹⁸ Фундаментальная деструктивная критика этой теории развернута в замечательной работе М.К. Трофимовой: Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 46–68.

¹⁹ Ср. *Виноградов Ю.Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. С. 27.

²⁰ *Rostovtzeff M.* Greek Sightseers in Egypt // JEA. 1928. XIV. P. 13–15; *он же.* Перисад II Боспорский и Птолемей II Филадельф // Сб. ст., посвященный П.Н. Милюкову. Прага, 1929. С. 114 сл.

²¹ *Брашинский И.Б.* Черноморская торговля в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 199–206.

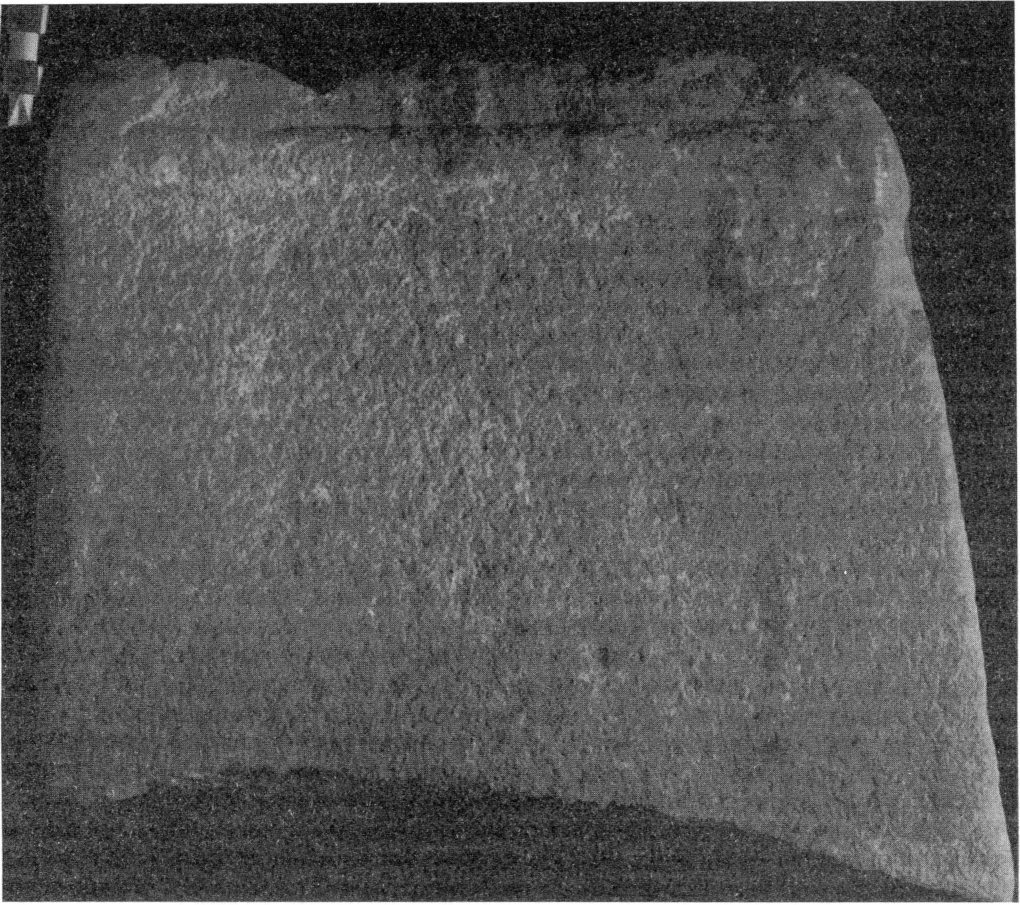


Рис. 1. Современное состояние стелы с надписью IOSPE I² 343

Резюмируя, необходимо отметить главный уязвимый момент всех оппонентов: их аргументация строится почти исключительно на логических посылах, в лучшем случае иллюстрируемых косвенными показаниями археологии при согласном молчании документальных эпиграфических источников, что, впрочем, в известной мере можно поставить в упрек и «сарматской» концепции Ростовцева. Между тем такой дезидератный документ по иронии судьбы ожидал своего часа выступить в роли решающего аргумента в дискуссии вот уже почти столетие в силу того, что не все его потенциальные возможности в свое время были реализованы издателями и интерпретаторами.

Речь пойдет об эллинистическом декрете, случайно обнаруженном в куче камней в Херсонесе в феврале 1906 г.²² и незамедлительно изданном, а затем дважды переизданном на основании эстампажа В.В. Латышевым, датировавшим его по палеографии III в. до н.э., причем скорее последними, чем первыми его десятилетиями²³. Фрагмент

²² Архив ГХМ. Д. № 35: *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Археологические расследования Херсонесского городища и некрополя 1906 г. Опись находок. Л. 2. № 285: «на берегу моря между зданием музея и минной станцией».

²³ Ed. гринс.: *Латышев В.В.* // ИАК. 1906. 18. С. 114. № 23; он же. К вопросу о культе богини Девы в

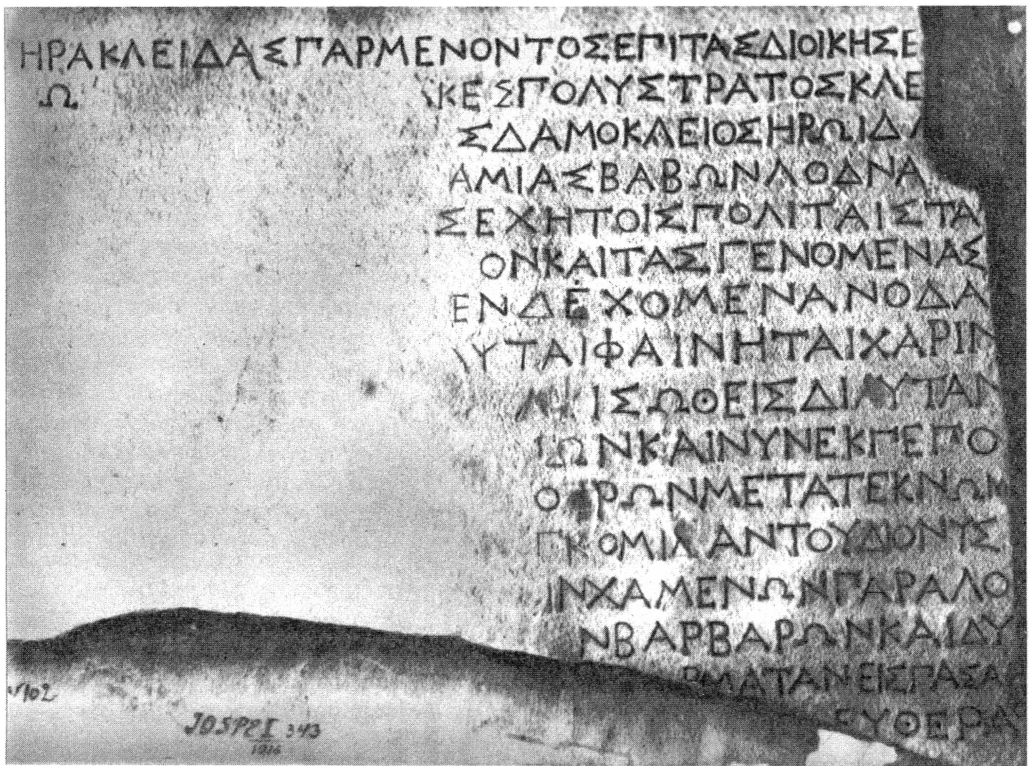


Рис. 2. Эстампаж с надписи IOSPE I² 343

украшенной фронтоном мраморной стелы с надписью имеет размеры: шир. 0,29 (вверху) – 0,31 (внизу), выс. 0,31, толщ. 0,06–0,08 м. Сохранившиеся 17 строк аккуратно вырезанной надписи (выс. букв 0,01, расстояние между строк 0,005 м) в левой части плиты не были «совершенно изглажены дождями», как полагал Латышев, но погибли по причине отслаивания поверхности мрамора, которое из-за поздно предпринятых реставрационных мер значительно прогрессировало вправо по сравнению с годом находки (рис. 1). К счастью, в Архиве ГХМ (№ 285) сохранился снятый еще Косцюшко-Валюжиничем эстампаж (рис. 2). Несмотря на странную привычку раскопщика Херсонеса продавливать карандашом по еще сырой бумаге видевишиеся ему буквы²⁴ эстампаж представляет собой ценнейшее документальное свидетельство, позволяющее в неподрисованных карандашом местах разобрать ряд букв, не замеченных издателем, и тем самым значительно откорректировать его чтение, которое прежде всего имеет смысл привести целиком в его последней версии:

Херсонесе Таврическом // Сб. ст. в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1913 (1914). С. 206–211; IOSPE I² 343. P. 287 sq., cf. p. 291. Текст документа с отдельными коррективами воспроизвели: *Ростовцев*. Сирииск... С. 155 сл.; *idem*. Ἐπιφάνεια. S. 204 f. (сткк. 5–11); *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 99. Прим. 1; перевод: *Соломоник Э.И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 12. № 3. Рис. 3 (фото с эстампажа). Латышевская датировка надписи была принята всеми последующими исследователями: *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 517; *Ростовцев*. Сирииск... С. 153; *Толстой*. Ук. соч. С. 98. Прим. 3.

²⁴ Ср. *Виноградов Ю.Г.* // ВДИ. 1992. № 3. С. 136. Плоды подобной обработки эстампажа наглядно видны по стк. 4 – ΛΟΔΝΑ вм. ΑΘΑΝΑ, стк. 13 – ΙΝΧΑΜΕΝΩΝ вм. τοῖς προαξιέων (Лат.).

- Ἡρακλείδας Παρμένοντος ἐπὶ τὰς διοικήσε[ος]
 [ἐ]ὼν [καὶ νομοφύλα]κες Πολύστρατος Κλε. .
 ς Δαμοκλείος Ἡράδ[ας]
 [τοῦ δεῦνος καὶ τ]αμίας Βάβων Ἀθανα[ίου]
 5 [εἶπαν· ὅπως ἂν καλῶ]ς ἔχη τοῖς πολίταις τὰ
 [περὶ τὰν θεὰν Παρθέν]ον καὶ τὰς γενομένας
 [δι' αὐτὰν σωτηρίας] ἐνδεχομέναν ὁ δ᾽ ἄ-
 [μος ὁ Χερσονασιτᾶν ἀ]ῦτάι φαίνεται χάριν
 [ἀποδιδούς,] σωθεῖς δι' [α]ῦτὰν
 10 [ἐκ τῶν μεγίστων κινδύν]ων, καὶ νῦν ἐκπεπο-
 [ρευμένων τῶν οἰκητ]όρων μετὰ τέκνων
 [καὶ γυναικῶν ἐπὶ τὰν] κομιδᾶν τοῦ Διουσί-
 [ου καὶ ἔφοδον δεινὰν πο]λησαμένων παραλό-
 [γως τῶν παροικούντω]ν βαρβάρων καὶ δύ-
 15 [.]μα τὰν εἰς πάσα-
 [ν] ἐλε[υτέρα]
 [ν]

Латышев дал следующий перевод документа: «Ираклид, сын Парменонта, стоящий во главе управления, и номофилаки Полистрат, сын Кле., (такой-то), сын Дамокла, Ирод, (сын такого-то) и казначей Бабон, сын Атанея [предложили: чтобы хорошо] было устроено у граждан служение [богине Деве] и явился воздающим ей подобающую благодарность за оказанную [помощь] на[род Херсонесский...], спасенный через нее [от величайших опасностей], и ныне, когда отпра[вились жители] с детьми [и женами на] несение Диониса [а ... и набег со]вершили неожиданно [соседние] варвары...»²⁵.

Воспроизведший целиком текст надписи Ростовцев²⁶ предложил дополнить в стк. 7 [δι' αὐτὰν βοηθείας²⁷ (или σωτηρίας)] и в стк. 9 вполне резонно вслед за Латышевым – [πρότερον τε]. Его перевод, кардинально не меняющий смысла, тем не менее разительно отличается от перевода первоиздателя: «Ввиду того, чтобы граждане исполнили как следует свой долг по отношению к богине Деве и чтобы народ херсонесцев воздал должную благодарность за полученное от нее спасение, народ, который и раньше не раз спасен был ею от величайших опасностей, и теперь, когда жители вышли (из города) с детьми и женами, сопровождая Диониса, а соседние варвары совершили внезапно страшный набег...»²⁸.

Прежде чем перейти к разбору отдельных клаузул мотивировки, следует уточнить на основании палеографии, а главное – представленной в расширенном варианте просопографии датировку данного документа, что крайне важно для того, чтобы вписать его в узкие конкретные исторические рамки.

Шрифт надписи принадлежит в целом периоду, переходному от позднеклассического к раннеэллинистическому. Переключательная *альфы* не имеет ни малейшего намека на прогиб; полукружия *беты*, как и *ро*, весьма объемные; *тета* с точкой подобно *омикрону* и *омега* вписана в габариты строки; длинные усики *каппы* составляют прямой угол; крайние гасы *мю* достаточно широко расставлены; *ню* приподымает правый уголок, но уже не выносит правую вертикаль над строкой; горизонталь *пи* едва выдвигается за пределы правой гасы; не параллельные крайние гасы *сигмы* иногда

²⁵ Дословно процитировано Соломоник (ук. соч., с. 12).

²⁶ Ростовцев. Сириск... С. 156; в стк. 6 по недосмотру пропущено καί.

²⁷ Впервые предложено с сомнением самим Латышевым (К вопросу о культе... С. 209).

²⁸ Имеет смысл воспроизвести и оригинальный перевод И.И. Толстого (ук. соч., с. 99): «Дабы хорошо обстояло у граждан то, что касается их отношений к богине Деве, и дабы, за происшедшее благодаря ей спасение, народ херсонеситов оказывался воздающим ей возможную благодарность, и в древности спасенный благодаря ей из величайших опасностей, и ныне, когда отправились жители, вместе с детьми и женами, на перевезение Диониса и когда страшный набег совершили внезапно соседние варвары и...».

раздвинуты под довольно значительным углом (сткк. 1, 6, 12), в других случаях уплощены; не выгибающиеся усики *ипсилона* в некоторых случаях (сткк. 2, 9, 12, 14) составляют с ножкой подобие ортоподного трискелия; слегка уплощенная окружность *фи* довольно объемна; полукружие также объемной *омеги* иногда на классический манер вертикально опускается на довольно длинные усики (сткк. 3, 14), иногда слегка стягивает окружность. Сопоставление палеографии нашего декрета с такими выдающимися эпиграфическими памятниками Херсонеса, как Присяга IOSPE I² 401, закон об амнистии (ВДИ. 1984. № 3. С. 72–81 = SEG XXXXIV 750; XL 614 = Bull. ép. 1990, 556) и почетная надпись Агасикла IOSPE I² 418, с одной стороны, датированные мною по ряду признаков рубежом IV–III вв.²⁹, а с другой – земельный кадастр IOSPE I² 403+, который по палеографическим, но главное – просопографическим показателям надежно датирован 70–60-ми годами III в. до н.э.³⁰ (хотя и нельзя вовсе исключить его датировку временем около середины столетия), позволяют поместить разбираемый на этих страницах документ в рамки периода, маркированного двумя вышеназванными веками: Присяга, надпись Агасикла и закон об амнистии, как нижняя, и кадастр, как верхняя граница, дают для декрета о «несении Диониса» *terminus post resp. ante quem*, иными словами, суммарно первую четверть III в.

И все-таки за отсутствием пока в Херсонесе исторически датированных эпиграфических документов решающим критерием в датировке нашего должна послужить его достаточно богатая просопография магистратов, временные реперы для которой предоставляет надежно разработанная хронологическая классификация херсонесских клейм, а также нумизматика. Редкое для таврической дорийской апойкии имя номофилака «Полистрат» встречено кроме данного декрета лишь на амфорных клеймах группы 1В, которую В.И. Кац узко датировал 300–285 годами, когда этот магистрат еще занимал нижестоящую ступеньку *cursus honorum* – должность астинома³¹. Его патронимик, судя по разбираемому на эстампаже в стк. 3 концу имени и пропавшим в конце стк. 2 минимум двум буквам, скорее всего следует дополнить как Κλε[μυ]τάδρα (?). Клемитад – херсонесский монетарий, чью деятельность В.А. Анохин отнес к 300–290 годам³², хотя, как мне кажется, нельзя вовсе исключить и конец IV в., если скульптурная группа, с которой, видимо, скопирован аверс дихалка, действительно создана именно в это время³³. Имя второго номофилака следует дополнять либо как [Διοσκου]ρίδας, либо скорее [Ἀπολλω]ρίδας: и тот, и другой были облечены должностью астиномов в той же группе 1В, т.е. в 300–285 годах³⁴, а Аполлонид (если это не ономим) известен кроме того еще и как эпонимный монетарий, чеканивший серебро в 290–280 годах³⁵. Очень существенно и то, что ни

²⁹ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. I. М., 1990. С. 334 сл.

³⁰ Соломоник Э.И., Николаенко Г.М. // ВДИ. 1990. № 2. С. 79–99; ср. Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 363–369; SEG XL 615, 616. Недавно обнаружен еще один фрагмент кадастра. Интересно отметить, что С.Ю. Сапрыкин в недавней монографии на английском языке (*Saprykin S.J. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike. Amsterdam, 1994. P. 73 f., 77*), упорно обходя датировочные аргументы всех вышеназванных издателей, не предлагая в противовес им ни одного своего, молчаливо отнес и Присягу и надпись Агасикла примерно к 275 г. до н.э., а кадастр – весьма суммарно к первой половине столетия, руководствуясь, как видно, презумптивно-археологическими соображениями.

³¹ Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 76, 108, № 95.

³² Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 26, 139, № 80.

³³ А.Н. Зограф (Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК. 1922. II. С. 350) отмечал, что подобные композиции возникают в греческой пластике именно в последней четверти IV в. до н.э. (ср. прим. 35).

³⁴ Кац. Ук. соч. С. 93, № 40. С. 88, № 16.

³⁵ Анохин. Ук. соч. С. 139, № 82. И.И. Толстой (ук. соч., с. 115) не без основания предполагал, что появляющиеся на монетах в датировочном генетиве имена монетариев принадлежали городским эпонимам – базилевсам. В таком случае Клемитад вполне мог выступать как полисный эпоним даже в первом десятилетии III в., когда его сын Полистрат – тогда всего лишь астином – некоторое время спустя уже принял на себя бразды правления в должности номофилака.

одно из поименованных в декрете девяти лиц не фигурирует среди нескольких десятков имен и патронимиков земледержателей кадастра 270–260-х годов, бесспорно входивших подобно верховным магистратам в городскую элиту. Думается, вышеприведенных аргументов более чем достаточно для того, чтобы отнести издание исследуемого нами документа примерно к 280 г. до н.э. Вскорости и, не исключено, тем же резчиком был высечен знаменитый декрет в честь историка Сириска, описавшего такие же, что и у нас, явления Девы. Предложение о нем было внесено тем же Гераклидом, сыном Парменонта, – по определению Ростовцева, отцом историка, – когда тот уже расстался с годичной (?) должностью диоикета³⁶.

Перейдем теперь к разбору и интерпретации отдельных клаузул мотивировки декрета о «несении Диониса», заслуживающих – как уже было продемонстрировано выше анализом преамбулы – весьма существенных коррективов чтения и восстановления на основании как эстампажа, так и самого камня в его нынешнем состоянии. Прежде всего необходимо отметить, что, невзирая на очень аккуратную, даже изящную работу резчика, первоиздатель приписал ему троекратное, хотя и нигде более в сохранившемся тексте не наблюдаемое нарушение принципа силлабического переноса, несмотря на то что в конце стк. 12 по эстампажу и оригиналу после *σιγμης* достаточно четко различима *ῥοτα*, скол конца стк. 15 вполне допускает размещение в лакуне утраченного *νιο*, а следующая стк. 16 свободно могла заканчиваться на *ποτ./асс. pl. neutr. прил. ἔ]λεῦθερα* (*nom.sg.fem.* крайне маловероятен).

В **сткк. 5–6** Латышев дополнил *tà [περὶ τὰν θεᾶν Παρθένου]*, однако такой, элиминирующий существительное перифрастический оборот со значением «служение, долг по отношению к богине Деве» без предваряющего пояснения, в чем конкретно заключались эти *tà* (*ἔργα, πράγματα*), выглядит несколько странным и преждевременным, в чем убеждает, к примеру, контекст декрета 236/5 г. Рамнунта: *ἔδωκεν δὲ καὶ ἱερεῖα εἰς τὴν θυσίαν... ἐγχειπο[σ]ῶν τῶν θυσιῶν διὰ τὸν πόλεμον, ὅπως ἔχει καλῶς τὰ πρὸς [τ]ὰς θεάς* – «предоставил и жертвенных животных для принесения в жертву... поскольку жертвоприношения прекратились из-за войны, чтобы у рамнунтцев прекрасно были устроены обряды в честь богинь»³⁷. На основании этого, разобрав по эстампажу пару дополнительных букв, предлагаю и здесь восстановить *tà [e.g. ἱερά τὰ ποτὶ Παρθένου]*, что несколько не меняет общего смысла.

В **сткк. 6–8** Латышев, а за ним и Ростовцев единодушно отнесли причастие *ἐνδεχομένην* к довольно далеко отстоящему от него объекту *χάριν* – «подобную, должную благодарность», аналогично, например, контексту синхронного эрифрского декрета: *τῆ[ν] ἐνδεχομένην ἐπιμέλειαν ἐποιήσατο*³⁸, где оно обозначает все-таки «всевозможную»³⁹, а не «надлежащую» заботу. Однако столь значительный в нашем случае отрыв атрибута от определяемого слова, равно как и стилистически корявый троекратный повтор в соседних строках 7, 8 и 9 одного и того же местоимения *αὐτῆ*, наводит на мысль дополнить в стк. 8 при *χάριν* банальное определение *ἀξίαν*, две последние буквы которого к тому же различимы на эстампаже, причастие же *ἐνδεχομένην* отнести к богине Деве, понимая его в другом, обычном для него значении: «принимающая на себя»⁴⁰, с опущенным здесь, но вытекающим из факта спасения абстрактным объектом (забота, попечение, защита и т.п.). Ведь именно

³⁶ По мнению Ростовцева (Сирииск... С. 156 сл.), тот же Сирииск выступает и на монетах, которые, согласно датировке Анохина (ук. соч., с. 139. № 79), чеканились опять же в первом десятилетии III в. Ср. также: *Виноградов. Политическая история...* С. 224 сл.

³⁷ *Moretti. ISE. I. 25=Bielman. 30.27–30; ср. Syll.³ 204.45–54: περὶ τ[ῆς] ἱ[ε]ρ[ᾶς] ὀργ[ᾶ]δος... [ἄ]νω[ς] ἀ[ν] ὡς εὐσεβέστατα ἔχει τὰ πρὸς τῶ θεῶν.*

³⁸ *I.v. Erythr. Klaz. I, 28=Bielman. 21.6/7. Ср. Syll.³ 618=Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East. Baltimore, 1969. N 35.9: πρόνοιαν ποιέσθαι τὴν ἐνδεχομένην.* Кроме того, мне неизвестны случаи наделения *χάρις* атрибутом *ἐνδεχομένην*.

³⁹ Что более адекватно и отразил своим переводом «возможную» Толстой (ук. соч., с. 99).

⁴⁰ Ср. *L–S–J, s.v. ἐνδέχομαι, προσενδέχομαι: take upon oneself, undertake as well, со ссылкой на IG VII, 2711.64.*

верховное божество выступало в роли защитника, покровителя херсонеситов, своими внезапными и своевременными эпифаниями спасая граждан от смертельной опасности (соответствующее восстановление см. ниже).

В оставленной первоиздателем поначалу без дополнения лакуне стк. 9 он сам⁴¹, а потом Ростовцев⁴² по корреляции с καὶ υῖν в следующей строке логично восстановил [πρότερὸν τε], которое для исчерпывающего заполнения лакуны требует легкой модификации в [πρότερὸν τε ἦδη], документально засвидетельствованной рескриптом из Миласа Syll.³ 768.6⁴³. Четко различимые вслед за этим на эстампаже буквы без труда дополняются в (πολ)λάκι, т.е. в наречие усеченной формы, свойственной в частности и мегарскому диалекту, как доказывают аналогичные образования⁴⁴. Обнаружение ее в одном декрете Амизона (№ 15.10) и у философа Филодема заставило внести corrigendum в Supplement новейшего издания лексикона LSJ, s.v. πολλάκι: delete 'never in Prose'.

Больше всего корректив принципиального значения вызывают чтение и реконструкция сткк. 11–13. Уже prima facie бросается в глаза, что латышевское дополнение в стк. 11 [τῶν οἰκτῆ]όρων неприемлемо не потому, что лакуна зияет тогда vacat'ом в целых три места, но прежде всего из-за того, что между различимыми на эстампаже окружностью будто бы *ομικрона* и буквой *ρο* остается место для полной литеры, в которой без труда распознается не продавленный карандашом *εψилона*⁴⁵. Едва различимые (справа налево) впереди окружности остатки *ιψилона* и *εψилона* не оставляют ни малейших сомнений в дополнении здесь того же прилагательного ἐλεεινῶρων, что и в стк.16 – ἐλεεινῶρα, что существенно меняет ситуацию. Дело в том, что в документах, повествующих, как и у нас, о нападении на мирных жителей с попыткой увода их в плен, этот статусный атрибут постоянно сочетается с термином σῶματα, означающим ни много ни мало как «personae liberae, лица свободного состояния». Кроме данного определения этот terminus politicus, сам по себе, согласно моим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев всплывающий в эпиграфических документах именно о вызволении военнопленных или пленников пиратов⁴⁶, сопровождают и другие статусные атрибуты: σῶματα πολιτικά – лица гражданского состояния, σ. ἱερά – люди храмовые, σ. αἰχμάλωτα – лица, захваченные в плен, наконец, σ. δοῦλα – «рабы»⁴⁷.

Очень странными выглядят реконструкция и интерпретация предшествующими

⁴¹ Предварительно Латышев (К вопросу о культе... С. 210) дополнил в стк. 9 [πρότερὸν τε] «на основании множества аналогий в эпиграфических документах, в соответствии со следующими далее (стк. 10) словами καὶ υῖν». Однако разобранная им в последней публикации перед σθελεῖς *йота* удержала его в конце концов принять это дополнение, и вызвала его ремарку: Nescio an legendum sit [ἀποδοῦς: παιδιμῆ] (IOSPE I². P. 288. Not. 1), что теперь опровергается обращением к эстампажу (см. ниже).

⁴² Ростовцев. Сириск... С. 156.

⁴³ Толстой (ук. соч., с. 99, прим. 1), со своей стороны, оценив остатки букв, воспроизведенные первоиздателем, предложил дополнить в стк. 9: [καὶ πάλα]ι σθελεῖς, намекнув на случившийся в далеком прошлом одновременный акт, когда Дева пришла на помощь херсонеситам.

⁴⁴ Köppner F. Der Dialekt Megaras und der megarischen Kolonien // Jahrb. f. Kl. Phil. 1891. 18. S. 557, 20: das C dürfte parasitisch sein; Thumb A., Kieckers E. Handbuch der griechischen Dialekte. I. Heidelberg, 1932. S. 142, § 134, 10b: ἐκαστάκι (-άκις) Chalkedon, wie argol. τετράκι, hom. ὄσακι, πολλάκι, pindar. ἐζηκοντάκι. Опираясь на эти примеры, следует констатировать то же явление и для архаического ионийского диалекта, соотв. сняв предложенное издателями исправление в стк. 4 дидимского оракула с Березани SEG. XXXVI. 694; XL. 611: ἐπτακχ(λι(ο)). Возможное восстановление в стк. 10 [ἐκ διαφόρων κινδύν]ων Латышев (К вопросу о культе... С. 209. Прим. 1) отверг по соображениям заполнения места.

⁴⁵ На это обстоятельство обратил внимание сам Латышев (К вопросу о культе... С. 210): «...на камне между буквами О и Ρ есть попорченное местечко, в котором могла бы поместиться одна буква. Возможно, однако, предположить, что этот изъян в камне имелся уже при самой вырезке декрета, и резчик должен был обойти его».

⁴⁶ Ducrey P. Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique. P., 1968. P. 26. Сомнения на этот счет А. Бильман (Op. cit. P. 227) неосновательны.

⁴⁷ Ср. Bielman. Op. cit. P. 356.

издателями стк. 12/13: [ἐπὶ τὰν] κομίδαν τοῦ Διονύσου καὶ ἔφοδον δεῖνὰν πο]ιησαμένων κтл. – «когда отправились жители с детьми (и женами на) несение Диониса (и страшный набег) совершили... варвары». Во-первых, как отмечено выше, нет никаких оснований допускать в стк. 12 нарушение силлабического переноса, что, естественно, не исключает вовсе дополняемого в том же смысле, хотя и более проблематичного: τοῦ Διονύσου vel -ακοῦ e.g. ξοάνου vel sim.] – «несение дионисийского изваяния»⁴⁸. Главное в другом: как по оригиналу, так и по эстампажу перед *καπνοῖ* совершенно отчетливо прочитывается *гамма*, а коль скоро ни в одном другом месте нашего текста ассимиляции при столкновении конечного назального с инициальным гортанным соседних слов не наблюдается (стк. 2 – ἐὼν κ[αί, 6 – Παρθ]ένου καί, 10 – κινδ]ύνων καί, 14 – βαρβάρων καί), то в стк. 12 она могла появиться исключительно в префиксе композитного слова, что, учитывая заметные перед *гаммой* кончики усиков *ипсилона*, приводит к однозначному дополнению здесь сущ. σ]υγκομίδαν. Иными словами, жители Херсонеса свободного статуса двинулись вместе с детьми и женами за город не на празднование сельских Дионисий, а всего навсего для сбора урожая на своих клерах⁴⁹.

Широко известно, что разные сорта винограда и прочие плодовые культуры, которые, по преимуществу, выращивались на Гераклеяском полуострове, вызревали не в одно и то же время, что и потребовало от составителя декрета уточнения момента страдной поры, когда херсонеситы отправились с семьями на поля τοῦ Διονύσου [τοῦ μηνός] – «(в месяце) *дионисий*». Как неоднократно справедливо отмечалось в литературе, «последовательность месяцев в большинстве дорийских календарей точно не установлена и месяцы с одинаковыми названиями могут в разных городах приходиться на разное время года, даже не обязательно совпадая по времени с соответствующим праздником»⁵⁰. Поэтому разбираемый документ, окончательно утративший с этой минуты право называться декретом о «несении Диониса», дает, пожалуй, первый надежный календарный репер: месяц *дионисий* скорее всего приходился на август–сентябрь – обычный период уборки урожая⁵¹. Попутно замечу, что ростовцевское дополнение в стк. 13 [δεῖνὰν] выглядит как *bouche trou*; кроме того, в эллинистических документальных актах периоды с разными субъектами, совершавшими неадекватные действия (у нас выраженные через *gen. abs.*), присоединялись друг к другу союзной частицей τε, а не καί.

Сткк. 14–18. Латышевское дополнение [τῶν παροικοῦν]των βαρβάρων бесспорно и подкрепляется Диофантовым декретом⁵²; наречие же παρὰλό[γως] можно слегка модифицировать в прил. παρὰλό[γον], коррелирующее с [ἔφοδον]. Гораздо больше претензий возникает к реконструкции ключевых для всего документа сткк. 15–17, оставленных издателями практически без дополнений. Предложив поначалу с колебаниями восстановление [τὸ ἀγαλ?]μα τὰν εἰς πᾶσα[ν τὰν πόλιν?]⁵³, а затем скромно ограничившись следующими лексемами: καὶ δυ[---]μα τὰν εἰς πᾶσα[ν ---

⁴⁸ Во второй публикации Латышев (К вопросу о культуре... С. 208) коррелировал это со своим восстановлением в стк. 15 [τὸ ἀγαλ?]μα.

⁴⁹ Замечательным образом Латышев (К вопросу о культуре... С. 210), а за ним и Толстой (ук. соч., с. 100, прим. 2), отнесли предполагаемый дионисийский праздник ко времени сбора винограда.

⁵⁰ Соломонок Э.И. // ВДИ. 1976. № 3. С. 140; Pritchett K. Months in Dorian Calendars // AJA. 1946. № 3. P. 358–360; Виноградов Ю.Г. // ВДИ. 1996. № 1. С. 57. Прим. 21.

⁵¹ Если *герай*, действительно, верно определен К. Ханелем как первый месяц календаря родственного Херсонесу Византия, то год начинался там, скорее всего, не с осеннего, как думал автор (Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934. S. 190–194), но – подобно милетским колониям – с весеннего равноденствия, тогда херсонесский *дионисий* точно попадал на август–сентябрь.

⁵² IOSPE I² 352.9 – τοὺς παροικοῦντας ταύρους. В договоре с Фарнаком, как и в Полиеновом анекдоте об Амаге, употреблен схожий, но не подходящий для нашего случая термин: IOSPE I² 402.14 – οἱ παρακεῖμενοι βάρβαροι; Polyaeus VIII. 56 – τῶν παρακεῖμενων Σκυθῶν.

⁵³ Латышев. К вопросу о культуре... С. 208; дополнение весьма проблематично, поскольку первое τὰν повисает в воздухе, не обретая своего коррелата в существительном.

ἐλεῖ ἰσθέραι[ν ...], editor princeps так пояснил свою сдержанность: Ceterum hos versus certo restituere (et maxime quidem vv. 15 et 16) admodum est difficile, dimidia fere textus parte deperdita (IOSPE I². P. 288). Между тем, внимательнейшее изучение как не тронутого временем в правом нижнем углу мрамора, так и эстампажа, позволило отчетливо разобрать в стк. 15 перед μα сначала четко сохранившееся ρο, а перед ним верхний уголок, который мог принадлежать только *альфе*, и сверху перед нею чуть апицированный кончик горизонтали, что в совокупности не оставляет иных вариантов дополнения кроме Σαρματῶν!

На смену Геродотовым Σαυρομάται этноним Σαρμάται приходит уже в IV в. до н.э., впервые, кажется, появляясь у Эфора и Феофраста⁵⁴. Уже в Диофантово время его употребляют херсонесские анналисты: согласно меткому наблюдению Ростовцева, в первой сохранившейся строке фрагментированного декрета о борьбе за Калос Лимен IOSPE I² 353 следует дополнять Σκύθας καὶ Σαυρομάτας⁵⁵, однако едва заметный наклон вправо крайней и легкий сдвиг влево предпоследней гасты заставляет внести корректив – Σαρμ[ά]τας, что, впрочем, уже незадолго до того предлагалось и самим экзегетом⁵⁶. Все сказанное и позволило редактору раннеэллинистического декрета назвать задонских соседей скифов сарматами, а не савроматами.

Итак, остается решить три основных вопроса, напрашивающихся в итоге критического пересмотра документа: 1) кто конкретно мог скрываться под расплывчатым определением «соседние варвары» (τῶν παροικούντων βαρβάρων); 2) какое именно злодеяние умыслили они против свободных жителей Херсонеса; 3) в какой связи появились в тексте декрета сарматы.

Сравнивая словоупотребление нашей псефизмы, с одной стороны, с фразеологией Диофантова декрета и Полиена, а с другой – с договором с Фарнаком (см. прим. 52), уверенно можно прийти к выводу о том, что под [οἱ παροικούν]τες βάρβαροι редактор документа имел в виду не моноэтническое племя, но как минимум две варварских народности, враждебно соседившие в раннем III в. с Херсонесом⁵⁷. Поскольку сарматы явно противопоставлены им в следующем периоде фазы, то в окружавших полис варварах скорее всего следует распознавать прежде всего его непосредственных соседей – тавров, известных, по единодушному признанию источников, как дикие и агрессивные пираты⁵⁸, так и запертых сарматами на Крымском полуострове наследников Великой Скифии, ожесточивших свои набеги по первоначалу на дальнюю хору Херсонеса на Тарханкуте как раз в первой трети III в.⁵⁹ Сатархов следует, видимо,

⁵⁴ FGtH 70 F 159 (Anon. PPEuh. 49. 6 = Ps. Skymn. 877 Diller); Theohpr. Fr. 172 (= SC. C. 90, 388).

⁵⁵ Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сб. ст. в честь гр. П.С. Уваровой. М., 1916. С. 6. В документе римского времени IOSPE I² 369.7 в Σαυρομάται P.X. Лёпер распознавал имя боспорского царя Савромата, к чему склонялся и Латышев. Однако Ростовцев (с. 14), дополнив впереди [Σκυθῶν] καὶ Σαυρομάτῶν, увидел в нем не антропоним, но этноним, ставший уже к тому времени архаично-литературным анахронизмом.

⁵⁶ Он же. Сириск... С. 160.

⁵⁷ Тем не менее Ростовцев (Амага и Тиргатао. С. 63. Прим. 1) уверенно полагал, что «декрет... содержит, по всей видимости, изложение одного из случаев чудесного избавления Херсонеса от набега скифов при помощи богини Девы. К сожалению, – оговаривается он, – мы не знаем, скифы ли или тавры упоминаемые в надписи παροικούντες βάρβαροι. Если правильно первое, то начало напора скифов на Таврический полуостров приводит отнестись еще к III в. до P.X.».

⁵⁸ Herod. IV. 103; Strabo. VII. 4. 2; Diod. IV. 43. 5; Pomp. Mela. II. 11; Sall. in: Schol. ad Juven. Satur. 15, 115; Ann. Marc. XXII. 8. 33; Anon. PPE. 79. О том же может косвенно свидетельствовать для позднеэллинистического и раннеимператорского времени интерпретация находок в таврском святилище на Гурзуфском седле: Novičenkova N., Novičenkov V. Das Heiligtum auf dem Paß Gurzufskoe Sedlo // Gold der Steppe. Ausstellungskatalog. Schleswig, 1991. S. 168; Новиченкова Н.Г. Святилище Крымской яйлы // ВДИ. 1994. № 2. С. 84; eadem. The Sanctuary of the Crimean Yaila // Ancient Civilizations. 1996. 3, 2–3. P. 214 f.

⁵⁹ См., например: Виноградов, Щеглов. Образование территориального Херсонесского государства. С. 362.

все же исключить, так как они появляются в поле зрения литературных и эпиграфических источников не ранее середины II в. до н.э.⁶⁰

Ничуть не более сложно разрешается и загадка о том, какова же была по своей сущности акция напавших на херсонеситов варваров. Коль скоро прежнее прочтение κομιδᾶν τοῦ Διονυσίου мною предложено исправить на στυκομιδᾶν τοῦ Διονυσίου (μυρίδας), то следует согласиться с тем, что мероприятие херсонеситов составила не религиозная процессия в честь Диониса за черту города, которая могла и должна была в тревожной обстановке эскортироваться военным отрядом херсонесского ополчения⁶¹, но сезонный выход жителей на поля для сбора урожая. Тогда не остается иного, как признать, что нападение на граждан и неграждан⁶² Херсонеса со стороны окрестных варваров было ни чем иным, как пиратским набегом с целью захвата σώματα ἐλεύθερα и последующей продажи их в рабство. Это весьма правдоподобное заключение неизбежно наталкивает на путь поиска аналогичных ситуаций, спровоцированных пиратской практикой и тактикой, которые достаточно подробно освещены как античными письменными источниками, так и в современной научной литературе⁶³.

Античности известны две формы пиратства – сухопутное и морское, причем второе заключалось не только в захвате добычи на море, но и в нападении разбойников с целью грабежа на сушу. Неоднократно подчеркивалось, что основной целью пиратов эллинистического периода была охота за людьми с целью превратить их в товар, т.е. предложить родственникам за выкуп либо продать их в рабство⁶⁴, что полностью соответствует сути варварской акции, предпринятой в окрестностях Херсонеса. Одну из излюбленных тактик пиратов наиболее красочно обрисовал декрет Айгиалы на Аморгосе конца III в. до н.э.⁶⁵, соответствующие строки (4–28) которого нелишне привести в переводе in extenso: «Поскольку, когда пираты напали ночью на хору, захватив в плен девиц и женщин и других лиц, свободных и рабов (σωμάτων καὶ ἐλευθέρων καὶ δούλων), всего числом более тридцати, они порубили корабли в гавани и завладели судном Дориея, на котором отбыли, имея при себе и людей и все прочее захваченное. Когда же это случилось, Гегесипп и Антипапп, сыновья Гегесистрата и сами пленники (αἰχμάλωτοι), уговорили главаря пливших пиратов Соклейда освободить лиц свободного состояния (τά τ' ἐλεύθερα σώματα) и некоторых из вольноотпу-

⁶⁰ IOSPE I² 672; об этой надписи со ссылкой на предыдущие издания см. *Виноградов*. Политическая история... С. 243 сл. Прочие источники по сатархам сведены и проанализированы Ю.М. Десятчиковым (Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144).

⁶¹ Ср. аналогичную – уже сопоставленную в этой связи Толстым (ук. соч., с. 100) – ситуацию, обрисованную ольвийским декретом в честь Никерата Папиева IOSPE I² 34. 13–20, который, кстати, своей строкой 16 оправдывает дополнение Латышевым херсонесского декрета в стк. 13, так как там сообщается οὐτῆρι τῶν πολεμικῶν καὶ βαρβάρων ἔφοδον.

⁶² Следует в этой связи обратить внимание на терминологию документа: его редактор определил термин σώματα не прилагательным πολιτικά, обозначающим граждан, но – ἐλεύθερα, имея в виду просто лиц свободного статуса, в число которых следует, видимо, включить и наемных рабочих, рекрутировавшихся, как известно, в страдную пору для уборки урожая. Отсутствие в этом контексте упоминания о рабах не может служить основанием для вывода о том, что они не эксплуатировались в сельском хозяйстве Херсонеса.

⁶³ Основные работы: *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. L., 1924; *Ziebarth E.* Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929; *Ленцман Я.А.* К вопросу об источниках эллинистического пиратства // ВДИ. 1946. № 4. С. 219–228; *Трофимова М.К.* Эллинистическое пиратство // ВДИ. 1963. № 4. С. 53–79; она же. Пиратство в Восточном Причерноморье в III в. до н.э. // *Зельин К.К., Трофимова М.К.* Формы зависимости в Восточном Причерноморье эллинистического периода. М., 1969. С. 188–240; *Брашинский И.Б.* Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3. С. 124–133. Ср. *Quaß F.* Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens. Stuttgart, 1993. S. 112–116. Дополнив в IOSPE I² 343.13 перед [ἔφοδον] ἐπεμπλήσθη, Ростовцев в позднейшей работе (Ἐπιφανειαί. S. 204) уже вполне уверенно утверждает, что «сообщается о великом вторжении варваров, о великой угрожающей жителям города опасности».

⁶⁴ См., к примеру: *Трофимова*. Из Истории... С. 57–59.

⁶⁵ IG XII 7, 386 = Syll.³ 521 = *Bielman*. 38.

щенников и рабов, а взамен того предложили себя в заложники, выказав всяческую заботу, дабы никто из гражданок и граждан не был ни уведен как добыча, ни вывезен на продажу (πρᾶξις), ни очутился бы страдающим и бедствующим и не было бы убито ни одно лицо гражданского состояния (σῶμα πολιτικόν), но чтобы благодаря им пленники были спасены и возвращены домой».

Этот и многочисленные аналогичные ему эпиграфические документы⁶⁶, равно как и литературные свидетельства однозначно показывают, что, во-первых, судя по всем доступным нам свидетельствам, пираты никогда не нападали на защищенные стенами города, но лишь на их жителей, вышедших extra muros⁶⁷, а во-вторых, после успешного пиратского налета, заканчивавшегося уводом жителей какой-нибудь области, бригады стремились продать их на каком-нибудь внешнем рабском рынке – на Крите, Делосе и т.п., что полностью повторяло такую же практику и в отношении военнопленных⁶⁸. Поэтому нет никакого сомнения в том, что и окрестные варвары, напавшие на снимавших урожай на своих клерах херсонеситов, должны были попытаться возможно скорее сбыть их куда-нибудь на сторону, а не то херсонесское воинство постаралось бы их освободить, наказав виновных.

Еще более близкую по времени и сезонной ситуации картину рисует рамнунтский декрет времени Хремонидовой войны в честь аттического стратега Эпихара, поставленного на защиту приморской хоры (τάξαντος ἐπὶ τὴν χώραν τὴν παραλίαν)⁶⁹, чьей первой задачей было обеспечить безопасность аттических земледельцев во время сбора урожая и тем самым беспрепятственное хлебоснабжение Афин, когда большую часть Аттики топтал сапог Антигоновых солдат. Рядом оборонно-строительных мероприятий Эпихар сумел обеспечить безопасность крестьян в приморской зоне и доставить в Афины урожай зерновых, плодовых культур и винограда⁷⁰. Одной из особо интересующих нас акций чествуемого стратега явилось финансовое соглашение с нападавшими на земледельцев пиратами, вероятно, состоявшими на службе Антигона, о выкупе каждого захваченного в плен лица за 120 драхм. Документ сообщает еще одну любопытную подробность: пиратов наводили на их жертв какие-то люди из города (δῆμιος ἐκ τῆς πόλεως, т.е. Афин) – «сталкеры» (τοῦς κλαθηγομένους), в которых, по остроумной гипотезе Х. Хайнена⁷¹, следует подозревать антипатриотическую «пятую колонну», получившую от Эпихара заслуженное их деяниями возмездие – смертную казнь. Едва ли можно сомневаться в том, что как в случае с неким захваченным пиратами во время борьбы Антигона с Александром Коринфским и проданным ими неприятелям саламинянином⁷², так и в только что разобранным, морские

⁶⁶ *Bielman*. 5. 18, 21, 22–26, 28, 29, 31, 32, 38, 40, 45, 49–52 (декреты о пиратах).

⁶⁷ Поэтому следует признать рискованным утверждение Брашинского (ук. соч. с. 127) о том, что морские разбойники «совершали набеги и на прибрежные местности и даже города». Упомянутое Плинием Старшим (VI. 5. 16) разграбление гениохами Питиунта следует, безусловно, квалифицировать как военную акцию.

⁶⁸ Ср. *Bielman*. 25: захваченный пиратами саламинянин был вывезен с острова и передан неприятелю; № 29: плененные разбойниками эретрийцы проданы в Акарнанию; № 31: пират Букрис, совершивший набег на хору Аттики, увез на Крит многих граждан и других жителей Афин; № 46: два плененных во время войны или в результате пиратского набега халкидянина были проданы в рабство в лежавшем неподалеку на материке Антедоне.

⁶⁹ *Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jhs v. Chr.* Wiesbaden, 1972. S. 152–159 = *Bielman*. 24 (264/3 г.).

⁷⁰ Абсолютно аналогичную ситуацию с использованием той же, что и в херсонесской псефизме, терминологии описывают строки 23–27 декрета в честь Каллия из Сфетта: ἔξαγαγὼν εἰς τὴν χώραν τοὺς στρατιώτας τοὺς μεθ' αὐτοῦ προεκάθητο τῆς τοῦ σίτου συσκομιδῆς ἢ πᾶσαν ποιοῦμενος σπουδῆν ὅπως ἂν εἰς τὴν πόλιν σῆτος εἰσκομισθεῖ. См. *Shear T.L. Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 B.C.* / *Hesperia Suppl.* XVII. 1978. P. 2 f.; в комментарии (P. 20 f.) автор дает исправное восстановление аналогичного пассажа в декрете в честь Зенона IG. II², 650. 16–19: ἐπιμελεῖται δὲ [τῆς συσκομιδῆς τοῦ] σίτου τῷ δῆμῳ ὅπως ἂν ἀσφαλῆσται εἰσκομίζηται. Досье приведенных документов бесспорно показывает, что ситуация с военной или пиратской угрозой в момент сбора урожая была типической.

⁷¹ *Heinen*. Op. cit. S. 157.

⁷² IG II² 1225 = Syll.³ 454 = *Bielman*. 25. 12–18. Ср. *Трофимова*. Из истории... С. 59.

разбойники замыслили сбыть плененных рамнунтцев прежде всего македонскому врагу Афин. Вышеприведенные примеры доказывают справедливость заключения, «что при всей настойчивости, с которой пираты в своих вылазках преследовали именно людей, последние интересовали пиратов, в первую очередь, не сами по себе, не как рабы, которых можно использовать в собственном хозяйстве, но как добыча, которую легко можно реализовать на рынке»⁷³.

Возвращаясь вновь к херсонесской псефизме, следует прежде всего заметить, что с предполагаемым злым умыслом окрестных варварских пиратов, задумавших пленить херсонеситов и продать их в рабство куда-нибудь подальше, на сторону, хорошо согласуются остатки букв последней строки, где после вертикали отчетливо как по оригиналу, так и по эстампажу можно разобрать слог ΠΡΗ, который логично дополнить в inf. aor. pass от πέριημι – πρῆθηται. Значение термина точно установлено в замечательном исследовании П. Шантрена: не просто «продавать», но «выставлять, вывозить на продажу», очень часто применительно именно к вывозу рабов на чужбину⁷⁴.

Для ответа на последний из поставленных вопросов: в какой связи упомянуты в нашем документе сарматы, необходимо разобрать все имевшиеся в арсенале варварских пиратов возможности реализации их будущей добычи. О рискованности длительного содержания пленников у себя дома, к примеру, в горах, предгорьях или на степном пространстве Крыма уже сказано выше. Даже если тавры, в отличие от не располагавших в то время флотом скифов совершали свои морские набеги на быстроходных, но довольно утлых камарах, трудно себе представить, чтобы они отважились пересечь на них с живым грузом открытое море в долготном либо широтном направлении, сбыв плененных херсонеситов где-нибудь на Левом или Южном Понте⁷⁵. В соседних же греческих государствах Северного Причерноморья им и вовсе не удалось бы довершить свой замысел по следующим объективным причинам. Изданный всего немногими годами спустя декрет в честь херсонесского историка Сирикса дважды свидетельствует *expressis verbis* об «установившихся дружеских отношениях с царями Боспора и полисами»⁷⁶, что так и напрашивается увязать с одинаково опасной для всего северопонтийского эллинизма варварской угрозой⁷⁷. Возможность заключения Херсонесом в III в. союза с Ольвийским полисом уже отмечалась в литературе⁷⁸, о позиции же Боспора в этом отношении красноречиво свидетельствуют предпри-

⁷³ Трофимова. Из истории... С. 73 сл.

⁷⁴ Chantraine P. Conjugation et histoire des verbes signifiant vendre (πέριημι, πωλέω, ἀποδίδομαι, ἐμπολάω) // Rev. Phil. 1940. XIV. P. 11–17. Ср. дополнение того же глаг. (ἀποπε)ράσσει в сткк. 4/5 готовящегося мною к публикации закона IV в. до н.э. из Абдер о рекламации живого товара, включая рабов, со скрытыми физическими изъянами (Feyel M. // BCH. 1942–1943. 66–67. P. 180–188. № 2).

⁷⁵ Исходя из сопоставления пассажей Страбона (VII. 4. 2), сообщающего о том, что «тавры собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда [т.е. в гавань Символон лимен, Балаклавскую бухту] бегством», и Диодора (XX. 25. 2), Трофимова (Пиратство в Восточном Средиземноморье. С. 209 сл.) приходит к выводу, «что разбой у тавров еще не был связан с торговлей, захват пленных не преследовал целей работорговли». Тем не менее не следует сбрасывать со счетов, во-первых, обрывочность наших свидетельств о таврском пиратстве, во-вторых, тот факт, что в разбираемой акции тавры выступают не в одиночку, но сообща, скорее всего с крымскими скифами, и, в-третьих, учитывая подмеченную рядом авторов неразвитость у тавров товарно-денежных отношений, что сделка их с контрагентами могла состояться и в натуральной форме – в обмен на лошадей, скот и т.п. Неполный ассортимент продуктов, вывозившихся от донских племен, находим у Страбона (XI. 2. 3).

⁷⁶ IOSPE I² 344.4–7: τὰ ποτὶ τοὺς Βοσπ[ό]ρου βασιλεῖς... τὰ [θ'] ὑπάρξαντα φιλιάνθρωπα ποτὶ τὰς πόλεις; 17–19: τὰ ποτὶ τὰς [πόλεις καὶ τοὺς] βασιλεῖς ὑπάρξαντα φιλιάνθρωπα. О величании поздних Спартокидов начиная со Спартока III титулом βασιλεῖς см. Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Bd II. Stuttgart, 1993. S. 83, с моим критическим комментарием (S. 139. Anm. 12).

⁷⁷ Ср. Ростовцев. Сирикс... С. 157; в этой статье автор разумел под союзными полисами «прежде всего Гераклею, а затем другие сильные города Черноморского побережья», и еще позже (Ἐπιφάνεια. S. 204) – «метрополию и другие города южного берега Понта Евксинского».

⁷⁸ См. Леви Е.И. // ВДИ. 1953. № 1. С. 181; Виноградов. Политическая история... С. 185 сл.

нятые за четверть века до этого акции Евмела (309–304), который, «развернув в интересах плавающих на Понте борьбу против занимавшихся разбоем варваров – гениохов и тавров, а также ахеев, очистил море от пиратов... купцы повсюду разнесли молву о его великодушии» (Diod. XX. 25. 2)⁷⁹. Совершенно очевидно, что в такой политической ситуации попытка варваров продать в рабство херсонесских пленников в Ольвию, Тиру или один из городов Боспора заведомо была обречена на провал, и им пришлось бы искать иной рынок сбыта, который, как мне представляется, и был ими найден, однако совсем в другой стороне.

Для выяснения содержания заключенного в сткк. 14–17 пассажа мы располагаем следующими критериями: 1) присоединяющий его союз καί указывает на то, что у этого предложения с предыдущим либо одно и то же подлежащее – «окрестные варвары», либо действия разных субъектов стали одинаково опасными для херсонеситов⁸⁰; 2) буквы δυ- в стк. 14 могли начинать либо причастие от глагола δύναμαι, либо такие однокоренные существительные, как δυναστῆς, δύναμις; 3) εἰς πάσαν в стк. 15 может указывать на продвижение по всей территории некой страны или области либо попадание в какое-то состояние. Если предположить вариант с причастным сказуемым [δυνήθηντων], т.е. если пиратам удалось войти в контакт с сарматами с какой-то конкретной целью, например, дабы уговорить их на что-то, заключить с ними союз и т.п., то в лакуне стк. 15 остается слишком мало мест (около 9) для надлежащего дополнения, а кроме того, с этим плохо согласовывался бы γεν. Σαρματῶν (ожидать собирательного sing. «Сармат» в подобном протокольном документе совсем мало шансов). Остаются, казалось бы, лишь два варианта дополнения и экзегезы – в формально-смысловом отношении примерно равнозначные: 1) δυνάσταν/τας πεισάντων τὸν/τοὺς] Σαρματῶν εἰς πάσα[ν e.g. Ταυρικὰν ἐμβαλεῖν] – «окрестные варвары (убедили) династа/-тов сарматов (вторгнуться) во всю (Таврику?)», 2) δύναμιν προτιθομένων? τὰν] Σαρματῶν κτλ. – «(заранее разузнав?), что войско сарматов (вторглось...)».

Первый вариант экзегетической реконструкции наталкивается на следующие трудно преодолимые барьеры. Во-первых, ни один античный автор, как и ни один эпиграфический документ не именует предводителей сарматов династами: наиболее легализованными потестарными терминами у них были либо «цари» (βασιλεῖς) либо «скептухи» (σκηπτοῦχοι)⁸¹. Во-вторых, согласно нашему предположению, в состав пиратствующих в окрестностях Херсонеса банд входили и скифы, недавно изгнанные со своей родины именно сарматами, а потому едва ли имевшие какое-либо право и тем более желание заключать с ними союз или подавать им дельные советы.

Сколь привлекательным ни выглядел бы второй вариант реконструкции, он также наталкивается на непреодолимое препятствие: просмотр десятков и десятков литературных и эпиграфических свидетельств не обнаружил ни одного случая, когда глаголы εἰσ/ἐμβαλεῖν + εἰς et sim. получили бы к топонимическому дополнению (Ἄσσαν, Μακροδοίαν, Σκυθίαν etc.) определение πάσαν, что явно противоречило бы в данной грамматической позиции здравому смыслу, ибо «всю Скифию» можно было покорить⁸², но не вторгнуться на всю ее территорию.

Все высказанные сомнения натаскивают на иную версию интерпретации и восстановления текста. Дерзнувшие предпринять пиратский набег окрестные варвары явно воспользовались благоприятностью случая – то бишь беззащитностью херсонесских

⁷⁹ Брашинский (ук. соч., с. 129) полагает даже, «что боспорский царь нанес таврским пиратам сокрушительный удар, который надолго, если и не прекратил полностью, то во всяком случае существенно ослабил их разбойничью деятельность».

⁸⁰ Для подобного копулятивного узуса ср. IOSPE I² 32A. 24–26, 45–48, 52–53, 59–61; B. 79–83: τῶν δ' ἐν τῆι πόλει κακῶς διακειμένων πάντων διὰ τε τοὺς πολέμους καὶ τὰς ἀφορίας καὶ τῶν ὑπαρχόντων εἰς τὸ [μη]θὲν ἤκόντων.

⁸¹ См., к примеру: *Polyaen.* VIII, 56: βασιλέως Σαρματῶν; IOSPE I² 32A.42: σκηπτοῦχοι... τῶι βασιλεῖ, скорее всего в отношении сарматских правителей; *Tac. Ann.* VI. 33. 2: scerptuchi.

⁸² Ср. Syll.³ 326. 22–24: Ἀλεξάνδρωι...] πάσαν τὴν Ἄσσαν... καταστρεψαμένων.

земледельцев – в преддверии очередного вторжения сарматов (δυνάμεος εἰσβαλοῦσα⁸³ τᾶς] Σαρματᾶν) в южнорусские степи, которое кочевники обычно совершали ранней зимой⁸⁴, что подвергало херсонеситов всяческой опасности (εἰς πᾶσαν περίστασιν⁸⁵ vel συμφορὰν ἐμπερόντα^{86?} σώματα τὰ ἐλεύθερα): с одной стороны, быть захваченными в плен, а с другой – проданными далеко на чужбину в рабство. Действительно, если напавшие на жителей Херсонеса варвары имели намерение, как это следует из стк. 17, вывезти их на продажу (πρῆθῆναι), то лучшего чем сарматы контрагента им вряд ли было сыскать: безусловно осведомленные о регулярности сарматских грабительских вторжений, они, переправив пленников за Перекоп, не только получили бы реальную прибыль, но и надежно запрятали бы концы своего злодеяния, ибо, совершив очередной набег, сарматы какое-то время спустя должны были снова откочевать за Дон.

На этом оптимальном, с моей точки зрения, варианте реконструкции конкретных событий и основано приводимое ниже восстановление строк 14–17 декрета. К фразеологии восстановленного блока отыскиваются соответствующие параллели в эпиграфике и у авторов. Термин δύναμις обычен для обозначения войска, варварских полчищ (ср. аналогичную ситуацию в Протогеновском декрете IOSPE I² 32B. 5–7: Γαλάτας καὶ Σκίρους πεποιῆσθαι συμμαχίαν καὶ δύναμιν συνῆχθαι μεγάλην), а εἰσβάλλω – для вторжения в чужую страну (ср. ISM I, 15. 25 sq.; IGBR I² 388. 6 cum согг.). После троекратно раз за разом повторенного оборота gen. abs. редактор псефизмы в данном месте просто обязан был перейти на личную форму сказуемого, для которого, однако, во избежание альтернативной путаницы (nomina agenta – окрестные варвары или сарматы?) он избрал субъектом самих подвергшихся опасности σώματα ἐλεύθερα, чем и продиктовано дополнение здесь глаг. κινδυνεύω, коррелирующего со стк. 10. Постоянный в подобных контекстах глаг. αἰρέω – «захватывать в плен» исследован П. Дюкреем и А. Бильман⁸⁷.

После предпринятого анализа, подкрепленного параллелями, можно, наконец, привести восстановленный текст и перевод всего документа:

Ed. princ.: *Латышев В.В.*¹ // ИАК. 1906. 18. С. 114. № 23; *он же*². К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сб. ст. в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1913 (1914). С. 206–211; *Latyshev*³. IOSPE I² 343. P. 287 sq.

⁸³ Для abs. εἰσβάλλω без указания объекта нападения ср. *Herod.* I. 17. 3; 104. 2; IV. 3. 2 etc.; *Polyb.* V. 68. 1.

⁸⁴ На это удачно обратил наше внимание С.А. Яценко. Ситуация сложилась целиком аналогичная описанной в Протогеновском декрете (IOSPE I² 32 B. 5–6): «Перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большое войско, которое, как они сообщали, явится (ἦξειν) этой зимой». На основании данной аналогии я и восстанавливаю part. fut. ἐμβαλοῦσας с финальным значением: «собиралось, готовилось».

⁸⁵ Для περίστασις в значении угрожающей ситуации см. *Виноградов Ю.Г.* // ВДИ. 1996. № 1. С. 51 и прим. 13 (со свидетельствами, включая херсонесские). По своей семантике этот термин ближе всего стоит к καιρός, который в «пессимистическом» смысле (*Robert J. et L. Fouilles d'Amuzon en Carie. P.*, 1983. P. 238) выступает в неразлучной паре с тем же прил.: ἐν παντὶ καιρῶι, ἐν καιροῖς πᾶσι. В сочетании с другими глаголами риска см. IGBR I² 13. 38/39: καθόλου δὲ κατὰ πᾶσ(α)ν περίστασιν κλειρῶν... παραβάλλομενος; *Polyb.* IV. 45. 10: εἰ πᾶν ἦλθον περιστάσεως; или аналогичное ISM I. 8. 8/9: πάντα κίνδυνον ὑπομείναντες.

⁸⁶ ἐπιπίπτω буквально означает «впадать в болезненное состояние и любую иную опасность» (*Robert J. et L. Op. cit.* P. 207); ср. SEG XXVII. 513. 7–9: πολλοὺς τε τῶν πολιτῶν εἰς μεγάλας ἀρωστίας ἐμπερόντας καὶ κινδύνους τοὺς ἐσχάτους; Choix 14.15: εἰς ἐπικινδύνους ἐμπερόντας διαθέσεις.

⁸⁷ *Ducrey.* Op. cit. P. 16–20, 36–39; *Bielman.* P. 355, s. vv. Довольно примеров сочетания κινδυνεύω + inf. ἀπολέσθαι, διαφθαρεῖναι, ἀποναεῖν etc. отыскивается у LSJ. Act. этого глагола отнюдь не должен был, по утверждению Роберов (*Bull. ép.* 1973, 287), непременно означать в эллинистическом койне «сражаться, combattere»: истрийцы, например, вернувшись после гетского разгрома с женами и детьми (!) к развалинам стен родного города, снова стали подвергаться угрозе варварских набегов (Syll.³ 708 = ISM I. 54. 8/9: κινδυνεύοντων πάλιν τῶν πολειτῶν μίετᾶ γυναικῶν καὶ τέκνων). С другой стороны, наверняка осведомленные о беспоконной обстановке в окрестностях города херсонеситы, выходя за городской ворота, сознательно (act.) шли на риск.

Ср. *Ростовцев*. Сириск... С. 155 сл.; *idem*. Ἐπιφάνεια. S. 204–206; *Толстой*. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. С. 99. Прим. 1; *Соломоник*. Каменная летопись Херсонеса. С. 12. № 3. Рис. 3. (перевод и фото с эстампажа).

	Ἡρακλείδας Παρμένοντος ἐπὶ τὰς διοικήσε[ος]	(37)
	ἔων κ[αὶ νομοφύλακες Πολύστρατος Κλε[μυ]	(32)
	τᾶδα?, [Ἀπολλωνίδας? Δαμοκλεῖτος, Ἡρώδα[ς]	(32)
	[τοῦ δεῖνος] καὶ ταμίας Βάβων Ἀθανα[ίου]	(22+)
5	εἶπαν· ὅπως ἂν καλῶς ἔχη τοῖς πολίταις τὰ	(33)
	ἡερά? τὰ ποτὶ Παρθένον καὶ τὰς γενομένας	(33)
	[σωτηρίας διὰ θεὰν τὰν ἐνδεχομένηαν ὁ δᾶ-	(32)
	[μος ἀποδιδούς ἀξί]αν αὐταῖ φαίνηται χάριν	(35)
	[πρότερόν τε ἤδη πολλὰκι σωθεῖς δι' αὐτὰν	(33)
10	ἔκ τῶν μεγίστων κινδύνων καὶ νῦν ἐκπεπο-	(33)
	[ρευμένων σωμάτων ἐλελυθέρων μετὰ τέκνων	(34)
	[καὶ γυναικῶν ἐπὶ συγκομιδὰν τοῦ Διονυσί-	(34)
	[ου μηνὸς ἔφοδόν τε πρῆρισσάμενων παράλο-	(32)
	[γον τῶν παροικούντων βαρβάρων καὶ δυ-	(31)
15	νάμεος εἰσβαλοῦσας? τὰς] Σαρματῶν εἰς πάσα[ν]	(36)
	[περίστασιν ἐμπεσόντα? σώματα τὰ ἐ]λελυθερα	(35)
	[ἔκινδυνευσεν ἄλόντα ὑπὸ τῶν βαρβάρων(?) πρη-	(35)
	[θῆναι εἰς Σαρματίαν? κτλ.]	

2/3. Κλε... ||ς – Lat. || 4. ταμίας Βάβων Ἀθανα[ίου – Lat. || 5. καλῶς – Lat. || 6. περὶ τὰν θεὰν Παρθένον – Lat.^{2,3} || 7. [βοηθείας] – Lat.², Rost., [δι' αὐτὰν σωτηρίας] – Rost., Lat.³ || 7/8. δᾶ[μος ὁ Χερσονασιτᾶν] – Lat.^{2,3} || 9. [ἀποδιδούς, πρότερόν τε] – Lat.², Rost.; [ἀποδιδούς: πανδημεῖ (?) – Lat.³, [ἀποδιδούς, καὶ πάλα] (?) – Tol. || 10. [ἐκ τῶν μεγίστων κινδύνων, καὶ νῦν ἐκπεπο[ρευμένων τῶν οἰκητῶρων – Lat.^{2,3} || 12–14. [καὶ γυναικῶν ἐπὶ τὰν] κομιδὰν τοῦ Διούσι[ου καὶ ἔφοδον δεινὰν (Rost.) πολιτῶσάμενων παραλό[γως τῶν παροικούντων]ν βαρβάρων – Lat.³. || 15–16. τὸ ἄγαλ[μα τὰν εἰς πᾶσαιν τὰν πόλιν?] – Lat.² || 15–17 ...μα τὰν εἰς πᾶσα [ν --- ἐλελυθέρων] || ν – Lat.^{1,3}.

Перевод. Гераклид, сын Парменонта, стоящий во главе управления, и номофилаки Полистрат, сын Клемитада (?), Аполлонид (?), сын Дамоклея, Герод (сын *такого-то*), и казначей Бабон, сын Афинейя, (внесли предложение. С тем, чтобы прекрасно) были устроены у граждан (священнодействия [?] в честь) Девы, и за свое (спасение), случившееся (благодаря) принимающей на себя *заботу* (богине), народ явно (воздавал) ей (достойной) благодарностью, (и прежде уже) часто будучи ею спасаем (из величайших) опасностей, и теперь, когда (лица) свободного состояния отправились вместе с детьми (и женами для) уборки урожая (в месяц) дионисий, поскольку неожиданно устроили (набег соседние) варвары, и (готовилось вторжение [?]) полчищ сарматов, (так что ввергнутые во всяческие опасности [?]) свободные (лица) рисковали, будучи захвачены теми же самими варварами (?), быть вывезенными на продажу (в Сарматии [?]...).

Нетрудно догадаться, «что в дальнейшем излагалось какое-то чудесное явление богини, ее божественное вмешательство (ἐπιφάνεια), результатом которого [на деле, разумеется, вследствие решительных действий херсонеситов. – Ю.В.] было чудесное спасение народа. Как вывод отсюда, предлагается создать нечто, что должно было особенным образом почтить богиню-спасительницу, богиню-предстательницу»⁸⁸, в честь которой и был издан декрет.

⁸⁸ *Ростовцев*. Сириск... С. 156.

Настало время подвести общие итоги пересмотру текста изучаемого документа:

1. Около 280 г. до н.э. сельское хозяйство в ближайшей округе Херсонеса – на Гераклейском полуострове – функционировало в обычном своем нормальном режиме, коль скоро жители города с женами и детьми, судя по всему, без охраны потянулись для сбора урожая на свои участки.

2. Напавшие на безоружных херсонесских земледельцев окрестные варвары составили собой полиэтничную группу, по всей видимости, тавров и скифов, куда явно не входили противопоставленные им сарматы.

3. Судя по тональности воссозданного контекста, вторжение сарматов правомернее расценивать не как первый, но скорее как очередной набег номадов, вряд ли преодолевших Таврической перешеек, поэтому едва ли следует увязывать его с сообщением Диодора о тотальном опустошении Скифии.

Перечисленные заключения позволяют восстановить следующий ход исторических событий. На рубеже IV–III или в самом начале III в. перешедший Танаис сарматские орды огнем и мечом прошли по степям Южной России, положив конец Великой Скифии и вытеснив большинство ее населения с исконной территории обитания в пределы Таврики и Нижнего Поднепровья, где оно вскоре консолидируется в новое образование, получившее у античных географов в ностальгической антитезе к бывшему величию хозяев обширной степной зоны наименование Малой Скифии (Strabo. VII. 4. 5)⁸⁹, которая лишь спустя столетие начала оформляться в государство эллинистического типа со столицей в Неаполе Скифском⁹⁰. Однако *modus agendi* и судьбы обитателей обеих частей Малой Скифии разошлись: в низовьях Днепра скифы очень скоро осели на землю, освоив ряд городищ⁹¹ и проводя миролюбивую политику по отношению к ольвийскому эллинству. Напавшими на Ольвию и опустошившими к середине III в. ее хору агрессорами явились, по всей видимости, одиночные сарматские банды – не исключено, те же тисаматы и савдараты, полстолетия спустя, как и скифы, сами искавшие в страхе перед жестокосердием галатов убежища за городскими стенами (IOSPE I² 32B. 9–11). Нельзя исключить и того, что именно их главарям, эвфемистически титулованным скептухами (A. 42/43) или даже царями⁹²,

⁸⁹ Более детальную хронологию событий помогает установить анализ этого сообщения Страбона, свидетельствующего о том, что прежде того (πρότερον), как более близкие по времени созданию «Географии» боспорские δυνάσται вступили во владение (πραεs. hist. ἔχουσι) всей Таврикой, постоянно терзаемой (πρ. κεκακωμένην) непрекращающимися войнами (этот пассаж коррелирует с указанием в VII. 4. 4 причин передачи власти Митридату последним Перисадам, который: οὐχ ὀδός τε ὦν ἀντέχειν πρὸς τοὺς βαρβάρους), небольшой ее восточной частью владели τῶν Βοσπορίων τύραννοι (как он именуется, по преимуществу, ранних Спартокидов вплоть до кончины и дивинизации Перисада I; см. *Vinogradov Ju.G. // Chiron. 1980. 10. S. 82–84*), большей же частью – до Каркинитского залива и Перекопа – скифское племя тавров, откуда следует *terminus post quem* – конец IV в. *Terminus ante quem* вытекает из излагаемого непосредственно вслед за тем рассказа о переправе оттуда (ἐνθένδε, т.е. из Тавриды и низовьев Борисфена) значительных масс жителей (τὸ πλῆθος) через Днестр и Дунай и об отвоевании ими в борьбе с фракийцами обширной территории в Добрудже, получившей то же название (προσπυρομένη) «Малой Скифии» (ср. *Strabo. VII. 5. 12*) и прделавший при этом в том же примерно ритме тот же, что и ее северопонтийская «метрополия», исторический путь: от компактного расселения к середине III в. конгломерата скифских племен до формирования ими государственного образования на рубеже III–II вв.; подробнее см. *Андрух. Ук. соч. С. 86–95*. Иными словами, анализ пассажа Страбона (VII. 4. 5), восходящего, видимо, к Эратосфену (*Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. ст. в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1915. С. 6–10*), на историческом фоне других источников косвенно выявляет для вытеснения скифов в Крым и северо-западную зону примерно ту же дату – рубеж IV–III вв.

⁹⁰ См. *Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 232–235*,

⁹¹ *Вязьмитина М.И. Городища Нижнего Днепра // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. С. 224*.

⁹² Ср. ольвийский декрет около середины III в., дополнение которого Бёком и Латышевым нуждается в корректировке, IOSPE I² 30. 4–6: αἱ τε κοινὰ πρόσοδοι συμπληθύνονται καὶ τὰ δῶρα λαμβάνουσιν οἱ τῆς χώρας βασιλεῖς – «не только пополняются общественные (доходы, но и получают дары) цари этой страны».

ольвиополиты платили регулярную дань. По всей вероятности, здесь повторился *mutatis mutandis* феномен начала V в.: как и тогда⁹³ усмирить, поставив под свой контроль, шайки на сей раз сарматских грабителей⁹⁴ взялись – естественно, за изрядную мзду – новые могущественные покровители, подобные Саитафарну.

Процесс седентаризации запертых в Крыму скифов, напротив, растянулся на столетие: пытаясь на первых порах хоть как-то восстановить былой военно-экономический потенциал, они усиливают уже в первой трети III в. натиск на херсонесские поселения Тарханкутского полуострова, ряд которых погибает в пожаре и более уже не восстанавливается (см. прим. 59), а затем – примерно с начала третьего десятилетия – самостоятельно ли или в союзе с таврами учащают свои набеги и на виллы Гераклейского полуострова, владельцы и обитатели которых, не в силах обороняться от усиливающегося нажима варваров, покидают свои клеры и укрываются за стенами города. Относительная стабилизация обстановки наступает тут после середины III в., когда усадьбы ближней и дальней хоры вновь возрождаются, будучи на сей раз укреплены противотаранными поясами⁹⁵. На Боспоре этот процесс разворачивался, по-видимому, еще сложнее.

Итак, в итоге критического анализа известного науке вот уже 90 лет декрета мы обрели первое документальное доказательство надежности концепции Ростовцева о гибели Великой Скифии под натиском сарматских орд и незамедлительно последовавшем резком ухудшении взаимоотношений эллинства и варварства, приведшем к обезлюдению хоры античных государств от берегов Тираса до Боспора Киммерийского. Ревизия источников эпиграфических совершенно очевидно и неизбежно должна повлечь за собой критический пересмотр памятников археологических (ср. прим. 3), который я решительно предоставляю специалистам, более искушенным в этой области⁹⁶.

Ю.Г. Виноградов

⁹³ См. Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 94; Виноградов. Политическая история... С. 91.

⁹⁴ Марченко (Третий период... С. 75), напротив, полагает, что экономически ослабленная Ольвия постоянно терроризировалась «мелкими военными отрядами местных варваров из числа оставшихся в живых после сарматского разгрома приднепровских скифов».

⁹⁵ См.: Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. I. Одесса, 1990. С. 84–89; Марченко. Третий период... С. 75.

⁹⁶ Трудно, между тем, устоять перед искушением и не бросить прощальный критический взгляд на новейшую весьма солидную работу А.В. Симоненко, посвященную специально интересующей нас проблеме: *Simonenko A.V. The Problem of the Sarmatian Penetration in the North Pontic Area According to Archaeological Data // Il Mar Nero. 1994. 1. P. 99–134.* Как следует из сопоставления ее заглавия с финальным выводом: «Thus the study of the Early Sarmatian graves in the North Pontic area demonstrates that the occupation of this region by the Sarmatian tribes did not begin before the 2nd century B.C.» (P. 119), автор не проводит существенного различия между проникновением (*penetration*) и овладением (*occupation*) новыми территориями номадами. Как и его коллеги-единомышленники, автор берет за исходную базу данных источники археологические, письменные же свидетельства, анализируемые по переводам, привлекает для подтверждения презумптивно родившейся концепции. Отсюда и проистекают такие казузные выводы, как сделанный относительно нашего ключевого свидетельства: «Текст Диодора не содержит и намек на то, что после "опустошения" и "запустения" большей части Скифии последняя перестала существовать» (P. 103). Между тем, неподвзятый читатель Диодора остается в недоумении, как могло бы продолжиться свое существование население Скифии, поголовно истребленное сарматами (ἀρδρη ἀναρροίτας)! Что же касается существа парадокса «археологического» запустения прежней Великой Скифии и путей его преодоления, то весьма резонный выход из тулика представил не так давно... сам А.В. Симоненко: «Сарматы, базируясь на кочевья Дона, вполне могли совершать нападения на античные города и сельские поселения», укрепив эту присутствующую большинству кочевников модель целым рядом античных и этнографических параллелей (Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 78 сл.). Придя к другому меткому наблюдению: «Отсутствие раннесарматских погребений в Крыму показывает, что он не был зоной кочевания сарматов во II–I вв. до н.э., хотя они вели здесь войну под предводительством Тасия в союзе со скифским царем Палаком в 112–110 гг. до н.э.» (P. 119), автор, удивительным образом, не

THE CHERONESIAN DECREE ON «CARRYING DIONYSOS»
IOSPE I² 343 AND THE SARMATIAN INVASION TO SCYTHIA

Yu.G. Vinogradov

One of the cardinal problems of the Russian antiquity studies in the past two decades had been the question of the time and the reason for the destruction of Great Scythia and intrinsically connected with it depopulation of the chora of the Greek states of the Hellenistic Northern Black Sea region. To replace the deep rooted conception of M.I. Rostovtzeff who considered the Sarmatians who appeared in the Don area in the early 3rd c. B.C. to be responsible for the catastrophe, three new original versions have been put forward of late: 1) Galatian, 2) ecological, 3) economic. None of them are supported by documentary evidence.

The recent revision of the Chersonesian decree IOSPE I² 343 dated on the basis of paleography and prosopography to ca. 280 B.C. undertaken by the author of the article, enabled him to introduce into V.V. Latyshev's reading and interpretation of the decree a number of important corrections, the main of them being the following: the free citizens of Chersonesus set off with their children and wives not to carry sculptures of Dionysos, but to gather in harvest on their holding in the month of Dionysos and, having suffered the piratic assault of the local barbarians, faced the grave threat of being sold as slaves to foreign land, for in the near future hordes of Sarmatians were preparing to make a regular invasion and the marble presented their name.

The historical analysis of the document made on this basis enabled the author to corroborate Rostovtzeff's conception and to reconstruct the process of the military-political destabilization simultaneously occurring in various areas of the Northern Black Sea region in the early 3rd c. B.C.

заметил полного параллелизма – только в меньших масштабах – этой ситуации феномену глобального вакуума в южнорусских степях в III–II вв. Углубившись в историю иранского номадизма, мы столкнемся с аналогичной картиной и в эпоху архаики: на обширных степных просторах Южной Украины на сегодняшний день зафиксировано не более двух десятков сравнительно бедных скифских курганов VII–VI вв., тогда как с конца VI и в V в. их число возрастает в пять раз, а в IV в. и того больше. Резонное объяснение этому феномену усматривают в том, что родовой центр ранней Скифии был расположен в Прикубанье и на Северном Кавказе, откуда номады и совершали свои рейды в степную зону (*Murzin V.Yu., Skory S.A. An Essay of Scythian History // Il Mar Nero. 1994. 1. P. 58. Fig. 8*). Оказывается, разгадка археологического вакуума в итоге уже найдена самими специалистами по скифо-сарматской археологии.



© 1997 г.

К ВОПРОСУ О КУБАНСКОМ ОЧАГЕ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Келермесские, краснознаменские и другие древности, количество которых заметно возросло за последние годы, служат убедительным подтверждением гипотезы М.И. Ростовцева о приоритетной роли Северного Кавказа в древнейшей истории европейских скифов¹. На сегодняшний день в трех территориально-географических зонах этого региона (Прикубанье, Центральный и Северо-Восточный Кавказ) насчитывается не менее 50 скифских захоронений VII–VI вв. до н.э., среди которых имеются богатейшие усыпальницы кочевнической знати, в том числе и участников героических переднеазиатских походов².

В степной же части северопонтийской Скифии раннеархаических могил значительно меньше, кроме того, они, как правило, более скромные, зачастую лишены индивидуальных курганных насыпей и не образуют компактных родовых кладбищ³.

О многом говорит и то обстоятельство, что Северный Кавказ, а точнее территории Ставрополя и Прикубанья, на протяжении VII–V вв. до н.э. входили в ареал распространения каменных антропоморфных изваяний скифского типа. Вполне вероятно, что эти памятники, изображающие, по-видимому, обожествленных предков, фиксируют места кочевнических ставок, в которых были сосредоточены общественно-политическая и религиозные сферы жизни отдельных кочевнических объединений⁴.

Противники скифской этнической атрибуции келермесских и других больших закубанских курганов архаической поры апеллируют обычно к Геродоту, проводившему восточную границу Скифии по Танаису, за которым, по его словам, уже не скифская земля⁵. Воспринимая сообщения «отца истории» как незыблемое свидетельство, не подверженное изменениям и приложимое ко всему периоду господства скифов на юге Восточной Европы, они в то же время скептически относятся к другим письменным источникам. Между тем еще М.И. Ростовцев сумел увидеть «рациональное зерно» в сочинениях ионийских авторов VI–V вв. до н.э. (Гекатей

¹ *Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 41, 42; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 21, 22, 302 сл.*

² *Мурзин В.Ю. Скифы на Северном Кавказе // Археология. 1978. 27; он же. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 47–50; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев. 1991. С. 114–117.*

³ *Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 12 сл.; он же. Происхождение скифов... С. 51; Дубовская О.Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990. № 4. 188.*

⁴ *Петренко В.Г. О юго-восточной границе скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 158, 172; Белозор В.П. Скифские каменные изваяния VII–IV вв. до н.э.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Киев, 1986. С. 6.*

⁵ *Herod. IV. 28.*

Милетский, Гелланик⁶), вследствие чего пришел к заключению, что древнейшее греческое предание отнюдь не ограничивало владения этих могущественных номадов северопонтийскими степями. Согласно этому преданию их следует рассматривать в ближайшей связи с Кавказом и Закавказьем. Аналогичные представления «царили», по выражению М.И. Ростовцева, в произведениях Эсхила (526–456 гг. до н.э.) и Софокла⁷. Эсхил в «Прикованном Прометее» упоминает «многочисленные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера»⁸, а философ Сократ, как передает Ксенофонт (ок. 434–355 гг. до н.э.), говорил о том, что в Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны⁹. Достоверность последнего утверждения применительно к определенным областям Среднего Закубанья раннескифской эпохи доказывает археология, в частности Келермесский могильник¹⁰.

У Дионисия (II в. н.э.) в перечне народов, живущих за Танаисом, фигурируют меоты, которых он помещает вблизи Меотиды, и скифы, населяющие прибрежные районы Северного Каспия¹¹. Однако Евстафий Фессалоникский (XII в.) в комментарии к землеописанию Дионисия, оспаривая тезис Геродота об отсутствии скифских земель за Танаисом, подчеркивает, что ведь и «меоты – тоже скифский народ, очень многочисленный и сильный, занимающийся земледелием и войной»¹². Аналогичную трактовку меотов приводит в своем географическом словаре Стефан Византийский¹³.

Чтобы понять, о каких меотах скифского происхождения идет речь, необходимо хотя бы вкратце остановиться на меотской проблематике. Самые ранние известия о коренных обитателях Северо-Западного Кавказа встречаются у Гекатея Милетского (VI в. до н.э.), упомянувшего в перечне европейских народов иксиватов (яksamатов. – Л.Г.), живущих у Понта, а также типаниссов и дандариев, обитающих у Кавказа¹⁴. Комментируя эти свидетельства, Б.Н. Граков заострил внимание только на том, что этот хорошо осведомленный, по общему мнению, логограф не знал никакого скифского племени в бассейне р. Кубани; но у него не фигурируют там и меоты¹⁵. Поэтому, вопреки утверждению В.П. Шилова¹⁶, дандарии Гекатея отнюдь не равнозначны меотам, ибо такое представление об этих племенах свойственно позднейшей античной традиции, локализующей их к тому же не на Кавказе, а в Приазовье¹⁷.

В свое время А.Ю. Алексеев и автор этих строк, сопоставив данные разных нарративных источников, высказали предположение о возможном изменении первоначального места обитания дандариев и переселении их к VI–V вв. до н.э. из глубин Закубанья к низовьям Кубани по соседству с синдами и досхами¹⁸. Кстати, аналогичная судьба постигла и язаматов, которые из-за экспансии Боспора на Та-

⁶ SC. I. C. 1, 2, 436.

⁷ Ростовцев. Скифия... С. 20, 21.

⁸ SC. I. C. 333.

⁹ Там же. С. 358.

¹⁰ Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (По данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156 сл.; Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время (По данным келермесских комплексов) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 50–53; Галанина Л.К. Келермесские древности в этнокультурном аспекте // II Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 20–22.

¹¹ SC. I. C. 186.

¹² Там же. С. 193.

¹³ Там же. С. 262; об античной традиции, локализующей скифов к югу от Кавказа, и об археологических обоснованиях факта их внедрения в местную закавказскую среду в период переднеазиатских походов этой группы кочевников см. Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. С. 7–12, 133–136.

¹⁴ SC. I. C. 1.

¹⁵ Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М., 1971. С. 119.

¹⁶ Шилов В.П. О расселении меотских племен // ВА. 1950. XIV. С. 109.

¹⁷ SC. I. C. 489.

¹⁸ Галанина, Алексеев. Ук. соч. С. 51.

манский полуостров (V–IV вв. до н.э.) вынуждены были передвинуться с понтийского побережья Синдики в Приазовье¹⁹.

Фактически впервые термин «меоты» употребил Геродот в контексте с описанием маршрута войска Дария, вторгшегося в 512 г. до н.э. в пределы Скифии. Преследуя отступавшего в глубь страны противника, персы, по Геродоту, попали к фиссагетам, жившим у истоков четырех крупных рек (Лик, Оар, Танаис, Сиргис), протекавших через «область меотов» и впадающих в Меотиду²⁰. Затем интересующий нас этнимом промелькнул у Гелланика (V в. до н.э.), утверждавшего, что, когда проплываешь Боспор, будут синды, а выше их меоты и скифы²¹. В перипле Псевдо-Скилака (IV в. до н.э.) среди прибрежных жителей Меотиды и более южных районов названы меоты, за ними синды, потом керкеты и ахеи²².

Вместе с тем уже с IV в. до н.э., как показывают эпиграфические памятники с титулатурой боспорских правителей, намечается тенденция перенесения термина «меоты» на соседние с ними и даже более отдаленные племена, населявшие правобережную и левобережную части Кубани²³. Дальнейшее расширение понятия «меоты» отражено в «Географии» Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.), который пользовался сведениями из более ранних источников III–II вв. до н.э., где говорится (XI.2.11), что к числу меотов принадлежали («сами Синды, затем Дандарии, Тореаты, Агры и Аррихи, а также Тарпиты, Обидиакены, Ситтакены, Досхи» и некоторые другие племена, в том числе и «Аспургианы, живущие ... между Фанагорией и Горгиппией»²⁴.

Некоторые исследователи склонны видеть в меотах не этническое, а географическое понятие. Но значительно чаще меоты воспринимаются как этнически родственные образования, принадлежащие в основном к иберо-кавказской языковой семье и являющиеся отдаленными предками современных адыгов²⁵. В последние годы Л.И. Лавров, отстаивавший ранее концепцию меотских корней адыго-черкесских народов, пришел к заключению, что на роль протоадыгов могут с полным правом претендовать только зихи и ахеи. Вслед за В.И. Абаевым он признает ираноязычные дандариев и аспургиан, но кроме того и тех этнических единиц, в наименовании которых присутствует окончание на «ты» – признак множественного числа, а это – меоты, яксматы, фаты, тарпиты (ср., например, сколоты, сарматы, массагеты и т.д.)²⁶; высказана также гипотеза о присутствии в Закубанье индоарийских компонентов²⁷. Н.Л. Членова считает, что существование в этом регионе индоариев никак не может исключить пребывание там древних абхазо-адыгов, представленных киммерийскими племенами²⁸. Среди исследователей, включающих Закубанье в зону обитания киммерийцев, следует назвать и М.И. Артамонова²⁹, а также других скифологов и кавказоведов³⁰.

¹⁹ Каменецкий И.С. О язаматах // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. 177. С. 166–168.

²⁰ Herod. IV. 123.

²¹ SC. I. С. 436.

²² Там же. С. 279.

²³ Шилов. Ук. соч. С. 106–188.

²⁴ SC. I. С. 133.

²⁵ Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. 1949. № 11. С. 258–260; Шилов. Ук. соч. С. 110 сл.; Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 221 и др.

²⁶ Лавров Л.И. Историко-географические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 38, 39.

²⁷ Трубочев О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4. С. 36 сл.

²⁸ Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (На примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. С. 76 сл.

²⁹ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 18 сл.

³⁰ Крупинов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. 1958. № 68. С. 194; Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 35–40; Виноградов В.Б., Махортых С.В. Киммерийцы и Северный Кавказ // II Кубанская археологическая конф. С. 12–14.

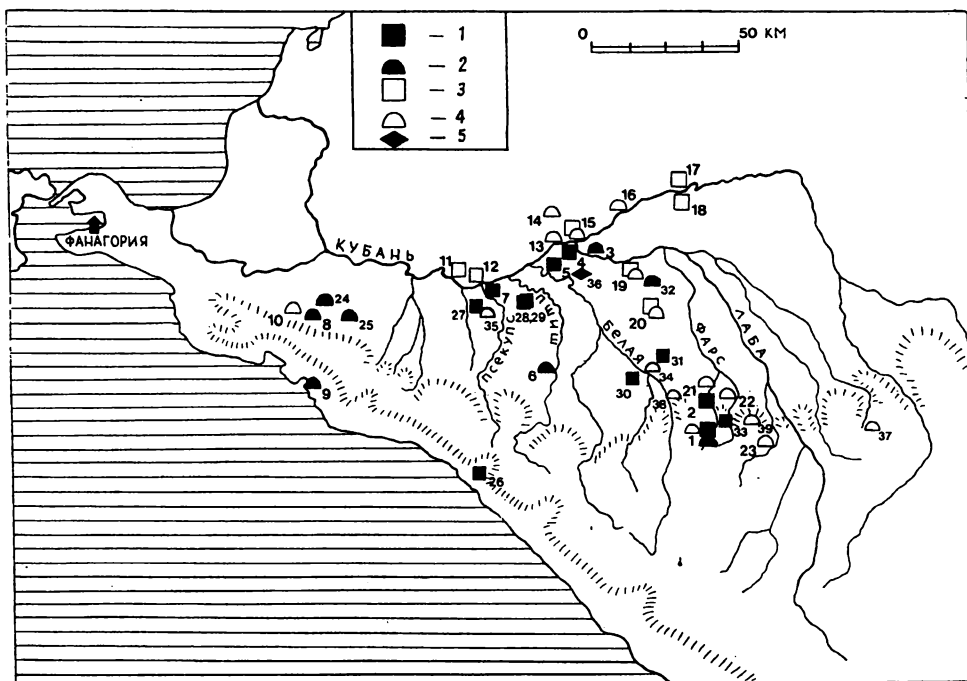


Рис. 1. Карта памятников пред- и скифского времени в бассейне р. Кубани: а – грунтовые могильники VIII – первой половины VII вв. до н.э., б – курганные захоронения VIII – первой половины VII вв. до н.э., в – грунтовые могильники середины VII–VI вв. до н.э., г – курганные захоронения середины VII–VI вв. до н.э., д – поселение IX–V вв. до н.э.

1 – могильник на р. Фарс; 2 – могильник Ясенева Поляна; 3 – курган 3 у ст. Некрасовской; 4 – Кубанский могильник; 5 – Николаевский могильник; 6 – курган 5 у ст. Гурийской; 7 – Псекупский могильник I; 8 – Абинский могильник; 9 – Геленджикские курганы; 10 – курганы 1,2 у ст. Крымской; 11 – погребение у хут. Ленина; 12 – Пашковский могильник 3; 13 – курган 17 у ст. Воронежской; 14 – ст. Раздольная; 15 – Усть-Лабинские могильники 2 и 3, курган 30; 16 – курган 22 у ст. Ладожской; 17 – Тбилисский могильник 2; 18 – Ново-Пеховский могильник; 19 – Ульский и Уляпские могильники; 20 – Келермесский могильник; 21 – комплекс у ст. Махшевской; 22 – Костромской курган; 23 – Бесленевский курган 27; 24 – Черноклёновский могильник; 25 – Холмский могильник; 26 – могильник в районе Туапсе; 27 – могильник у хут. Казазово; 28 – могильник Пшиш I, 29 – могильник Чишхо; 30 – могильник Кочипе близ Майкопа; 31 – Кужорский могильник; 32 – курган Уашхиту; 33 – Хамкетинский могильник; 34 – Говердовский курган; 35 – курган Четук; 36 – поселение Красновардейское II; 37 – курган у ст. Подгорной; 38 – курганы у ст. Тульской; 39 – курган у ст. Губской

Огромный археологический материал, далеко не в полной мере опубликованный и не подвергнутый должному научному обобщению, говорит о существовании на Северо-Западном Кавказе с IX–VIII вв. до н.э. довольно однородной и специфичной культуры, не лишенной и локальных особенностей. Основной фонд этой культуры составляют грунтовые могильники и поселения, свойственные оседлым земледельческо-скотоводческим племенам (рис. 1).

Согласно данным И.С. Каменецкого, выделяется 10–12 локальных групп, что приблизительно соответствует числу меотских этнонимов, упоминаемых в письменных источниках³¹. Однако до сих пор нет всеобъемлющей этнографической панорамы бассейна р. Кубани в скифо-сарматский период. Единственная попытка создания такой

³¹ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 226.

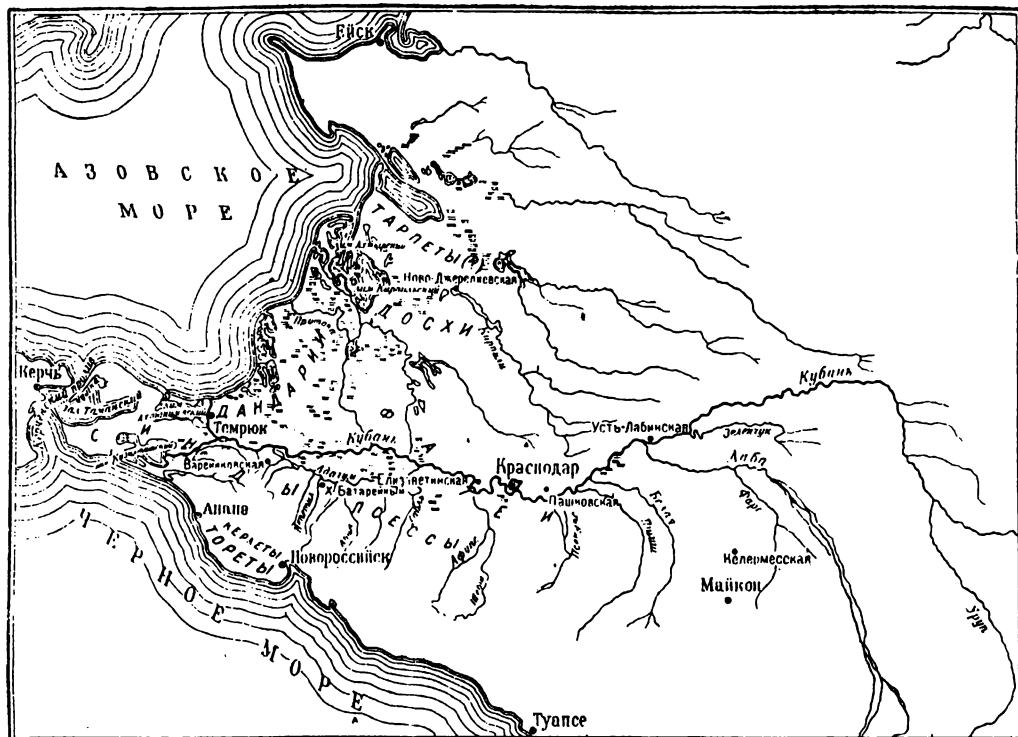


Рис. 2. Карта расселения меотских племен по данным Страбона (по В.П. Шилову)

карты с учетом археологических материалов была предпринята В.П. Шиловым, однако глубинный восточный район Закубанья остался практически не идентифицированным ни с одним из известных античному миру племен (рис. 2)³². Между тем именно на Левобережье Кубани засвидетельствованы ранние проявления той культуры, которую Н.В. Анфимов назвал протомеотской³³. По мнению Э.С. Шарафутдиновой, одним из слагаемых меотского этно- и культурогенеза могла быть местная кубанская культура кобяковского типа эпохи поздней бронзы. Автор также считает, что помимо внутреннего развития данный процесс стимулировался и внешними импульсами как со стороны степных кочевников, так и соседних кобанцев³⁴.

Просачивание степных элементов на Северо-Западный Кавказ продолжалось и в предскифский период. Ряд исследователей считает возможным говорить об инфильтрации в это время киммерийцев в аборигенную среду, с которыми они связывают инновации в погребальном обряде (вытянутое положение умерших), находки оленных камней, появление культа всадничества, распространение определенных элементов материальной культуры, в том числе и предметов переднеазиатского импорта³⁵.

Следующий переломный этап в истории Северо-Западного Кавказа связан с осе-

³² Шилов. Ук. соч. С. 122. Рис. 2.

³³ Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевского // СМАА. 1961. II. С. 119; он же. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии. МИА. 1971. № 177. С. 176.

³⁴ Шарафутдинова Э.С. К вопросу о местных традициях эпохи поздней бронзы и социальной градации в протомеотском погребальном обряде // ПОИПА. Тез. докл. Донецк, 1989. С. 140 сл.; она же. О социальной градации в протомеотском обряде // КСИА. 1991. Вып. 203. С. 54.

³⁵ Членова. Ук. соч. С. 8; Дударев. Ук. соч. С. 36 сл.

данием там отдельных скифских групп, непосредственное взаимодействие с которыми способствовало приобщению местного общества к кругу культур скифского типа. Наиболее ценную информацию о появлении скифов в Предкавказье донес до нас Диодор Сицилийский (I в. до н.э.). Основываясь на ранних ионийских источниках, он привел (II.43) несколько отличный от Геродота вариант скифской этногонической легенды, согласно которой эти кочевые племена, обитавшие сначала в небольшом количестве у реки Аракс, затем «приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаида». Впоследствии они подчинили себе обширные земли за Доном до Фракии и, «направив военные действия в другую сторону, распространили свое влияние до египетской реки Нила»³⁶.

Но вопреки версии Диодора центральноазиатские номады, под которыми мы подразумеваем носителей второй волны протоскифской культуры, по данным археологии, согласно В.Ю. Мурзину³⁷, появились в Северном Причерноморье и Предкавказье фактически одновременно. В северопонтийском регионе это событие документируют находки скифских наконечников стрел в захоронениях у с. Енджи и г. Белогорадец³⁸, а также Стеблевский курган на Днепре³⁹, на Северном Кавказе – памятники со смешанным новочеркасско-скифским инвентарем. Таковы погребения у Лермонтовского разъезда близ Пятигорска, курган у хут. Алексеевского на Ставрополье, комплекс предметов из станицы Махошевской в Закубанье, а также крупные наконечники стрел, встреченные в окрестностях с. Бажиган близ Грозного, в предгорьях Чечни и Ингушетии и ряде пунктов Дагестана⁴⁰.

Топография предкавказских древностей говорит сама за себя: пришельцы двигались по направлению к перевалам Большого Кавказского хребта, за которым открывался путь в Закавказье и Переднюю Азию. Судя по немногочисленности и характеру самих памятников, движение это отличалось стремительностью и сопровождалось стычками с местным населением, о чем свидетельствуют сожженные селения в Чечне и Дагестане⁴¹ и упомянутые выше находки стрелкового оружия, локализующиеся в основном в Западном Прикаспии.

Но, как показывают материалы келермесских и других предкавказских курганов (у станицы Крымской, Краснознаменский 1, Нартанские 9 и 12, а также 1 из группы Новозаведенное 1), интенсивное освоение скифами кобанских и меотских земель началось около середины VII в. до н.э. Присутствие в этих комплексах весьма представительной коллекции импортной торевтики эпохи Ашшурбанапала (669–639/627 гг. до н.э.)⁴² и в то же время полнейшее молчание клинописных хроник этого периода о кочевниках-шкуда пока не находят конкретного объяснения. Можно все же предполагать, что произошли какие-то изменения в расстановке политических сил, неблагоприятные для пришельцев, что и побудило отдельные группы номадов вновь перебазироваться в равнинные и предгорные районы к северу от Кавказа вплоть до Днепровской лесостепи (Мельгуновский курган). Исход древнейших контингентов скифов поколения Ишпакая-Партатуа из Передней Азии начался, по-видимому, в первое десятилетие правления Ашшурбанапала, не позднее 660 г. до н.э.

³⁶ SC. I. С. 458 сл.

³⁷ Мурзин. Происхождение скифов... С. 26.

³⁸ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 35, 43. Рис. 9, 16.

³⁹ Клочко В.И., Скорый С.А. К вопросу о древнейших скифских памятниках в Восточной Европе // ССМ ПАССМ. 1989. Ч. I. С. 105–107.

⁴⁰ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 22 сл.

⁴¹ Козенкова В.И., Крупнов Е.И. Исследования Сержень-Юртовского поселения (По раскопкам 1964 г.) // КСИА. 1966. 106. с. 87.

⁴² Галанина Л.К. Контакты скифов с ближневосточным миром (По материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1991. 31. С. 15 сл.; Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // ПССА. М., 1990. С. 69; Махортых. Скифы ... С. 76.

Вернувшиеся из походов войны, явно уже утратившие привычку к постоянному кочеванию, сохранили, однако, потребность в существовании за счет присвоения продуктов чужого труда. И хотя Предкавказье значительно уступало в социально-экономическом отношении преднеазиатским цивилизациям, ремесленно-производственные мощности кобанского и меотского миров, веками налаженный земледельческо-скотоводческий хозяйственный уклад местного населения создавали необходимые предпосылки для удовлетворения жизненных нужд номадов. Очевидно, ориентация на полукочевой образ жизни послужила причиной того, что предпочтение было отдано трем экологическим зонам: в районе Кабарды, Ставрополя и Среднего Закубанья (преимущественно в пределах Адыгеи). Именно здесь сосредоточено больше всего собственно скифских погребений (курганов), а также могильников и поселений местного населения с разнообразными проявлениями элементов скифской культуры. Некоторые исследователи разделяют даже весьма гипотетическую идею В.Б. Виноградова о локализации в этом регионе Скифского царства Партатуа, упоминаемого в ассирийских источниках⁴³.

Взаимоотношения кобанцев и меотов со скифами, стремившимися установить военно-политическое господство над аборигенами, складывались неоднозначно. Выше говорилось о далеко не дружественном приеме первых скифских отрядов со стороны обитателей Западного Прикаспия. Вместе с тем существуют и факты совершенно противоположного рода. Так, внедрение степных элементов в местную среду и установление между ними партнерских отношений засвидетельствовано археологическими материалами из ряда пунктов Центрального Предкавказья⁴⁴. Интересные результаты дал анализ краниологических остатков из могильника Уллубаганлы в Карачаево-Черкессии. Выяснилось, что в VII–VI вв. до н.э. между местными жителями и пришлыми номадами (обладавшими соответственно черепами кавкасианского и степного типов) было установлено своеобразное разделение труда – первые занимались ремеслами, а вторые выступали в качестве профессиональных воинов. По мнению автора раскопок этого памятника, нет никаких причин сомневаться в смешанном этническом составе данного общества⁴⁵.

Сходная ситуация сложилась и на Левобережье Кубани в округе нынешней станции Келермесской. Здесь обосновалась сильная в военном отношении скифская дружина из числа, по-видимому, важных политических фигур переднеазиатского похода эпохи Партатуа. Общая картина Келермесского могильника характеризует местную общественную среду как двуэтничное военно-политическое образование во главе со скифской воинской аристократией. Могущественные номады могли обеспечивать защиту подвластного им населения от посягательств других группировок кочевников. Взамен они имели воинское пополнение в виде пехотинцев и всадников (рядовые мужские и женские погребения с конем и оружием), а также хлеб (обломки зернотерки в женской могиле), глиняную посуду и другие изделия. Несмотря на тесное взаимодействие обе группы населения оставались верными своим родовым традициям, что сказалось в специфических особенностях погребального обряда келермесских комплексов⁴⁶. Не исключено, что отражением бинарной этнической структуры данного коллектива является обычай размещения жертвенных коней двумя группами, наблюдаемый в наиболее богатых усыпальницах этого могильника.

Существование культурно-этнического меньшинства в рамках единого социума фиксируют и этнографические данные. Известны случаи совместного проживания

⁴³ Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // ТЧИНИИ. 1964. Т. 9. С. 27, 28; Мурзин. Происхождение скифов... С. 47; Махортых. Скифы на Северном Кавказе... С. 103.

⁴⁴ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 388 сл.; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. С. 29.

⁴⁵ Ковалевская В.Б. Роль скифов в этногенезе местных северо-кавказских племен // Известия АН ГрузССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1985. Т. 3. С. 52–59.

⁴⁶ Галанина. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами... С. 156 сл.; Галанина, Алексеев. Ук. соч. С. 53.

двух разновеликих племен, которые хотя и вступают в смешанные браки, все же сохраняют свою самобытность и своеобразие⁴⁷.

Некоторые исследователи склонны отождествлять келермесские и другие богатые курганы Закубанья архаической поры со скифским царским некрополем Герросом⁴⁸. По-видимому, в известном смысле можно полагать, что на лесистых склонах приайрюмского плато скрывались могилы предков, но общий облик Келермесского могильника не позволяет видеть в нем ту самую святыню скифов, тот древний царский некрополь, о котором упоминал Геродот⁴⁹. Скифские погребения на Северном Кавказе, представленные как курганными могильниками, так и единичными насыпями VII–V вв. до н.э.⁵⁰, фиксируют зоны обитания и кочевания, закрепленные за определенными подразделениями ираноязычных номадов. Судя по пространственной распыленности этих погребальных памятников с присущими им локальными отличиями, судьба каждой региональной группы складывалась индивидуально, и они вряд ли были связаны между собой военно-политическими узлами. Поэтому, вероятнее всего, единого скифского центра, а тем более Скифии как потестарного образования на Северном Кавказе не существовало. Тем не менее в архаический период основная масса скифов концентрировалась, несомненно, в этом регионе⁵¹, а в местах, контролируемых ими, не позднее середины VII в. до н.э. возникли очаги скифской культуры, которые базировались на местной экономической и производственной основе – кобанской в Центральном и Северо-Восточном Предкавказье и меотской на Левобережье Кубани.

Тесное соседство, а иногда и совместное проживание пришельцев с коренными обитателями Закубанья способствовало скифизации раннемеотской культуры, что сказалось, например, в некоторых заимствованиях из кочевнической погребальной практики. В VII–VI вв. до н.э. отмечается прочное укоренение обычая погребения местной родо-племенной знати в подкурганных могилах в сопровождении конских захоронений и инвентаря преимущественно скифского типа. С этого же периода в меотской аристократической среде глубоко и надолго прививается искусство скифского звериного стиля, чему способствовало, по-видимому, наличие иранского этнического пласта среди меотов. Но особенно сильно скифское влияние затронуло сферу кубанской материальной культуры и производства.

Общеизвестно, что и сама скифская культура представляла собой не монолитное, а многокомпонентное явление, включавшее привнесенные центрально- и переднеазиатские, а также местные элементы⁵². Келермесские древности в силу их исключительного разнообразия позволяют почти всеобъемлюще охарактеризовать все три категории вещей, образующих скифский комплекс материальной культуры. Восточноевразийское происхождение (Центральная и Средняя Азия, Южная Сибирь) имеют бронзовые стремечковидные удила, двухлопастные втульчатые наконечники стрел, зеркала с петельками, возможно, отдельные виды наверший, переносные каменные жертвенники, а также основной сюжетно-стилистический фонд скифского изобразительного репертуара, воплощенный на многих изделиях из Келермеса (лежащий олень, свернувшаяся и приноживающаяся пантера, кабан на цыпочках и т.д.). К переднеазиатским прототипам восходят защитные доспехи (шлемы, панцири), уздеч-

⁴⁷ Артаковский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1969. С. 14.

⁴⁸ Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 116; Михайлов Б.Д. К вопросу о локализации Геродотовского Герроса // ПССА. Тез. докл. 1989. С. 91 и др.

⁴⁹ Herod. IV. 71, 127.

⁵⁰ Махортых. Скифы на Северном Кавказе... С. 114–118. Автор составил самую полную сводку подобных памятников, но в нее вошли также комплексы, скифская принадлежность которых недостаточно очевидна.

⁵¹ Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 37.

⁵² Мурзин. Скифская архаика... С. 66 сл.; Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 14.

ные наборы с крупными налобниками и фаларами, сбруйные колокольчики, а также некоторые мотивы и иконографические схемы, вошедшие в скифское искусство. Кроме того, выделяются предметы, истоки которых прослеживаются в закавказском регионе. Это железные секиры, ведущие начало от бронзовых боевых топориков колхидо-кобанского круга, трубчатые наворачия, а также биконические с многорядными треугольными прорезями. Основой для формирования железных акинаков с бабочковидным навершием послужили бронзовые мечи и кинжалы кабардино-пятигорского типа. К местным закубанским элементам в скифских погребениях Келермеса относится лепная глиняная посуда, глиняная галька (один случай) и обычай помещения в могилу не целого корытообразного или овального каменного жертвенника, а только его части. В системе конского убранства фиксируются пережитки новочеркасского этапа.

Мощное скифское влияние не помешало широким массам меотского населения сохранить прежний образ жизни, своеобразные обычаи и основной культурный генофонд. Вместе с тем оно способствовало переориентации местного общества на создание новых материальных и культурных ценностей, больше отвечавших духу времени. По данным А.А. Иессена, в начале скифской эпохи особенно активизировалась деятельность мастеров, связанных с металлургией и обработкой цветных металлов. Продолжая производственные традиции, уходящие корнями еще в эпоху поздней бронзы, опытные ремесленники отливали из бронзы по утраченным моделям самые разнообразные предметы скифского типа: от миниатюрных наконечников стрел до прекрасных зооморфных изделий и громадных котлов⁵³.

Значительное расширение источниковедческой базы за последние годы и появление работ, посвященных анализу отдельных категорий вещей, подтвердили правоту А.А. Иессена и позволили более рельефно высветить роль Северо-Западного Кавказа в качестве одного из ведущих очагов раннескифской культуры на территории Восточной Европы⁵⁴. Так, изучение келермесских древностей показало, что в этом регионе значительно раньше, чем в степях Северного Причерноморья, появились такие виды уздечного снаряжения, как бронзовые птицеголовые и костяные зооморфные пронизи, деревянные псалии с костяными зооморфными наконечниками и железные с птичьими головками на концах, бронзовые перстневидные, а также петельчатые бляшки с зооморфными щитками, крупные налобные пластины и, наконец, нагайки с рукоятями, обвитыми спирально-изогнутыми золотыми лентами⁵⁵.

Можно не сомневаться, что весьма представительная серия роговых уздечных поделок из Келермеса, изображающих головки баранов, грифо-баранов и другие популярные мотивы раннескифского звериного стиля, которые по своим художественным достоинствам не имеют себе равных среди подобных находок в других этнокультурных регионах (Среднее Приднепровье, Центральное Предкавказье, Закавказье и Ближний Восток – Кармир-Блур, Сарды, Норшун-тепе и др.), изготовлена местными костерезами, создавшими подлинные шедевры мелкой пластики. По-видимому, закубанским изобретением являются железные удила с раскованными концами, внутри которых пробито круглое отверстие. Как полагает В.Р. Эрлих, на Левобережье Кубани зародилась традиция изготовления петельчатых псалиев. По его мнению, в меотской среде были созданы прототипы некоторых видов

⁵³ Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки // МИА. 1951. № 23. С. 122.

⁵⁴ О существовании подобных очагов раннескифской культуры в лесостепной части Северного Причерноморья см. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968. С. 174; Скорый С.А. О скифском этнокультурном компоненте населения Днепровского Лесостепного Правобережья // Археология. 1987. Вип. 60. С. 42; Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тысячелетия до н.э.: Дис. д-ра ист. наук. Киев, 1990. С. 32, 34.

⁵⁵ Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (По материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. 24. С. 52.

железных наконечников копий и бронзовых кинжалов кабардино-пятигорского типа, на основе которых возникли скифские железные мечи с бабочковидным перекрестьем⁵⁶. Вероятно, на Северо-Западном Кавказе и, скорее всего, в Закубанье, функционировала оружейная мастерская, выпускавшая литые бронзовые шлемы с лицевым вырезом, так как из шестнадцати обнаруженных экземпляров семь связываются с этим краем, два неизвестного происхождения, остальные рассредоточены по разным областям Евразии⁵⁷.

Своеобразную и единую в технологическом отношении группу изделий образуют четыре орнаментированных бронзовых котла из Келермеса. По целому ряду параметров они напоминают северопонтийские образцы солохско-чертомлыкского типа, но отличаются от них несколько иной схемой изготовления⁵⁸.

Меотский вклад в раннескифский комплекс материальной культуры демонстрируют бронзовые навершия. Т.Б. Барцева на основе спектрального анализа девяти из двадцати девяти келермесских экземпляров (с шаровидными бубенцами, биконическими, а также грушевидными, увенчанными головками грифонов) пришла к выводу, что все они отлиты из северокавказского сырья (в основном из оловянистых бронз, за исключением шаровидных наверший, сделанных из чистой меди) и изготовлены, очевидно, в Прикубанье⁵⁹. В пользу этого свидетельствуют, на наш взгляд, и количественные показатели: из 62 северокавказских архаических находок 58 приходится на Закубанье, одна и три встречены соответственно в Нартанском и Краснознаменском могильниках. Причем бронзовым навершиям этих трех групп присущи специфические черты локального характера. По наблюдениям Е.В. Переводчиковой, от большинства келермесских типов ведут нити к основным разновидностям скифских наверший V–IV вв. до н.э.⁶⁰

Произведенное Н.Н. Тереховой металлургическое изучение предметов вооружения и конского снаряжения из келермесской коллекции (секиры, наконечники копий, колчаные крючки, удила и псалии) показало высокий уровень обработки черного металла, который прочно вошел в быт местного населения. Выяснилось, что почти все исследованные изделия выкованы из цементированной стали, в том числе и стержни наверший. Причем верхние расширенные концы стержней служили одним из элементов при конструировании модели и литейной формы для бронзовых шаровидных наверший, так что последние как бы приливались к стальному штырю. По отдельным показателям (высокий процент продукции с признаками перегрева металла) келермесские материалы перекликаются с нартанскими вещами и в то же время они хорошо вписываются в металлургическую группу таких кубанских памятников, как Сержень-Юрт и Уллубаганлы II⁶¹.

Все вышеизложенное позволяет не только присоединиться к мнению В.Р. Эрлиха относительно непосредственного участия закубанского населения в формировании комплекса так называемой скифской триады⁶², но и подкрепить данный тезис дополнительной аргументацией. Судя по данным Келермесского могильника, оседание скифов в Закубанье способствовало там социально-экономическому расцвету общества, увеличило пропасть между имущими и неимущими, родо-племенной знатью

⁵⁶ Эрлих В.Р. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1992. С. 18.

⁵⁷ Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (Вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 180–182.

⁵⁸ Минасян Р.С. Литье бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // АСГЭ. 1986. 27. С. 68–69.

⁵⁹ Барцева Т.Б. О химическом составе металла наверший скифского времени // СА. 1980. № 3. С. 88.

⁶⁰ Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 23–24.

⁶¹ Терехова Н.Н. Характеристика техники кузнечного производства железных изделий из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника в Гиагинском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 103–113.

⁶² Эрлих. Ук.соч. С. 18.

и простым людям⁶³. Основу келермесского военно-политического объединения составляли рядовые общинники, которым противостояло воинское сословие (напы и палы, по Диодору Сицилийскому). Как полагает А.М. Хазанов, на примере войска Чингисхана можно видеть, что достаточно было лишь одного поколения людей, чтобы побежденные могли сражаться в рядах победителей против своих же сородичей и других враждебных сил⁶⁴.

По-видимому, изменение политической ситуации в восточной части Закубанья на рубеже VII–VI вв. до н.э., а возможно, и какие-то иные причины привели к распаду или переселению этого союза. О внутренних миграциях отдельных племен в пределах Северо-Западного Кавказа мы уже упоминали выше. Считается, что на рубеже VII–VI вв. до н.э. произошел отток части закубанских скифов в лесостепные районы Северного Причерноморья – в Посулье и бассейн р. Тясьмин⁶⁵. Оставшиеся же скифы продолжали играть далеко не последнюю роль в меотском мире вплоть до IV в. до н.э.⁶⁶ Однако, составляя меньшинство по отношению к аборигенному населению, они неизбежно подвергались миксации, все более и более интегрировались в местную этническую среду, что привело в конце концов к их естественной ассимиляции⁶⁷.

Вероятно, потомки древнейших скифов, не утратившие собственное самосознание, господствовали в районе расположения Ульской и Уляпской групп погребальных и культурных комплексов (первая относится к VI–V вв. до н.э., вторая к V–IV вв. до н.э.). По-видимому, эллинизированным скифо-меотам принадлежали Елизаветинские курганы (V–IV вв. до н.э.). Именно в этих памятниках улавливаются черты погребальной традиции, берущей начало в Келермесе. Это – сочетание скифских курганных усыпальниц с меотскими грунтовыми некрополями, специфический ритуал многочисленных конских захоронений (расположение лошадей рядами внутри и на верхнем обресе могил), подкурганые объекты различного назначения на уровне древнего горизонта (например, кенотаф или жертвенный комплекс в Келермесском кургане 29/1988 г., святилища в Уле и Уляпе), углубленные в материк подквадратные могилы, каменные жертвенники, маркирующие центр (мировой столп) подкурганного пространства⁶⁸.

Следует отметить, что в нашей литературе уже бытуют суждения в пользу скифской этнической атрибуции Елизаветинских и Ульских курганов⁶⁹. В рассматриваемом аспекте повышенный интерес вызывают специализированные святилища, возведенные под насыпями Ульского кургана 1/1898 г. и семи Уляпских курганов. Эти памятники тщательно исследованы Ф.Р. Балоновым, который в дополнение к индоарийским аналогиям, подобранным Л.А. Лелековым для Большого Ульского кургана, привел множество иранских соответствий, приложимых ко всей группе этих памятников⁷⁰. В частности, ему удалось выявить в них элементы ритуалов, сходные

⁶³ Галанина, Алексеев. Ук.соч. С. 51–53.

⁶⁴ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 216.

⁶⁵ Ильинская. Скифы Днепровского Левобережья... С. 174–180; Скорый. О скифском этнокультурном компоненте... С. 36 сл.

⁶⁶ Ждановский А.М., Марченко И.И. Ираноязычные кочевники в Прикубанье // ПССАСП. 1989. С. 47.

⁶⁷ Под межэтнической интеграцией в этнографии понимается появление определенной культурной общности (при сохранении основных этнических черт) у существенно различающихся по своим языковым параметрам основных этнических единиц в результате их тесного общения. Взаимодействие разнородных этносов ведет к этнической миксации или ассимиляции (Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1982. С. 239 сл.).

⁶⁸ ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 30, 31; ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913. С. 156; ОАК за 1912 г. СПб., 1916. С. 58, 59; ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 149 сл.; Лесков А.М. Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985. С. 70 сл.

⁶⁹ Ильинская, Тереножкин. Скифия... С. 68–69, 222; Мурзин. Скифская архаика... С. 33; Махортых. Скифы на Северном Кавказе... С. 114.

⁷⁰ Балонов Ф.Р. Святилище скифской эпохи в Адыгее (Интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С. 38 сл.

со скифскими обрядами, связанными с культом Ареса, в которых главное место отводилось старинному железному мечу, воткнутому на вершине алтаря из хвороста, а также человеческим, конским и иным жертвам, совершаемым в часть этого фетишизированного божества⁷¹. По мнению автора, весь Ульско-Уляпский район имел в VI–IV вв. до н.э. статус священных земель для носителей культуры, близкой скифской, подобно упоминаемому Геродотом Эксампаю (Священным путям) у Гипаниса (Южного Буга)⁷².

В связи с этим примечательны три побужских кургана рубежа V–IV вв. до н.э. (два у с. Кальник Винницкой обл. и один у с. Редвицы Хмельницкой обл.), которые, как показала С.С. Бессонова, имеют так много общего с Уляпскими курганами и в конструкции, и в деталях обряда (жертвоприношения людей и животных, расчлененный скелет, протянутая вперед правая рука, приношения в виде керамики, украшений, предметов вооружения и конской упряжи), что их культовый характер не вызывает ни малейших сомнений⁷³.

Последнее, на чем следует заострить внимание, это довольно высокий процент вещей скифского облика даже в грунтовых могильниках Уляпа (бронзовое зеркало с ручкой-петелькой, 30 железных акинаков, бронзовые наконечники стрел), не говоря уже о святилищах Ульско-Уляпской групп и Елизаветинских курганов, где кроме подобных и других скифских изделий встречены разнообразные образцы искусства звериного стиля⁷⁴.

Между тем местная основа оказалась настолько жизнестойкой, что уже с V в. до н.э. начинается постепенный отход от скифского воздействия и возврат к собственному формотворчеству. В результате к IV в. до н.э. кубанская культура приобретает отчетливо выраженный меотский характер, сохраняя при этом отдельные скифские черты. Скифские акинаки и колчаные наборы почти вытесняются длинными меотскими мечами без металлического перекрестья и железными наконечниками стрел. Происходят изменения в уздечном снаряжении (появляются, например, колесовидные налобники, псалии с пластинчатыми зооморфными завершениями и т.д.). С IV в. до н.э. входят в обиход местные кованые шлемы типа даховских наголовий. В.Р. Эрлих объясняет все эти новшества активизацией отношений местных племен с Боспорским царством с привлечением их в качестве союзников греков для решения военных конфликтов⁷⁵. Имеются и другие данные о тесных контактах с боспорянами: употребление местами однолезвийных мечей, наподобие греческих махайр; появление бронзовых кованых зеркал кубанского типа, подражающих литым греческим зеркалам без боковой ручки⁷⁶; среди популярной с V–IV вв. до н.э. меотской сероглиняной посуды, сделанной на гончарном круге, встречаются амфоровидные кувшины, канфары и другие сосуды, напоминающие античные формы⁷⁷.

Вершиной творческих возможностей местных мастеров V–IV вв. до н.э. являются зооморфно-орнаментированные изделия (уздечные комплекты, навершия и др.), в которых изначальная скифская основа скрестилась с элементами греко-персидской, фракийской и, возможно, кобанской изобразительных систем. В результате этого сплава в бассейне Кубани родилось достаточное сильное и самостоятельное искусство

⁷¹ Herod. IV. 62.

⁷² Балонов. Ук. соч. С. 43.

⁷³ Бессонова С.С. Культурные сооружения скифского времени в Побужье // I Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 53–54.

⁷⁴ Лесков. Ук. соч. Кат. № 115, 118, 123–139, 144–146, 353 и др.; Беглова Е.А. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 144–145; ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 150 сл.

⁷⁵ Эрлих. Ук. соч. С. 5–6, 9, 10, 15, 18.

⁷⁶ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980. С. 62.

⁷⁷ Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. 23. С. 166 сл.; Каменецкий. Меоты... С. 237.

звериного стиля⁷⁸, отличающееся самобытностью и выразительностью образов, изяществом рисунка, оригинальностью композиций.

Кратко суммируя сказанное, необходимо отметить, что начиная с предскифского периода Северо-Западный Кавказ оказался в гуще важнейших событий, охвативших в VIII–VII вв. до н.э. большинство областей Евразии.

Оседание на Левобережье Кубани отдельных групп номадов в период их переднеазиатских походов (а возможно и раньше) обусловило смешанный этнокультурный состав местного населения, включавшего, помимо кавказцев, ираноязычные племена. С VI в. до н.э., но особенно после образования Боспорского царства, заметную роль стал играть античный фактор, проявлявшийся как в области торгово-экономических отношений, так и в политической сфере. С древнейших времен этот регион был тесно связан также и с соседним кобанско-колхидским миром.

Однако ни политическая зависимость части меотских племен сначала от скифов, затем от северопонтийских греков, ни этнические скрещивания не привели к исчезновению исконной оседло-земледельческой меотской культуры. Напротив, разносторонние связи, контакты и влияния положительно сказались на социально-экономическом развитии кубанского общества. И это закономерно, так как на протяжении всей мировой истории, по мнению С.Н. Артановского, "действуют законы, согласно которым заимствования дополняют внутреннее развитие, служат одним из источников обогащения и совершенствования культур"⁷⁹.

Аналогичные процессы происходили в VII–V вв. о н.э. на Правобережье Днепра, бывшего, подобно Северо-Западному Кавказу, центром развитой земледельческо-скотоводческой культуры и металлообработки, что и привлекло туда скифов-завоевателей. Но в отличие от Прикубанья скифский этнический компонент в Северном Причерноморье неоднократно пополнялся в течение этого периода новыми группами пришельцев. В архаическую эпоху в "родные пенаты" возвращаются остатки участников переднеазиатских походов, а по обеим сторонам Днепра расселяются части закубанских и северокавказских скифов⁸⁰. На рубеже VI–V вв. до н.э. из глубин Евразии приходит новая волна ираноязычных номадов. Консолидация степных племен и подчинение им оседлых земледельцев приводит в конце концов к образованию Великой Скифии – потестарного общества с военно-иерархической структурой⁸¹. К IV в. до н.э. Прикубанье тоже находилось на стадии становления государства⁸², и в это же столетие оба восточноевропейских региона подверглись нашествию новых ираноязычных племен⁸³, на сей раз в лице сарматов.

Л.К. Галанина

⁷⁸ *Переводчикова Е.В.* Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // *СА.* 1987. № 4. С. 55.

⁷⁹ *Артановский.* Историческое единство... С. 251.

⁸⁰ *Скорый.* О скифском этнокультурном компоненте... С. 42.

⁸¹ *Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В.* Формирование раннеклассового общества на территории Украины. Киев, 1989. С. 25, 41; *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992. С. 7.

⁸² *Ждановский, Марченко.* Ираноязычные кочевники в Прикубанье... С. 9.

⁸³ *Марченко И.И.* Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа.* Краснодар, 1988. С. 68. сл.; *Каменецкий.* Меоты... С. 249.

ON THE KUBAN CENTRE OF EARLY SCYTHIAN CULTURE

L.K. Galanina

The article considers the role of the north-western Caucasus in the formation of the complex of early Scythian culture. In the opinion of the author intensive cultivation of Maeotian lands beyond the Kuban river by the Scythians began at about mid VIIth c. B.C. as a result of the influx of some nomadic contingencies of the Ishpakaya-Partatua generation to the North Caucasus from Near East.

Despite close proximity and sometimes life together with the newcomers and even political dependence on them, the indigenous population of the Kuban area preserved its former way of life and peculiar customs. However, the powerful Scythian impact promoted reorientation of the creative potential of Maeotian society toward the creation of new material and cultural values more consonant with the spirit of the times. The local population took an active part in the formation of the elements of the so-called Scythian triad.

Thus many kinds of nomadic bridle equipment and cult pommels, including those decorated in the Scythian animal style, appeared in the Kuban area earlier than in the Northern Black Sea region. Prototypes of some varieties of iron spearheads and bronze daggers which led to the appearance of the Scythian acinaces with a butterfly-shaped guard came into being in the Kuban area.

The presence of the Scythians in the Kuban area contributed to the further socioeconomic development of that region. Meanwhile the local base turned out to be so viable that since the Vth c. B.C. a return to the indigenous forms of workmanship began. In the IVth c. B.C. Kuban culture acquired clearly expressed Maeotian nature, at the same time preserving some Scythian features.

© 1997 г.

ОПИСАНИЕ ИНДИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В «ИНДИКЕ» МЕГАСФЕНА

Немногие персонажи истории классической древности привлекали к себе столь пристальное внимание исследователей, как антиковедов, так и индологов, как Мегасфен – посол Селевка Никатора ко двору индийского царя Чандрагупты Маурья. Им была составлена «Индика» – сочинение, определившее место Индии в греко-римской культуре на многие столетия. С самого зарождения индологии как научной дисциплины античные источники активно использовались при исследовании древней истории Индии, и «Индика», дошедшая до современного читателя лишь во фрагментах, пересказанных более поздними авторами, играла среди них первостепенную роль, тем более что маурийская Индия весьма слабо освещена местными синхронными источниками¹. Между тем несмотря на почти 150-летнюю дискуссию² «мегасфеновский вопрос» остается весьма запутанным. В ходе многолетнего изучения этого произведения как индологами, так и антиковедами, методика работы с этим произведением, и его жанровая принадлежность все еще остаются спорными. Информация Мегасфена, за редким исключением³, прямолинейно сопоставляется с

¹ *Бонгард-Левин Г.М.* «Индика» Мегасфена и надписи Ашоки. М., 1960. С. 1–2; *он же.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 17–18.

² Первое исследование, специально посвященное Мегасфену, вышло еще в середине XIX в.: *Schwanbeck E.A.* Megasthenes' Indika. Bonn, 1846.

³ Среди них следует упомянуть работы Г.М. Бонгард-Левина, в которых рассматривается информация Мегасфена о высшем чиновничестве маурийской Индии: *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийские *gāja-sabha* и *gāja-pariṣad* в «Индике» Мегасфена // ПВ. 1959. № 2. С. 158–161; *Bongard-Levin G.M.* Ancient India and the Graeco-Roman World // *Indologia Taurinensia*. V. XIII. Torino, 1985–1986. P. 176. Анализ этого сюжета содержится в работе Г.М. Бонгард-Левина и Г.Ф. Ильина «Индия в древности» (М., 1985. С. 224; ср. об этом в рецензии на эту книгу: *Вигасин А.А.* // ВДИ. 1987. № 1. С. 234), а также в статьях Л. Рочера и Дж.Д.М. Дерретта, рассматривающих сообщения Мегасфена о судебном процессе в Индии: *Rocher L.* Megasthenes on Indian Lawbooks // JOIB. 1957. P. 125–128; *Derrett J.D.M.* Two Notes on Megasthenes Indika // JAOS. 1968. V. 88. N 4. P. 776–781.

теми или иными положениями индийских источников без учета ряда важных источниковедческих нюансов. Недостатки такого подхода видны хотя бы из того, что он практически не дает каких-либо самостоятельных результатов, в основном «Индика» привлекается в индологических работах в качестве подсобного иллюстративного материала, а с самого Мегасфена так до сих пор и не сняты обвинения в том, что его «Индика» представляет читателям картину сознательно идеализированного общества, которая «подогнана» (а значит и извращена) под каноны, как правило, кинической философии⁴. Конечно, доказать, что Мегасфен никоим образом не идеализировал, тем более сознательно, увиденную им Индию и специально не приводил данные собственных наблюдений или своих информаторов в соответствие с тем или иным философским учением, только на основании текста фрагментов его «Индики» без определения целей составления его труда, установления связи между фрагментами, влияния предшествующей литературной традиции – невозможно. Для того чтобы по-новому осмыслить это произведение, необходимо провести анализ сложившихся в греческой философско-политической и историко-этнографической литературной традиции к началу III в. до н.э. стереотипов, принципов описания тех или иных структур, рассмотреть, как они отразились в «Индики» Мегасфена и, соответственно, обратиться к индийскому материалу с этой точки зрения. Необходимо определить место Мегасфена в истории греческой литературы, понять жанровую специфику его сочинения, что, очевидно, даст возможность более точно анализировать его отдельные положения⁵. Помимо разбора собственно фрагментов по обозначенной тематике анализ их взаимосвязи, их направленность являются важнейшими задачами предлагаемой работы. Выявление внутренней структуры сочинения Мегасфена на основании сохранившихся фрагментов позволит дать ответ на ряд вопросов, которые до сих пор представляются трудно разрешимыми, и прежде всего о жанровой принадлежности «Индики», а следовательно, степени достоверности содержащейся в ней информации. По мнению Г.М. Бонгард-Левина, информация «Индики» не используется полностью при изучении истории раннемаурыйской Индии, несмотря на значительную ценность этого труда для индологии, во многом из-за отсутствия выработанной стратегии работы с этим источником⁶.

Структура государства являлась одной из самых злободневных тем в истории политической мысли греческого общества в V–IV вв. до н.э. Этот вопрос дебатировался начиная с Гиподама Милетского (середина V в. до н.э.) – он был первым, кто предложил разделить общество по профессиональному признаку (Arist. Pol. 1267b). Персы и египтяне, согласно Геродоту, делились на своего рода «классы» (γύεα) (I. 125; II. 164), причем египетское общество было разделено по профессиональному признаку. Необходимость выделения различных структурных единиц в общественном устройстве подчеркивал Платон (Rep. 369 D; 371 C; 374 B–E; 394 E; 443 C; Legg. 846. E; 847. A). Аристотель утверждал о гомогенности однородной государственной структуры (Pol. 1261b; 1263b), он настаивал на ее разделении (Pol. 1261a) и обособлении ее элементов по какому-либо признаку (Pol. 1264a; 1277a–b; 1291a и др.). Традиция поиска наилучшего устройства общества, развившаяся в основном в литературе философско-политического жанра, получила активное продолжение в исторических и хорографических сочинениях. Так, отдельные и весьма ценные

⁴ Например, *Stein O. Megasthenes und Kautaliya*. Wien, 1921. S. 123; *idem. Megasthenes* // RE. 1931. Bd 15. Hlbd 29. S. 261; *Zambriani A. Idealizzazione di una terra: etnografia e propaganda negli Indika di Megasthene* // *Forme di contatto e processi di trasformazione nelle società antiche. Atti del convegno di Cortona (24–30 maggio 1981)*. Collection de l'École française de Rome. 67. Pisa–Roma, 1983. P. 1105–1118.

⁵ Целенаправленно в этом русле работает, пожалуй, лишь итальянский историк А. Замбрини, опубликовавший серию статей об «Индики» Мегасфена, которую он рассматривает как продукт древнегреческой этнографической теории: *Gli Indika di Megasthene* // ASNP. 1982. Ser. 3. V. 12. N 1. P. 71–149; *Gli Indika di Megasthene II* // ASNP. 1985. Ser. 3. V. 15. N 3. P. 781–853; *A proposito degli Indika di Arriano* // ASNP. 1987. Ser. 3. V. 17. N 1. P. 139–154.

⁶ *Bongard-Levin G.M. Some Basic Problems of Mauryan India*. М., 1970. P. 2.

замечания по структуре государства некоторых племен Северо-Западной Индии оставили спутники Александра Македонского, однако цельного и подробного описания Индии, в том числе ее государственного устройства, греческая литература не знала вплоть до «Индики» Мегасфена.

По справедливому замечанию Б. Брелёра, «ядро и центральный пункт сохранившихся фрагментов работы селевкидского посла составляют описание и деление индийского населения на семь "классов"»⁷. То, что его автором является именно Мегасфен, явствует из «Географии» Страбона (XV. 1. 39–40), ссылающегося при описании этого сюжета на Мегасфена. Эти «классы», сформированные по профессиональному признаку, таковы: философы (софисты у Арриана), земледельцы, пастухи и скотоводы, ремесленники, воины, эфоры и объединенные в одну группу царские советники и руководители высшего ранга. Кроме того, Мегасфен отдельно оговаривает запрет перехода из «класса» в «класс» (в тексте Арриана любому индийцу разрешается лишь стать философом), также запрещаются браки между представителями разных «классов» (Diod. II. 40–41; Arr. Ind. 11–12; Strabo. XV. 1. 39–49). Исследователи, предлагавшие свое толкование этого фрагмента «Индики» Мегасфена, не только не пришли к единому мнению, но до сих пор не выработаны даже подходы к объяснению многих вопросов, встающих при рассмотрении этих «классов»: почему Мегасфен сформировал «классы» именно по профессиональному признаку, почему их именно семь, как объяснить запрет на их смену, позволенную только «философам», и запрет на межклассовые браки, как схема Мегасфена соотносится с материалом индийской традиции, предлагавшей деление общества на четыре варны (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры с соответствующим понижением общественного статуса) или многочисленные касты-jāti и, соответственно, какова была методика сбора информации Мегасфеном.

Работы, в которых предлагалось соотнести рассматриваемую семиклассовую схему с категориями индийской политико-философской мысли, можно разделить на две группы: в первую входят утверждающие, что тем или иным образом схема Мегасфена отражает варново-кастовое деление общества, предлагаемое местной традицией. Так, Б. Тиммер полагает, что собственно «классы» «должны быть сравниваемы с варнами, но не с кастами или «цехами», которые охватывают занимающихся какой-либо профессией в узком смысле слова. Теоретические требования эндогамии и ограничение на смену профессий, действительные только для варн, неверно приписаны Мегасфеном состояниям, которые варны покрывают лишь частично»⁸. Объясняя же возможные причины появления подобной схемы, Б. Тиммер утверждает, что Мегасфен смешал элементы древнеиндийской политической теории и то ли существовавшие в реальности, то ли сконструированные им самим касты⁹. Эту позицию поддержала Т.Б. Путилова¹⁰.

Позицию известного индийского историка Ромилы Тхапар можно свести к следующему: Мегасфен не мог ссылаться в своем сочинении на теорию варн по целому ряду причин: варн было четыре, возможно пять (в качестве дополнительной варны могли рассматриваться «неприкасаемые»), но никогда – семь; в описании Мегасфена использованы самые общие термины; к тому же наемные работники, ремесленники и торговцы не могли быть зачислены в одну варну. Исходя из этимологического родства слов jāti и γένος, последнее из которых она считает принадлежавшим самому Мегасфену в описании запрета на смену профессий и заключение браков между представителями разных «классов», а также того, что концепция jāti, представленная, в частности, буддийскими сочинениями, выглядит более узнаваемой, нежели система

⁸ Timmer B. Megasthenes en de indische Maatschappij. Amsterdam, 1930. S. 305.

⁹ Ibid. S. 66.

¹⁰ Путилова Т.Б. Мегасфен о древнеиндийских кастах // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983. С. 110.

варн, индийская исследовательница склонна видеть в этой схеме Мегасфена отражение кастовой организации¹¹.

В ряде своих работ к этой проблеме обращается А.А. Вигасин, как и Р. Тхапар, считающий, что схема деления индийского общества, представленная Мегасфеном, отражает институты касты. В этом сообщении Мегасфена он видит «свидетельство об индийских кастах», устанавливаемое по схожести «классов» Мегасфена с кастой и в их замкнутости, и принадлежности к ним по рождению¹². Исследователь полагает, что «слово, употребленное Мегасфеном, *yévos*, является лишь калькой санскритской *jāti*», что описание семи «классов» у Мегасфена может быть «едва ли не изложением того, что индийские источники говорят о кастах – джати», например в КА III. 7. 36¹³. Автор считает, что информацию, на основе которой Мегасфен представил структуру индийского общества собственно «классовой», он получил от своих индийских информаторов, однако, описывая конкретные разряды, он опирался на собственные наблюдения, поэтому в его описании появляются такие разряды, «которые мог увидеть образованный эллин: воины и земледельцы, пастухи и ремесленники. Следуя античной традиции, Мегасфен легко подменял индийские касты более привычными греку профессиями»¹⁴.

Во вторую группу можно отнести работы тех ученых, в которых утверждается, что при формировании своей семичленной схемы Мегасфен по тем или иным причинам не опирался на кастово-варновую систему. Так, Е. Рапсон и К.Д. Сетхна полагают, что Мегасфен мог зафиксировать тот список профессий, наличие которых предстало перед его глазами¹⁵. По мнению О. Штайна, Мегасфен не мог получить эти сведения от какого-либо индийского информатора из-за несовпадения его схемы с политической теорией современной ему Индии и что они являются плодами его наблюдений¹⁶. По его мнению, каста отвечает другим требованиям, нежели представленные у Мегасфена¹⁷. Б. Брелёр, вообще отрицавший существование такого института, как каста, для представителей «арийских» племен в Индии, считал, что схема Мегасфена отражает лишь особенности экономического и семейного права в Индии: узость рынка рабочей силы привела к запрету на смену профессии, а требования равноправия для женщин – к возможности заключать брак только с представителем равного «класса» схемы Мегасфена. Семь составляющих ее частей он разделил на три большие группы: философы, не платящие налоги и не получающие содержания, «классы» со второго по четвертый, выплачивающие подати; «классы» с пятого по седьмой, находящиеся на государственном содержании¹⁸. Этой схемы придерживается и Дж. ван Бейтенен, полагающий, что изучение налоговой системы Индии и было основной целью визита Мегасфена¹⁹. Хельмут Хумбах считает, что Мегасфен расположил свои «классы» по принципу возрастающего трудолюбия: от наиболее усердных философов до, если следовать его логике, полных бездельников–шпионов и царских советников²⁰.

¹¹ *Thapar R. Megasthenes. Text and Context // R. Thapar. The Mauryas Revisited. New Delhi – Calcutta, 1987. P. 50–53.*

¹² *Вигасин А.А. Основные этапы истории древней Индии в трудах Р.Ш. Шармы // Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 572.*

¹³ *Он же. Ук. рец. С. 235.*

¹⁴ *Он же. Основные черты социальной структуры древней Индии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 21.*

¹⁵ *Rapson E. Cambridge History of India. N.Y., 1922. P. 409; Sethna K.D. Rejoinder to R.C. Majumdar // JAOS. 1960. V. 80. № 3. P. 246.*

¹⁶ *Stein Megasthenes und Kautalia. S.123.*

¹⁷ *Ibid. S. 222.*

¹⁸ *Breloer. Megasthenes... S. 162; idem. Drei unbekannte Megasthenesfragmente über die pravrajyā // ZDMG. 1939. Bd 93 (18). S. 266.*

¹⁹ *Van Beutenen J.A.B. The Seven Classes of Megasthenes. American Oriental Society. Middle West Branch. Semi-Sentennial Volume. Bloomington, 1969. P. 67.*

²⁰ *Humbach H. Megasthenes and the Indian Castes // Proceedings of All – India Oriental Conference. Poona. 29-th Session, 1978. Poona, 1980. P. 398–403.*

Г. Фальк же предлагает схему, которая устанавливает соотношение между организацией сбора налогов и системой шпионажа по КА²¹.

Нужно отметить, что все вышеозначенные версии страдают серьезными недостатками. Так, отождествление «профессионального класса» Мегасфена с кастой представляется сомнительным, ибо такое восприятие касты характерно скорее для эпохи Средневековья и Нового времени. В эпоху же древности каста – jāti – была «эндогамным объединением экзогамных родов, сохраняя более черты племенной, а не профессиональной организации»²². Профессиональная замкнутость являлась лишь одним, и отнюдь не определяющим признаком касты. Те исследователи, которые постулировали смешение варн и каст, так и не смогли объяснить, почему Мегасфен описал именно семь, и именно эти профессиональные «классы», а также чем было вызвано это смешение. Кроме того, если Мегасфен знал о существовании каст, которые в маурийскую эпоху были уже сложившимся институтом, то почему при передаче этой информации множественность каст, ни одна из которых не имела общиндийского статуса²³, была заменена лишь семью группами?

Определение групп Мегасфена как классов налогоплательщиков (и неплательщиков), предложенное Б. Брелёром, и содержательно и терминологически неудовлетворительно, ибо автор не предложил ни одного аргумента для подтверждения своего положения. Кроме того, Б. Брелёр и повторивший эту точку зрения Д. ван Бейтенен не обратили внимания на то, что в сообщениях античных авторов по поводу системы налогообложения членов производящих классов наличествует определенная разногласия: согласно Диодору (II. 41.1), все ремесленники освобождаются от выплаты податей, согласно же Арриану и Страбону – только изготовители оружия, которые содержатся за счет царской казны (Arr. Ind. 12. 1; Strabo. XV. 1. 46). Делать основополагающие выводы, основываясь на столь противоречивой информации, представляется неправомерным. К тому же и Страбон сообщает, что философы освобождаются от уплаты податей только в том случае, если их пророчества верны (XV. 1. 39). И если групп, имеющих отношение к составленному Б. Брелёром списку, было три, то почему же Мегасфен описывал именно семь, а не три «класса»? Обратившая на это внимание Ромила Тхапар²⁴ сама как бы попадает в ловушку, разделив семь «классов» Мегасфена еще на три группы, но уже по другому признаку: философы, «отвечающие» за религиозные вопросы, следующие три группы – за экономику, а «классы» с пятого по седьмой – за управление²⁵. Помимо совершенно необоснованного деления семи «классов» еще на три группы, вызывает удивление отнесение воинского сословия к разряду управляющих, тогда как из сообщений того же Мегасфена известно, что воины заняты только своим воинским ремеслом (Strabo. XV. 1. 47). Что касается работы Д. ван Бейтенена, то нужно отметить, что он почти дословно повторил положения старой статьи Б. Брелёра «Мегасфен о древнеиндийском обществе», о содержании которой он, видимо, не знал, так как при очень схожих выводах ни разу на нее не ссылается. Единственным отличием является выдвигание исследования системы налогообложения в Индии в качестве основной цели визита Мегасфена, но эту идею ученый не подкрепил солидными аргументами. Что касается деления семи «классов» еще на три, то на его работу можно распространить критику, адресованную Б. Брелёру и Р. Тхапар. Аргументы Хельмута Хумбаха не убедительны, так как отсутствуют данные, которые могли подтвердить его идею. Мегасфен «вспоминает» о трудолюбии при описании только двух «классов» из семи (философов, говоря, что жизнь их самая трудная из всех, и воинов, считая их в мирное время совершенными

²¹ Falk H. Die Sieben Kasten des Megasthenes // Acta Orientalia. 1982. V. 43. S. 67–68.

²² Бонгард-Левин Г.М., Вигасин А.А. Общество и государство древней Индии // ВДИ. 1981. № 1. С. 42; Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артакшаstra: проблемы социальной структуры и права. М., 1984. С. 132; Wigan A.A. Mischkasten im Manava – Dharmaschastra // AoF. 1990. 17. N 1. S. 121 f.

²³ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 133.

²⁴ Thapar. Op. cit. P. 35.

²⁵ Ibid. P. 51.

бездельниками). Можно ли вообще ставить вопрос о том, были ли земледельцы усерднее пастухов, а ремесленники – «шпионов» или царских советников? И, если войны, предававшиеся, судя по Мегасфену, в мирное время попойкам и разного рода увеселениям (Strabo. XV. 1. 47), стоят всего-навсего пятыми в списке самых трудолюбивых, представленном Х. Хумбахом, то что уж говорить о «высшем свете» маурийской Индии?

Против построений Г. Фалька также можно выдвинуть немало возражений: в схеме предложенной им, отсутствуют представители седьмого «класса», произвольно объединенные с пятым, чего нет в тексте Мегасфена; при расстановке «классов» Мегасфена для показа соответствия ее схеме шпионажа по КА Г. Фальк нарушает порядок расположения «классов» в тексте «Индики», а аргумент о «перемешивании» системы шпионажа, потерявшей из-за этого соответствие системе налогообложения, поздним редактором текста КА Вишнугуптой не проиллюстрирован и выглядит явной натяжкой. Кроме того, Г. Фальк не показал, какая связь существовала между системами шпионажа и налогообложения и почему она вообще должна была существовать. Но самое главное – предложенная автором схема, даже если ее принять, подразумевает детальное знание Мегасфеном текста КА. Однако такое предположение практически нереально: допустимо ли, чтобы местные информаторы при дворе царя Чандрагупты могли вводить бы Мегасфена в курс дела по функционированию шпионского аппарата своего государства?

Для того чтобы понять, что же описывал Мегасфен под своими τὰ μέρη τῶν Ἰνδῶν, необходимо обратиться к текстам тех греческих авторов, которые заостряли свое внимание на схожих сюжетах до Мегасфена, и определить, как они описывали подобного рода структуры, а лишь затем найти подходящее соответствие в индийской традиции, стараясь объяснить кажущиеся несовпадения, если такие будут иметь место.

Необходимый для решения поставленной задачи материал содержится уже в труде Геродота. Так, среди египтян он выделяет эндогамную «касту» свинопасов (II. 47), наследственность жреческого статуса (II. 37); «касту» воинов (II. 41); кроме того, он насчитывает семь «каст» (γένη), сгруппированных по профессиональному признаку (II. 164). Геродот описывает эндогамный институт глашатаев, имевший место в Спарте, членами которого могли быть только представители одного рода, передававшие свое ремесло по наследству (VI. 60)²⁶. То есть при описании замкнутых наследственных сословий определяющим признаком для него являлся именно профессиональный статус. Деление общества по этому признаку наиболее полно разрабатывалось в IV в. до н.э. Так, Платон устами Сократа в диалоге «Государство» заявляет, что для пользы дела каждый должен заниматься только одним занятием. Население своего воображаемого полиса он делит по профессиональному признаку (Rep. 369 D), призывает освободить ремесленников и земледельцев от побочного труда (торговля своими товарами) и создать для них такие условия, которые позволили бы им сосредоточиться только на своем деле (371 C). Освобождение от прочих занятий Платон предусматривает и для воинов (374 B–E). Платон подчеркивает, что каждый человек должен исполнять только один вид работ, так как это ведет к повышению качества работы (394 E; 397 E; 443 C). Эти идеи он развивает в диалоге «Законы» (847. A). Кроме того, по мысли Платона, необходимо установить запрет на смену профессий (Legg. 846. E). Не остался в стороне от этой дискуссии и Аристотель. Стагирит определяет восемь структурных единиц государства (μέρη), сформированных по профессиональному признаку (Pol. 1290b–1291a), причем земледельцы, ремесленники и воины его воображаемого полиса относятся к различным его частям (Pol. 1291a). Таким образом, приведенный выше материал говорит о том, что как реально существовавшие, так и воображаемые государства греческая политическая мысль описывала в следующих

²⁶ Подробнее см. *Курилов М.Э.* О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 133 сл.

категориях: разделение населения по профессиональному признаку и обособление этих групп для создания возможности максимально производительного труда вплоть до запрета перехода из группы в группу (Платон, Аристотель). Описывая негреческие народы, на этом особо акцентировал внимание Геродот.

Совершенно естественно, что Мегасфен, «воспитанный» на произведениях греческой философско-политической и историко-этнографической мысли, оперировал категориями, которые выработала греческая традиция. Но не только последняя, но и сама актуальность данной проблематики для греческого мира, что видно из того, какое огромное место занимала тема стратификации общества в произведениях философов и историков, побуждала селевкидского посла использовать при описании индийского общества уже выработанные категории. Вряд ли было бы уместно пользоваться «местной» терминологией в произведении, ориентированном на незнакомого с ней читателя (даже если предположить, что с ней был знаком сам Мегасфен). И нельзя ставить вопрос о переносе «идеальных» для греческого мира состояний на индийскую почву, т.е. о сознательной идеализации Мегасфеном (и, как правило, извращении) реальной картины описываемого общества, как это делают, например, О. Штайн и В. Дикшитар²⁷. Речь идет только о естественном и закономерном использовании того способа описания структуры общества, какой был принят в греческой литературе.

Вместе с тем и сами общественные отношения в Индии должны были дать повод для подобного рода описания. При сопоставлении семи «классов» Мегасфена с традиционными индийскими представлениями о четырех варнах с учетом отмеченной выше особенности описания Индии в категориях, привычных греческому читателю, писателю или мыслителю, получаются следующие результаты. Брахманы ассоциируются у Мегасфена с «философами», он выделяет из их профессиональной деятельности то, что будет знакомо и понятно греку: жертвоприношение и мантику (Законы Ману I. 88; далее – ЗМ). Неверно думать, что Мегасфен не имел представления о ведийской культовой практике, как чуждый ведийскому миру человек²⁸. Так, он верно передает смысл присутствия брахмана при жертвоприношении (Agg. Ind. II. 3), совершаемого по заказу уајатāпа – необходимо было соблюсти совершенную точность в произнесении мантр, отступление от которой было чревато нежелательными последствиями для всей общины²⁹. Таким образом, Мегасфен должен был иметь информацию о функциях философов как «жрецов», якобы будучи *persona non grata* в мире ведийской культуры. Вайшьям и шудрам, согласно ЗМ, было предписано заниматься профессиями, выделенными для «классов» со второго по четвертый (IX. 326–322 и др.). Под воинами могут скрываться только кшатрии. И действительно, тем списком профессий, который представлен у Мегасфена, исчерпываются возможности профессиональной деятельности для представителей чатурварньи (см., например, Мбх. XII. 63.1; КА I. 3. 8; 4.1). Прочая же деятельность, предписанная членам индийского общества, не может быть названа профессиональной и, значит, могла привлечь внимание Мегасфена только во вторую очередь или вообще ускользнуть от его взгляда: раздача и получение милостыни для брахманов (ЗМ I. 88), принятие даров для кшатрия (ЗМ I.77), «дарение», учение и жертвоприношение для кшатрия и вайшьи подчеркнута отделены от их основной профессии (например, ЗМ X. 79).

Оценочной категорией, определявшей место той или иной группы в обществе была именно варна, а не каста³⁰. Помимо приведенных в исследовательской литературе свидетельств еще одно подтверждение этому выводу дает буддийская традиция: в *Мајјһіта-Нікāуа* (II. 148–149) социальный статус человека определяется принадлежностью именно к варнам, на которые составители текста разделили современное

²⁷ Stein. *Megasthenes und Kautalia*. S. 42, 63, 110–115, 123, 201–205, 285; *Dikshitar V.R.R. The Mauryan Polity*. Madras, 1953. P. 33–34.

²⁸ *Dikshitar*. Op. cit. P. 33–36.

²⁹ *Шохин В.К. Брахманическая философия*. М., 1993. С. 44.

³⁰ *Вигасин. Основные черты социальной структуры ...* С. 21; *Вигасин, Самозванцев. Ук. соч.* С. 135; *Wigasin. Mischkasten...* S. 116.

им греческое общество, а не к кастам. Общее деление социума описывается в древнеиндийской традиции как деление на варны, хотя терминологически *varṇa* и *jāti* часто могли обозначать одно и то же. Варна являлась способом классификации уже реально существовавших групп³¹. Поэтому наиболее вероятным представляется вариант, при котором Мегасфену на вопрос об общих принципах деления индийского общества его окружение ответило, ссылаясь именно на варны. Исходя из того, что сам институт касты связан с племенной организацией³², наличие архаической системы каст могло, скорее, отразиться в упоминании у Арриана 118 народностей, живущих в Индии и не общающихся между собой: ἔθνεα δὲ Ἰνδικὰ εἰκοσι καὶ ἑκατὸν τὰ ἅπαντα λέγει <Μεγασθένης> δυοῖν δέοντα ... τὸ δὲ ἀτρεκέες οὐκ ἔχω εἰκάσαι ὅπως ἑκμαθῶν ἀνέγραψεν οὐδὲ πολλοστὸν μέρος τῆς Ἰνδῶν γῆς ἐπελθῶν οὐδὲ ἐπιμιξίης πᾶσι τοῖς γένεσιν ἐούσης ἐς ἀλλήλους (Ind. 7.1). Именно в этом отрывке в индийском γένος, отождествленном Мегасфеном с ἔθνος, можно разглядеть два существенных признака *jāti*: генетическую связь касты с племенем и строгую эндогамию: последние слова этого фрагмента (οὐδὲ ἐπιμιξίης πᾶσι τοῖς γένεσιν ἐούσης ἐς ἀλλήλους) указывают на отсутствие брачных отношений между представителями разных ἔθνεα/γένεα. То есть семь «классов» в «Индике» Мегасфена могли отражать теорию четырех варн в категориях, принятых в греческой этнографической литературе: деление общества проводилось по профессиональному признаку – варны в древнеиндийской политической теории отличались друг от друга теми или иными занятиями, предписанными их членам. Таким образом, Мегасфен вполне мог принять теорию четырех варн как разделяющую индийское общество по профессиональному признаку.

При рассмотрении структуры государства греческая политическая мысль настоятельно подчеркивает необходимость наличия «властей» (Plato. Legg. 808 D; Arist. Pol. 1291a), ибо без «должностей» (ἀρχαί) государство не может благополучно существовать (Arist. Pol. 1298a). Государство, говорит Аристотель, это распорядок в системе должностей, особенно высших (Pol. 1278b; 1279a; 1289a–b). Поэтому Мегасфену не могло не броситься в глаза отсутствие в индийской традиции «специального» профессионального «класса» для «властей». Иногда встречающееся в ней отождествление «руководства» с профессией кшатриев вряд ли могло удовлетворить Мегасфена, если оно ему вообще в каком-либо виде встречалось, так как, согласно рекомендациям самой греческой традиции, выраженным Платоном и Аристотелем, нельзя допускать, чтобы один человек занимался сразу двумя делами: и воевал бы, и «руководил» – необходимо иметь в виду рекомендации об отделении воинского труда от всякого другого (Arist. Pol. 1329b). Поэтому «правители» и могли быть выделены Мегасфеном в отдельные шестой и седьмой «классы», стоящие после пересказа местной традиции о делении общества.

При определении, почему Мегасфен описал именно семь «классов», исследователей, высказывавших свои мнения по этому вопросу, можно разделить на тех, кто считает, что Мегасфен описывал то, что видел, и ставить вопрос о самом числе семь бессмысленно³³, и тех, кто полагает, что на Мегасфена каким-то образом могла повлиять индийская политическая теория, содержащая описание «семичленного царства»³⁴, которое состоит из царя, министра, сельской местности, укрепленных городов, казны, войска и союзников (KA VI. 11). Однако в таком случае непонятно, почему Мегасфен отразил только форму, а содержания этой схемы не коснулся. Р. Тхапар, рассматривая вероятность влияния на схему Мегасфена Геродота, разделившего египтян на семь профессиональных родов, не нашла тому никаких подтверждений. Между тем даже по содержанию (жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы,

³¹ *Wigasin. Mischkasten...* S. 116, 120.

³² *Визасин, Самозванцев.* Ук. соч. С. 132.

³³ *Rapson. Op. cit.* P. 409; *Stein. Megasthenes und Kautaliya ...* S. 123; *Sethna. Op. cit.* P. 246; *Majumdar R.C. The Indika of Megasthenes // JAOS.* 1958. V. 78. N 1. P. 276.

³⁴ *Thapar. Op. cit.* P. 51.

мелочные торговцы, толмачи и кормчие) совпадений между схемами Геродота и Мегасфена гораздо больше – «классы» Геродота с первого по пятый так или иначе упоминаются и у Мегасфена), нежели между схемой автора «Индики» и семичленным царством КА. Стоит отметить, что для представителей греческого мира государство – πόλις – всегда составляли «люди» (например, Thuc. VII. 77,7), а не абстрактные категории вроде «казны» или «сельской местности», как в теории «семичленного царства» КА. Кроме того, такой авторитет в этом вопросе, как Аристотель, указывает, что разделение населения государства на слои ведет свою историю из Египта, ибо египтяне – самый древний народ на земле (Pol. 1329b). Более вероятно, что знавший труды Геродота и Аристотеля³⁵ Мегасфен, следуя древнейшему делению населения на составляющие части вообще и видя отсутствие необходимых элементов в своем изложении теории четырех варн, добавил недостающие «власти», благодаря чему и довел количество своих «классов» до семи, удовлетворив тем самым «требованиям» как Геродота, так и Аристотеля и проявив должную самостоятельность в изложении политической теории. Возможно, в выборе числа семь сыграло свою роль бессознательное стремление к «сакрализации» государственной структуры Индии, которая уже успела стать страной чудес в греческой хорографической традиции.

Инеродность шестого и седьмого «классов» по отношению к первым пяти проявляется и в следующем: при описании запрета на смену профессий и требованиям эндогамии Диодор упоминает представителей пятого, второго, четвертого, и первого «классов» соответственно (Diod. II. 41.5), а Арриан – второго, третьего и четвертого (Ind. 12. 8–9), т.е. тех, которые и могли составить основу пересказа теории четырех варн, смешение которых строго порицалось местной традицией. Этим же объясняется и упоминание только «классов» с первого по пятый при описании необходимости соблюдения эндогамии. Попытки Б. Брелёра и Р. Тхапар³⁶ отделить описание профессиональных «классов» от картины семейного права и запрета на смену занятий не представляются убедительными. Но если Брелер для объяснения своей позиции выдвигает универсальный для него аргумент – отсутствие кастовой системы для представителей «индийских ариев», то Р. Тхапар вообще оставила свои рассуждения без объяснений. Между тем объединение этих вопросов совершенно необходимо, что становится абсолютно ясным из дальнейшего рассмотрения понятия «варна» в древнеиндийской политической мысли.

Запрет на брак с представителями другого «класса» (Diod. II. 41. 5; Arr. Ind. 12. 8–9; Strabo. XV. 1. 49) вытекает из установки на лучший брак, как совершающийся между представителями равной варны (предположительный аналог профессионального «класса» у Мегасфена). Так, например, Ману считает сыновей, рожденных от жен следующей, низшей варны, хотя и равными, но порицаемыми (ЗМ. III. 4, 12; VIII. 172; X. 24; 6). Согласно другому стиху (ЗМ. III. 12), разрешается при первом браке брать жену по любви, но по любви все же из той же варны. В другом месте сказано, что личное услужение и постоянные священные обряды следует совершать только жене равного с мужем варнового происхождения (ЗМ. X. 86). Дети же, происходящие от брака типа «апада», т.е. брахмана и трех нижеследующих варн (кшатрия, вайшьи и шудры), кшатрия и двух (вайшьи и шудры), вайшьи и одной (шудры) (ЗМ. X. 10) существуют занятиями, презренными с точки зрения дваждырожденных (ЗМ. X. 46). Л. Скуржак считал необоснованной точку зрения тех исследователей, которые полагали, что нельзя толковать договор между Селевком Никатором и Чандрагуптой Маурья как давший легальную основу для заключения межгосударственных браков по той причине, что кастовая система Индии запрещала браки вне определенной касты. Он полагал, что строгая эндогамия является характерным признаком касты Нового и Новейшего времени, но в том, что касается времени Мегасфена, историки не располагают данными, которые позволили бы им с такой легкостью распространять

³⁵ О влиянии терминологии Аристотеля на Мегасфена см. *Breloer B. Kautaliya Studien. Bd I. Leipzig-Bonn, 1927. S. 60 f.*

³⁶ *Idem. Megasthenes... S. 134–146; Thapar. Op. cit. P. 53.*

признаки кастовой системы недалекого прошлого на маурийское время³⁷. В этой связи следует еще раз отметить, что уже Артхашастра Каутильи при внимательном анализе данных о jāti, дает возможность установить наличие сложившейся кастовой системы³⁸. Однако индийская традиция, которую можно было бы датировать временем визита Мегасфена (например «Законы Ману»), относит призыв к эндогамии к варнам. На вопрос о способах структурирования общества Мегасфен с большей вероятностью мог получить ответ о варновом принципе как сложившейся оценочной категории, нежели о кастовом, фиксировавшем реально существующие многочисленные сообщества, зачастую имевшие лишь локальное распространение, сформированные по тому или иному признаку.

Та же ситуация прослеживается и в отношении запрета на смену профессий. Если варна понималась Мегасфеном как некий род, представители которого сохраняли и наследовали свой профессиональный статус, то индийским прототипом этого запрета будет стремление к сохранению порядка варн и их несмешению, отказ от которого является «крайним пределом для злокозненных» (ЗМ. I. 87; VIII. 418; Мбх. V. 70. 28). Одна из основных обязанностей царя – поддержание варнового строя, предотвращение смешения варн (Мбх. XII. 64. 24–27; 65. 6–7; 67. 3, 21, 27). Индийская политическая традиция дает разрешение жить занятиями, предусмотренными для представителей других варн только в экстремальных условиях (ЗМ. VIII. 42; 102; X. 81–83; 24; XII. 70; КА III. 7–31). Уместно было бы вспомнить «разрешение» становиться философом любому индийцу именно потому, что жизнь его полна лишений и неудобств (Strabo. XV. 1. 49; Агр. 12. 9). Индийская традиция пестрит и прямыми запрещениями заниматься несвойственными той или иной варне видами деятельности (Мбх. I. 46. 5–16; II. 30. 1–9; III. 181. 24–33; V. 70. 42–54; VII. 30. 57–66 и др.), т.е., описывая запрет на смену профессионального статуса, Мегасфен воспроизводит наиболее желательные, своего рода «оптативные» состояния, рекомендуемые местной традицией как наилучшие. Это представляется очень важным для уяснения целей составления «Индики». Именно такое понимание его слов не противоречит высказываемым в литературе предположениям о «замыкании» варн лишь на рубеже нашей эры, как принято считать в исследовательской литературе³⁹. И было бы неверно вслед за О. Штайном⁴⁰ считать эту мысль новой, а тем более сенсационной. К уже упоминавшимся выше высказываниям греческих авторов по этому поводу можно добавить слова Платона о том, что в случае смешения профессиональных сословий произойдет гибель государства (Rep. 434B).

Последовательность расположения «классов» Мегасфена также не лишена определенной закономерности. Помещая философов на первое место, Мегасфен отражал присущее, в частности литературе шастр, положение о наивысшем среди всех существ состоянии брахманов (ЗМ. I. 96; IX. 317), что соответствовало стремлению возвеличить философов в греческом мире (Plato. Rep. 489A–B; 494 A, особ. 473 C–D; 543 A).

В том, что именно земледельцы занимают второе место и являются κοινὸς εὐεργέτας ἡγοῦμενοι – «почитающимися всеобщими благодетелями» (Diod. II. 40. 4), можно усмотреть влияние индийской традиции, положения которой по данному вопросу находятся в согласии с требованиями греческой. Так, согласно «Артхашастре Каутильи», добродетельные земледельцы провозглашаются «силой государства» (КА. VII. II. 24). После государя и министра сельское население занимает третье место по важности среди государственных факторов (КА. VI. I. 1). Каутилья утверждает, что все мероприятия, касающиеся укреплений, казны, войск, сооружений, а также торговые операции находятся в зависимости от состояния сельской местности (III. 1. 29),

³⁷ Skurzak L. Le traite du paix en 305, selon Strabon et Appien d'Alexandre // Eos. 1964. V. 54. P. 227–229.

³⁸ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 129–132.

³⁹ Например, Вигасин А.А. Об эндогамии древнеиндийских варн // Индийская культура и буддизм. М., 1970. С. 98.

⁴⁰ Stein. Megasthenes. S. 234.

сельское население есть основание для всех действий (VII. 14. 19). И в этом не было ничего удивительного для грека. Нет надобности считать Мегасфена знатоком и первооткрывателем для греческого мира деталей индийской политической теории, неизвестных его культурно-исторической родине. Так, согласно Ксенофону (Econ. 5. 17), земледелие – мать всех ремесел. Греческая традиция выработала представление об особой почетности труда земледельца (Xen. Econ. 5. 20 15. 9; 15. 12; 18. 10; 13. 17; Hes. Opp. 90–93; 391 и т.д.). Земледельцев считают наиболее ценным сословием и Платон (Rep. 421 A), и Аристотель (Pol. 13128b). В соответствии с Аристотелем же в идеальном государстве после земледельцев наилучшим является сословие скотоводов и пастухов (Pol. 1319a), что и отразил Мегасфен. Положение сословий ремесленников и воинов на четвертом и пятом местах можно, очевидно, объяснить следующим образом. Презрение к оплачиваемому труду, в частности ремесленному, бытовавшее в греческом мире, четко выразил Аристотель, указавший, что ремесло несовместимо с добродетелью (Pol. 1278a; 1319a). Аристотель говорит, что положение ремесленника сродни состоянию ограниченного рабства (Pol. 1260b), что ремесленники не должны быть гражданами, так как гражданин свободен от повседневного труда (Pol. 1278a). С ним согласен и Ксенофонт (Inst. Cyn. II. 7. 7). Мегасфен мог встретиться с теми положениями местной традиции, которые относили ремесленный труд к уделу шудры и считали его презренным занятием (ЗМ. I. 91; X. 93–100; Мбх. III. 198. 19–30). С одной стороны, это представляется маловероятным, ибо тогда воины-кшатрии должны были бы оказаться на втором месте после философов, но с другой – их пятое место вполне может объясняться тем бездельем и теми попойками, которыми было занято все свободное время воинов, не выполнявших в мирное время никакой полезной для общества работы (Diod. II. 41. 2; Strabo. XV. 1. 47; Art. Ind. 12. 4). Таким образом, Мегасфен не следовал слепо за местной традицией, а старался выбрать из нее то, что так или иначе соответствовало идеалам греческой политической традиции. Поставив самых уважаемых в обществе философов на первое место, он в дальнейшем следовал расположению своих «классов» по принципу их общественной полезности и пропорционально оказываемому почиту. Так же располагал части своего воображаемого полиса и Аристотель (Pol. 1319a), земледельцы, ремесленники и воины расположены у Мегасфена в той же последовательности, как и у Стагирита (Pol. 1291b). Шестой и седьмой «классы» схемы Мегасфена добавлены не на основании пересказа Мегасфеном теории четырех варн, но в результате его личных наблюдений при дворе Чандрагупты и потому не могут рассматриваться как поставленные наряду с «классами» с первого по пятый по одному признаку.

Таким образом, при описании семичленной структуры общества в Индии Мегасфен использовал профессиональный «класс» как структурообразующий элемент, свойственный греческой историко-этнографической и философско-политической мысли. Его описание составлено с акцентом на разделение труда и обособление возможных профессиональных сословий, что могло бы повлечь за собой значительные выгоды в экономическом развитии. Эти темы были всерьез поставлены еще Геродотом, их активно обсуждали Платон, Ксенофонт, Аристотель, конструировавшие различные модели идеальных государств. Мегасфен, судя по всему, был осведомлен об этой дискуссии и, встречая те или иные положения индийской политической традиции, облекал их в те образы, коими пользовались ее участники и его предшественники. Необходимо отметить целенаправленность поиска информации, которая могла бы ответить на вопросы, поставленные греческой философско-политической мыслью. Он стремился находить в политической теории Индии способы структурирования государства, по его мнению, находящиеся в соответствии с проектами идеальных государств, предложенных в греческом мире. Но вместе с тем нельзя считать, что Мегасфен идеализировал описываемую им реальность. На основании вышеприведенного анализа принципов описания общественной структуры восточной Индии Мегасфеном можно считать вполне определенным тот факт, что его сочинение строилось по принципам не только историко-этнографическим, но и политико-

философским, при том, что оба эти подхода были тесно переплетены в русле общего развития древнегреческой литературной традиции: материал проходил строгий отбор и использовался только тот, который отвечал требованиям организации идеального государства, выдвинутым греческой политической философией V–IV вв. до н.э. «Индика», очевидно, составлена в рамках дискуссии относительно наилучшего государственного устройства, активно протекавшей в греческом мире, особенно в IV в. до н.э. Однако читатели, как древние, так и многие современные, приняв форму описания индийской действительности за содержание, не восприняли «Индику» как отражение реального положения дел в далекой Индии, что породило в позднейшей античной литературе восприятие Индии как уже реализованного идеала государственного строительства.

М.Д. Бухарин

THE DESCRIPTION OF THE INDIAN STATE IN MEGASTHENES' INDIKA

M.D. Bukharin

The article presents an analysis of the principles of the description of the structure of the ancient Indian society in Indika by Megasthenes, one of the most important works of ancient literature devoted to the description of India. On the basis of the analysis of the tradition of the description of non-Greek societies and ideal states in ethnographic and philosophic-political literature preceding Megasthenes, identification of the stereotypes underlying such descriptions and comparison of fragments from Indika with Indian tradition the author has come to the conclusion that Megasthenes followed in the steps of the existing literary tradition and structured his description in such a way as to answer questions, raised by Greek political philosophy in its search for an ideally organized state on the basis of Indian material.

© 1997 г.

ТРЕТЬЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМА ВИНЫ СТОРОН

Есть мнения, которые почти общеприняты, хотя и не имеют достаточных к тому оснований. Одно из них, уже глубоко укоренившееся в антиковедении, гласит, что македонский царь Филипп V до конца своих дней мечтал о войне реванша против Рима, эту идею унаследовал его преемник Персей, на котором во многом и лежит вина за начало III Македонской войны, погубившей царство Антигонидов. Между тем при тщательном анализе источников и конкретных событий такое мнение выглядит весьма проблематичным.

После Сирийской войны, ослабившей Селевкидов и поставившей их в зависимость от Рима, сенат ужесточил политику на Балканах. Отчетливо прослеживается стремление перейти от отношений протектората к полной гегемонии в регионе. Необходимость в помощи греков на Востоке отпала, исходя из политической ситуации упали ценность и значимость партнеров. Отныне особое внимание уделялось самому сильному государству – Македонии, ее пытались превратить в полностью зависимую, лишённую самостоятельной внешней политики. Давление на страну нарастало, ее всячески старались ослабить (App. Мас. IX. 6).

Во время Сирийской войны Филипп V, воспользовавшись разрешением римлян, занял часть Этолии. Однако затем ему изменило чувство меры, и он заодно «прихватил» и несколько фессалийских городов. Не случись этого, сенат, возможно, дольше помнил бы о ценной помощи царя в войне, тем более что, присоединившись к Антиоху III, он мог бы очень навредить Риму (App. Мас. IX. 6). Только благодаря Филиппу римская армия без потерь прошла через Фракию в Азию. На обратном пути, когда македоняне уже не беспокоились безопасностью дороги, фракийцы отбили часть трофеев, а консул с потрепанным войском сумел спастись, только уйдя в Македонию (App. Суг. 43), царь был вправе рассчитывать на благодарность.

Тем не менее после победы сенат заявил Филиппу, что не может выполнить щедрые обещания, данные ему накануне войны. Правда, ему разрешили оставить себе занятые земли, но позже потребовали очистить города Перребии и Эн с Маронеей (Polyb. XXII. 15. 3–4). Не смея спорить с Римом, разгневанный царь устроил резню в Маронее, ранее просившей сенат освободить ее от македонян. Специальная римская комиссия установила, что репрессии в городе – дело рук Филиппа и он враждебен Риму (Polyb. XXII. 18. 6). Вывод, безусловно, верный. Царь, однако, опасался открыто проявлять глубоко запрятанную ненависть к римлянам, чтобы не дать им повода спровоцировать войну, которой он явно боялся и не хотел. Надеясь избежать конфликта, он послал в Рим своего сына Деметрия. Использование в качестве посла царевича – случай крайне редкий для эллинистической дипломатической практики, но царь рассчитывал, что Деметрий, проведенный несколько лет в Риме в качестве заложника, сумеет использовать свои личные связи, чтобы умилостивить римское правительство.

Царевич зачитал в сенате письмо отца, в котором по каждому пункту обвинений было отмечено, что уже сделано и что будет сделано в уступку римлянам, хотя решение их и несправедливо. Последнее замечание было добавлено ко многим пунктам (App. Мас. IX. 6). Царь тщетно пытался апеллировать к совести сената, но заявлял о готовности подчиниться даже явно несправедливому решению; сохраняя возможное достоинство, он старался не доводить отношения до разрыва.

Сенат объявил, что прощает царя только ради его сына (Polyb. XXIII. 2. 10; App. Мас. IX. 6). Царевича окружили особым вниманием, намекая, что царем Македонии хотят видеть именно его. Фламинин приглашал Деметрия на «тайные совещания», убеждая, что ему помогут утвердиться на троне (Polyb. XXIII. 3. 8). Законный наследник престола Персей сенат не устраивал, так как его антиримские настроения были известны¹. Роль Фламинина в этой интриге весьма неприглядна, но это была не его частная инициатива, а исполнение воли сената, действовавшего исходя из политических соображений². Как отмечал еще Дж. Гаст, посадив на трон слабого и тшеславного царевича, сенат получил бы покорную Македонию³.

Можно согласиться, что поведение Деметрия «было очень близко к измене»⁴, он действительно ничего не сообщил отцу о предложении сената, но нет никаких видимых оснований утверждать, что царевич «возглавил проримскую группировку в Македонии»⁵. Трудно судить, насколько римлянам удалось «обработать» Деметрия; закончилась эта интрига трагично: по ложному доносу Персея Филипп велел убить сына, ставшего жертвой хитроумных комбинаций сената.

Царь, понимая, что дело идет к уничтожению страны⁶, готовился к борьбе:

¹ Meloni P. Perseo e la fine della monarchia macedone. Rome, 1953. P. 43; Errington R.M. The Dawn of Empire. Ithaca – New York, 1973. P. 202.

² Edson C.F. Perseus and Demetrius // HSCP. 1935. XLVI. P. 193–194, 198, 200; Walbank F.M. Philip V of Macedon. Cambr., 1940. P. 239; Briscoe J. Flamininus and Roman Politics, 200–189 B.C. // Latomus. 1972. T. XXXI. Fasc. 1. P. 25.

³ Gast J. The History of Greece. V. 2. Basil., 1747. P. 179.

⁴ Edson Op. cit. P. 194, 198, 200 f.

⁵ Шофман А.С. История античной Македонии. Т. 2. Казань, 1963. С. 247.

⁶ Walbank F.W. Philippos Tragoiomenos // JRS. 1938. LVIII. P. 66.

утвердился во Фракии, упрочил дружбу с иллирийцами, заключил союз с бастарнами. Полибий, однако, напрасно видит причину III Македонской войны в Филиппе (XXII. 8. 10), а В.С. Сергеев, слишком буквально понявший эту фразу автора, так и пишет: «Войну начал все тот же неугомонный Филипп»⁷. Заметим, что царь умер за восемь лет до ее начала! В этом пассаже ярко проявилась глубоко укоренившаяся вера в реваншизм Филиппа.

Прагматичный царь не помышлял больше о мести Риму⁸ и готовился не к нападению, а к обороне. Имея намерение напасть первым, он мог осуществить его во время Сирийской войны с меньшим риском и бóльшими шансами на успех, но при всей ненависти к Риму не рискнул это сделать даже в союзе с Антиохом III и Этолией, тем более не отважился бы он на такую войну в одиночку. Утверждения, что царь хотел организовать вторжение северобалканских племен в Италию⁹, отвлечь римлян нападением кельтов, чтобы вновь захватить гегемонию в Греции¹⁰, неправдоподобны. Р. Эррингтон справедливо называет их фальшивыми и просто фантастичными¹¹.

Разумеется, Филипп не стал пацифистом, но степень агрессивности напрямую зависит от соотношения сил и политической ситуации; ни то, ни другое не давало ему ни малейшего шанса на победу. Невероятно, чтобы царь, «с умением и величайшей рассудительностью приспособившийся к своему новому положению» (Polyb. XVIII. 33, 7), не понимал этого. Желание не только начать войну против Рима, но даже и высадиться в Италии¹², приписываемое ему, должно остаться на совести тенденциозных анналистов.

Ливий пишет (XLIV. 16), что если бы Персей по примеру отца ежедневно дважды перечитывал текст мирного договора с римлянами, он не стал бы портить с ними отношений. На эту фразу обычно не обращают внимания. Видимо, чтение договора, ущемившего Македонию, напоминало Филиппу о мощи врага, что позволяло укрощать гнев и сохранять осторожность. Несмотря на то что римляне крайне раздражали его своей назойливой мелочной опекой¹³, он не терял самообладания и не позволил спровоцировать конфликт.

Война с Римом не была целью Филиппа, он готовился защищать Македонию, если бы Рим решил лишить ее независимости¹⁴. Утверждение Полибия, что царь готовил войну из мести, ошибочно. Филипп лишь хотел видеть свою страну снова сильной, и ему это удалось¹⁵. До самой смерти он не нарушал хороших отношений с Римом¹⁶ и в 179 г. до н.э. оставил Персею окрепшее царство.

Проблема III Македонской войны тесно связана с оценкой личности и деятельности Персея. В источниках он получает негативную характеристику. Отмечаются его скупость (Plut. Aem. Paul. VIII, XII), малодушие (Polyb. XXIX 17. 5; App. Mac. XV; Plut. Aem. Paul. IX), непорядочность (Plut. Aem. Paul. VIII; Just. XXII. 3. 1), излишняя доверчивость и нерешительность и в то же время – дерзость и неумение владеть собой (Liv. XLII. 43. 25). Традиция утверждает, что Персей ненавидел римлян (Plut.

⁷ Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. Т. 1. М., 1938. С. 127.

⁸ Всемирная история / Под ред. А.А. Каспари. М., 1902. С. 309.

⁹ Мурыгина Н.Ф. Фракия и Рим. Борьба фракийских племен против римской агрессии во II–I вв. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1951. С. 7.

¹⁰ Нице Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1908. С. 160.

¹¹ Errington. Op. cit. P. 203.

¹² Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времен. Т. 3. СПб., 1873. С. 253; Штоль Г.В. Герои Рима в войне и мире. СПб., 1896. С. 334; Нич К. История Римской республики. М., 1908. С. 255; Шофман. Ук. соч. С. 246; Ното L. Primitive Italy. L., 1926. P. 305, 308; Toynbee A.J. Hannibal's legacy. V. 2. L., 1965. P. 469.

¹³ Герцберг Г. История Рима. М., 1881. С. 322.

¹⁴ Benecke P.V.M. The Fall of the Macedonian Monarchy // САН. V. VIII. Camb., 1930. P. 246; Rostovtzeff M. A History of Ancient World. V. 2. Oxf., 1927. P. 71; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. V. III. Oxf., 1979. P. 199.

¹⁵ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 271.

¹⁶ Нетушица И.В. Обзор римской истории. Харьков, 1916. С. 115.

Ает. Paul. VIII), желал войны с ними (Liv. XLII. 15) и склонял все племена к военному союзу против Рима (Just. XXII. 4. 1). Однако общая установка авторов – царь хотел войны – опровергается фактами, которые они же сами и приводят. Версия Ливия, что Персей убеждал Антиоха, Египет (?) и даже Пергам (!) восстать против Рима (XLII. 26), – абсурдна. Информация о посольстве македонян в Карфаген исходит от Масиниссы (Liv. XLII. 22) и выглядит сомнительной. Ливий обвиняет Антигона в покушении на Эвмена и приводит совершенно фантастичные слухи о желании царя отравить римских послов (XLII. 17).

Аппиан, напротив, сообщает о трудолюбии и трезвом образе жизни молодого царя, что снискало ему всеобщую любовь, о его разумности и милосердии (Mac. XI. 13), проницательности и смелости в бою (Mac. XVI). Все эти качества покинули его только после поражения, когда он был сломлен судьбой (*ibid.*). Этот образ столь же далек от реального, как и созданный римской пропагандой.

Отрицательное отношение к Персею господствует и в историографии, особенно старой¹⁷. Единственно верную оценку сторонам можно дать лишь исходя из тех целей, которые они перед собой ставили, и из тех факторов, которые стали причиной войны. Некоторые ученые полагают, что царь желал войны, но и боялся ее¹⁸. Другие верят, что он готовил наступательную войну с Римом¹⁹ и, чтобы получить в ней поддержку греков, провел ряд демагогических мер: обещал кассацию долгов, амнистию всем заключенным²⁰, но его безудержная демагогия многих оттолкнула²¹.

На самом же деле царь никогда не был демагогом. Взойдя на трон, он издал указ о прощении должников и осужденных за преступления против царской власти, одновременно он призвал изгнанников вернуться на родину²². Как убедительно показал Д. Мендельс, такие действия диктовались старым македонским обычаем и были традиционны при восшествии на престол нового царя, а указ касался исключительно македонян²³. Персей главное внимание уделял стабилизации внутреннего положения страны²⁴. Социально-политические меры царя в Македонии сделали его популярным во всей Греции; Рим выглядел защитником существующего статус кво, поэтому массы ждали изменений от Персея²⁵. В своих экономических трудностях они возлагали на Персея надежды, которые он не мог или не хотел осуществить²⁶. Обвинения в том, что царь разжигал революционность масс в Греции, безосновательны, они – плод римской пропаганды²⁷.

В Греции росла враждебность к Риму, даже Т. Моммзен признает, что «освободителям иногда случалось совершать несправедливость»²⁸. В Персее греки видели единственную силу, способную сбросить с них цепи зависимости. Этим, а не личными качествами царя, объясняется его популярность. Персей отнюдь не был выдающимся полководцем, как утверждает С.Г. Лозинский, и он не создал антиримскую коалицию,

¹⁷ См. *Гадзяцкий П.* Всеобщая история. Аккерман, 1887. С. 190; *Ткачевский А.* Учебник древней истории. 3-е изд. СПб., 1901. С. 206; *Мабли Г.Б.* Размышления о греческой истории. М.-Л., 1941. С. 323; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М.-Л., 1949. С. 47; *Gast.* Op. cit. P. 178; *Niebuhr B.G.* Lectures on the History of Rome. L., 1903. P. 458.

¹⁸ *Шлоссер Ф.* Всемирная история. Т. 3. СПб., 1862. С. 422; *Вебер Г.* Всеобщая история. Т. 3. М., 1892. С. 549; *Герцберг.* Ук. соч. С. 324, 330; *Нич.* Ук. соч. С. 256.

¹⁹ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 714; *Бокщанин А.Г.* История международных отношений и дипломатии в древнем мире. М., 1945. С. 57; *Ревако К.А.* Пунические войны. Минск, 1988. С. 221.

²⁰ *Мишулин А.В.* Античная история Греции и Рима. М., 1944. С. 180; *он же.* История древнего Рима. М., 1946. С. 40; *Шофман.* Ук. соч. С. 63; *История древнего мира / Под ред. А.Г. Бокщанина.* Т. 2. М., 1982. С. 259.

²¹ *Ковалев С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 275.

²² См. *Polyb.* XXV. 3. 1.; *Syll.*³ 636.

²³ *Mendels D.* Perseus and the Socio-economic Question in Greece (179–172/1 B.C.) // *AS.* 1978. № 9. P. 57.

²⁴ *Павловская А.И.* Греция и Македония в эпоху эллинизма // *История Европы.* Т. 1. М., 1988. С. 429.

²⁵ *Mendels.* Op. cit. P. 694–725.

²⁶ *Ibid.* P. 73.

²⁷ *Ibid.* P. 62.

²⁸ *Моммзен.* Ук. соч. С. 717.

в которую «был вовлечен даже далекий Карфаген»²⁹. Никакой коалиции не существовало. Карфаген вовсе не демонстрировал свою «антиримскую направленность»³⁰, а напротив, был покорен Риму. Унаследовав ненависть отца к римлянам, Персей продолжал и его политику подготовки к оборонительной войне, но делал это без должной скрытности. Он старался приобрести как можно больше союзников, чтобы укрепить обороноспособность страны и ослабить ее зависимость. В то же время, отойдя от разумной осторожности Филиппа, он пытался усилить свое влияние в Греции. Мирный поход в Дельфы, предпринятый «с пропагандистскими целями»³¹, был ошибкой царя, но сама по себе она не может служить обоснованием войны против него³². Персей не предпринял ничего, что позволило бы считать его инициатором войны.

Мнения о причинах войны можно систематизировать по пяти группам: 1) Персей – агрессор, развязавший войну и вынудивший Рим принять ответные меры³³; 2) опасные действия царя втянули Рим в войну, дали ему повод для решения македонской проблемы, а война была спровоцирована Персеем³⁴; 3) виновник войны – только Рим, а действия царя имели чисто оборонительный характер³⁵; Персей не нарушил ни одного пункта мирного договора³⁶, он не хотел войны, ее спровоцировал Рим³⁷; 4) причиной войны было обращение к сенату Эвмена³⁸ (это мнение совершенно неубедительно, так как Атталид не мог определять внешнюю политику Рима); 5) ответственность за войну лежит на доминировавшей в Риме агрессивной партии Фульвиев, именно она развязала войну³⁹. Заметим, что мнение о господстве Фульвиев выглядит явным преувеличением, к тому же Римская республика не вела войн в угоду отдельным нобильским родам. Соперничающие между собой группировки знати во внешней политике руководствовались пользой государства, как они ее понимали, а не своими личными амбициями.

Ближе всего к истине третья позиция. Отметим, однако, что демонстрация силы в Дельфах превысила разумные пределы оборонительной политики, вызвав раздражение римлян. Мы считаем, что характеристика Персея в источниках явно тенденциозна, его внутренняя политика очень разумна, а главная цель – укрепить страну и избежать войны. Но при этом личные качества царя малосимпатичны, а во внешней политике ему не хватало гибкости и решительности в критический момент. Он не хотел столкновения и не был авантюристом, идущим на заведомо проигрышную войну; Македония мешала римлянам самим фактом своего существования, и демонстрируя ее силу, он ускорил события. Перед Персеем было только два варианта:

²⁹ Лозинский С.Г. История древнего мира. Греция и Рим. Пг., 1923. С. 111.

³⁰ Шофман. Ук. соч. С. 253.

³¹ Моммзен. Ук. соч. С. 718; Meloni. Op. cit. P. 134–135.

³² Эти действия царя невозможно считать нарушением условий мирного договора. См. Errington. Op. cit. P. 204.

³³ Штоль. Ук. соч. С. 334; Всемирная история / Под ред. А.А. Каспари. С. 309; Scullard H.H. A History of the Roman World from 753 to 146 B.C. L., 1964. P. 265; Starr C.G. A History of the Ancient World. Oxf., 1965. P. 493.

³⁴ Моммзен. Ук. соч. С. 714; Pelman H.F. Outlines of Roman History. L., 1893. P. 135; Heitland W.E. The Roman Republic. V. I. Camb., 1909. P. 88–89; Meloni. Op. cit. P. 148–149, 158–159, 444–451; Stobart J.C. The Grandeur that was Rome. N.Y., 1962. P. 551; McShane R.B. The Foreign Policy of Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 164; Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic. Oxf., 1968. P. 3; Raditsa L. Bella Macedonica // ANRW. Bd. I. В.-N.Y., 1972. P. 578, 579, 585; Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. V. 2. Berkeley, 1984. P. 417.

³⁵ Benecke. Op. cit. P. 256; Cary M., Haarhoff T.J. Life and Thought in the Greek and Roman World. L., 1959. P. 60.

³⁶ Jaczynowska M. Historia starożytnego Rzymu. Warszawa, 1982. S. 106.

³⁷ Кац А.Л. Древний Рим. Фрунзе, 1959. С. 53; Thiel J.H. Studies on the History of Roman Sea-power in Republican Times. Amsterdam, 1946. P. 372.

³⁸ Герцберг. Ук. соч. С. 322; Frank T. Roman Imperialism. 2-nd. ed. N.Y., 1929. P. 221; Ehrenberg V. Man, State and Deity. L., 1974. P. 73.

³⁹ Briscoe J. Eastern Policy and Senatorial Politics 168–146 B.C. // Historia. 1969. Bd XVIII. P. 60.

покориться Риму или подняться на решительную войну – он не смог остановиться ни на одном из них, а ошибки и нерешительность в кризисной ситуации 172/1 г. до н.э. не позволяют считать его трезвым политиком, совершающим оптимальные действия.

Цели Рима оставались теми же, что и при Филиппе. Используя традиции италийской политики, заключающиеся в постепенности и поэтапности подчинения, сенат пытался добиться полной зависимости Македонии, но достичь этого не удалось, равно как и ослабления царства. Утверждения А.С. Шофмана об экономическом упадке, мощной проримской партии, партийной борьбе и симпатиях македонской знати к Риму⁴⁰ противоречат данным источников. Подлинной причиной войны была попытка Македонии восстановить свою силу и самостоятельность, а также ее хорошие отношения с греками⁴¹. Авторитет Рима на Балканах падал, а влияние царя росло, это и привело к войне⁴². Рим желал доминировать, но при наличии сильного македонского царства это было невозможно, и сенат начал войну с твердым решением устранить Македонию⁴³. Посольство 172 г. до н.э. потребовало у Персея уступок, которые реально означали потерю свободы⁴⁴, а потому были неприемлемы. Очевидно, сенат решил, что над страной надо установить контроль, более прямой и эффективный, нежели клиента⁴⁵.

Рим стал предъявлять Персею всякие обвинения и готовить общественное мнение Греции к войне с Македонией⁴⁶. Римляне объявили, что царь пошел с войском против храма Аполлона⁴⁷, что должно было настроить против него греков. Решив начать войну, Рим использовал все, чтобы заранее оправдать себя, – этим и объясняется очернение Персея проримской пропагандой⁴⁸. Инициатива войны исходила от римлян, но агрессорами можно признать обе стороны, поскольку речь шла не только о независимости Македонии, но и о влиянии в Греции. Для Македонии война стала последней⁴⁹, вынужденной попыткой освободиться и восстановить свои позиции на Балканах. Одновременно III Македонская война приобрела уже некоторый оттенок восстания⁵⁰, так как политическое положение и силы сторон были неравными.

Рим искал предлога к войне, в 172 г. до н.э. Эвмен, уловив момент, доставил в сенат длинный список «преступлений» царя; обвинения эти были клеветническими, сенат же, не желая иметь сильного соседа, решил воевать с Персеем; послов Персея и родосцев, желавших возразить Эвмену в лицо, приняли только после его отъезда (App. Мас. XI. 1–3). Очевидно, сенат понимал, что они легко могли уличить его в клевете. Послы, негодуя на все, говорили более резко, чем следовало, но фразы, приписываемой им Ливием, «царь не хочет войны, но если она начнется, будет вынужден храбро защищаться» (App. Мас. XLII. 14. 3) нет ни у Полибия, ни у Аппиана, лучше информированных и более объективных. Вероятно, автор «красоты ради» вложил в уста послов слова, произнесенные Филиппом накануне II Македонской войны, но совершенно неуместные в данных условиях, так как главной целью посольства было отвести от Персея ложные обвинения и не допустить войны.

Оправдания и просьбы македонских послов были отвергнуты, поскольку сенат уже пришел к определенному решению (Liv. XLII. 15). Правильно оценив ситуацию, глава

⁴⁰ Шофман. Ук. соч. С. 247 слл.

⁴¹ Моммзен. Ук. соч. С. 719; Гордеев В.Н. История древнего мира. Л., 1970. С. 134; Walbank F.W. The Hellenistic World. New Jersey, 1981. P. 338.

⁴² Герцберг. Ук. соч. С. 324.

⁴³ Нусе. Ук. соч. С. 185; Pelman. Op. cit. P. 136; Walbank. The Hellenistic World. P. 338.

⁴⁴ Boak A., Sinnigen W. A History of Rome to A.D. 565. N.Y., 1965. P. 133.

⁴⁵ Errington. Op. cit. P. 213.

⁴⁶ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950. С. 265.

⁴⁷ См. Никитский А. Римляне о царе Персее // ЖМНП. 1906. Март. С. 192; Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East. Baltimore, 1969. P. 234.

⁴⁸ Edson. Op. cit. P. 202; Mendels. Op. cit. P. 55.

⁴⁹ Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 27.

⁵⁰ Radtsa. Op. cit. P. 584.

посольства Гарпал, вернувшись домой, сообщил царю, что война неизбежна (*ibid.*), но тот оставался пассивным. Вскоре Персея обвинили в покушении на Эвмена. Римляне выставляли и другие причины войны, как будто она еще не была решена, но особенно их раздражала дружба царя с греками (*App. Masc. IX. 1. 4*). Решение о войне было окончательным, о нем только не объявляли (*Liv. XLII. 19*). Римляне разослали послов к союзникам (*Polyb. XXVII. 3. 1*) – началась обычная дипломатическая подготовка войны – и заняли приморские города Иллирии, обезопасив переправу войск на Балканы. *Macedonicum Bellum in annum dilatatum est* (*Liv. XLII. 18. 4*).

По обычаю в том же 172 г. до н.э. римское посольство потребовало у царя удовлетворения, его обвинили в смутах в Фессалии и Этолии, потребовали восстановить власть изгнанного им фракийского вождя Абруполиса (*Diod. XXIX. 36*), упрекали в нарушении мира (*Liv. XLII. 25*). По Ливию (*ibid.*), царь пришел в ярость, кричал о высокомерии римлян, заявил, что считает прежний договор недействительным и хочет заключить с Римом равный союз, а когда послы объявили ему об уничтожении дружбы, что было равносильно объявлению войны, велел им покинуть Македонию. Весь рассказ выглядит невероятным, явно исходит от анналистов и совсем не вписывается в дальнейшее изложение самого Ливия. Ни у Аппиана, ни у Полибия нет ничего, хотя бы отдаленно напоминающего этот эпизод.

Второе посольство царя, спешно отправленное им в Рим, передало его удивление появлением римских войск на Балканах⁵¹ и обещало дать любое удовлетворение, если войска уведут (*Liv. XLII. 35*). Персей напоминал сенату, что является «другом римского народа» и просил, если к нему есть упреки, решить их во взаимной беседе (*App. Masc. XI. 4*), но послов с грубым ответом выслали из Италии (*Liv. XLII. 36*). Все римские посольства, объезжающие Элладу и призывающие греков к войне с царем, получили от него письма с вопросом, зачем легионы появились в Греции (*Liv. XLII. 37. 5–6*), но ответа он не дождался. Ему следовало перехватить инициативу и повести наступательную войну, но он медлил, явно боясь ее и «желая компромисса»⁵², который был невозможен. Мнение о том, что Персей был готов на любые уступки, потому что оказался в изоляции⁵³, неубедительно – он шел на них еще до того, как стало известно, что его почти никто не поддержит.

Римский посол Марций подал царю «ложную надежду на мир» (*Liv. XLII. 47. 1*) и заключил перемирие. Антигонид до конца верил в возможность мирного исхода, но Рим лишь выигрывал время⁵⁴. И хотя некоторые сенаторы, приверженные отмирающей римской честности, осуждали авторов обмана, это не мешало тем похвалиться своей «находчивостью» (*Liv. XLII. 47*). В нарушение перемирия римляне заняли часть Фессалии (*ibid.*) и Халкиду (*Polyb. XXVII. 2. 11*). Римский посол Лентул, используя беотийские отряды, осадил беотийский же город Галиарт, верный Персею. Царь же, «ослепленный пустой надеждой на мир» (*Liv. XLII. 43. 3*), отказал в гарнизонах союзным городам Беотии (*Polyb. XXVII. 5*), и им пришлось присоединиться к Риму. Жители трех городов, оставшихся верными Персею, были проданы в рабство (*Liv. XLIII. 4*).

Царь отправил послов на Родос, заранее прося посредничества, если римляне, вопреки договору, нападут на него (*Polyb. XXVII. 4. 4–5*). Это свидетельствует о том, что войны он явно не хотел и боялся ее: еще до начала военных действий Персей искал посредников, способных погасить конфликт и умиротворить римлян. Позже он искал посредничества Антиоха, Вифинии, Пергама, Египта (*Polyb. XXIII. 1*).

⁵¹ Если бы Персей действительно заявил об отмене договора с Римом и выслал римских послов, он не стал бы этому удивляться!

⁵² *Meloni*. *Op. cit.* P. 185.

⁵³ *Шофман*. *Ук. соч.* С. 254.

⁵⁴ *Нице*. *Ук. соч.* С. 187; *Briscoe J. Q. Marcus Philippus and Nova Sapientia // JRS. 1964. LIV. P. 68.*

Посольство в Рим, ради которого Персей пошел на перемирие, легко отвело от него все обвинения. Царь изгнал Абруполиса за набеги на Македонию, он сам сообщил об этом сенату, и тогда сенаторы сочли его действия справедливыми, как не порицали они его и за союз с Этолией (App. Мас. XI. 6–7). «Царь ни в чем не виноват и готов ответить на любое обвинение» (App. Мас. XI. 8). Сенату нечего было возразить на эти справедливые слова, и он... велел послам немедленно покинуть город – «у римлян давно решено было воевать» (Polyb. XXVII. 6, 3; Liv. XLII. 48; App. Мас. XI. 9).

С началом боевых действий Персей решил затянуть войну, а после первого же выигранного им сражения, отказавшись от возможности добить деморализованного врага, велел отступать (Liv. XLII. 59). А.С. Шофман полагает, что царь не стал развигивать наступление, поскольку не доверял своим наемникам и «боялся их измены»⁵⁵. Скорее пассивность Персея объясняется тем, что он до конца верил в возможность примирения и боялся своих собственных военных успехов, которые, как он полагал, могли вызвать большую жесткость римлян по отношению к нему.

Царь вновь и вновь просит мира, обещая дать ту же контрибуцию, что и отец, очистить те же территории. Римляне, твердо решив довести войну до логического конца, требовали только одного – капитуляции. Персей делал все, чтобы получить мир, но жертвовать своей самостоятельностью не хотел⁵⁶. От отчаяния он несколько раз даже пытался подкупить консула (Polyb. XXVII. 8. 13). Персею удалось затянуть войну, придать ей позиционный характер, он даже сумел вовлечь в нее Иллирию, но римляне быстро разгромили иллирийцев.

В 168 г. до н.э. для окончания войны, подрывающей престиж Рима, был послан один из лучших полководцев Республики – Эмилий Павел. Жесткими мерами восстановив дисциплину в разложившейся армии, он двинулся на Персея. Перед решающим сражением царь отказался воспользоваться помощью 20 тысяч наемных бастарнов, не сойдясь с ними в цене. Скупость Персея, проявленная в столь критический момент, имела роковые последствия для Македонии. В битве при Пидне македоняне потерпели сокрушительное поражение. Царь, упав духом и утратив самообладание, бежал с поля боя в самом начале сражения (Polyb. XXIX. 17). Конец войны означал конец македонского государства.

Сенат добился поставленной цели. Была устранена последняя реальная сила, которая могла стать центром притяжения всех антиримских элементов на Востоке, более ничто не могло помешать установлению римской гегемонии в рамках всего Средиземноморья. Важность свершившегося прекрасно понимали и современники. Не случайно Полибий считал падение Македонии тем рубежом, после которого мир попал под власть Рима (Polyb. I. 1. 5, 10; III. 4. 2–3).

Вернемся к проблеме вины сторон. *Первая версия*: вина за развязывание войны лежит на Персее. Версия совершенно необоснованна и опровергается данными источников. Запущенная анналистами, она должна была подкрепить главный тезис официальной римской пропаганды: Рим не ведет иных войн, кроме справедливых. *Версия вторая*: в войне виноваты римляне, но Персей своими непродуманными действиями позволил им найти повод к ней. Отметим, что при желании, а у римлян оно присутствовало, найти повод к войне можно всегда. Ни один конкретный поступок царя не давал законных оснований к войне против него. Но его действия – в совокупности – делали Македонию сильнее. Если смотреть на события глазами римлян, то именно в этом и заключалась его главная вина перед ними. Македония в любом случае была обречена, единственное, в чем здесь можно упрекнуть царя, – он всего лишь несколько ускорил развязку, активно укрепляя свое царство. Но мы не должны судить с римских позиций, поэтому не можем поставить в вину царю то, что он был хорошим правителем. *Версия третья*: ответственность за войну лежит на

⁵⁵ Шофман. Ук. соч. С. 257.

⁵⁶ Низи. Ук. соч. С. 187; Rostovtzeff. A History... V. 2. P. 77.

римлянах. Думается, что она и является единственно возможной. Следует добавить, что при разумной внутренней политике Персей в решительный момент полностью провалился во внешней. Он не понял главного принципа: в критических ситуациях внешняя политика не терпит полумер и бездействия. Сама неспособность царя понять это, страх, парализовавший его, лучше всего доказывают: он никогда не предполагал вести наступательную войну против Рима, морально был не готов к ней.

А.П. Беликов

THE THIRD MACEDONIAN WAR: THE PROBLEM
OF THE GUILT OF THE PARTIES

A.P. Belikov

The author analyses the causes and the occasions of the Third Macedonian war and the main opinions in the historiography about the beginning of this war. Using available sources he restores the course of events and shows that Perseus, the King of Macedonia indeed tried to escape from the danger of the conflict. On the other hand, the Roman government did everything to make this war inevitable.

The author concludes that the main guilt of Perseus in relation to Rome was his policy aimed at strengthening his Kingdom. The modern historians should not stay on the Roman point of view and impute Perseus of being a good governor of Macedonia.

© 1997 г.

М.И. РОСТОВЦЕВ В ИТАЛИИ: КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА¹

Паскуали, Санна и «Новая Италия». В 1933 г. в Италии о труде Ростовцева перед широкой аудиторией весьма популярной газеты рассуждал не историк, а филолог, любитель «экстравагантных» тем, которому более других ученых был привычен популяризаторский тон, – Джорджо Паскуали², как раз в это время приступавший к «римскому циклу» своих исследований. Коль скоро из биографии Ростовцева известно, что уже во второй половине 90-х годов XIX в. он часто бывал в Германском Археологическом институте в Риме, то наверняка спустя годы там о нем слышал совсем молодой Паскуали, которого отец привел в Институт еще лицеистом (об этом он позже напишет в своей «Истории немецкого духа в воспоминаниях современника»)³; а за годы, проведенные в Германии, ему не раз случалось убедиться в том, какое уважение питали к Ростовцеву местные знаменитости⁴. Когда же ему довелось сообщить о выходе итальянского издания итогового труда Ростовцева (в рубрике «Новые исследования о древнем Риме»), Паскуали постарался охарактеризовать его, указав на различные моменты, близкие интересам образованной итальянской публики. Прежде всего он упомянул о том, что Джованни Санна, которому мы обязаны «правильным, ясным и точным» переводом книги, предложил недавно «дельный проект библиографии империи»⁵; затем сослался на работы по истории империи, написанные Колумба, Парибени, Момильяно. Остановился он и на том, что число иллюстраций в итальянском издании книги Ростовцева увеличилось благодаря фотографиям, предоставленным для данного издания «руководителями наших раскопок в Геркулануме, Ости, Лептис Магне» (как заметит всякий, кому хоть немного знаком стиль Паскуали, здесь слышится неподдельный тон смиренного националистического удовлетворения, к которому он прибегал, желая возбудить чувствительность «правлящих кругов»). Художественное оформление книги он превозносил с каким-то наивным

¹ Доклад, прочитанный на коллоквиуме «Михаил Ростовцев и Италия», организованном А. Марконе (Губбио, 25–27 мая 1995 г.). Приношу благодарность издательству «Латерца» за разрешение работать в его архиве.

² *La storia sociale ed economica dell'Impero // Corriere della sera*. 22 novembre 1933. P. 3. Эту рецензию перепечатал Армандо Саятта (*Un articolo di Giorgio Pasquali su Michajil Rostovzev // Critica storica*. 1987. 24. P. 379–384), счита я ее классическим примером статьи, забытой лишь потому, что она была опубликована в ежедневной прессе, и заслуживающей «эксгумации», так как она была показательной с точки зрения «принятия или неприятия определенных историографических взглядов или конкретной исторической реконструкции» (*Saitta A. Una lettera di Friedrich Meinecke a Federico Chabod // Critica storica*. 1987. 24. P. 181–182, где приводится ссылка на мнение А. Ла Пенны, которое цитируется ниже – см. прим. 7).

³ «Связующим звеном» во времени между обоими персонажами был и Христиан Хюльзен. С ним переписывался Ростовцев (см. *Marcone A. Michele Rostovtzeff e l'Istituto Archeologico Germanico di Roma: la corrispondenza con Christian Hülsen (1894–1927) // Critica storica*. 1988. 25. P. 339–350); Паскуали посвятил ему прочувствованный некролог (*Ricordo di Christian Hülsen // Pan*. 1925. 3. P. 437–441 = *Pasquali G. Pagine stravaganti di un filologo / A cura di C.F. Russo*. Firenze, 1994. II: Terze pagine stravaganti. Stravaganze quarte e supreme. P. 230–235).

⁴ См. *Marcone A. Pietroburgo–Roma–Berlino: l'incontro di M.I. Rostovtzeff con l'Altertumswissenschaft tedesca // Historia*. 1992. 41. P. 9–10 [= *Марконе А. Петербург–Рим–Берлин: встреча М.И. Ростовцева с германским антиковедением // ВДИ*. 1992. № 1. С. 213–224: прим. переводчика].

⁵ *Sanna G. Per una bibliografia dell' età romana imperiale // La Nuova Italia*. 4. 20 agosto–20 settembre 1993. P. 237–241.

энтузиазмом, сквозящим в желании упомянуть о прогрессе, вызванном распространением современных технических средств, и о возможности («удерживая цену в пределах допустимого») рассчитывать на большее число людей образованных и интересующихся научно-популярной литературой.

К оценке, которую Паскуали дает представлениям самого Ростовцева о социальной истории, приплетается непроговариваемое, но от этого не менее очевидное соотнесение с *his et nunc*, отмеченное стремлением уравновесить различные культурно-политические позиции; таким образом отрицается обоснованность обобщений Ростовцева и заходит речь о «рурализме» (выражение, само по себе намекающее на настоящее Итали):

Всякое производство, расширяясь и ориентируясь на низшие слои, которые прежде всего стремятся к дешевизне, поневоле должно стандартизироваться. Делаемый на этом основании вывод, что высокая цивилизация не может распространиться на низшие классы без деградации собственного содержания, представляет собой, по моему мнению, неправомерное обобщение. Ростовцев решается на этот шаг без опаски; напротив, именно в этом процессе он ищет основную причину упадка и гибели (т.е. трансформации) античной цивилизации.

Подспудный популизм Паскуали находит выход здесь, с одной стороны, в критике «крайности» выводов Ростовцева, с другой стороны, в осознанном подборе социально-политической лексики. Так, если римские императоры не видели цивилизации вне городов и вследствие этого проводили политику строительства в провинциях городских центров, все же «о настоящих сельских жителях (*rurali*) они думали недостаточно»; межклассовые «корни» такого понятия, как «сельские жители» в официальном языке фашистского двадцатилетия уже были отмечены⁶. Именно в ходе обсуждения идей Ростовцева Паскуали формулирует выводы, направленные на то, чтобы опровергнуть обоснованность возможных теоретических построений расистского толка, к которым – с его точки зрения – могла бы привести реконструкция, предложенная историком. Отметив рискованный характер его пессимистических обобщений по поводу гибели античной цивилизации (вернее было бы, однако, – уточняет он – иметь в виду не «гибель», а «трансформацию»), Паскуали утверждает, что здоровый господствующий класс может и должен укреплять себя, обновляя свою кровь отличными от себя элементами, пусть и «не низшими»: надо сказать, что понятие это не слишком ясное и отчасти противоречивое. Итак, причину упадка следует искать в неспособности империи возвыситься до себя «сельских жителей разного происхождения (*razza*) и низкой культуры»⁷, впитать в себя за более короткое время по сравнению с тем, что было отпущено историей, варваров внутренних территорий, цивилизируя и романизируя их и с их помощью удерживая в повиновении варваров внешних. Как видим, это те же последовательно антирасистские положения, что были им высказаны в более известной статье («Чистокровки»), направленной в те же самые дни в журнал «Пан»⁸: таким образом, напрашивается предположение, что эти мысли родились у него именно в связи с обсуждением ростовцевского труда.

Далее, заслуживает внимания благожелательно отмеченный в рецензии Паскуали библиографический проект, который разработал переводчик Ростовцева Санна. Незадолго до этого он вместе с Эрнесто Кодиньолой в том же издательстве выпустил перевод «Лекций по истории философии» Гегеля, переводил он также Песталоцци и Дильтея. Санна – весьма примечательная фигура в культурной панораме тех лет. Он был преподавателем, интере-

⁶ По поводу идеологии, лежащей в основе предпочтительного употребления таких терминов, как «сельский житель» (вместо «крестьянин») или «борец» – терминов, позволяющих «номинально уничтожить классовые или иерархические различия в единообразном, межклассовом перестроении массы собственников и батраков наподобие офицеров и войска», – см. *Isnenghi M. Per la storia delle istituzioni culturali fasciste // Belfagor. 1975. 30. P. 254.*

⁷ Cp. *La Penna A. Introduzione // Pasquali G. Scritti filologici. V. I. Firenze, 1986. P. XLI*: «С точки зрения русского историка, как известно, цивилизация переживает упадок, когда становится массовой; с точки зрения Паскуали, распространение культуры в массах – это прогресс, даже если культура вырабатывается и должна вырабатываться элитой: главная причина краха Римской империи заключалась, напротив, в близорукости политического руководства, которое оказалось не способно видеть дальше городов и не откликнулось на проблемы сельских масс».

⁸ 1 декабря 1933 г.

совался древней историей, в совершенстве знал немецкий⁹. Старинная дружба связывала его с Кодиньолой, через него он стал сотрудничать с «Новой Италией»; эта дружба была тем примечательней, что Санна был социалистом, а потом стал видным деятелем коммунистической партии, вступив в нее в 1921 г. Он был арестован в 1923 г., затем неоднократно отстранялся от преподавания, пока совсем не оставил политическую деятельность, никогда, однако, не отказываясь от позиций, на которых стоял прежде.

Итак, заметка Санны, которую сочувственно цитировал Паскуали, появилась за пару месяцев до упомянутой рецензии под названием «По поводу библиографии периода Римской империи»; напечатана она была в «Новой Италии», ежемесячном критическом обозрении итальянской и зарубежной культуры. Статья открывалась как раз ссылкой на предисловие Де Санктиса к «Социально-экономической истории Римской империи» Ростовцева и развивала далее его основные темы (падение империи – носительницы цивилизации; отсутствие написанной на эту тему «Истории», понимаемой как полное и целостное изложение вроде тех, что создали аббат Тиллемон и Гиббон).

Сверхчеловеческой работоспособности Моммзена, а затем вклада других ученых, таких как фон Домашевски, Дессау, Лот, Штейн, Альбертини, Барбагалло, оказалось недостаточно, напоминал Санна, для того, чтобы учесть все достижения современной науки. Так разговор заходил о Ростовцеве, только что переведенном, и он характеризовался как ученый, «который, быть может, с наибольшей гениальностью и самым широким арсеналом методов и знаний подступился к соблазнительной и столь же опасной сирене, каковой остается история периода Империи». Соизмеряя дистанцию между эпохой, когда какой-нибудь аббат Тиллемон мог написать свою «Историю императоров», по существу ограничившись тем, что собрал и сопоставил сохранившиеся свидетельства источников, и нынешними временами с их «богатейшей сокровищницей» новых данных, прирост которых заметен более всего в области так называемых вспомогательных дисциплин, и «наплывом» материалов, которые необходимо рассматривать, Санна затрагивал вопрос о неотложной необходимости иметь библиографию истории империи. Это были времена, когда возросло требование, предъявляемые историку, отныне нужно было обладать гораздо более широким видением, чтобы воссоздать этот исторический период в его полноте: в самом деле, невозможно стало не освещать религиозные и философские течения, противостояние которых господствующей культуре привело к крушению античной культуры (невообразимым стало то разделение, из-за которого Тиллемон написал отдельно «Историю императоров» и «Историю шести первых столетий церкви»); а прежде всего, совершенно иное по сравнению с прошлым значение в исследовании приобрел социально-экономический фактор, центральная роль которого теперь получила всеобщее признание. (Даже если учение, делавшее из него *deus ex machina* всей истории, потерпело поражение, никто сегодня не смог бы написать историю какого бы то ни было народа или периода, не уделив значительную долю внимания описанию функционирования экономики и соответствующих отношений социального равновесия или неравновесия).

К предложению об издании библиографического руководства вводного характера, посвященного изучению Римской империи, Санна добавляет идею создания «библиотеки империи», где были бы собраны все издания, указанные в библиографии, и завершает статью неожиданным заявлением о намерении опубликовать в ближайшем будущем свою собственную библиографию, относящуюся к периоду Римской империи – плод долгих усилий. Сообщив при этом о полученном одобрении Ростовцева и Тенни Франка (однако фраза несколько двусмысленна, и нельзя понять, относилось ли одобрение к качеству готовящегося труда или к выраженной обоими учеными «убежденности в полезности публикации подобного рода»), Санна информирует о том, что финансовую поддержку ему оказали частные лица, а также государственное управление культуры Флоренции – то самое, под покровительством которого издавалась серия «Историческая мысль», включавшая и «Историю» Ростовцева, вышедшую в 1933 г.¹⁰

⁹ См. то, что пишет Джузеппе Ломбардо Радиче о его переводе Песталоцци (*Una casa editrice tra società, cultura e scuola. La Nuova Italia 1926–1986 / A cura di A. Piccioni. Firenze, 1986. P. 21*); о биографических сведениях см. *Isola G. Sanna Giovanni // Andreucci F., Detti F. Il movimento operaio italiano. Dizionario biografico 1853–1943. V. IV. Roma, 1978. P. 501–504.*

¹⁰ Эта работа, последовавшая за «Saggio bibliografico sulla storia romana» (Firenze, 1932), вышла, должно быть, позже, чем предполагалось: *Bibliografia generale dell'età romana imperiale / Pubblicata a cura dell'Ente Nazionale di Cultura (Firenze). V. I. Firenze, 1938.* В этом томе, изданном к двухтысячелетнему юбилею

Государственное управление культуры в те годы (начиная с 1929 г.) возглавлял Эрнесто Кодиньола. Приверженец Джентиле, директор Флорентийского педагогического института, член правления и «гарант» основанного в 1926 г. издательства «Новая Италия», с которым он активно сотрудничал, принес опыт предыдущей издательской деятельности. Кодиньола обращался к авторам с предложениями о публикациях, которым суждено было снискать авторитет (например, дополненное издание «Философии греков в ее историческом развитии» Целлера под редакцией Мондольфо¹¹), как раз от имени упомянутого государственного управления культуры, «организации по борьбе с неграмотностью [...], занимавшейся вопросами развития народного просвещения, увеличения строительства школ, образовательных структур, воспитания и переподготовки учителей начальной школы»¹². И так, как представляется, это было учреждение, ориентированное скорее на проблемы начального образования (бланк этого управления гласит: «Ассоциация по управлению сельскими школами Тосканы, Эмилии и Романьи, уполномоченная министерством народного просвещения»; и все же оно обеспечивало Кодиньоле авторитетное положение, определенные властные полномочия и, конечно, финансовые возможности, которые в определенной мере использовались для осуществления подобных упомянутым масштабных издательских проектов¹³. К числу таковых и принадлежит трудоемкий перевод книги Ростовцева, с огромным объемом сносок и иллюстративного материала. Свое удовлетворение этим итальянским изданием Ростовцев высказал в уже изданном письме Кодиньоле от 10 марта 1933 г.¹⁴ Приведем оттуда только суждение о переводчике: «Санна сделал превосходную работу. Его указатель великолепен. Несомненно, он гений в том, что касается библиографии и указателей». В кругах, связанных с «Новой Италией», возник также и замысел основательной рецензии, которую посвятил изданию Арнальдо Момильяно: ее лично заказал Кодиньола для своего одноименного и, так сказать, параллельного издательству журнала¹⁵. Де Санктис в своей рецензии 1926 г. уже познакомил итальянскую публику с тематикой «Социально-экономической истории Римской империи» Ростовцева и продолжал выступать в роли посредника между творчеством русского историка и итальянскими учеными, написав предисловие к итальянскому изданию и, вероятно, назвав Кодиньоле своего двадцатипятилетнего ученика в качестве рецензента. А тот, как это свойственно молодым, считал необходимым отстаивать свою самостоятельность, начав рецензию с отрицания: «Думаю, нет нужды

Августа, были следующие разделы: общая часть: сборники статей, издания источников; общие учебные пособия. Не может не вызывать некоторого удивления посвящение «В память о Луджи Рацца, благородной римской душе» (Рацца, журналист и фашистский профсоюзный деятель, в 1935 г. министр общественных работ, погиб в авиакатастрофе недалеко от Каира во время перелета в Асмару в том же 1935 году). Любопытно то, как торжественное упоминание о двухтысячелетнем юбилее Августа соседствует с более простодушным признанием в предисловии (с. X): «Один из главных недостатков, конечно, состоит в том, что перечисленные в "Библиографии" произведения в основном не новее 1933 г., за исключением некоторых отдельных работ, относящихся к более поздним годам. Дело в том, что в своем настоящем виде она была готова уже к 1933 г., но, к сожалению, издательские и типографские трудности задержали ее выход до нынешнего дня».

¹¹ В связи с «трудной работой по переводу» Целлера Р. Гори упоминает о сотрудничестве молодого Пьеро Тревеса, который впоследствии, находясь в изгнании в Кембридже, сыграет свою роль «в контактах по поводу перевода – им же и предложенного благодаря личному знакомству с М. Ростовцевым – монументальной "Социально-экономической истории эллинистического мира", который будет опубликован только в 60-е гг.» (*Gori R. Gentilanesimo e fascismo nella biografia di Ernesto Codignola: alcune messe a punto // Critica storica. 1987. 24. P. 287 sg.*).

¹² Una casa editrice tra società, cultura e scuola. P. 14.

¹³ Р. Гори, изучая продукцию издательства Кодиньолы между 1929 и 1945 гг., пытается в отношении различных серий установить, «каковы были финансовые средства и административные каналы, при помощи которых они были основаны и стали известны. Например, без государственного управления культуры и помощи властей, заключающейся в регулярных и значительных по объему библиотечных заказах и финансировании отдельных издательских проектов, не удалось бы запустить такие серии, как "Документы итальянской истории" или "Классики философии", т.е. два раздела, в которых "Новая Италия" выступает на общенациональную издательскую сцену, да и журналам Кодиньолы не была бы суждена долгая жизнь» (*Gori. Op. cit. P. 264*).

¹⁴ См.: Una casa editrice tra società, cultura e scuola. P. 219.

¹⁵ Ibid. P. 52, 219 sg.

говорить о том, что я вовсе не намерен рецензировать "Социально-экономическую историю Римской империи" Михаила Ростовцева»; единственным намеком на привычный стиль рецензии в этом парадоксальном и тем более интригующем зачине служит как раз суждение о весьма яркой личности переводчика: Момильяно охотно упоминает его тщательность и компетентность в экономических вопросах¹⁶.

Де Руджиеро, Де Босис и Латерца. Сразу после удаления Де Санктиса с кафедры его «Проблемы античной истории» (1932) нашли теплый прием в издательстве «Латерца»¹⁷. Следуя положительному отзыву Бенедетто Кроче¹⁸, то же издательство выпустило книгу Пьеро Тревеса, тогда почти мальчишки, «Демосфен и греческая свобода». Меньшую готовность (или отсутствие таковой) проявил Латерца-издатель в отношении «Филиппа» Момильяно¹⁹ и «Экстравагантных страниц» Паскуали, несмотря на то, что предложение опубликовать последние поступило к нему от друга, Луиджи Руссо²⁰. Итак, издатель, видимо, производил довольно тщательный отбор в области историко-филологической литературы; с меньшими сложностями сталкивалось в его издательстве опубликование произведений, представлявших явный литературный интерес и чаще всего выполненных в духе Кроче.

По мере рассмотрения отдельных этапов того, как происходило в Италии знакомство с творчеством Ростовцева, перед нами открывается интереснейшая страница истории культурно-политической деятельности столь значительного издательства, как «Латерца», продукция которого в эти годы заслуживает, как всем известно, интереса не только по причине неизменно высокого качества предлагаемых изданий, но также и из-за той роли, какую его директор играл в кругах либеральной оппозиции фашизму. В частности, история издания первой из двух книг Ростовцева, переведенных в «Латерце» в 30-е годы, «Караванные города» (1934) – другая, «Греко-римские исторические реконструкции (по раскопкам и документам)», вышла в 1935 г. – позволяет ближе познакомиться с обстоятельствами и людьми, при помощи которых Джованни Латерца еще раз смог оперативно и быстро выступить в роли культурного посредника, познакомившего Италию с автором, блиставшим на международной научной сцене. Показательной окажется также и фигура переводчицы, Чэрис Кортезе де Босис, которую мы увидим в водовороте семейной истории, эмоционально захватывающей, но не лишенной также и историко-политического значения.

В архиве издательства «Латерца», богатом важными, но пока еще систематически не введенными в научный оборот документами, относящимися к культурной политике издательства, содержатся материалы переписки между Джованни Латерца и Ростовцевым, ценность которых, думаю, объясняется прежде всего тем, что, как известно, писем Ростовцева сохранилось не так уж много, но также и исключительными личными качествами обоих корреспондентов, бесконечно разных и далеких друг от друга. Апулийский издатель, пусть и имевший богатый опыт и обладавший бесспорным авторитетом,

¹⁶ La Nuova Italia. 4. 1933. P. 160 = Momigliano A. Contributo alla storia degli studi classici. Roma, 1955. P. 327.

¹⁷ Об обстановке человеческой симпатии, в которой рождался этот том, свидетельствует письмо Джованни Латерца Де Санктису: «7 апреля 1931 г. – Многоуважаемому проф. Гаэтано Де Санктису – Рим – ул. Св. Клары, 61 – Я с удовольствием вспомнил о встрече в погребках Будапешта [Латерца отправился в Будапешт вместе с Кроче, Руссо и Казати в мае 1921 г. на Международный конгресс по истории литературы]. – С Кроче мы говорили о возможности сделать второе издание Вашей "Истории римлян", и я бы отправился поговорить с ним об этом лично, если бы меня не удерживали обстоятельства нынешнего экономического кризиса. – Надо бы найти способ противостоять препятствию, которое сейчас представляют огромные издержки на подобную работу, при столь малой готовности проявлять усердие и ограниченности денежных средств. – Почти все, что уже довольно давно публикуется по этой части, – убыточно, и движение вперед происходит благодаря фонду изданий, который в старых издательствах действует в точности, как недвижимость (latifondo). – Что же касается тома "Очерков по античной истории" [sic], по моему, он годится для "Библиотеки современной культуры" и я охотно его опубликую. Так что не можете ли Вы указать мне точное название и Ваши условия. – Примите выражение моего совершенного почтения – искренне Ваш Дж. Латерца» (Archivio Laterza [далее – AL]. Registri copialettere).

¹⁸ Ср. Cagnetta M. Demostene, i simboli e la muffa (в печати).

¹⁹ Ibid. Об уклончивом ответе, который в тот же период издатель дал М.А. Леви по поводу его книги «Ottaviano capoparte», см. ниже, прим. 38.

²⁰ См. Russo L. Storia e voluttà fra Tevere e Arno // Pasquali G. Pagine stravaganti di un filologo. I: Pagine stravaganti vecchie e nuove. Pagine meno stravaganti nel testo originale. P. VIII sg.

да к тому же наделенный живостью письма²¹, все же был лишен всякой классической *institutio*, но тем не менее почти всегда ему удавалось достигать хорошего взаимопонимания с авторами, в том числе и в личном плане. Так было и в случае с Ростовцевым.

Первое письмо, в котором говорилось о Ростовцеве в связи с предложением опубликовать его работы, Латерца получил от Чэрис Кортезе де Босис, знакомой Гвидо Де Руджиеро. Незадолго до того она сотрудничала с его издательством, участвуя в переводе объемного научно-популярного труда – книги Дж. Джинса «Вселенная вокруг нас». Отцом этой переводчицы²², женщины, серьезно интересовавшейся культурой и политикой (в ее доме во время Сопrotивления не раз собирались римские руководители Комитета национального освобождения)²³, был Адольфо де Босис – поэт, знаток литературы, переводчик Шелли, собравший вокруг себя кружок художников и интеллектуалов, основавший и в конце XIX в. возглавлявший римский журнал «Il Convito» («Пир»), друг Д'Аннунцио и Пасколи²⁴. Другого из его детей – сына Лауро, уже приобретшего известность поэта, – ранее называл в письме Латерце Гвидо Де Руджиеро, рекомендуя поручить тому переводы с английского языка, например книги Джинса (наряду со своей научно-преподавательской деятельностью Де Руджиеро был консультантом и усердно сотрудничал с издательством²⁵; среди прочего он руководил изданием серии «Философы античности и средневековья», которую ранее курировал Джентиле).

Отправившись в США, молодой и блестящий литератор Лауро де Босис, прекрасно вписавшийся в культурную среду, переводчик таких значительных произведений, как «Золотая ветвь» Дж.Дж. Фрэзера (1925), отдал всего себя делу активной пропаганды итальянской культуры, завязав контакты со столь видными людьми, как Маринетти и Боргезе, а с 1927 по 1929 г. играл особенно деятельную роль, будучи секретарем общества «Италия–Америка». Именно в этой полуофициальной должности посредника между итальянской и американской культурами, а также и издательствами Де Босис, проводя отпуск в дедовском доме в Пьетралакроче (Анкона), пишет Латерце о том, что от своего «друга Де Руджеро» [sic] узнал о намерении издателя опубликовать книгу Джинса, и уточняет возможные условия договора, совершая, так сказать, рекламную акцию²⁶. С этого начались исклю-

²¹ См. поразительные письма, в которых он не уступает Бенедетто Кроче, защищая собственную компетентность и самостоятельность в сфере издательского дела (*Coli D. Croce, Laterza e la cultura europea*. Bologna, 1983. P. 15–69, в особенности р. 27–40).

²² Среди ее переводов: *Conrad J. Racconti inquieti; Toynee A. La civiltà nella storia* (издательство Einaudi, совместно с Чезаре Павезе); *Bowie C.F. Studi sul federalismo* (издательство Edizioni di Comunità, совместно с матерью, Лириан Вернон); в переводах книг на естественнонаучные темы, например, упоминавшейся работы по астрофизике, ей помогал Лючио Джаланелла, с 1933 г. помощник директора Римской астрономической обсерватории. Приношу здесь свою благодарность сыну Чэрис де Босис, доктору Алессандро Кортезе де Босис, президенту Римского Американского университета, который уточнил и пополнил находившуюся в моем распоряжении информацию о личности и творчестве его матери, оставшейся мало известной (о ней, к примеру, даже не упоминается в составленной Э. Монделло статье «De Bosis, Adolfo», в Биографическом словаре итальянцев (*Dizionario Biografico degli Italiani*. V. XXXIII. P. 424 sgg.), где приводятся также некоторые данные о членах его семьи).

²³ Об этом упоминал Лео Вальяни в цитируемой ниже рецензии (прим. 28).

²⁴ Замечательно интересна также и личность жены Адольфо де Босиса, американки Лириан Вернон: происходя из английской протестантской семьи (отец ее был основателем методистской епископской церкви в Италии), она много занималась переводами значительных литературных произведений и статей и сыграла решающую роль в культурном и политическом воспитании своих детей. С ноября по декабрь 1930 г., после того как была раскрыта группа заговорщиков-антифашистов, которую основал ее сын Лауро, Лириан была заключена в тюрьму Мантеллате.

²⁵ Ср. *Coli*. Op. cit. P. 59; о переводе книги Джинса (это было свидетельство предпринятой Де Руджиеро попытки развивать в издательстве «Латерца» естественнонаучное и философское направление популяризаторского характера, а значит и стремления идеалистической культуры «восстановить связи» с научной мыслью) см. *ibid.*, p. 118 sg.: «Если Вы в принципе согласны с этой идеей, я мог бы поручить Лауро де Босису, который живет в Нью-Йорке, провести переговоры денежного характера и поискать хорошего переводчика». (Возможно, на основании этого письма Коли ошибочно приписывает перевод Джинса Лауро, а не Чэрис де Босис.)

²⁶ «Джинс написал мне, что его книга уже переведена на все основные европейские языки и очень жаль, что ничего не слышно из Италии. На английском книга имела грандиозный успех. Я слышал, как ее называют "современной Библией". В Нью-Йорке ее читали даже машинистки!» (AL. Archivio Autori. 14 июля 1930 г.).

чительно длительные и сложные переговоры о выборе возможного переводчика, специалиста или неспециалиста в вопросах астрофизики: сначала де Босис предлагает назвать кого-то, затем, больше месяца спустя, через Де Руджиеро дает понять, что он сам лично заинтересован в этой работе, а в дальнейшем упоминает имя Сальваторе Брелья, шурина Де Руджиеро, проживающего в Англии (в 1933 г. в издательстве «Латерца» вышел его перевод «Ареопагитики» Мильтона). Явно устав от этих уловок, издатель сам принимается за поиски другого переводчика, когда вдруг, между сентябрем и октябрем, де Босис, после намеков на то, что он снова решил сам непосредственно заняться этим переводом, окончательно предлагает Латерце поручить эту работу его сестре Чэрис. Ход этой истории получает лучшее объяснение, только если вспомнить о конспиративной деятельности, которой именно в эти месяцы занят Лауро де Босис, печатая и распространяя пропагандистские листовки своей антифашистской организации монархически-католического направления, названной Национальный союз за свободу²⁷. Уехав в США, в ноябре 1930 г. в пути он узнает, что за деятельность этой группы его друзья и мать арестованы.

В дни, предшествовавшие процессу перед особым трибуналом, Чэрис ожидала том Джинса, чтобы приступить к переводу. После осуждения друзей и печальных обстоятельств, связанных с привлечением к процессу матери, ее брат Лауро, которого враждебные режиму круги несправедливо заподозрили в том, что он был агентом-provokatorом, в начале 1931 г. собрался организовать демонстративную акцию – полет над Римом на аэроплане с целью разбросать с него антифашистские листовки. Смерть настигнет его в полете 3 октября 1931 г., после того как он исполнит задуманное²⁸. В печати о случившемся сообщалось лишь в нескольких строчках, а упоминать имя де Босиса было официально запрещено.

Завершив работу над переводом Джинса, Чэрис де Босис, которой в переживаемые ею трудные моменты Латерца выразил свою солидарность²⁹, предложила свое сотрудничество и на будущее; издатель заявлял о своей готовности поручить ей и другие переводы, побуждая по своему обыкновению саму переводчицу назвать какую-нибудь книгу, «которая могла бы заинтересовать наших наполовину задремавших ученых!»³⁰. Через несколько дней, как бы подводя итоги в конце года³¹, он в послании Гвидо де Руджиеро высказывал похожие жалобы на «вялость» книжного рынка. Все, что публикуется, утверждает Латерца, убыточно, но задача в том, чтобы продолжать работу: непрерывное производство может привлечь внимание к прошлым издательским заслугам и обеспечить увеличение продаж в будущем. В этот момент застоя как раз переводчица, входяя в самые высокообразованные круги, и предложила переводить Ростовцева: делая это, она следовала совету, исходящему от того же Де Руджиеро:

Я спрашивала направо и налево у своих друзей, литераторов и ученых, и, думаю, наконец нашла книгу, достойную Вас. Мне ее посоветовал проф. Гвидо Де Руджиеро, который считает ее очень интересной и подходящей для Вашего издательства.

Речь идет о работе, изданной Oxford University Press: «Caravan Cities» Ростовцева³².

²⁷ В организации, основанной им совместно с Винчигуэррой, активно участвовали также мать Лауро – Лилян Вернон и Ренцо Ренди.

²⁸ О бурных событиях последнего периода жизни Лауро де Босиса см. статью М. Виджиланте (*Dizionario Biografico degli Italiani*. V. XXXIII. P. 426–431). Новый свет на эту историю проливает недавнее переиздание (*De Bosis L. Storia della mia morte. Il volo antifascista su Roma / a cura di A. Cortese de Bosis. Foggia, 1995*), где вместе с автобиографической «Историей моей смерти» (заблаговременно составленным отчетом и одновременно духовным завещанием, отосланным одному из друзей перед отправлением в роковой полет и изданным посмертно в Риме в 1945 г. в переводе с французского на итальянский) были собраны свидетельства и реконструкции событий, принадлежавшие перу Гаэтано Сальвемини, Джованни Спадолини, Сандро Рогари (между прочим, эту книгу рецензировали С. Романо (*La Stampa*. 13.07.1995. P. 21) и Л. Вальяни (*Corriere della Sera*. 15.07.1995. P. 26).

²⁹ Он писал Чэрис де Босис в дни, предшествовавшие процессу по делу ее матери: «Я знаю, что Вы находитесь под гнетом тяжких неприятностей и потому от всего сердца желаю Вам, чтобы они скоро рассеялись» (AL. *Registri copialettere*. 16 декабря 1930 г.). «У переводчицы, которой Вы писали, есть очень серьезные причины быть занятой»: так сдержанно он намекает на историю смерти Лауро де Босиса в письме С. Барджеллини (*ibid.* 9 января 1932 г.).

³⁰ AL. *Registri copialettere*. G. Laterza a Ch. Cortese de Bosis. 21 декабря 1932 г.

³¹ *Ibid.* G. Laterza a G. De Ruggiero. 28 декабря 1932 г.

³² AL. *Archivio Autori*. Ch. Cortese de Bosis a G. Laterza. 28 января 1933 г.

Вскоре Латерца получил подтверждение этой рекомендации от самого Де Руджиеро: упомянув о том, что он предложил Чэрис де Босис «последнюю работу Ростовцева, *Caravan cities* ("Караванные города", 250 стр. с иллюстрациями), которая весьма хороша», Де Руджиеро справляется о решении, принятом относительно перевода этой работы, и уточняет: «Издательство – по-прежнему Oxford Press», отсылая к предыдущим книгам этого автора, которые он отрецензировал в «Критике»³³. Как и Латерца, Де Руджиеро был тесно связан с Эрнесто Кодиньолой, в том числе и личными отношениями («нет со мною рядом Кодиньолы», – писал он как-то раз Латерце в мае все того же 1933 г.³⁴); так что вполне возможно, что он знал непосредственно от Кодиньолы о скором выходе в свет «Социально-экономической истории Римской империи» – коль скоро предложение о переводе "Караванных городов", переданное через Де Босис и затем подтвержденное в письме Латерце, было сделано за несколько дней до появления в феврале 1933 г. в издательстве «Новая Италия» итальянского издания главного труда Ростовцева – и обладая хорошим издательским чутьем считал, что следуя по стопам этого начинания удастся использовать всплеск интереса, который эта книга не могла не вызвать и в Италии.

Также вполне можно предположить, что в основе заинтересованности, своевременно проявленной автором «Истории европейского либерализма» (1925) к работам историка древнего мира, лежали какие-то воспоминания его дяди, Этторе Де Руджиеро³⁵, в «Эпиграфическом словаре» которого Ростовцев начал сотрудничать в 1900 г.³⁶, а кроме того и близость идейным позициям русского ученого (достаточно вспомнить об общем для обоих категорическом неприятии коммунизма). К слову, сходные культурно-политические соображения наведут в 1941 г. историка права Бруно Парадизи, руководившего в издательстве «Сансони» серией книг по экономическим, юридическим, политическим и социальным наукам, на мысль посоветовать Федерико Джентиле, который переадресовал предложение Федерико Шабоду, руководителю серии «Историческая библиотека Сансони», включить в эту серию историю эллинизма Ростовцева³⁷ (как известно, замысел этот не был осуществлен, и лишь в 1966 г. в издательстве «Сансони» выйдет другая книга Ростовцева – «История древнего мира»). Кроме того, необходимо напомнить, что в очень узком кругу сотрудников «Критики» именно Де Руджиеро отводилась роль рецензента важнейших книг по античности, например, «Проблем античной истории» Де Санктиса³⁸, а в 1927 г., как было

³³ Ibid. G. De Ruggiero a G. Laterza. Б.д. (почтовый штампель: 30 января 1933 г.). Об упоминаемой рецензии см. прим. 38.

³⁴ Ibid. G. De Ruggiero a G. Laterza. Б.д. (почтовый штампель: 8 мая 1933 г.).

³⁵ Для понимания важности культурного влияния, оказанного им на племянника, стоит напомнить, что Этторе Де Руджиеро поощрял первые личные контакты совсем еще молодого Гвидо с Кроче, как упоминает Р. Де Феличе (*Dizionario Biografico degli Italiani*. V. XXXIX. s.v. De Ruggiero, Guido. P. 248).

³⁶ См. *Marcone*. Pietroburgo–Roma–Berlino... P. 9. Not. 35.

³⁷ Ср. *Pedullà G.* Il mercato delle idee. Giovanni Gentile e la Casa editrice Sansoni. Bologna, 1986. P. 327.

³⁸ *La Critica*. 1933. 31. P. 134–138: обсуждение книги Де Санктиса строится вокруг ключевой мысли: представление об античной истории, центральное место в которой, в отличие от современности, занимает образование государства, диктуется именно понятием государственного единства, «господство которого в жизни человеческого духа не имеет ни философского, ни фактического обоснования». Именно у Де Руджиеро Латерца в октябре 1931 г. просил «каких-нибудь сведений насчет Марио Аттилио Леви, который предлагает мне книгу об «Основании принципата в Риме. Со смерти Цезаря до смерти Августа» (речь идет о работе, впоследствии получившей название «*Ottaviano saroparte*» [Firenze: La Nuova Italia, 1933]); по предложению Кроче издатель просил автора – безуспешно – «ужать» работу: «Если он пойдет на эту жертву, это будет означать, что он входит в издательство "Латерца" по желанию» (AL. Registri copialettere. G. Laterza a V. Croce. 24 октября 1931 г.). [Марио Аттилио Леви, в письме, направленном 4 июня 1995 г. автору настоящей статьи, которая сообщила ему об этом крошечном следе его ранней работы, обнаруженном ею в фонде издательства «Латерца», так прокомментировал архивную находку: «Благодарю Вас за сообщение, извлеченное из архивов "Латерца". Должен Вам сказать, "для памяти на будущее", что этот "крошечный след" очень важен для меня. Я входил в издательство "Латерца" не "по желанию", но потому что в 1931 г. уже разочаровался в фашизме, которого придерживался в течение нескольких лет. Я хорошо знал, что для НФП (национально-фашистской партии – прим. переводчика) издаваться с помощью людей типа Латерцы означало, с точки зрения фашиста, вынести приговор самому себе. Но именно этого я и добивался, ценой риска для собственной карьеры и того, что буду вынужден заняться другой профессией».]

сказано, и двух книг Ростовцева: «A History of the Ancient World» (Oxf., 1927) и «The Social and Economic History of the Roman World» (Oxf., 1926)³⁹. Не будучи антиковедом, рецензент с удовлетворением улавливал близость нашему времени и «новую свежесть» «истории классической эпохи, освобожденной от громоздкого пьедестала классицизма», а значит ставшей более доступной для понимания ее динамики и взаимосвязей⁴⁰; и прежде всего, будучи историком и теоретиком либерализма, он считал нужным уточнить:

Название этого труда могло бы навести на мысль о какой-то связи с историческим материализмом; напротив, он задуман как антитеза этой форме историографической мысли и предъявляет нам скорое и решительное опровержение одного из положений, поддерживаемых материализмом: будто падение Римской империи было вызвано отсутствием индустриального капитализма и чисто домашним характером ее экономики [...] ⁴¹ Но отказывать в доверии историческому материализму не значит преуменьшать значение социально-экономического развития.

9 февраля 1933 г. Латерца начал переговоры с «Кларендон Пресс» об уступке прав на «Караванные города»; с помощью издательства автор (как мы узнаем из письма, в котором Чэрис де Босис сообщалось о достигнутом соглашении с оксфордским издательством и условиях оплаты перевода) оставлял за собой право просмотреть корректуру итальянского перевода и внести туда возможные исправления и дополнения. Издательство «Латерца» испытывает в эти месяцы растущее политическое и полицейское давление: милиция систематически контролирует рассылку «Критики» Кроче, поступают угрозы по телефону, и, — на мрачном фоне нацистских костров из книг, преданных огню перед зданием оперы на Унтер ден Линден 10 мая 1933 г.⁴² — Джованни Латерца пишет философу и другу, с обычными для него остроумием и иронией шутя по поводу возврата нераспроданных изданий: «если декретируют сожжение книг на костре, у нас найдется много чего предъявить»⁴³.

Перевод «Караванных городов» был готов к сентябрю. В декабре в издательство поступило письмо от Ростовцева, «который, — пишет Франко Латерца отцу, гостившему в те дни в Неаполе у Кроче, — сделав несколько новых открытий, хотел бы дополнить итальянский перевод приложением. Он находится в Риме, Де Руджеро [sic] его тоже видел и написал [...] полагаю, что ты успеешь повидать его в Риме»⁴⁴. Таким образом у нас есть подтверждение прямого личного контакта между Ростовцевым и Гвидо Де Руджиеро. Итак, в ожидании дальнейших распоряжений книга была задержана в типографии.

³⁹ La Critica. 1927. 25. P. 373–381 (цитированный ниже отрывок находится на с. 375).

⁴⁰ Переключку с этими словами, как кажется, можно уловить в более позднем суждении Момильяно, высказанном им в письме Пиппиди от 25 января 1950 г. по поводу задачи, стоящей перед историком античности: «Выходить за рамки второстепенного эпизода, чтобы соответствовать запросам нашего времени было бы желательно: в этом единственное оправдание классицизма [...]. Но, оставляя в стороне индивидуальные дарования, еще и момент не такой уж удачный. По сути, последний, кому это удалось, — это Ростовцев с его первым томом: уже "История эллинизма" более далека» (L'epistolario con D.M. Pippidi, A. Momigliano a D.M. Pippidi // Storia della Storiografia. 1989. 16. P. 31).

⁴¹ Здесь необходимо заметить, что в споре об «экономическом строе» древнего мира», к которому отсылает Де Руджиеро, немаловажное значение имели позиции Чиккотти («Tramonto della schiavitù nel mondo antico») и в особенности Сальвиоли («Le capitalisme dans le monde antique. Études sur l'histoire de l'économie romaine»; посмертное итальянское издание вышло в 1929 г. в «Латерце»), не сводимые просто к тезису об «ойкосном хозяйстве»: об этом см. *Giardina A. Analogia, continuità e l'economia dell'Italia antica // Salvioli G. Il capitalismo antico. Storia dell' economia romana / a cura di A. Giardina. Roma Bari. 1985 (ristampa 1929). P. VII–LV; к спору между «примитивистами» и «модернистами» в связи с Ростовцевым недавно обратился Ж. Андро. См. *Andreu J. Antique, moderne et temps présent: la carrière et l'oeuvre de Michel Ivanovic Rostovtseff (1870–1952) // Rostovtseff M.I. Histoire économique et sociale de l'Empire romain. P., 1988. P. III.**

⁴² 28 мая «Фашистский Рим» опубликовал статью депутата Гильельмотти с нападками на «Латерцу», озаглавленную «Издательство, достойное костра».

⁴³ AL. Registri copialettere. G. Laterza a B. Croce. 30 июня 1933 г.

⁴⁴ Ibid. F. Laterza a G. Laterza. 7 декабря 1933 г. Письмо Де Руджиеро, о котором упоминает Франко Латерца, — это, должно быть, то самое адресованное Латерце послание без даты, где мы читаем: «Вышли ли уже или выйдут вот-вот «Караванные города»? Ростовцев, который сейчас в Риме, выказал некоторую досаду из-за того, что ему не сообщили об итальянском издании, потому что он, как сказал, привел бы это издание в соответствие со своими последними исследованиями. Если еще есть время, он мог бы приготовить приложение для главы о Пальмире, где больше всего нового. Прошу Вас поставить меня в известность, таким образом я буду знать, как мне с ним поступить» (AL. Archivio Autori).

Благодаря первому длинному письму русского историка по поводу готовившейся в издательстве «Латерца» публикации «Караванных городов» есть возможность увидеть его за работой: он полон решимости вплоть до самого последнего возможного момента дополнять готовящуюся к печати книгу новыми данными, упорядочивая огромную массу непрерывно нарастающего материала. Обнаружение этой неизданной переписки тем более замечательно, что «о живой личности» историка осталось немного свидетельств⁴⁵. Итак, вот текст

Hotel de la Ville
виа Систиана

Рим
6 дек. 1933 г.

Милостивый государь!

Я получил от «Кларендон Пресс» корректуру итальянского перевода моих «Караванных городов» без какого бы то ни было письма. Сообщите мне, что Вам угодно, чтобы я сделал с этой корректурой. Должен ли вычитать ее и исправить перевод, если нужно, или Вы желаете, чтобы я сделал добавления и изменения, либо предпочитаете, чтобы я посмотрел на корректуру и оставил ее на моем письменном столе.

Читать корректуру и делать добавления – большой труд, и это займет у меня много времени, а я собираюсь уезжать на Ближний Восток. Но, с другой стороны, моя книга уже отчасти устарела, так как новые раскопки были проведены в Пальмире и в Дуре. В Дуре были открыты христианская церковь и синагога с прекрасными настенными росписями. Было бы странным, что в 1933 или 1934 г. выходит книга и не упоминает об этих памятниках, которые открыл сам автор.

Итак, вот альтернатива. Желаете ли Вы, чтобы я перечитал и переделал главу о Дуре и Пальмире со значительными изменениями или Вам угодно, чтобы я написал «Приложение» об этих двух городах, проиллюстрированное парой таблиц? Мне это будет стоить времени и усилий и должно быть вознаграждено. Либо Вы желаете, чтобы я оставил все так, как сказал выше, и чтобы я доверился переводчице в том, что касается правильного перевода, и не заботился о том, чтобы внести в мою книгу последние изменения [в оригинале по-английски: *up to date – прим. переводчика*]. Принять решение надлежит Вам.

Со всем моим уважением

Преданный Вам М. Ростовцев⁴⁶

Спустя несколько дней Дж. Латерца нашел возможность встретиться с Ростовцевым в Риме. Должно быть, это была не вполне заурядная встреча, коль скоро письмо, которое издатель, едва вернувшись на рабочее место⁴⁷, отправил своему автору, начинающееся с маленького конфуза (обращение гласит «Многоуважаемому г-ну проф. Марио Ростовцеву»), продолжается так: «Все еще нахожусь под приятным впечатлением от того, что позавчера лично познакомился с Вами». Далее Латерца говорит, что выслал выпуск «Критики» с заметками о книгах Ростовцева, написанными в свое время Де Руджиеро, чтобы затем перейти к объяснению причин (сроки работы, объявление о скором выходе в свет и т.д.), по которым вполне оправданное предложение добавить «Приложение» поневоле обречено на провал⁴⁸.

⁴⁵ *Horsfall N.* M.I. Rostovtzeff, storico, filologo, russo, politico: a proposito di M.A. Wes // *Quaderni di storia*. 1992 (gennaio – giugno). 35. P. 121.

⁴⁶ AL. Archivio Autori. В этом, как и в следующих письмах Ростовцева, содержатся ошибки [разумеется, в переводе на русский язык не отраженные – *прим. переводчика*].

⁴⁷ AL. Registri copialettere. G. Laterza a M. Rostovtzeff. 11 декабря 1933 г.

⁴⁸ Представляют интерес некоторые решения по маркетингу, вызванные необходимостью учесть, хотя книга была уже отпечатана, дополнения и изменения, предложенные Ростовцевым: издатель решает выбросить на рынок первые 400 экземпляров, чтобы затем в остальных изменить предисловие и добавить приложение: «Таким образом создается бы впечатление большего успеха, что несомненно полезно для продажи остальных экземпляров. Вам знаком наш книжный рынок и Вы знаете, как мало можно на него полагаться. Если Вы одобрите это предложение, нам будет легко договориться» (*ibid.*). К похожему решению Латерца прибег в свое время при издании книги Джорджо Паскуали «Германские социалисты», вышедшей «пробным изданием в конце 1919 г., а полностью в 1920 г.» (*Canfora L.* Giorgio Pasquali // *Classical Scholarship. A Biographical Encyclopedia* / Ed. W.W. Briggs, W.M. Calder III. N.Y. – L., 1990. P. 368, 374); на фронтисписе книги стоит дата «1919», но на с. 225, в начале приложения «Германские социалисты, большевики и Вильсон» можно прочесть: «Рукопись настоящей книги была завершена и передана издателю уже в июле 1919 г. С тех пор и до сего дня (13 марта 1920 г.) события ушли далеко вперед...».

Несколько более холоден ответ Ростовцева, ошибочно адресованный некоему «профессору» Латерце: обеспокоенный ошибкой, по недоразумению вкравшейся в его имя, он избегает определенности в выражениях по поводу решений (на деле неотложных) относительно «Приложения», а в конце письма с настойчивостью возвращается к вопросу о необходимости увеличения вознаграждения в этом случае.

12 дек. 1933 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Ради Бога, почему Вы назвали меня именем, которого у меня никогда не было и которого не существует в России? Никакой я не Марио Ростовцев, а Михаил Ростовцев. Было бы несчастьем, если бы это имя появилось бы на обложке моей книги. Читатели станут думать, что это мой сын или племянник или еще какой другой Ростовцев.

Что касается публикации, поступайте, как Вам угодно. Как раз сейчас я не в состоянии внимательно вычитывать корректуру всей книги. Прочтя сегодня несколько страниц из главы «Пальмира и Дура», я обнаружил несколько ошибок переводчицы, напр. на с. 59 «серные источники», в то время как таких источников не существует ни в Пальмире, ни в других местах. Должно быть «источники сернистой воды», имеется в виду, что в Пальмире у воды привкус серы⁴⁹. Я мог бы в немногие свободные часы, которыми располагаю, прочитать корректуру пока не сверстанной части, если она в самом деле еще не сверстана и Вы этого желаете. Дайте мне знать.

Что же касается «Приложения», посмотрим, когда я вернусь из Дуры. По возвращении я Вам напишу, а Вы решите. Как я говорил в первом письме, за это добавление я должен получить гонорар.

Знакомство с Вами доставило мне большое удовольствие, и я надеюсь вскоре увидеться с Вами

Преданный Вам М. Ростовцев⁵⁰

О встрече с Ростовцевым Латерца коротко рассказал Кроче в одном из тех писем, которыми обычно сообщал тому о всех даже самых мелких новостях, относящихся к издательскому делу, и постоянно спрашивал у него совета; сообщая о том, что дата представления «Приложения» назначена на май следующего 1934 г., он, как кажется, прекрасно отдает себе отчет⁵¹ в том, что дополнения придали бы ценность итальянскому изданию работы. Спустя несколько дней в ответном письме Ростовцеву, выразив свои «сожаления по поводу произвольного изменения» имени, он проявляет готовность принять любые исправления даже в верстке, а также выплатить автору вознаграждение за добавления, которые смогут расширить текст после возвращения Ростовцева из Пальмиры⁵².

Однако вскоре строптивый автор снова возвращается к обсуждению однажды принятого решения:

Милостивый государь!

Посылаю Вам отдельным пакетом корректуру моей книги. Как Вы увидите, я принял решение внести правку в книгу, особенно в две последние главы. После внесения этих исправлений больше нет нужды в «Приложении», о котором мы говорили в Риме. Надеюсь, что корректура придет вовремя, чтобы внести сделанные мною исправления и дополнения в окончательный текст книги. Так как я не вполне уверен в своем итальянском, будет хорошо тем или иным образом послать корректуру переводчице, которая пишет изысканным итальянским слогом. Она сделала одну или две ошибки, но в целом ее перевод превосходен. Так что пусть она переделает мой итальянский на свой лад.

⁴⁹ Латерца не преминет указать переводчице на это замечание (в письме от 22 декабря 1933 г.).

⁵⁰ AL. Archivio Autori. M. Rostovtzeff a G. Laterza. На это письмо Латерца ответил 3 января 1934 г.: он сообщает Ростовцеву о посылке корректуры библиографии, прибавляет к вознаграждению 500 лир за добавления и в заключение пишет: «Если Вы сообразоволяете прислать мне пару фотографий последних находок, я охотно позабочусь о том, чтобы дать их репродукции ради улучшения книги» (AL. Registri copialettere).

⁵¹ «Я познакомился с проф. Ростовцевым, который хотел бы задержать опубликование своих «Караванных городов», для того чтобы вставить туда приложение о новых открытиях в Пальмире и Дура, которое он мог бы отдать мне в будущем мае. Я предложил изготовить лишь 400 экземпляров книги, а из остальных 800 сделать новое издание с измененным предисловием и с приложением» (AL. Registri copialettere. G. Laterza a B. Croce. 12 декабря 1933 г.).

⁵² Ibid. G. Laterza a M. Rostovtzeff. 15 декабря 1933 г.

У меня не было корректуры «Библиографии». Пришлите мне ее поскорее, если Вам угодно, чтобы я ее дополнил.

Нечего и говорить о том, что эти исправления стоили мне немало времени и усилий. Вы должны будете учесть это.

С огромным уважением
Преданный Вам М. Ростовцев

Рим, 21 дек. 1933 г.

Германский Археологический Институт 70 виа Сарденья⁵³.

Редакторская правка, внесенная Ростовцевым в корректуру, сделала ненужными ухищрения, первоначально предусматривавшиеся издателем⁵⁴; быстро было достигнуто взаимопонимание по денежным вопросам, но прежде всего сам автор взял на себя большую работу – как он привык поступать – по расширению иллюстративного материала как неотъемлемой части своего исторического исследования. Если полное владение огромной массой материала, которое обнаруживалось не только во внушительном аппарате сносок и примечаний, но также и в комментариях к таблицам, иллюстрации в которых «были не случайными украшениями текста, но важнейшим подспорьем для его аргументов»⁵⁵, вообще отличало Ростовцева, то подробные инструкции, данные им издателю из Бари, подтверждают, насколько для него даже в небольшой книге широкое использование таблиц, развернутое и детальное описание иллюстраций имело целью не просто украшение, но служило для подкрепления изложенных в тексте идей, позволяя даже углублять анализ.

1 января 1934 г.

Милостивый государь!

Получил Ваше письмо от 30 дек. 1933 г. Мне очень трудно оценить работу, проделанную для итальянского издания «Караванных городов». Скажем, пятьсот лир. Почему Вы мне не прислали корректуру библиографии? Нужно внести дополнения и в нее. С новым годом!

Преданный Вам М. Ростовцев

P.S. Если Вы пожелаете иметь *одну* или *две* новые таблицы с иллюстрациями синагоги и христианской церкви, дайте мне знать. Я сразу вышлю Вам фотографии. Но не медлите. Потому что 10 числа этого месяца я уезжаю в Сирию⁵⁶.

История издания этой небольшой книжки Ростовцева завершилась так. Через три дня после этого письма, 4 января 1934 г., Ростовцев написал краткое «Предисловие» к итальянскому изданию, в котором сообщил о том, что главы, посвященные Пальмире и Дуре, были переработаны вследствие открытий, сделанных за два последних года. Он упомянул о самых важных добавлениях по сравнению с английским изданием (именно о них

⁵³ AL. Archivio Autori. M. Rostovtzeff a G. Laterza. Германский археологический институт указан в качестве адреса Ростовцева также и в составленном самим Де Санктисом списке ученых, которым предназначались в подарок экземпляры его «Проблем античной истории»: список приложен к письму, датированному 20 июля 1932 г. (AL. Archivio Autori). Имя «Michel Rostovtzeff» (затем исправленное на Rostovtzeff) было добавлено Де Санктисом во вторую очередь и фигурирует в начале списка. В августе того же года Ростовцев из Италии писал Вестерманну с просьбой изыскать возможность пригласить Де Санктиса в Америку для выступления с какими-нибудь лекциями (об этом см. *Wes M.A. The Correspondence between Rostovtzeff and Westermann. A Note on Gaetano De Sanctis // Historia. 1993. 42. P. 125–128*; о старинной дружбе, связывавшей Де Санктиса и Ростовцева см. *De Sanctis G. Ricordi della mia vita / a cura di S. Accame. Firenze, 1970. P. 74 sg.*).

⁵⁴ AL. Registri copialettere. G. Laterza a M. Rostovtzeff: «30 декабря 1933 г. – Уважаемому г-ну проф. Михаилу Ростовцеву, Германский Археологический Институт, Виа Сарденья, 79. – Я получил корректуру "Караванных городов", исправленную Вами таким образом, что не потребуются создавать видимость нового издания в связи с последними открытиями, и переслал ее переводчице, чтобы внести правку в верстку, которая все еще находится у нее. – Весьма благодарен Вам за оперативность и хочу знать сумму гонорара за эту новую работу, которую Вы взяли на себя, чтобы перевести Вам эту сумму. – Примите также наряду с проявлением глубокого почтения поздравления с новым годом. – Преданный Вам Дж. Латерца».

⁵⁵ *Starr Ch. Past and Future in Ancient History. Lanham, 1987. P. 27* (цитирую по статье: *Fears J.R. M. Rostovtzeff // Classical Scholarship. P. 414*).

⁵⁶ AL. Archivio Autori. M. Rostovtzeff a G. Laterza.

он ранее писал издателю: «имеющее огромное значение открытие синагоги с росписями, сделанное в Дуре в 1932–33 г.» и некоторые дополнительные сведения о христианской церкви того же города), и в заключение счел своим долгом «поблагодарить переводчицу книги за большой труд, вложенный в перевод, и издательство «Латерца», которое не посчиталось ни с усилиями, ни с затратами ради того, чтобы итальянское издание вышло не менее полным, чем английское». Самые же последние открытия, сделанные во время экспедиций Ростовцева на Средний Восток, скоро стали хорошо известны в Италии благодаря развернутой статье «Дура-Европос» в «Итальянской энциклопедии», написанной им по заказу друга – Де Санктиса⁵⁷.

По возвращении из Дуры в Италию Ростовцев снова написал Латерце. Предыдущий опыт наверняка принес ему удовлетворение, коль скоро он предлагает новый перевод:

Милостивый государь!

От друзей я слышал, что моя книга вышла, но я ее так и не видел. Сделайте мне одолжение, пришлите один экземпляр в Рим по адресу Hotel de la Ville, виа Систина 69. Я никогда не просил Вас о бесплатных экземплярах, чтобы подарить их некоторым друзьям. В самом деле, я об этом не подумал. Но если Вы сможете подарить мне несколько экземпляров, я был бы Вам премного благодарен. Кстати. У меня есть книга для юношества, изданная «Yale Press» в Нью Хейвене. Она называется «Out of the past of Greece and Rome» и состоит из нескольких очерков из жизни древности: «Кочевники и греки на юге России», «Олимпийские игры», «Мессина», «Помпеи», «Египет в эллинистическую эпоху», «Караванные города». В Америке она имела успех. Может быть, и юные итальянцы тоже проявят к этой книге интерес.

Преданный Вам М. Ростовцев

2 июня 1934 г.

Рим⁵⁸.

Но еще предыдущей зимой он сделал предложение о новом сотрудничестве Чэрис Кортезе де Босис. Так, переводчица писала Латерце:

Сообщаю Вам также, что перед отъездом из Рима проф. Ростовцев говорил, что доверит мне перевод своей книги: «A History of the Ancient World» в двух томах (I том. «The Orient and Greece». II том. «Rome»), издана в 1926–27 гг. в Оксфорде «Clarendon Press».

(Но я думаю, что предоставление права на перевод зависит от журнала «Слово» в Берлине. «Clarendon Press» сможет дать точную информацию.)

Проф. Микеланджело Гвиди тоже считает, что это великолепная книга⁵⁹.

Действительно, вскоре последовал запрос от имени издательства⁶⁰ – знак того, что весьма прозорливый Латерца считал, что нашел автора, на которого стоило делать ставку: интересно, что в «Clarendon Press» он наводит справки и о возможности перевести наряду с «A History of the Ancient World» Ростовцева еще и «Italian Pictures of the Renaissance» и «The Italian Painters of the Renaissance» Бернарда Беренсона. Но в ответе издательства «Clarendon Press» разъяснялось⁶¹, что имеются некоторые сложности, так как ему принадлежат лишь

⁵⁷ Dura-Europo // Enciclopedia Italiana. Appendice I. 1938. Другие статьи, написанные Ростовцевым для «Итальянской энциклопедии»: «Chersoneso Tracico», «Olbia», «Panticapreo», «Ponto». Первую статью Dura-Europo (V. XIII. 1932) написал Рене Мутерд.

⁵⁸ AL. Archivio Autori. M. Rostovtzeff a G. Laterza. 4 июня Латерца ответит Ростовцеву на это предложение согласием, пусть и нарисовав – надо сказать, в обычной своей манере – в мрачных тонах будущее этого предприятия: «Я попрошу у "Yale University Press" Вашу последнюю книгу "Out of the past of Greece and Rome" для изучения, хотя нынешние условия книжного рынка настолько ужасны, что работа продолжается для того, чтобы поддерживать зажженным огонек, который должен показывать немногим желающим, что это пока еще культурное издательство» (AL. Registri copialettere).

⁵⁹ AL. Archivio Autori. Ch. Cortese de Bosis a G. Laterza. 29 января 1934 г. (таким образом, к именам людей, входивших в круг знакомых Де Босис, добавляется имя востоковеда Гвиди). Латерца ответил переводчице, что собирается раздобыть два тома «Истории древнего мира» и что они вернутся к этому разговору в дальнейшем (AL. Registri copialettere. 31 января 1934 г.).

⁶⁰ Ibid. F. Laterza alla Clarendon Press. 7 февраля 1934 г. Об этом запросе в тот же день Дж. Латерца написал Б. Кроче (ibid.).

⁶¹ AL. Archivio Autori. Kenneth Sisam (Clarendon Press) alla Casa editrice Laterza. 23 февраля 1934 г.

права на английское издание книги Ростовцева, переведенной с русского, тогда как разрешение на итальянский перевод следует получить «у русских издателей» (и все же следовало бы предусмотреть и выплаты оксфордскому издательству, коль скоро за основу было взято английское издание: этого можно было ожидать, «поскольку усилия и затраты на перевод с русского очень велики»). В конце концов, из этого ничего не вышло, и Чэрис де Босис, которая между тем переводила для «Латерца» более трудные популярные книги по естественным наукам, вынуждена была распрощаться с приятной перспективой долгой работы по переводу этого общего труда по древней истории. «Караванные города» были разосланы книготорговцам к середине марта. В июне от «Yale University Press» пришел ответ относительно условий уступки прав на перевод книги «Out of the Past of Greece and Rome», и между июлем и августом стороны пришли к соглашению⁶². На роль переводчика в этот раз был выбран Эмилио А.Г. Лолива, преподаватель английского языка, зять издателя⁶³. Работа была готова в июле 1935 г.⁶⁴.

Тем временем в Италии для издательской деятельности все более нарастают затруднения цензурного характера. Распоряжением управления полиции (квестуры) предписывается, чтобы все типографии сдавали в отдел печати префектуры по три экземпляра каждой опубликованной книги; такое издание, как журнал молодого Джулио Эйнауди «Культура», сталкивался с контролем и ограничениями, например, сообщая о работах Кроче, которые издавал Латерца⁶⁵. В какой-то момент, в октябре 1934 г. «Караванные города», вероятно, только из-за русской фамилии их автора оказались в списке работ таких «подозрительных» авторов, как Бенедетто Кроче, Гвидо Де Руджиеро, Франческо Флора, Адольфо Омодео (но также и мадам д'Эпинэ!). Эти книги настойчиво требовало королевское управление полиции от имени департамента по печати. И здесь как об одном из

⁶² AL. Archivio Autori. Norman V. Donaldson (Yale University Press) a F. Laterza. 15 июня 1934 г.; AL. Registri copialettere. G. Laterza alla Yale University Press. 12 июля и 22 августа 1934 г.

⁶³ Впервые об этом выборе речь заходит в письме Дж. Латерцы Б. Кроче (AL. Registri copialettere. 13 июля 1934 г.). Так что имелись причины семейного порядка, объясняющие, почему от Чэрис де Босис, которой Ростовцев дал высокую оценку, не приняли заявку на перевод исторических произведений после ее работы над популяризацией естественнонаучных знаний («Природа физического мира» Эддингтона): «В утешение за труднейшего Эддингтона, что теперь дадите Вы мне для перевода? Вы больше не договаривались с «Clarendon Press» насчет «A History of the Ancient World»? Мне очень хотелось бы книгу по истории!» (AL. Archivio Autori. Ch. Cortese de Bosis a G. Laterza. 17 июля 1934 г.). Через несколько дней издатель ответил ей; как бы молчаливо извиняясь, он проливает свет на личность Лоливы, будущего переводчика Ростовцева: «На днях моя третья дочка выходит замуж за преподавателя английского языка Эмилио Лолива, который ребенком прожил десять лет в Нью-Йорке и обладает изрядной склонностью к поэзии. Он прекрасно перевел для меня «Научную панораму» Рассела» (AL. Registri copialettere. G. Laterza a Ch. Cortese de Bosis. 20 июля 1934 г.). О поэтическом творчестве Лоливы кое-что можно узнать из не лишенных некоторого сарказма коротких записок, которые ему посылал Дж. Латерца: «Ваши "Трели" разделяют участь всех поэтических книг. Они не продаются!» (AL. Registri copialettere. 2 января 1932 г.); «Ваши "Четыре эклоги в императорском Риме" мне очень понравились. Да будут благословенны все поэты от Феокрита до Вас, так расположенные к пастухам!» (ibid. 1 июня 1932 г.). О страстном желании молодого Лоливы «издать что-нибудь хорошее» у Латерцы свидетельствует его письмо из Лондона от 10 августа 1932 г. (AL. Archivio Autori).

⁶⁴ То, что Ростовцев подолгу жил за границей, вероятно, сказывалось на трудностях сообщения с ним и потому могло приводить к каким-то недоразумениям, раз Дж. Латерца 6 июня 1936 г. в ответ на письмо историка от 21 мая (оно не сохранилось) восстанавливает отдельные стадии опубликования перевода «Out of the Past of Greece and Rome»: договоренности с «Yale University Press», одновременное вознаграждение, уплаченное этому издательству, посылка туда же двух экземпляров перевода 8 июля 1935 г. («и я рад, – заключает Латерца, – выслать еще два экземпляра Вам»: AL. Registri copialettere). Последний след в архиве – открытка итогового характера, которую Дж. Латерца отправил 29 декабря 1938 г. в «Clarendon Press» в Оксфорд: «Благодарим вас и проф. Ростовцева за экземпляр его последней книги "Дура Европос" и предложение, которое делает нам честь. Мы лично знакомы с автором, очень высоко ценим его труды, но, к сожалению, не можем сделать ему предложение о переводе этой его последней книги, поскольку в Италии в аристократической области науки, которой он занимается с такой компетентностью, мало специалистов» (AL. Registri copialettere).

⁶⁵ AL. Registri copialettere. G. Laterza a G. Einaudi. 5 июня 1934 г. (Ноябрьская книжка журнала за 1934 г. окажется изъята из-за наличия в ней статьи Пьеро Тревеса, озаглавленной «Интерпретации Юлия Цезаря»; ср. *Cagnetta M. Antichità classiche nell'Enciclopedia Italiana. Roma-Bari, 1990. P. 193 sg. Not. 254.*

живых свидетельств отстаиваемого издателем «достоинства»⁶⁶ стоит упомянуть об ответе, который Дж. Латерца отправил в генеральное управление департамента по печати⁶⁷: в нем он, указав причины, по которым *три* экземпляра, требуемые для опубликованных ранее апреля 1934 г. книг указанных авторов, не были предоставлены («ибо настойчивое требование полиции лишено оснований»), объясняет, что теперь подчиняется обязанности предоставить книги, посылая *один* экземпляр в подарок, и то лишь принимая во внимание то, что «упомянутые книги могут понадобиться для научных целей»*.

М. Каньетта

M.I. ROSTOVZTEFF IN ITALY:
CULTURAL TIES AND STORY OF PUBLICATIONS

М. Cagnetta

The article considers publication of M. Rostovtzeff works in Italy in the 30s and describes the people thanks to whom the Italian public got to know the books of the eminent historian. They were G. Pascuali, the author of the review of the 1933 Italian translation of *Social and Economic History of Roman Empire*, G. Sanna, the translator of the book who worked for the publishing house *Nuova Italia* which published the translation. The head of the publishing house was E. Codignola who in 1929 headed *Ente nazionale di cultura di Firenze*. This post and the powers it entailed, together with some financial opportunities, made it possible to undertake ambitious publishing projects among which was the translation of one of the major works by Rostovtzeff.

On the basis of the research in the archive of the publishing house *Laterza* the author of the article recreates the background of the publication in 1934 of the translation into Italian of another book by Rostovtzeff – *Caravan Cities* (Oxf., 1932). The article publishes previously unpublished letters by Rostovtzeff, as well as those by G. Laterza, head of the publishing house, translator Charis Cortese de Bosis and Guido De Ruggiero who reviewed major works on history of the ancient world for *Laterza*.

Rostovtzeff's publications are considered against the historico-cultural background of Italy in the 30s.

⁶⁶ «Я совершенно согласен с Вашей превосходной статьей "Продавать, но с соблюдением дисциплины", – писал он 13 октября 1931 г. Джулио Калаби. – Я бы сказал "с достоинством", так как мне кажется, что это преувеличенное требование соблюдения дисциплины подавляет достоинство, и я боюсь, что человеческое общество придет к своему концу, удобно устроившись в рамках порядка, установленного малочисленными зверски жестокими укротителями многочисленных зверей, соблюдающих правила дисциплины» (AL. Registri corialelettere).

⁶⁷ Ibid. 16 октября 1934 г.

* Перевод Е.В. Ляпустиной.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



© 1997 г.

М.Г. АБРАМЗОН. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. 656 с. Илл.

В последние годы среди российских ученых заметно повысился интерес к идеологическим и политическим процессам в Римской империи¹. Новым подтверждением этого является рецензируемая работа, в которой политика императоров и лежащая в ее основе идеология впервые специально рассматриваются в зеркале данных нумизматики. Монография М.Г. Абрамзона отвечает на актуальную потребность систематизировать многообразнейшие монетные типы и интерпретировать их не только как важный источник фактических сведений, но и как неотъемлемый компонент политического процесса. В русле такого подхода автор стремится решить широкие и непростые задачи: проследить по монетам характерные черты и изменения официальной идеологии, политики и культуры, определить направленность монетной пропаганды и эффективность ее воздействия на общество.

Монография состоит из общего введения, пяти частей, разделенных на главы и параграфы, заключения, библиографии, указателей иллюстраций, имен и географических названий, имеет резюме на английском языке. Книга добротна иллюстрирована, в том числе цветными фотографиями.

Во введении определяются основные направления и проблемы исследования, дается краткий обзор историографии и источников. Несомненно, изображения, надписи и дифференцы на монетах весьма информативны, но лишь в той степени, в какой возможно увязать их с конкретными историческими ситуациями, персональными устремлениями отдельных правителей и политико-идеологическими процессами в обществе, в том числе с тем процессом воздействия власти на население, который принято называть пропагандой. Выявление таких связей – проблема для заявленной в монографии темы, безусловно, ключевая и методологически наиболее сложная, ибо предполагает комплексный сравнительный анализ различных видов источников, в чем автор вполне отдает себе отчет. Однако, априорно признавая и всячески подчеркивая значимость монеты как инструмента политической пропаганды, он никак не оговаривает проблематичности использования самого термина «пропаганда» (ни применительно к монетным выпускам, ни в отношении к другим формам общения правителей с различными слоями населения), на что уже обращалось внимание в литературе и высказывались вполне скептические суждения на сей счет и даже обозначилась тенденция к отказу от данного понятия².

Основную часть монографии открывает «Краткий очерк развития монетного дела Римской империи», в котором дан обзор монетной системы и денежного обращения, организации общегосударственной и городской чеканки. Главное внимание уделяется контролю правительственных органов (в частности, коллегии *tres viri monetales*) и лично императоров за деятельностью монетных дворов. В развитии монетного дела империи автор прослеживает две противоположные тенденции: к централизации, начатой Августом и усилившейся при Клавдии и Нероне, и к децентрализации, связанной с невозможностью обеспечить империю всей массой монет только за счет столичной чеканки. Процесс децентрализации усилился при Северах, когда чеканка монеты стала следовать за армией,

¹ *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990; *Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. Ч. 1–2. Новосибирск, 1992; *Межеричкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва – Калуга, 1994; *Парфенов В.Н.* Принципат Августа: армия и внешняя политика. Саратов, 1994. Деп. в ИНИОН РАН, № 488859.

² *Межеричкий.* Ук. соч. С. 309 слл. (обзор основных подходов и важнейшей литературы).

сделал новый шаг после восстания монетариев при Аврелиане и завершился к концу III в. По мнению автора, императорский монетный двор с точки зрения его внутренней структуры был устроен по принципу военной организации (с. 70) и контролировался в конечном счете императором, который мог непосредственно заказывать либо утверждать те или иные монетные типы. Сенатский монетный двор оставался под контролем префекта эрария Сатурна и подчиненных ему *tres viri monetales*. В конце I в. до н.э. имена этих триумвиров исчезают с монет, что свидетельствует о еще большем сосредоточении в руках принцепса контроля за чеканкой сената, хотя сама коллегия функционировала и впоследствии, сохраняя значение одной из начальных ступеней в государственной карьере.

В характеристике городской чеканки автор останавливается прежде всего на должностных лицах, от имени которых осуществлялся выпуск монеты в греческих городах империи, и отмечает, что в отличие от более раннего периода должность монетного магистрата стала прерогативой высших должностных лиц с солидным положением в обществе. Городская верхушка, входившая в коллегии императорского культа и лояльная центральной власти, требовала от резчиков создания монетных типов, отвечающих конъюнктуре официальной пропаганды. Таким образом, как центральные, так и местные эмитенты учитывали и личные взгляды императоров, и компоненты официальной идеологии, и привычки местного населения.

Вторая часть, озаглавленная «Римская армия и ее лидер по данным нумизматики»³, не случайно занимает центральное место в книге. Прежде всего, почти все монеты военной чеканки и около половины всех монет императорского времени, по мнению автора, несли изображения и лозунги, рассчитанные на легионеров и ветеранов. Однако нумизматические источники почти не привлекались для изучения идеологии, системы ценностей и политической роли армии, хотя, как не без преувеличения заключает автор, «в монетных типах с сюжетами на военную тему проходит вся жизнь римской армии и ее лидера, как чисто военно-профессиональная ее сторона, так и идеологическая» (с. 586). В данном разделе М.Г. Абрамзон решает двудеиную задачу: создать типологический репертурий монет с военными сюжетами (основные данные здесь, как и в следующих разделах, суммируются в виде таблиц) и, сопоставив нумизматические материалы со свидетельствами других источников, определить роль монетной пропаганды в отношениях войска и императора. Раздел включает пять глав, в которых рассматриваются соответственно: пропаганда моральных ценностей армии и ее военно-политического единства с императором, традиции военной чеканки в императорский период, отражение в монетных типах внешней политики Рима, роль императора как полководца и, наконец, религия римских солдат.

Нетрудно заметить, что в содержании названных глав и других разделов книги есть немало взаимопересекающихся вопросов. Это влечет определенные повторы, но они в общем-то неизбежны, поскольку изображения и надписи на монетах по причине своей лаконичности далеко не всегда могут быть однозначно классифицированы и истолкованы. Например, монеты с изображением военных штандартов рассматриваются и в главе о культах армии, и в главе о внешней политике Рима. Нумизматические данные, характеризующие официальную религиозную политику, нередко те же, что связаны и с армейскими культами. Идея единства армии и ее лидера находила выражение в самых разных типах, а не только в легионных монетах или типах *Concordia exercituum* и *Fides militum*. Не совсем правомерно ограничивать понятие воинской дисциплины, как делает автор, только военным делом, учением, военной наукой и рассматривать монеты с соответствующей легендой в контексте темы «Император как полководец», исключая это понятие из круга военно-этических категорий и сферы религиозного культа⁴. Заметим также, что глава «Внешняя политика Рима в монетных типах», на наш взгляд, отчасти выпадает из темы «Армия и ее лидер», поскольку римская внешняя политика отнюдь не всегда базировалась на военных средствах.

М.Г. Абрамзон справедливо заключает, что монеты практически не дают представления

³ Данный раздел является переработанным вариантом предыдущей публикации автора: *Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики*. Челябинск, 1994.

⁴ О культе дисциплины см. *Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian*. Diss. Konstanz, 1973. S. 136–139; *Birley E. The Religion of the Roman Army: 1895–1977* // ANRW. II. 16.2. 1978. P. 1513–1515; *Ziólkowski M. Epigraphical and Numismatic Evidence of Disciplina* // *Acta antiqua*. 1990–1992. 33. 1–4. P. 347–350. О ценностных аспектах понятия дисциплины см. *Махлаюк А.В. Некоторые ментальные аспекты корпоративности римской армии (I–III вв. н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С. 17–19.*

об изменениях в системе ценностей и психологии солдат, объясняя это консервативностью воинской ментальности и стремлением большинства императоров в своих отношениях с армией прокламировать приверженность традиционной римской морали, несмотря на непреодолимый разрыв между официальной пропагандой и реальностью (с. 105 сл.). Однако, если античные авторы (немногочисленные примеры из сочинений которых приводит автор) подтверждают укорененность среди воинов понятий доблести, воинской чести и долга, то мысль о том, что в отдельные периоды вполне можно говорить о популярности в военных кругах идеи *Libertas*, вряд ли можно подкрепить ссылками на литературные источники, которые рисуют совсем иные ценностные ориентации солдат периода гражданских войн⁵. Не ясно также, почему *Libertas* в таких случаях неизбежно связывалась с *evocatio* и *fides* (с. 115). В данном вопросе, как и в ряде других, автор без должной аргументации именно военных называет адресатами определенных пропагандистских лозунгов и сюжетов.

Одной из традиций военной чеканки был выпуск особых монет, являющихся своеобразной формой почестей, которые император оказывал войскам за проявленные *fides* и *pietas*. Это предназначенные преимущественно для донатив монеты с названиями отдельных легионов, армий и частей. Такие монеты выпускались, как правило, во время гражданских войн и других боевых действий или в память о подвигах отдельных легионов⁶. Утверждая, что со времени Траяна и Адриана римская армия постепенно превращается в «полуоседлую армию военных переселенцев» (с. 150), М.Г. Абрамзон связывает с этим процессом появление монет серии *Exercitus*, на которых фигурируют названия локальных армий (*Exercitus Parthicus*, *Hispanicus*, *Numidicus* и т.д.) и изображены император и воины в римской форме и вооружении. Характер формы почему-то смущает автора, полагающего, видимо, что солдаты должны были бы быть в национальной экипировке. Но под названными *exercitus*, несомненно, подразумеваются группировки, дислоцированные в данной провинции или предназначенные для похода в соответствующую страну.

Рассматривая отражение в монетах внешней политики Рима, М.Г. Абрамзон обращает внимание на коммеморативные выпуски в честь побед римского оружия и успешных дипломатических актов, а также на монеты зависимых государств, втянутых в орбиту римской внешней политики. В ряде случаев монеты этих серий дополняют сведения других источников (например, сестерции Антонина Пия, свидетельствующие о назначении им царей Армении и квадам). Монетные выпуски, связанные с важнейшими событиями внешнеполитической истории Рима, обобщены в таблице 5 (с. 220–230). Из нее, правда, не ясно, какие военные действия на Рейне и в Галлии против кимвров, тевтонов и галлов подразумеваются на денарии, выпущенном в 115 г. до н.э. Титом Дейдием и повторенном потом Траяном.

Военная сторона деятельности императоров рассматривается в главе IV на основе типов *Princeps iuventutis*, *triumphator*, *adventus*, *adlocutio*, *decursio* и др. Здесь же разбирается вопрос о военных титулах императоров⁷. Приведенные материалы показывают, сколь большое место занимала в монетных выпусках пропаганда военных успехов и самой идеи «непобедимого императора».

Что касается религии римской армии, то собранные в монографии данные вполне подтверждают уже высказывавшийся в литературе тезис о практической тождественности армейской и государственной религии⁸. М.Г. Абрамзон отмечает роль принцепса как религиозного лидера (что отразилось, на взгляд автора, в монетах с изображением предметов жреческого обихода и императора в одежде авгура), подчеркивает официальный характер культа военных знамен, подробно рассматривает монетные версии так называемых *dii militares* (в круг которых он включает и богов-покровителей отдельных императоров, в том числе восточных – Сераписа, Исиду, Аттиса, Кибелу), а также останавливается на некоторых локальных и неофициальных культах, фигурирующих в

⁵ *Jal P.* Le «soldat des guerres civiles» à Rome à la fin de la république et au début de l'empire // *Pallas*. 1962(1964). XI. P. 7–27.

⁶ В описании легионных монет следовало бы, возможно, уточнить, что связанные со знаками Зодиака пегас, кентавр, козерог и другие изображения были эмблемами легионов (см. *Keppie L.* The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. L., 1984. P. 139 ff.).

⁷ Автору осталась неизвестной специальная работа, посвященная этому вопросу: *Kneissl P.* Die Siegestitulatur der römischen Kaiser // *Hypomnemata*. Ht 23. Göttingen, 1969.

⁸ *Watson G.R.* The Roman Soldier. New York–Ithaca, 1969. P. 128. Ср. также интересное наблюдение Я.Ле Боека о совпадении божеств в солдатских посвящениях и монетных эмиссиях соответствующего отрезка времени (*Le Bohec Y.* La III^e légion Auguste. P., 1989. P. 550).

выпусках, предназначенных для армии: в частности Юпитера-Аммона, Гликона, Баал-Хамона и других. По нашему мнению, не все из этих культов можно с уверенностью признать действительно распространенными в армии. Религиозная жизнь армии, конечно, не исчерпывалась культами, отразившимися в монетах. Свидетельства эпиграфики и папирусов⁹ гораздо разнообразнее и полнее, и сопоставление с ними нумизматических данных могло бы быть довольно красноречивым, особенно для оценки степени эффективности тех или иных средств идеологического воздействия на солдатскую массу.

В целом раздел, посвященный армии, представляет несомненный интерес, сводя воедино весьма показательные нумизматические материалы. Тем более досадно наличие в тексте работы фактических неточностей и малодоказательных положений. Укажем лишь на наиболее бросающиеся в глаза. Жалование легионерам при Домициане было повышено на треть (с 225 до 300 денариев), а не в 3 или 4 раза, как пишет автор (с. 93, 133). Говоря о том, что из 23 или 25 легионов, существовавших при Августе, к III в. осталось 19 (Dio Cass. 53.23), следовало бы уточнить, что имеется в виду сохранение легионов под теми же номерами и названиями, а всего в начале III в. было 33 легиона. Ошибочно звучит утверждение, что «начиная с конца II в. н.э. среди воинов появляются и христиане, составляющие иногда целые легионы» (с. 265): ведь автору известны и другие версии знаменитого эпизода с легионом XII Fulminata, давно признанного недостоверным и церковными историками¹⁰. Коммода едва ли можно называть первым «солдатским» императором (с. 119). Необоснованным выглядит вывод, что на антонинианах Деция культ гения императора сливается с культом гения иллирийского войска (с. 273). Следует указать также на существенные пробелы в использованной автором литературе¹¹.

Часть III монографии посвящена проблемам возникновения императорского культа¹² и отражению в нумизматике религиозной политики императоров. В отдельную главу выделен вопрос о значении добавочных элементов монетных типов (надписей и дифферентов) в пропаганде религиозной политики, что, наверное, не совсем целесообразно, так как монеты выполняли свою идеологическую функцию в единстве всех своих элементов. В данном разделе книги наиболее интересен анализ истоков и эволюции культа императора, которые прослеживаются на основе тщательного изучения стилистических и семантических аспектов императорских изображений на монетах.

Отмечая новации и традиционализм в религиозной политике императоров, автор касается и проблемы синкретизма римской религии. Трудно, однако, согласиться с утверждением, что синкретические культы (Гликона, Dea Caelestis, Эквитас-Немезиды, Гадеса-Сераписа, Зевса-Сераписа и др.) имели место только (!) среди легионеров той или иной армии благодаря долгим контактам с местным населением либо в связи с выбором данного божества в свои покровители императором (с. 454).

Отразилась в нумизматических памятниках и борьба между язычеством и христианством. Примером тут могут служить выпущенные языческой аристократией Рима в IV в. конторниаты, призванные популяризировать языческую религию и нехристианских императоров¹³ в противовес прохристианской политике Константина I. В то же время монеты последнего и его преемников показывают, сколь живучи были традиционные сюжеты и символы, лишь постепенно уступавшие место христианской иконографии и символике.

Заключительная часть книги посвящена культурной политике императоров, пропагандируемой с помощью монет с изображениями памятников архитектуры, скульптуры и

⁹ Я имею в виду прежде всего *Feriale Duranum* (P. Dur. 54) – известный документ из Дура-Европос с перечнем официальных религиозных празднеств, отмечавшихся в войсках. См.: *Fink R.O. Roman Military Records on Papyrus. Cliveland (Ohio), 1971. № 117. P. 422–429; Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW. II. 16.2. 1978. P. 1481–1488.*

¹⁰ *Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 2. СПб., 1910. С. 81–82.*

¹¹ Остались неизвестными автору работы, названные нами в примечаниях 4, 7, 8, а также целый ряд других. Так, говоря о редкости исследований по идеологии и психологии легионеров, он ссылается лишь на старую книгу Г. Буассье (Общественное настроение времен римских цезарей. Пг., 1915), хотя можно указать на ряд новых исследований: *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 251 suiv.; Carrié J.-M. Il soldato // L'Uomo romano / A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 99–142.*

¹² Ср. *Абрамзон М.Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1993.*

¹³ В эту серию не совсем логично попадают конторниаты с изображением Саллюстия и Апулея (с. 468, табл. 16).

живописи, а также коммеморативными монетами, выпущенными по случаю игр и празднеств. Интересуясь в первую очередь идеологическим аспектом появления таких изображений на монетах императорской и городской чеканки, автор подчеркивает, что зрелищная и мусическая сферы теснейшим образом переплетались с религиозно-культовой и служили утверждению идеи величия Рима, прославлению его святынь. В противоположность имеющимся мнениям¹⁴ автор приходит к выводу, что с точки зрения политической пропаганды монеты оказывали на население даже большее воздействие, чем изобразительное искусство. По его словам, «каждый подданный империи... должен был немедленно узнавать знаменитый памятник искусства, изображенный на монете» (с. 548, ср. 293, 498, 546).

В данном случае, как и во всей работе, автор, увлекаясь своим предметом, явно склонен преувеличивать мощь и эффективность монетной пропаганды, отдавая монетам первенство среди прочих средств воздействия. Данная точка зрения подкрепляется лишь общими рассуждениями о том, что при отсутствии печатного слова¹⁵ именно монета, легко тиражируемая и имеющая колоссальное разнообразие типов, ориентировалась практически на все группы населения (с. 94–95, 295–296). Деньги, по выражению автора, «использовались на самых низких уровнях повседневной жизни» (?!), поэтому подданные, которые «ежечасно смотрели на монеты», вольно или невольно сталкивались с идеологической политикой правительства и вынуждены были «впитывать» официальную пропаганду через сюжеты изображений и лозунги. Но сам автор все же признает, что в конечном счете люди больше интересовались качеством металла в монете, а между официально провозглашаемыми лозунгами и реальным положением дел существовал огромный разрыв. В книге мы не находим ни одного факта сколько-нибудь ощутимого воздействия монеты (в ее идеологической, а не валютной функции) на поведение и сознание какой-либо группы населения, скажем легионеров. Зато известно немало фактов, когда живое слово или личный пример полководца пробуждали в солдатах чувство верности и доблесть, а демонстрация им воинского товарищества делала осязаемым его единство с войском¹⁶. Равным образом консервативные устои религиозной системы римской армии воздействовали на мировоззрение солдат¹⁷ в гораздо большей степени, нежели монеты с изображением соответствующих сюжетов, сколь бы часто воины на них ни смотрели. Очевидно, примерно то же самое можно сказать и о других слоях населения, которые не выделяются автором в самостоятельные группы адресатов монетной пропаганды. Оценить степень эффективности последней, опираясь почти исключительно на нумизматические материалы, вряд ли возможно, и даже самое тщательное сопоставление этих материалов с данными других источников, будь оно проведено в книге, не могло бы, наверное, привести к более или менее однозначным выводам. Скепсис в решении такого рода проблем кажется все же более уместным.

Если категоричность некоторых суждений исследователя можно отнести на счет принятой им концепции, то довольно многочисленные неточности и огрехи являются скорее следствием авторской небрежности. Так, автор не всегда корректно обходится с латинскими терминами и выражениями. Например, *fides* он переводит как «священная клятва» (с. 97), *Clementia temporum* – как «щедрое время» (с. 477, табл. 17), *veneranda memoria* – как «вечная память» (с. 479). *Spolia opima* (а не *optima*, как в тексте) – это не просто лучшая часть добычи, приносимая в храм Юпитера-Феретрия (с. 507), но доспехи, снятые с неприятельского вождя одолевшим его в единоборстве римским полководцем. *Puellae Faustinae* на ауреце Антонина Пия – это не «дочь Фаустины» (с. 527), но «Фаустининские девочки» – *alimentariae puellae* (упомянутые в *SNA. Ant. Pius. 8.1*), дочери неимущих родителей, находящиеся на иждивении алиментарных фондов, созданных Нервой и

¹⁴ Так, по мнению С. Прайса, монументальная скульптура, а в особенности публичные церемонии и ритуалы, были гораздо действеннее монет (*Price S.R.F. Rituals and Power: the Roman Imperial Cult in Asia Minor. Camb. e.a., 1986. P. 101*).

¹⁵ По мнению М.Г. Абрамзона, с падением авторитета сената почти исчезла необходимость в таком общегосударственном средстве пропаганды, как *asta diurna*. Можно, однако, вспомнить слова одного сенатора в «Анналах» Тацита (16.22.3) о том, что «ежедневные ведомости римского народа с особым вниманием читаются в провинциях и войсках, потому что все хотят знать, что еще натворил Трапея».

¹⁶ *Махлаюк А.В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 35 сл.*

¹⁷ *Helgeland. Op. cit. P. 1501 ff.*

Траяном. Надпись на солидах Феодосия II *Securitas rei publicae* автор называет «парадоксальным», «абсурдным» лозунгом (с. 469, 474), но очевидно, что *res publica* здесь означает не форму государственного устройства, но государство вообще. Стенной венком (согопа *muralis*) на с. 311 неудачно назван «муральной короной».

Кроме неудачных выражений и многочисленных опечаток, есть в тексте и чисто фактические неточности. В божественной паре с Антонием-Дионисом Клеопатра представляла не Афины (с. 304)¹⁸, но Афродиту-Исиду (*Plut. Anton.* 26,54). Филипп II назван «царем из династии Селевкидов» (с. 336), а Каллиопа – Музой не только эпической поэзии, но и науки (?). На с. 365 говорится, что гражданский венок (согопа *civica*) со времен Августа могли носить только императоры, однако и в императорское время известны примеры награждения этим венком простых воинов и командиров (*Tac. Ann.* 3.21; 12.31; *CIL.* XI. 7264=ILS. 9194). Фракия стала 34-й, а не «одной из первых римских провинций» (с. 194). Отметим также некоторые неверные ссылки на источники. Дион Кассий о триумфе Домициана пишет в книге 67.7, а не в 18.7.4 (с. 170), о походе Калигулы в Германию – в 59.21–22, а не в 50.59 (с. 282), об итогах II Дакийской войны Траяна – в 68.11, а не в 17.11.4 (с. 171). О пожаре храма Юпитера Капитолийского в 69 г. сообщает Тацит (*Hist.* 3.71), а не Ливий (3.70), как указано на с. 69.

Ограничившись данным перечнем, в качестве общего итога констатируем, что книга М.Г. Абрамзона, охватывая широкий круг проблем и давая довольно полезное обобщение ценного материала, показывает в то же время, что разработка любой масштабной темы настоятельно требует как концептуальной четкости, так и тщательности в деталях. К сожалению, ни то, ни другое нельзя, наверное, отнести к числу бесспорных достоинств рассмотренной работы.

А.В. Махлаюк

* * *

До последнего времени в отечественной историографии отсутствовали специальные исследования, посвященные римским монетам как источнику по изучению императорской пропаганды, поэтому трудно переоценить значение выхода в 1995 г. монографии объемом более чем в 600 страниц, с подробной библиографией, индексами, ста шестью иллюстрациями, из которых сорок пять – цветные. На протяжении всего XX века мировая историография в области вспомогательных исторических дисциплин развивалась, в отличие от отечественной, очень интенсивно, поэтому достойны большого уважения попытки российских специалистов ликвидировать образовавшееся отставание. Перед ними встает задача повышенной сложности: повторяя для русскоязычного читателя основные положения «пропущенных» им достижений западных историков, попытаться в то же время не ограничиться только повтором.

История изучения изображений и легенд на римских монетах началась давно, с выхода *Doctrina nummorum veterum* Эккеля¹. В конце XIX – начале XX вв. появляется огромная серия статей на эту тему в таких специальных журналах, как *Numismatic Chronicle*, *Numismatische Zeitschrift*, *Revue belge de numismatique*, *Revue numismatique*, *Rivista italiana di numismatica*, *Zeitschrift für Numismatik* и т.д. Основные данные этих работ суммированы в изданиях музейных коллекций и корпусов римских монет Г. Грюбера, Г. Маттингли, Э. Сайденхэма, К. Сазерленда и П. Вебба и др.² В этих работах, кроме собственно каталога, содержится также анализ значений легенд и изображений на римских монетах. Авторы исходили из того, что легенды всегда упоминают реалии политической, экономической, культурной или религиозной жизни, считая возможным, соответственно, искать в других источниках объяснения для каждого монетного типа. Вот характерные примеры рассуждения. Адриан разоблачил заговорщиков в начале своего правления (*SHA. Hadr.* 5. 5–6; 7. 1–2) и этим

¹⁸ Вероятно, автор следует М.С. Корелину, чью работу цитирует на с. 325 (Падение античного мирозерцания. СПб., 1901. С. 25).

¹ *Eckhel P. Doctrina nummorum veterum.* V. 1–8. 1792–1798.

² *Grüber H. Coins of the Roman Republic in the British Museum.* I–III. L., 1910; *Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum.* I–V. L., 1923–1950; *Mattingly H., Sydenham E., Sutherland C., Webb P. The Roman Imperial Coinage.* I–V. L., 1923–1949 (далее – RIC).

вызвано появление на его монетах SAL(VS) AVG(usti)³ (RIC II. № 137 (a–d), 139). Заговоры против Луция Вера нам неизвестны, зато известно про его нездоровый образ жизни (SHA. Ver. 4. 4–10) и SALVTI AVGVSTOR(um) на монетах Марка Аврелия (RIC III. № 53–56, 834–840) имеет в виду физическое выздоровление Вера⁴. Для Максимиана Фракийца, начавшего гражданскую войну, SALVS AVGVSTI (RIC IV. II. № 14, 21, 64–66, 85–87) опять означает борьбу с заговорщиками⁵. Нетрудно заметить, что подобный анализ объясняет легенды при помощи уже известных данных других категорий источников, а затем дополняет эти данные на основании того же нумизматического материала.

М.Г. Абрамзон в своем исследовании опирается на выводы и наблюдения, полученные сторонниками подобного подхода. К сожалению, автору остались неизвестными некоторые накопленные историографией конкретные выводы, свидетельствующие о недостаточности традиционной методики Маттингли⁶, а также подвергающие сомнению направление «Architectura numismatica»⁷. Вызывает также удивление приверженность М.Г. Абрамзона к использованию каталога Коэна, а также изданий монет Британского музея Маттингли и Грюбера⁸, давно имеющих более полные аналоги⁹.

В целом, процесс создания основополагающих трудов по системе римской имперской пропаганды нашел отражение в историографическом обзоре автора (с. 12–32), однако дальнейшие пути развития науки о монетных легендах не нашли в его книге адекватного отражения. Так, из упоминания, в числе прочих, статей А. Джонса «об экономической и идеологической функциях монеты» и К. Сазерленда «об использовании правительством этого средства для пропаганды своей политики» (с. 15) читатель никогда не догадается, что в первой из них решительно отрицается связь между монетными легендами и пропагандой¹⁰, вторая же открывает длинную серию опровержений теории А. Джонса со стороны К. Сазерленда, самого, пожалуй, непримиримого ее противника¹¹. Так же походя упомянуты важные статьи Б. Левика и М. Кроуфорда¹². Автор, анализируя обширный нумизматический материал, ставит целью проследить, «какие компоненты официальной идеологии нашли свое отражение в монетных типах, какие успехи были достигнуты Римом в области внешней политики, какие изменения претерпевала римская религия и культура на

³ *Mattingly H., Sydenham E.* RIC. II. L., 1926. P. 320. При цитировании конкретной легенды, существующей реально или приводимой автором, мы пользуемся маюскулами, соблюдая интервалы в соответствии с делением на слова и опуская, кроме как в сокращениях, отточия и SC. Обращаясь к эпохе домината, когда размещение легенды играет важную роль для определения монеты, мы соблюдаем те же интервалы, что и в источнике. Минускулы в круглых скобках обозначают расшифровку сокращения, а маюскулы – существующий вариант монетного типа.

⁴ *Idem.* RIC. III. L., 1930. P. 197.

⁵ *Mattingly H., Sydenham E., Sutherland C.* RIC. IV. II. L., 1938. P. 134.

⁶ Например, вывод о том, что FORTVNA REDVX чеканилась почти одновременно с PROFECTIO AVGVSTI, представляя, таким образом, не благодарность за счастливое возвращение императора, а пожелание такового (*Dodd C. Chronology of the Eastern Campaigns of the Emperor Lucius Verus // NC. 1911. P. 213; idem. Chronology of the Danubian Wars of the Emperor Marcus Antoninus // NC. 1913. P. 172 ff.; Strack P. Untersuchungen zur römische Reichsprägung des zweiten Jahrhunderts. Bd I. Stuttgart, 1931. S. 215 ff.; Dobiáš J. The Sense of the Victoria Formulae on Roman Inscriptions and Some New Epigraphic Monuments from Lower Pannonia // Opera universitatis purkynianae Brunensis. Facultas Philosophica. V. 92. Praha, 1964. P. 50. Not. 14).* Также VICTORIA AVGVSTI является пожеланием грядущих побед, а не констатацией уже свершившейся (*Dobiáš. Op. cit. P. 40, 48*). Интересно, что автор упоминает работы Додда в своей историографии (с. 16).

⁷ *Fishwick D. Coins as Evidence: Some Phantom Temples // EMC. 1984. XXVIII. 4. P. 263–270.* Один из таких фантомов – храм Марса Мстителя, изображение которого на монетах появляется не после строительства (с. 499–500), а до него. Ср. *Simpson C.J. The Date of Dedication of the Temple of Mars Ultor // JRS. 1977. 67. P. 91–94.*

⁸ *Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. I–VIII. P., 1888–1892; Mattingly. Op. cit.; Grüber. Op. cit.*

⁹ RIC; *Crawford M.H. Roman Republican Coinage. I–II. L. – N.Y. – Camb., 1974.*

¹⁰ *Jones A.H.M. Numismatics and History // Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly. Oxf., 1956. P. 13–33.*

¹¹ *Sutherland C.H.V. The Intellegibility of Roman Imperial Coin Types // JRS. 1959. 49. P. 46–55; idem. The Emperor and the Coinage: Julio-Claudian Studies. L., 1976; idem. The Purpose of Roman Imperial Coin Types // RN. 1983. 25. P. 73–82; idem. Compliment or Complement? Dr Levick on Imperial Coin Types // NC. 1986. 146. P. 85–93; idem. Roman History and Coinage 44 B.C. – A.D. 69. Oxf., 1987.*

¹² *Levick B. Propaganda and the Imperial Coinage // Antichthon. 1982. I. P. 104–116; Crawford M. Roman Imperial Coin Types and the Formation of Public Opinion // Studies in Numismatic Method Presented to Ph. Grierson. Camb., 1983. P. 47–64.*

протяжении периода Империи» (с. 6). В целом задача, поставленная автором, лежит в русле соответствующих исследований мировой историографии и успешно решается ими начиная если не со времени Эккеля, то с XIX в. точно.

Учитывая большой объем рецензируемой работы и обилие затронутых в ней вопросов, мы сочли целесообразным сосредоточиться на основной задаче автора, определяемой им как попытка «интерпретации ряда монетных типов, появление которых было связано с теми или иными аспектами официальной пропаганды» (с. 12). Впрочем, основным содержанием книги становится рассмотрение не всей римской пропаганды, а пропаганды военной, причем автор пытается доказать, что почти все типы римских монет ориентированы на армию. М.Г. Абрамзон считает, что «монета... охватывала широкие массы людей (и, прежде всего, воинов, которым платили этой монетой)» (с. 93) и находит «огромное количество типов монет, изображения и лозунги на которых ориентированы на легионеров и ветеранов» (с. 102). Очевидно, что легенды, упоминающие какие-либо легионы, действительно ориентированы на легионеров, но их выпуск вряд ли являлся «своеобразной формой почестей, оказываемых императором войскам за соблюдение *fides* и выполнение государственного долга» (с. 142). Как признает и сам автор, подобные монеты предназначались скорее всего для срочных выплат легионерам. Большинство этих выпусков эмитировалось императорами в условиях гражданских войн и невозможности выплатить легионерам жалованье, не отчеканив предварительно достаточного количества монет. О том же свидетельствует и пример с Септимием Севером, легионные выпуски которого датируются (tr. p. cos.) 193 г., а не всем периодом его правления, как считает автор (с. 156). Безусловно, на армию были ориентрованы легенды, упоминающие *fides* и *concordia*, определяемые генетивами от *miles*, *exercitus*, *legio*, *cohors*, *praetorianus* и некоторые другие (с. 130–141), в чем никто не сомневается. Но автор, не ограничиваясь повтором очевидных положений, вводит понятие «военной чеканки» (с. 93 сл.). Понятие это становится ключевым для рассматриваемой работы, хотя нигде не определяется, что под ним скрыто: монеты, чеканенные во время военных действий или несущие лозунги, ориентированные на армию? М.Г. Абрамзон принимает, кажется, первую точку зрения. Однако расплывчатость и неопределенность самой категории «военной чеканки» приводит к тому, что в нее включаются чуть ли не все мыслимые типы монет – вплоть до *Libertas*, *Pietas*, *Liberalitas* и т.п. (с. 94, 110, 115, 128–129). Впрочем автор вообще чаще всего не прибегает к каким-либо доказательствам, просто постулируя свою точку зрения. Так, например, он утверждает, что титулы типа *Divi filius* «апеллировали к патриархальным чувствам *легионеров* (здесь и далее выделено мною. – М.С.) и порой безуспешно» (с. 103), «Виртус – ...божество, открывающее людям (прежде всего воинам) путь на небо» (с. 107), а из свидетельства Вегеция о том, что лагерная касса хранилась у знаменосца, дабы легионеры храбрее сражались за знамена (*Epit. rei mil.* II. 8.) следует неожиданный вывод: «видимо, неслучайно на легионных монетах чаще всего изображались знамена легионов – орлы и штандарты» (с. 143). Изображение предметов авгурата и понтификата тоже, оказывается, было ориентировано на слой солдат, так как пропагандировало «религиозную связь между солдатами и императором, бывшим для них столько же высшим жрецом, сколько военачальником» (с. 104; ср. также с. 129). Даже такие, казалось бы, мирные лозунги, как *res publica restituta*, *felicitas temporum*, *saeculum aureum* и т.п. автор относит к «военным» легендам, так как именно «армия и император выступали в официальной пропаганде гарантами "вечного мира и "золотого века", наступающих благодаря их мужеству и преданности долгу друг перед другом и государством» (с. 117). Автор полагает также, что изображение персонификаций ряда провинций с национальными видами вооружения выполнены в честь *auxilia* (с. 151 сл.), при том, что эти персонификации часто представлены женскими фигурами. Вообще, несмотря на то, что тема связи пропаганды на монетах и армии активно обсуждается со дня выхода в свет сборника статей в честь Г. Маттингли (см. прим. 10), автор игнорирует специфические для этой темы проблемы¹³, предпочитая самостоятельно пройти весь путь развития мировой историографии.

К сожалению, и с источниковой базой М.Г. Абрамзон работает не вполне аккуратно. Это касается как эпиграфических, так и нарративных и нумизматических источников. Так, в главе, посвященной организации монетного дела, надписи в честь Тиб. Плавция Сильвана Элиана, Л. Дасумия Туллия Туска и Л. Юлия Вегилия Грата Юлиана цитируются со ссыл-

¹³ Jones. Op. cit.; Ehrhardt C. Roman Coin Types and The Roman Rublic // JNG. 1984. Bd 34. P. 41–54; Duncan-Jones R. Mobility and Immobility of Coin in The Roman Empire // AIN. 1989. 36. P. 121–137.

ками на CIL I. 986, CIL I. 1081 и CIL I. 1327 соответственно (с. 73–74), тогда как указанные номера они имеют по изданию Дессау (ILS). Далее, упомянутый Плавций Сильван был в 42 г. не пропретором, а городским претором, его квестура закончилась явно не в 42 г., а раньше¹⁴. Л. Каниний Галл, чье имя стоит на денариях 18 (или 13/12) г. до н.э., вполне мог быть квиндецемвиром в 32 г. (Тас. Анн. VI. 12), но только не до нашей эры, как считает автор (с. 66), а уже после ее наступления. На основании этой грубой ошибки автор приходит к выводам, что Л. Каниний Галл занимал должность монетария несколько раз в жизни (sic) (с. 72) и что должность триумвира *auro, argento, aere flando feriundo*, лишь формально относиться к младшим магистратурам, могла совмещаться с высшими государственными должностями (с. 72–74). Автор, к сожалению весьма слабо представляет структуру *cursus honorum*, о чем свидетельствуют как только что приведенные примеры, так и общие рассуждения о «прекрасном просопографическом материале» (с. 72), за которыми как раз и следует упомянутый вывод, противоречащий азам просопографических штудий относительно *tres viri monetales*. Автору также не стоило ссылаться на А.Н. Зографа, говоря об «имперских магистратах, называвшихся *Procurator signavit ad digma*» (с. 81, 85), так как к должности здесь относится только слово *procurator*. Однако по части просопографии венцом творения в книге М.Г. Абрамзона является некто Марциний (с. 76, 641), при котором в 198–203 гг. антиохийский монетный двор вел независимую от Рима чеканку, причем бил монеты всех номиналов (с. 76). Для гармонии с известием о Марцинии автор здесь же сообщает, что «зимой 218–219 гг. Каракалла провел в Никомедии, где возможно чеканил золото», хотя последний был убит 8 апреля 217 г., а зимовал перед этим не в Никомедии, а в Эдессе (SHA. Car. 6. 6). Появление в тексте Деция Саксы вместо Децидия Саксы (с. 270) вслед за опечаткой у Н.А. Машкина¹⁵ объясняется, видимо, знакомством автора с эпиграфикой и, соответственно, с просопографией, только по литературе. Упомянув статью А.Б. Егорова, в которой говорится о появлении *dominus postea* в императорской титулатуре со времени Северов¹⁶, М.Г. Абрамзон тем не менее датирует этот процесс временем... Галлиена и Валериана (с. 438), что, во-первых, не соответствует действительности, а, во-вторых, зачем тогда ссылаться на Егорова?

К данным нарративных источников автор зачастую относится некритически. В разделе «Источники» (с. 32–34) он просто ограничился пересказом тех конкретных фактов, которые он почерпнул в сочинениях античных авторов. В результате – соответствующие выводы: так как сенат дал Коммоду прозвание «*Pius*» ради насмешки (SHA. Comm. 8. 1.), то тип монет с легендами последнего «*auktor pietatis* и *Pio imperatore omnia felicitas* был явно обращен к армии, а не к сенату» (с. 119). Во-первых, автор не совсем точно цитирует легенду AVCT(OR). PIET(AT.)¹⁷; во-вторых, в последней легенде согласно законам латинской грамматики должно, разумеется, стоять *felicitas*; в-третьих, такой легенды на монетах Коммода не существует вовсе¹⁸ и, наконец, как в таком случае нам следует относиться к легендам Коммода PAT(ER) SENAT(VS)¹⁹, PIET(ATI) SENAT(VS) (Коммод и сенатор пожимают друг другу руки)²⁰, S.P.Q.R. LAETITIAE C.V. (=cos V)²¹ и т.д.?

В ряде случаев автор просто допускает грубые ошибки при пересказе нарративных источников. Так, мы узнаем, что Клодий Макр чеканил для себя деньги на двух монетных дворах «делая это, по словам Плутарха, как разбойник и пират» (с. 146, со ссылкой на *Plut. Galba*, 11). Как же чеканят монету разбойники и пираты? Да никак, поскольку Плутарх об этом не упоминает вовсе. Более того Макр у Плутарха упоминается только в *Galba*, 6.

¹⁴ Между квестурой и городской претурой Плавций выполнял должность легата V легиона.

¹⁵ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.–Л., 1949. С. 524. Отметим, что в остальных случаях Машкин называет его правильно – Децидий (с. 209, 255, 655).

¹⁶ Егоров А.Б. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1988. № 2. С. 166.

¹⁷ RIC III. № 146, 494, 523.

¹⁸ Упомянув эту легенду, автор ссылается на книгу Е.М. Штаерман «Социальные основы религии древнего Рима» (М., 1987. С. 287), однако там она приводится без соответствующей ссылки. В другой своей работе Елена Михайловна приводит эту легенду со ссылкой на Козна (Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 329. Прим. 40). Однако интересующая нас легенда встречается на медальоне, а не на монете. К сожалению, в своем исследовании М.Г. Абрамзон вообще не использовал упомянутую книгу Е.М. Штаерман, хотя именно там нумизматический материал рассматривается более всего.

¹⁹ RIC III. № 156, 157, 502.

²⁰ RIC III. № 194, 538, 549.

²¹ RIC III. № 551.

13.15. Также автор сообщает, что «после победы Агриколы в Британии в 83 г. плата легионерам была увеличена втрое, после подавления мятежа... Луция Антония... еще на четверть (со ссылкой на *Suet. Domit. 7. 3*). В итоге плата военным была поднята Домицианом вчетверо» (с. 133). На самом же деле, плата увеличилась с 225 денариев (девять ауреусов) в год при Цезаре до 300 (12 ауреусов) при Домициане, что соответствует сообщению Светония о прибавке на четверть, то есть на три ауреуса в год. Непонятно, за счет каких средств автор увеличивает жалование легионерам еще в три раза. Весьма любопытна и ссылка на Светония (*Suet. Tiber. 58.*) в следующем фрагменте: «Случались и курьезы: уже при Тиберии нельзя было расплачиваться монетой с портретом Августа в харчевне или публичном доме... зато право на посещение последнего заведения давали тессеры с изображением эротической сцены на реверсе и тем же портретом Августа на аверсе» (с. 401). Сложно говорить о Тиберии, а вот с автором, действительно, случился курьез: у Светония говорится не о харчевнях, а об отхожих местах – *latrina* (перепутать трудно), а о правилах посещения лупанаров он и вовсе ничего не сообщает. Ссылаясь на *Res gestae divi Augusti 14*, автор утверждает, что Гай и Луций Цезари одновременно стали консулами, когда им шел пятнадцатый год (с. 236). Однако общеизвестно, что Луций был на три года моложе Гая, консулом из них стал только Гай (1 г. н.э.) и было ему в ту пору двадцать лет. Со ссылкой на тот же источник автор сообщает, что Август выпустил монеты «в честь возвращения знамен из Испании и Галлии от далматинцев» (с. 270), причем подтверждает это «цитатой» из *Res gestae* (с. 270, прим. 18). Но *Res gestae* не связывают *далматов* ни с Испанией, ни с Галлией – «*ex Hispania et Gallia et a Dalmateis*» (29).

В работах с нумизматическими источниками автор также испытывает большие затруднения, демонстрируя одновременно слабое знакомство как с монетами, так и с древними языками. Так, серебряная силиква весом в 1/144 фунта появилась не в 323 г. (с. 59), а в 356 г. Помимо эмиссий упоминавшегося выше «Марциния» автор упоминает о выпуске в Риме до 212 г. монет «от имени жены Пертинакса и его сына» (с. 77). Во-первых, монет от имени Флавии Тицианы римский двор никогда не выпускал, а во-вторых, легенда *DIVVS PERT. PIVS PATER*²² выпускалась от имени Септимия Севера, а не Гельвия Пертинакса-младшего, которого, кстати, автор дважды называет Гелием (с. 77, 641). Денарии Нервы с легендой *CONCORDIA EXERCITVVM* вовсе не демонстрируют единство императора с преторианской гвардией (с. 133), благо легенды типа «*Concordia praetorianorum*» в то время были хорошо известны, к тому же данная надпись помещалась не только на денариях, но также на ауреусах, сестерциях, дупондиях и ассах²³. Монет Коммода с легендой *Auctor. Pietas* (с. 125) не существует и существовать не может, правильно – *AVCT(OR). PIET(AT(is))*²⁴, также неверно передана легенда сестерция Траяна *FIDES. EXERCITII* (с. 133, 139), надо – *FIDES EXERCIT(uum)*²⁵, то же касается и *Fides legionarium* Галлиена (с. 137), правильно – *FIDES/FIDEI LEG(ionum)*²⁶, или если уж автору больше нравится прилагательное, то – *leg(ionaria)*. Сестерции с легендой *Rex Armenius datus Antonin Pii* эмитирует не в конце правления (с. 197), а в 140–144 гг., и, конечно, в легенде стоит не *Armenius*, а *Armeniis*²⁷. Точно с такой же ошибкой автор передает аналогичную легенду Луция Вера, датируя ее 163 г. (с. 198), хотя по *tribunicia potestas* она относится к периоду с 10/XII 163 по 10/XII 164 г.²⁸ Впрочем в другом месте, автор для разнообразия датирует ее... 166–167 гг. (с. 227). Что же касается «денариев из серии Вера "Armenia capta"» (с. 202), то существуют легенды *REX ARMEN(IIS) DAT(VS)*²⁹, *ARMEN*³⁰, но слово «*capta*» в них не встречается, к тому же они присутствуют на ауреусах, сестерциях, дупондиях, но только не на денариях! Легенда Домициана *GERMANIA CAPTA* с аверсом *IMP. CAES. DOMIT. AVG. GERM. COS. XI. CENS. PONT. P. P.* датируется не апрелем–ноябрем 83 г. (с. 169), а осенью

²² RIC IV. I. № 24A, 660B(c), 660C.

²³ RIC II. № 2, 3, 14, 15, 26, 27, 53–55, 69, 70, 79–81, 95–97.

²⁴ См. прим. 18.

²⁵ RIC II. № 439.

²⁶ RIC V. I. Gold № 477, 479, 567, 635.

²⁷ RIC III. № 619.

²⁸ RIC III. № 1370–1373.

²⁹ Ibid.

³⁰ RIC III. № 1364, 1365, 1367, 1368.

85 г.³¹ (что видно из указания на консульство и цензуру³²), и переводится не «Побежденная Германия», а посредством *Abi. absolutus* (типа «За победу на Германией»), так как единственная провинция, выраженная словом не первого склонения, дает прочтение *AEGYPT(O) CAPTA*³³. Отметим попутно, что «*Clementia*» надо перевести не «щедрость» (с. 477), а «милосердие». Легенда «*Germania pacata*» вовсе не помещалась на монетах Траяна 98–100 г. (с. 170, 225), поскольку такой легенды в римской чеканке вовсе не зафиксировано. Тип «*Germania subacta*» Марка Аврелия появился не в 173 г. (с. 171–172), он чеканился в 171–174 гг.³⁴ Упомянутый автором ауреус Каракаллы³⁵ датируется не временем после образования провинции Месопотамии (с. 190), и не около 200 г. (с. 261), а 196–198(?) гг. Автор не считает уместным говорить о «*pietas* и религиозности Максимиана Фракийца, на монетах которого изображаются предметы религиозного обихода и легенда *pietas*» (с. 269), однако, во-первых, Максимин имел титул *Pius*, а во-вторых, указанный тип встречается не у него, а у его сына³⁶. Легенда *Spes felicitas orbis* (с. 433) на самом деле выглядит у Филиппа Араба как *SPES FELICITATIS ORBIS*³⁷ и вовсе не переводится «счастливая надежда Города». Впрочем, в другом месте автор, сохранив тот же по сути перевод, преподносит эту легенду в не менее странной интерпретации: *SPES FELICITATIS ORBI* (с. 477). Как «хранители» Галлиена выступают в числе прочих, согласно М.Г. Абрамзону, «Боги-кормильцы (*Nutritores*) и конечно же Соль» (с. 434). Однако легенда *DII NVTRITORES* принадлежит не Галлиену, а его малолетнему племяннику Салонину, а сопровождающее ее изображение – Юпитер и Виктория³⁸ – показывает, что в данном случае ее лучше перевести как «Боги-хранители (или воспитатели)». На сестерциях Каракаллы 204 г. с легендой *COS V LVD. SAEC. FEC.* (с. 577) цифра *V* отсутствует³⁹, что не удивительно, поскольку Каракалла был консулом всего четыре раза. Надпись на ауреусах Отацилии Северы гласит, естественно, не *Saeculum Novae* (с. 578), а в полном соответствии с грамматикой – *SAECVLVM NOVVM*⁴⁰. Медной монеты Константина I, Константа, Константина II, и Констанция II с легендой *VIRTVS EXERCITI*, да еще и датированной 323–367 гг. (с. 123) не существует. Также не существует монет Вителлия с легендой *CONSENSVS PRAETORIANORVM* (с. 132), надо – *CONSENSVS EXERCITVVM*⁴¹. Перечисляя монеты Септима Севера с номерами легионов, автор дважды (с. 148, 156) утверждает, что их было 14, а на самом деле – 15 (пропущен IIII *Flavia Felix*). Сокращение *DDD NNN* в клеймах на золотом слитке обозначает не «*DOMINUS Noster*» (с. 86), а *D(ominorum) N(ostrorum)*.

В заключение отметим, что в условиях дефицита отечественной литературы по римской нумизматике очень многие будут, вероятно, пользоваться иллюстрациями и перечнем (каталогом) к ним М.Г. Абрамзона. Поэтому мы считаем необходимым внести здесь ряд поправок к определениям и описаниям монет. Сначала мы перечислим монеты, продублированные во втором перечне, что тем более необходимо, поскольку иной раз автор дает для них разные определения⁴²: № II = 186; III = 176; IV = 17a; VI = 36; X = 9; XI = 6; XII = 8; XIII = 10; XXVI = 14 = Илл. 24 г; XXVII = 15a, затем перейдем к каталогу:

1. Монеты и медальоны (с. 617–625).

№ II – не центенионалий, а *Æ 3*, не одного из сыновей Константина, а конкретно Константа. Дата не 337–361 гг., а 337–339 гг., на аверсе (что видно на фотографии) читается не *CONSTANT...* а *DN CONSTA [NSPFAVG]*, на реверсе между воинами не трофей, а штандарт, в обресе стоит не *SMK*, а *SMK[.]*, место чеканки (проставлено при № 186) не Константинополь, а Кизик⁴³.

³¹ RIC II. № 278(a, b).

³² Впрочем, *GERMANIA CAPTA* эмитировалась в 85 г. и до цензуры Домициана (RIC II. № 252).

³³ Монета Августа – RIC I. № 19, 21.

³⁴ RIC III. № 1021–1027, 1049, 1050, 1052–1057, 1094, 1095.

³⁵ RIC IV. I. № 13(a, b).

³⁶ RIC IV. II. № 1, 2, 6–8, 11, 12.

³⁷ RIC IV. III. № 70.

³⁸ RIC V. I. № 35.

³⁹ RIC IV. I. № 418; с этой легендой выпускались не только сестерции, но и ассы (*ibid.* № 420, 421).

⁴⁰ RIC IV. III. № 118.

⁴¹ RIC I. *Vitell. Tarr.* № 4, 5; *Gaul.* № 1, 2.

⁴² Мы следуем нумерации автора: римские цифры для раздела «Монеты и медальоны», арабские для раздела «Цветные клейки».

⁴³ *Hill P.V., Kent J.P.C. Late Roman Bronze Coinage. A.D. 324–498. Part I–II. L., 1978; № 1282, 1286; 1290, 1294, 1298 (далее – LRBC).*

№ III – на аверсе читается не DNVALENT SPFAVG и не DNVALENTVS P F AVG (см. № 176), а DNVALEN SPFAVG⁴⁴.

№ IV – не центенионалий, а Æ 3, не Константина I, а Константина II. Дата не 306–337 гг., а 330–335 гг., на аверсе читается (см. фото) не CONSTANT INVSIVNNOBAVG⁴⁵, а CONSTANT INVSIVNNOBC, на реверсе не два трофея, а два штандарта, под обрезом не CONST⁴⁶, а CONST⁴⁷.

№ V – на аверсе после ANTONINVS пропущено AVG⁴⁸.

№ VI – фотография аверса взята от другой монеты того же типа (в № 36 аверс и реверс соответствуют), легенда реверса правильнее указана для № 36.

№ X – пропущено SC, разночтения в описаниях реверса: «Военная Фидес стоит, вправо» (№ X), «Военная Фидес стоит прямо, голова влево» (№ 9). На самом деле в таких случаях пишут: Фидес стоит влево⁴⁹.

№ XI – в описании реверса проставлено TR P XVIII, а в № 6 – TR P XVII, соответственно, даются две разные датировки для одной и той же монеты. К сожалению, автор привел экземпляр плохой сохранности, поэтому уточнить датировку невозможно.

№ XII – автор дает два прочтения легенды аверса, ни один из которых не существует в действительности. Правильно – IMP. CAES. M. AVR. [SEV. ALEXA] NDER. AVG. Легенда реверса на фотографиях плохо просматривается, но вариант ..COS TRP. (№ XII) безусловно неверен. Если все же на монете читается TR P IMP COS II PP. SC (№ 8), то датировку следует сузить с 222–235 гг., до 226–228 гг.

№ XIII – на реверсе следует читать не VICTORIA AVGG, а VICTORIA AVG (см. фото), дата – не 235–238 гг., а ок. III/235 – ок. I/236 гг.⁵⁰

№ XVIIIa – на реверсе сестерция Марка Аврелия стоит не DECVRSIO AVG (такого типа в римской чеканке не существует вовсе), а COS III PROPECTIO AVG, датировку следует сузить до XII/168–XII/169 гг.⁵¹

№ XVIIIб – на реверсе сестерция Марка Аврелия стоит не IMP III COS... а IMP VIII COS III PP SC, под обрезом – DE SARMATIS. Дата – не 172–176 гг.⁵², а XII/176 – осень 177 гг.⁵³

№ XIXa – на реверсе сестерция Калигулы вместо ADLOCVTIO... под обрезом COII следует читать ADLOCVT. COH⁵⁴.

№ XXI – на аверсе сестерция Тита читается не IMP T CAES VESPASIANVS COS VIII, а IMP T CAES VESP AVG PM TR P PP COS VIII, на реверсе – не IVDAE CAP. SC, а IVD. CAP. SC⁵⁵.

№ XXII – на аверсе читается не IMP AVRELIANVS, а IMP AVRELIANVS AVG (см. фото).

№ XXIII – не центенионалий, а Æ 3.

№ XXIVб – на аверсе вместо PG (видимо, опечатка) следует читать PF.

№ XXVI⁵⁶ – не фоллис, а Æ 2, не Константина I, а Валентиниана II, легенда аверса не DN IMP CONSTANTINVS P F AVG⁵⁷, а DN [VALENTINIA] NVS PF AVG, император на реверсе не влечит за волосы пленного, а простирает руку над Викторией, стоя на галере; под обрезом не SMAQ, а SMK[.] либо SMN[.], место чеканки скорее всего – Никомедия, дата не 305–337 гг., а 383–392 гг.⁵⁸

⁴⁴ cf. LRBC II. № 965–1006, 1011–1050.

⁴⁵ Nobilissimus Augustus – нонсенс.

⁴⁶ Если бы на монете стояло CONST, то это означало бы наличие в Константинополе трехсот монетных дворов!

⁴⁷ LRBC I. № 1006, 1011, 1018.

⁴⁸ RIC III. № 620.

⁴⁹ RIC IV. II. Maximinus. № 43.

⁵⁰ RIC IV. II. № 67.

⁵¹ RIC III. № 963.

⁵² Впрочем, если бы на монете читалось IMP III, то датировка была бы тоже иной: 166–167 гг.

⁵³ RIC III. № 1190, 1191.

⁵⁴ RIC I. № 23–25.

⁵⁵ RIC II. № 91, 92.

⁵⁶ Даем описание по № 14, так как в нем более подробно указана легенда аверса.

⁵⁷ Легенд, начинающихся с DN IMP, не существует.

⁵⁸ LRBC II. № 2387–2392.

№ XXVII – на аверсе не IMP GORDIANVS PIVS PF⁵⁹ AVG, а IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG⁶⁰.

№ XXVIII – ауреус Каракаллы (Caes. Pontif.) датируется не 198–200 гг., а 196–198(?) гг.⁶¹

№ XXIV – на реверсе не ΝΙϞΟΜΗΔΕΩ ΔΙ ΝΕΩΚΟΡΩΝ, а ΝΙϞΟΜΗΔΕΩΝ ΔΙϞ ΝΕΩΚΟΡΩΝ (см. фото).

№ XLIX – на аверсе не ΜΑΡΚ ΩΤΑΚΙΑ ΣΕΒΗΡΑ ΣΕΒ, а ΑΥΤ Κ Μ ΙΟΥΛ ΦΙΛΙΠΠΟΣ ΑΥΤ (см. фото) – автор, переписывая у Крафта описания монет, перепутал таблицы.

2. Цветные вклейки (с. 626–632).

№ 1 – на аверсе не TI CAESAR DIVI AVG F AVGVSTI IMP VIII, а TI CAESAR DIVI AVG F AVGVSTI IMP VIII, на реверсе не IMP TRIBVN POTEST XXIII PONTIF MAX, а TRIBVN POTEST XXIII PONTIF MAXIM, дата не 15 г., а 22–23 гг.⁶²

№ 2 – на реверсе на VOTIS MVLTIS/COS, а VOTIS XXX MVLTIS XXXX/CON, место чеканки – Константинополь, дата не 324–361 гг., а 337–361 гг.⁶³

№ 3а – на аверсе не IMP NERVA CAES AVG PM TR P II COS III PP, а IMP NERVA CAES AVG PM TR COS III PP⁶⁴.

№ 4а – дата не 175–180 гг., а XII/177–XII/178 гг.

№ 4б – на аверсе не IMP O M AVR PROBVS P A AVG, а IMP C M AVR PROBVS PF AVG, на реверсе не CLEMENTIATI AVG, а CLEMENTIA TEMP, изображены не император и «Соль», а император и Юпитер⁶⁵.

№ 7 – на аверсе не L AVREL COMMODO CAES AVG FIL GERM SARM, а M COMMODVS ANTONINVS AVG, на реверсе не IOVI CONSERVATORI, а [IVPPITER] CONSER[VATOR TR P V (VI, VII?) IMP III] COS [II (III?) PP], дата не 174–175 гг., а 180–182 гг.⁶⁶

№ 12 – в описании аверса опечатка: DIVS вместо PIVS, дата не 222–235 гг., а 234 г.

№ 13б – на аверсе не ΑΥΤ Κ Π ΛΙΚ ΓΑΛΛΙΗΝΟΣ, а ΑΥΤ Κ Π ΛΙΚ ΓΑΛΛΙΗΝΟΣ ΣΕΒ, место чеканки – не Малая Азия, а Александрия (?), материал – не медь, а биллонб дата (ΙΓ), видимо, 265 г.

№ 15б – на аверсе не IMP GORDIANVS PIVS PF AVG, а IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG (ср. № XXVII = 15а).

№ 18а – монета не Констанция II, а анонимной чеканки («тип Константинополь»), на аверсе бюст не императора, а Константинополя, легенда не CONSTANTIVS NOB AVG, а CONSTAN TINOPOLI, на реверсе не SMNC, а SMN[.], место чеканки – не Нарбон, а Никомедия, дата не 324–361 гг., а 330–335 гг., номинал – Æ 3⁶⁷.

№ 19а – на аверсе не DN VALENTVS PF AVG, а DN VALEN SPFAVG, на реверсе под обрезом не SMSISCE, а ASISCE⁶⁸.

№ 19б – на реверсе не VICTORIAE DD AVG, а VICTORIAEDDAVG[GQNN], дата не 333–350 гг., а 341–346 гг. Рим, Æ 4⁶⁹.

№ 24а – на аверсе не IMP CAES TRAIAN HADRIANVS AVG, а [IMP CAES]AR TRAIAN HADRIANVS AVG.

№ 24в – на аверсе не IMP TRAIANO AVG GERM DAC PM TR P, а IMP TRAIANO AVG GER DAC PM TR P⁷⁰.

№ 26 – на аверсе не IMP T CAES VESPAS AVG PM TR P VIII, а IMP T CAES VESP AVG [P M TR P C]O[S] VIII, дата не 79 г., а 80 г.⁷¹

№ 27 – на аверсе не IMP M IVL FILIPPVS AVG, а IMP M IVL PHILIPPVS AVG.

№ 28 – фотография реверса дана в зеркальном отображении.

⁵⁹ PIVS P(ius) F(elix) – явная тавтология.

⁶⁰ RIC IV. III. № 65.

⁶¹ RIC IV. I. № 13(a, b).

⁶² В 15 г. Тиберий получил tribunicia potestas только в семнадцатый раз.

⁶³ С 324 по 337 гг. Констанций II имел титул Цезаря, а не Августа.

⁶⁴ RIC II. № 14, 15.

⁶⁵ RIC V. II. № 643–648, или 838–843.

⁶⁶ RIC III. № 304, 308с, 328.

⁶⁷ LRBC I. № 1121.

⁶⁸ LRBC II. № 1430–1434.

⁶⁹ LRBC I. № 648, 649.

⁷⁰ Cf. RIC II. № 114ff.

⁷¹ RIC II. № 121a, b.

№ 29 – легенда реверса полностью читается как SOL[I INVIC]TO COMITI⁷².

№ 30 – на аверсе не NERO CLAVD CAESAR AVG GERMANICVS, а NERO CLAVD CAESAR AVG GER [далее с вариантами P M TR P IMP PP], на реверсе среди прочего не PARATA, а PARTA⁷³.

№ 31 – на аверсе не IMP CAES NERVA TRAIANO AVG GER DAC PV TR P COS V PP, а IMP CAES NERVAE TRAIANO AVG GER DAC P M TR P COS V PP.

№ 32 – на аверсе не IMP M IVL FILIPPVS AVG (ср. № 27), а IMP M IVL PHILIPPVS AVG, на реверсе не SAECVLVM NOCVM, а SAECVLVM NOVVM⁷⁴.

В заключение скажем, что исправление отмеченных недостатков поможет не только автору в его дальнейшей работе, но и читателям, которых, конечно, найдет эта книга.

М.Д. Соломатин

© 1997 г.

D. BONNEAU. *Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque, romaine et byzantine*. Leiden: Brill, 1993 (Probleme der Ägyptologie / Hrsg. von W. Helck. Bd. 8). XXI, 336 p.

Проблема ирригации занимает исключительное место в истории Египта, классической речной цивилизации, обязанной Нилу своим возникновением и пяти тысячелетним существованием. Как ни странно, специальных работ на эту тему (речь не идет об обобщающих исследованиях исторического или социологического характера¹) известно не так уж много. В этом списке, безусловно, важнейшими являются работы французского папиролога Даниэль Бонно, которая всю свою научную деятельность посвятила изучению «гидравлической цивилизации» греко-римского Египта и роли в ее повседневной жизни великой реки. На эту тему, к которой она приступила по совету своих учителей Ж. Каркопино и А. Эймара еще в 50-е годы, ею было опубликовано множество статей и три книги, включая рецензируемую, вышедшую через год после смерти автора. В своей первой фундаментальной работе Д. Бонно рассмотрела природный феномен разлива Нила и его многочисленные интерпретации в античной традиции, а также культ реки в греко-римскую и византийскую эпохи². Вторая ее книга, написанная на основе большого папирусного материала, была посвящена исследованию взаимосвязи между годовым циклом Нила и хозяйственным управлением страной при греках и римлянах, главным образом показу той роли, которую разливы реки играли в фискальной политике центральной власти³. Последняя книга Д. Бонно, также основанная на папирусных источниках, вводит нас в круг проблем, связанных с тем, как в греко-римском и византийском Египте (IV в. до н.э. – VII в. н.э.) осуществлялось регулирование водных ресурсов Нила или, по выражению автора, «управление водой», включая его технологический, экономический и терминологический аспекты.

Рассматриваемая книга состоит из введения, трех глав, небольшого, но очень емкого по своим выводам заключения, сопровождается библиографией и индексом используемых автором греческих терминов, что заметно облегчает работу с текстом, насыщенным греческой лексикой.

Первая глава посвящена терминологическому анализу ирригационного словаря по данным греческих папирусов. Д. Бонно в течение многих лет работала над составлением подробного гидрологического лексикона античности, успев реализовать в своей последней

⁷² RIC № 307.

⁷³ Cf. RIC I. № 160ff.

⁷⁴ RIC IV.III. № 164.

¹ См., например: *Мечников Л.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924; *Moret A.* Le Nil et la civilisation égyptienne. P., 1937; *Wittfogel K.* Oriental Despotism. New Haven, 1957 (особенно с. 11–48); *Butzer K.W.* Early Hydraulic Civilization in Egypt. A Study in Cultural Ecology. Chicago, 1976.

² *Bonneau D.* La crue du Nil divinité égyptienne à travers mille ans d'histoire (332 av. – 641 ap. J.-C.) d'après les auteurs grecs et latins, et les documents des époques ptolémaïque, romaine et byzantine. P., 1964.

³ *Eadem.* Le fisc et le Nil. P., 1971.

книге лишь часть этого большого проекта, который, хотелось бы надеяться, будет завершён ее преемниками и коллегами. Анализ автора строится на трех основных методологических принципах, которые Д. Бонно сформулировала во введении и которых она придерживается в ходе всего исследования – *понять, объяснить и показать в диахронном срезе* те или иные феномены, связанные с ирригацией в Египте (с. XX). Особое внимание при этом автор уделяет таким проблемам, как: адаптация греческой лексики к египетским природным, сельскохозяйственным и гидрологическим реалиям, соответствие греческих терминов тем или иным процессам, явлениям и предметам, имеющим отношение к ирригации, наконец, эволюция этих терминов за более чем тысячелетний период истории греческих папирусов.

Следует отдать должное продуманности и четкости построения данной главы – автор рассматривает лексику в той последовательности, в какой ежегодно проходило административное регулирование ирригационной инфраструктуры Нильской долины, включавшее локальный и государственный контроль за подводом, удержанием и распределением речной воды. К основным типам водных магистралей, зафиксированным в греческих папирусах, Д. Бонно относит Нил (μέγας ποταμός) и его рукава (ποταμός), сухие русла рек и каналов (κοίλας, κοίλαμα), большие каналы (διώρυξ), малые каналы (ύδραγωγός, εἰσαγωγός) и водосбросы (ρεῖθρον) (с. 5–26). Если под ποταμός как правило подразумевается либо судоходная река, либо водное русло природного происхождения (например, знаменитый Бар-Юсуф или некоторые протоки Фаюма – с. 8–11), то под διώρυξ, полагает автор, следует иметь в виду искусственный канал, являвшийся основным элементом египетского ирригационного пейзажа (с. 13–18).

Каналы не только выполняли функцию водных магистралей при орошении значительной части долины Нила, но и удерживали воду во время спада реки. Предметом особой заботы чиновников являлся уровень воды в каналах при разливе Нила. Для удержания воды использовались различные средства и способы, которые Д. Бонно делит на две группы: удержание воды в каналах и всевозможные водные резервуары (с. 34). К первой группе автор относит различные дамбы и плотины, обозначаемые терминами: χῶμα (наиболее часто употребляемый, означающий плотину, построенную вдоль берега канала), ἔμβλημα (поперечная плотина, которая образует запруду в канале), πλεуρισμός, διαπλεуρισμός (плотины, удерживающие воду на полях во время паводка) (с. 35–47). Вторая группа, по классификации Д. Бонно, представлена как естественными, так и искусственными резервуарами, включая заболоченные низины (λίμνη), пруды и водоемы (ύδροστάσιον, ύποδοχεῖον), цистерны (ύδρευμα), а также колодцы шадуфа (δεξαμενή) и *сакие* (λάκκος) (с. 52–67).

Распределение воды, направленное на орошение максимальной площади сельскохозяйственной территории Египта, происходило прежде всего по каналам с помощью шлюзов и всякого рода створок (στόμα), описанию которых посвящено несколько страниц книги Д. Бонно (с. 68–75). Кроме того, автор рассматривает такие способы распределения воды, как специальный снос участка плотины (διάκοπος) с целью направить избыток воды на подлежащую орошению территорию, а также случайный прорыв плотины (ἔκρηγμα) под напором слишком высокой воды (с. 81–87). Особое внимание Д. Бонно уделяет описанию различных гидравлических приспособлений, служивших орошению в Египте (с. 93–115). Она группирует их на три класса – в зависимости от их кинематической характеристики: 1) механизмы, приводимые в движение человеком (κτλήνιον – шадуф, κοχλίας – Архимедов винт); 2) механизмы, движимые водой (различные водяные колеса, которым соответствуют греческие термины τροχός, τύμπανον и ὄργανον); 3) механизмы, приводимые в движение животными (μηχανή – *сакие*). Данный параграф – один из наиболее интересных в рассматриваемой работе, поскольку проблема использования в греко-римском Египте ирригационных механизмов по-прежнему остается дискуссионной⁴. Изложение этого вопроса в книге Д. Бонно (см. также с. 220–234), основанное на большом количестве тщательно проработанных источников, на сегодняшний день можно считать самым

⁴ См., например: *Schnebel M. Die Landwirtschaft im hellenistischen Ägypten. München, 1925. S. 73 ff.; Крюгер О. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте // ИГАИМК. 1935. 108. С. 37–45; Préaux Cl. Le monde hellénistique. T. 2. P., 1978. P. 476–479; Oleson J.P. Greek and Roman Mechanical Water-Lifting Devices. Toronto, 1984. P. 126–171; Rathbone D. Economic Rationalism and Rural Society in Third-Century A.D. Egypt. Cambr., 1991. P. 219–226; idem. Settlement and Society in Greek and Roman Egypt // Proceedings of the 20th International Congress of Papyrologists. Copenhagen, 1994. P. 138.*

полным, а выводы автора о том, что более или менее широкое распространение технических ирригационных приспособлений началось в Египте не с приходом туда греков, как полагают многие исследователи, а значительно позже, в позднеримскую и византийскую эпохи, выглядят аргументированными и убедительными.

Вторая глава посвящена собственно функционированию ирригационной системы греко-римского и византийского Египта. Здесь рассмотрены меры по ее поддержанию и контролю за ней, состав персонала, задействованного в этих мероприятиях. Описание сложной административной «пирамиды», обслуживавшей ирригационную инфраструктуру Нильской долины на протяжении почти двенадцати столетий, Д. Бонно сочетает с детальной реконструкцией годового сельскохозяйственного цикла в античном Египте, целиком подчиненного годовому циклу реки. В своем повествовании автор следует этому циклу, показывая, как шли приготовления к разливу (с. 121–174), как осуществлялся его прогноз и контролировался уровень воды (с. 175–197), какие меры предпринимались для рационального распределения воды и ее удержания на полях (с. 197–234).

Прослеживаемые по данным папирусов подготовительные работы, направленные на поддержание ирригационной сети, по мнению Д. Бонно, не претерпели существенных изменений за весь рассматриваемый более чем тысячелетний период. Сюда относились работы на плотинах (χωματικά έργα), включавшие ремонт старых и возведение (ἀναβολή) новых насыпей, а также очистка (ἀνακθάριστος) каналов от ила, грязи (ἀναψήσιμος) и камыша (παρλισιμός). Проведение этих работ проходило под государственным контролем независимо от того, частными или государственными являлись ирригационные объекты, на которых данные работы проводились. Автор показывает, что ответственность за них несли не только владельцы ирригационных объектов, но и все их пользователи, и этот принцип существовал вплоть до эпохи Диоклетиана, когда организацию ἀπερυσία стали возлагать на специальных чиновников (χωματετεκτήης). Среди исполнителей Д. Бонно выделяет неквалифицированных работников (ἐργατῆς), мобилизованных главным образом из числа египетских земледельцев и составлявших основную часть всех задействованных на ирригационных сооружениях работников, и специалистов по рытью колодцев (ποταμίτης) для гидравлических механизмов типа *сакие* (по наблюдению автора, свидетельства о квалифицированных работниках появляются в папирусах не ранее II в. н.э.). Поднимая вопрос о характере такого рода работ, автор считает, что они представляли собой скорее своеобразную форму государственного налога, чем государственную литургию («барщина») (с. 140–142, 264–268), хотя не приводит достаточно убедительную аргументацию в пользу такого различия.

Контроль за работами по поддержанию ирригационной сети осуществлялся многочисленным административным персоналом, который Д. Бонно рассматривает на уровне деревни (с. 154–174), нома (с. 237–247) и всего Египта (с. 247–257). Нижняя часть этой громоздкой «пирамиды» была представлена *геометрами*, которые обеспечивали техническую сторону ирригационно-строительных работ (с. 142–147), *экболевсами*, или «разнарядчиками», составившими описание намечаемых работ и определившими количество задействованных на них людей (с. 154–156), *комархами*, которые обеспечивали эти работы людьми (с. 156–157), *комограмматевсами*, на которых возлагались функции контроля за действиями вышеназванных администраторов (с. 157–158), *хоматэписметов* – надсмотрщиков за плотинами (с. 158–161) и *хоматэписматов*, контролировавших работы на плотинах (с. 161–165). В птолемеевскую эпоху функции администраторов часто дублировались, что, по мнению автора, свидетельствует о несовершенстве и аморфности птолемеевской водной администрации в целом. С приходом римлян контроль за выполнением ирригационных работ ужесточается; о более тщательной организации административной системы по управлению водой в римском Египте говорит и тот факт, что основная масса папирусных сведений, касающихся данного вопроса, относится к римской эпохе (с. 142, 165–168).

Работы по строительству или ремонту ирригационных сооружений в основном проводились в марте–апреле, а с июня–июля администрация вела наблюдение за подъемом воды как на локальном (водная стража), так и государственном (нилометрия) уровнях. Автора книги прежде всего интересует вопрос организации и проведения нилометрии – официальных замеров уровня воды в реке в стратегических пунктах Нильской долины (Элефантина и Мемфис) (с. 175–178). Д. Бонно собрала практически все данные письменных источников относительно того, где, когда, кем и как проводились эти замеры, какую роль в проведении нилометрии играли мифология и религиозная пропаганда (с. 178–182). Наряду с

этим, она подробно рассматривает, как на локальном уровне речная стража (*ὑδροφύλακ(α)*) следила за ходом и безопасностью разлива (с. 188–192). По справедливому замечанию автора, никакой самый тщательный контроль в условиях общего технологического несовершенства не позволял рационально использовать все излишки воды во время нильского разлива, продолжавшего оставаться стихийным природным феноменом вплоть до второй половины XX столетия, когда была построена Асуанская плотина. Тем не менее попытки рационального забора и последующего распределения высокой воды предпринимались в Египте с древнейших пор. Согласно данным папирусов, тщательно собранным и проанализированным Д. Бонно, они включали такие мероприятия, как: забор воды в каналы (*ἄφεισις*) путем открытия их ворот и шлюзов (с. 197–201), направление излишков воды в низины с целью их орошения (*ἀμνασμός*) (с. 201–203), распределение воды (*ποτισμός*) с помощью различных гидравлических приспособлений (с. 212–234). Последнее, согласно автору, стало повсеместной практикой в Египте лишь с позднеримского или даже византийского времени.

Третья глава книги посвящена двум основным вопросам: верховной администрации воды (на уровне нома и в масштабах всей страны) (с. 237–257) и финансированию содержания ирригационной системы Египта (с. 258–305).

Говоря о номовой административной организации, Д. Бонно отмечает сложность выявления различий между обязанностями чиновников-исполнителей и чиновников-контролеров. Немалую трудность для исследования данного вопроса представляет и проблема территориальной организации нома, подразделявшегося на топархии и мериды со своими чиновниками, которые также участвовали в управлении локальными ирригационными системами. К сожалению, автор не указывает, какие египетские номы, кроме Арсиноитского, имели такое же административно-территориальное устройство; кроме того, спорным представляется утверждение Д. Бонно о том, что номы Египта были поделены на топы и мериды еще до Александра Македонского (с. 237). В то же время автор отмечает наблюдавшуюся со временем – от птолемеевской к римско-византийской эпохам – тенденцию к унификации и упрощению номовой водной администрации. Данное наблюдение выглядит парадоксальным в сравнении с другой гипотезой Д. Бонно о том, что в основе сложного административно-территориального устройства нома лежала его сложная ирригационная инфраструктура (с. 238). Из сопоставления двух этих выводов напрашивается вывод о сокращении со временем в Египте IV в. до н.э. – VII в. н.э. его ирригационной сети.

Автор исследует роль и обязанности *номарха* – ключевой фигуры водной администрации нома (контролирует уровень воды и дает распоряжения об открытии шлюзов, отвечает за крупномасштабные ирригационно-строительные работы) (с. 239–240), *басиликограмматевса*, отвечавшего за финансовую сторону всех проводившихся в номе мероприятий по ирригации, а также контролировавшего деятельность *номарха* (с. 239, 247), *стратега*, выполнявшего функции полицейско-судебного контроля за проведением ирригационных работ (с. 244–247). Отдельно Д. Бонно останавливается на деятельности начальника береговой стражи (*ἀγυαλοφύλαξ*) – должности, засвидетельствованной лишь для Арсиноитского нома II–III вв. По мнению автора, наилучшая административная организация управления сложной ирригационной системой Фаюма, в котором большая роль отводилась начальнику береговой стражи, совпала с эпохой Антонинов, когда, согласно данным папирусов, наблюдались наиболее благоприятные разливы Нила, сопровождавшиеся устойчиво высокими урожаями в Фаюме. Исчезновение этой должности с эпохи Диоклетиана автор объясняет снижением интереса со стороны центральной власти к сельскохозяйственному производству в Египте, особенно в Фаюме, где начавшийся с конца III в. упадок сельского хозяйства был результатом не столько естественного наступления пустыни, сколько утраты административного контроля за ирригационной инфраструктурой оазиса (с. 240–244)⁵.

Далее Д. Бонно переходит к вопросу об организации водной администрации на уровне центральной власти, представленном *экономом* (с. 247–249), *диоикетом*, который, по выражению автора, являлся «министром водного хозяйства» в Египте (с. 249–252), наконец, *царем* (позже *императором* или *префектом*), выступавшим в роли верховного гаранта

⁵ Более подробно эту проблему Д. Бонно рассматривает в своей статье: *Bonneau D. Fiscalité et irrigation artificielle en Égypte à l'époque romaine // Points de vue sur la fiscalité antique. P., 1979. P. 57–68; см. также Павловская А.И. О запустении земель в Фаюме в IV–V вв. н.э. // ВДИ. 1995. № 2. С. 28–38.*

общественного порядка в стране, без которого было невозможно нормальное функционирование ее ирригационной системы и освящавшим морально-идеологический аспект всех работ и начинаний, связанных с ирригацией в Египте (с. 255–257).

Во второй части рассматриваемой главы автор исследует финансовую политику водной администрации. При этом отмечается сложность данной проблемы ввиду отсутствия четкой грани между государственной и частной сферами во всем, что касается ирригации в греко-римском Египте (с. 283 слл.). В центре внимания Д. Бонно – поступления, направленные на содержание обширного водного хозяйства страны. Прежде всего речь идет о различных налогах, которыми государство облагало своих подданных «для обеспечения выполнения общественных задач», – именно такого понимания термина «налог» (ἰμρὸν) придерживается автор (с. 264). С архаических пор в Египте, с характерным для него господством натуральной экономики, наиболее распространенным был, по определению Д. Бонно, «повинностный налог», классическим примером которого являлось обязательное для большинства населения отбывание пятидневной трудовой повинности на ирригационных объектах (с. 264–268). С приходом греков, ускоривших распространение элементов денежной экономики в хозяйственной жизни Египта, к «повинностному налогу» добавилось несколько видов денежного налога, взимаемого на содержание ирригационной системы. Д. Бонно выделяет среди них практиковавшиеся в птолемеевский период: военный налог на поддержание плотин (διδάσμα), упоминаемый лишь в папирусах III в. до н.э. (с. 268–270), налог на орошаемую землю (χωματικόν), который не взимался при низком разливе (с. 270–271), налог на земляные работы (καύβιον), засвидетельствованный в позднептолемеевских папирусах (с. 271–272). При римлянах, ужесточивших налогообложение в Египте, был введен, в дополнение к трудовой повинности, поголовный налог за пользование подлежащей орошению землей, который взимался со всех физических лиц, за исключением римских граждан и египетских жрецов (с. 272–275). Начиная с эпохи Диоклетиана процедура взимания ирригационного налога усложняется и бюрократизируется (с. 290–291), а в византийское время, с натурализацией экономики, вновь возрастает значение натуральных форм этого налога (с. 291–305). В данном разделе Д. Бонно удачно демонстрирует заявленную на первых страницах ее книги установку на показ поднимаемых в ней проблем в их исторической эволюции.

В заключении автор выходит за рамки исследования сугубо специальных и технических вопросов, связанных с ирригацией, и делает несколько обобщающих выводов о том, как в греко-римском и византийском Египте осуществлялось управление его водными ресурсами (с. 306–310). В условиях общей технической примитивности успешное функционирование громоздкой ирригационной системы во многом зависело от совершенства методов управления ею. По мнению Д. Бонно, администрация воды в Египте греко-римского и византийского периодов, демонстрируя совершенство методов исполнения и контроля, проявляла, в отличие от администрации воды, например, эпохи Среднего царства, слабость в том, что касалось понимания стоявших перед нею глобальных задач по ирригации всей Нильской долины. В то же время своими корнями эта администрация уходила в фараоновскую эпоху, все еще остающуюся белым пятном в истории ирригации в Египте. Этим адресованным египтологам приглашением подключиться к рассматриваемой проблеме заканчивает свою книгу Д. Бонно – книгу, которую она не успела увидеть, но которую имеют удовольствие читать ее друзья, ученики, коллеги и все, кого интересует древне-египетская цивилизация.

Ю. Н. Литвиненко

J. Méléze-Modrzejewski. The Jews of Egypt. From Rameses II to Emperor Hadrian. Translated by Robert Comman with a foreword by Shaye J.D. Cohen. Philadelphia – Jerusalem, 1995. 279 p. 32 ill.

Книга принадлежит перу известного французского историка античности, папиролога и правоведа, профессора Сорбонны и *École Pratique des Hautes Études*, директора Центра Гюстава Глоца, редактора журнала «*Revue historique de droit français et étranger*», в котором он регулярно публикует свои обзоры по папирологии и истории греко-римского Египта, с включением литературы по эллинизму и иудаике (*Égypte gréco-romaine et monde hellénistique*)¹.

Ж. Мелез-Моджеевский, ученик Р. Таубеншлага², основателя польской школы юридической папирологии, начал свою научную деятельность в Польше под его руководством, но с 1958 г. работает во Франции. Он известен как автор ряда книг³ и большого числа статей, посвященных различным проблемам и аспектам античного права в широком смысле этого слова, прежде всего институтам и системам права греко-римского Египта⁴. В то же время он проявлял большой интерес к еврейской диаспоре, в частности в Египте⁵, и этот интерес особенно возрос в последние годы, что нашло отражение в тематике его работ⁶. Предлагаемая вниманию читателей книга является обобщением его многолетних трудов на эту тему. Первоначально книга вышла на французском языке⁷ и получила очень высокую оценку специалистов⁸. Англоязычное издание, однако, не является простым переводом с

¹ Основная часть этих заметок перепечатывается в журнале «*Jura*» («*Rassegna bibliografica*» XVII «*Studi papirologici ed epigrafici*»). На их основе им написаны также обзоры: *Papyrologie juridique 18-ème Rapport // SDHJ. 1975. XLI. P. 475–604; 19-ème Rapport // SDHJ. 1977. XLIII. P. 667–793; 20-ème Rapport // SDHJ. 1981. XLVII. P. 425–590; 21-ème Rapport // SDHJ. 1983. XLIX. P. 513–699; Bibliographie de Papyrologie juridique // APF. 1976. XXIV–XXV. P. 263–328; 1978. XX. P. 161–231; 1985. XXXI. P. 73–133; 1986. XXXII. P. 97–147; 1987. XXXIII. P. 97–136; 1988. XXXIV. P. 79–136; Papyrologie documentaire. 1982–1984 // JJP. 1990. XX. P. 171–277; Papyrologie documentaire. 1985–1988 // JJP. 1991. XXI. P. 105–265; Papyrologie documentaire 1989–1991 // JJP. 1992. XXII. P. 129–214. Эти обзоры являются незаменимым источником информации для специалиста, интересующегося результатами папирологических исследований за последние 35 лет.*

² О нем см. литературу, приводимую в кн.: *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 45, прим. 57, а также: *Kupiszewski H.* Rafal Taubenschlag – storico del diritto (6 maggio 1881 – 25 giugno 1958) // *BIDR. 1985. 3S. 27(88). P. 103–157; idem.* Rafal Taubenschlag // *Index. 1993. 21. P. 17–33.*

³ *Modrzejewski J.* Polish Papyrology in the Years 1945–1955. Warsaw, 1955; *idem.* Aleksander Macedonski. Warszawa, 1958; 2-е изд. – 1961 (перевод на иврит: Aleksander Makedon. Tel-Aviv, 1961); *idem.* Les privilèges du Trésor royal des Lagides. Thèse pour le titre d'élève diplômé de l'E.P.H.E. P., 1960; *idem.* Monde hellénistique. (Bruxelles), 1965 (Introduction bibliographique à l'histoire du droit et à l'ethnologie juridique A/8); *idem.* Loi et coutume dans l'Égypte grecque et romaine. Recherches sur les facteurs de formation du droit privé en Égypte aux temps des Lagides et sous la domination romaine. Thèse de doctorat d'état. Université de Paris II, 1970.

⁴ Ряд статей, опубликованных в журналах, сборниках, трудах конгрессов и т.п., переиздан в тематических сборниках: *Méléze-Modrzejewski J.* L'Égypte Ptolémaïque (Aspects institutionnels). P., 1989; *idem.* Droit impérial et traditions locales dans l'Égypte greco-romaine. Aldershot (1990) (Collected Studies Series. 321); *idem.* Statut personnel et liens de famille dans les droits de l'Antiquité. Aldershot (1993) (Collected Studies Series. 411).

⁵ Первые статьи появились еще в начале 60-х годов: *Modrzejewski J.* Les Juifs et le droit hellénistique // *Jura. 1961. XII. P. 162–193; idem.* Servitude pour dette ou legs de créance? (Note sur C.P. Jud. 126) // *RP. 1962. II. P. 75–98.*

⁶ Некоторые его работы переведены на русский язык: *Моджеевский Ю.* Работы польских ученых в области византийской папирологии (1945–1955) // *ВВ. 1957. XII. С. 304–311; Мелез-Моджеевский Ж.* Учет государственных земель и императорское законодательство. Адриан и иудеи Египта // *ВДИ. 1991. № 1. С. 117–137; он же.* Греки и евреи. Предвзятость и заблуждение // *Collegium. Киев, 1995. 1–2. С. 49–57.*

⁷ *Méléze-Modrzejewski J.* Les Juifs d'Égypte. De Ramsès II à Hadrien. Paris: Ed. Errance, 1991 (Collections des Néréides) et Armand Colin 1992 (Coll. U-Civilisations). 216 p.

⁸ Рецензии: *Chuvin P.* // *Le Monde. 48e année. N 14574, 6 dec. 1991. P. 27; De Lange N.* // *Bulletin of Judaeo-Greek Studies. 1991. P. 14; Gaudemet J.* Les Juifs d'Égypte. A propos d'un ouvrage récent // *RHD. 1991. 69. P. 487–493; Amelotti M.* // *SDHI. 1992. LVIII. P. 488–495; Caquot A.* // *C.R. de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1992. Fasc. 1. P. 32; C[hevalier] Y.* // *Sens. Juifs et Chrétiens dans le monde d'aujourd'hui, 44e année. N.S. N 169 (1992/6). P. 265; Hadas-Lebel M.* // *REJ. 1992. 151. P. 207–209; Liebmann-Frankfort Th.* // *CdE. 1992. 67. P. 372–383; Passoni dell'Acqua A.* // *Aegyptum. 1992. 72. P. 206–211; Poliakov L.* Sous Ramsès II et Hadrien – L'Arche N 415, février 1992. P. 82–83; *Saulnier Chr.* // *Rb. 1992. 99. P. 750–753; Fikhman I.E.* // *Analecta Papyrologica. 1993. 5. P. 185–186; Benöhr H.-P.* // *ZSSRA. 1994. 111. P. 733–734; Honigman S.* // *RB. 1994. 101. P. 118–129.*

французского оригинала. Помимо исправления опечаток и некоторой стилистической переработки автор учел новые публикации и исследования, в том числе собственные работы последних лет⁹. При рассмотрении иудейской колонии в Элефантине арамейские тексты использованы им, в отличие от французского оригинала, не по публикации П. Грело¹⁰, а по новейшему изданию Б. Портена и А. Ярдени¹¹, что привело к изменению трактовки некоторых текстов. Французские переводы источников заменены английскими, в частности переводами из «Корпуса иудейских папирусов»¹², а также недавно переработанного «Корпуса еврейских надписей из Египта»¹³. Несколько изменена структура библиографического приложения, значительно расширенного в связи с учетом новых работ. При этом французские переводы англоязычных работ, вполне естественные во французском издании, были заменены ссылками на английские оригиналы. В то же время французские и немецкие работы были заменены соответствующими английскими переводами (если таковые имеются), а в ряде случаев, когда таких переводов не было, они были вообще сняты, за исключением работ самого автора и немногих других, что неизбежно привело наряду с обогащением библиографии и к некоторому ее обеднению¹⁴. Были добавлены два указателя (источников и предметный), что также является несомненным преимуществом нового английского издания.

Книга предназначена для читателя, обладающего определенным уровнем исторического образования и способного проследить за ходом глубоких и оригинальных суждений автора. Она основана на тщательном и всестороннем изучении разнообразных и разнохарактерных источников, включая талмудические, и на критическом использовании и анализе огромной литературы по теме. Написанная одним из компетентнейших специалистов, книга, несомненно, представляет большой интерес и для специалистов в самых различных областях знания: папирологов, историков античности, историков религии, в частности иудейской и христианской. Хронологически изложение выходит за рамки папирологии. С одной стороны, автор изучает историю евреев в Египте с библейских времен, с другой – он ее доводит только до разгрома иудейского восстания в Египте 115–117 гг. Конец римского периода и весь византийский им практически не рассматриваются, так как еврейская община, хотя и не была полностью уничтожена и даже несколько возродилась к концу III в., перестала играть важную роль в социально-экономической и культурной жизни Египта¹⁵.

⁹ *Mélèze-Modrzejewski J.* Philiscos de Milet et le jugement de Salomon; la première référence grecque à la Bible // *BIDR.* 1988. 91 (3^e ser. 30). (1992). P. 571–597; *idem.* Les Juifs dans le monde gréco-romain: racines et antécédents d'une pensée juive de christianisme // *Les Nouveaux Cahiers* 113: Y-a-t-il une pensée juive du christianisme? P., 1993. P. 5–13; *idem.* How to be a Jew in Hellenistic Egypt / Ed. Sh.J.D. Cohen, E.S. Frerichs. *Diasporas in Antiquity.* Atlanta // *GA.* 1993. P. 65–92 (*Brown Judaic Studies* 288;); *idem.* Juifs et Grecs entre l'Etat et la religion. La crise maccabéenne et signification politique // *Revue des sciences morales et religieuses.* 1994. 149^e année. N 1: Etats et religions 1. P. 27–42 (русский перевод выйдет в сб.: Греки и евреи: диалог в поколениях. Санкт-Петербург); *idem.* La communauté juive – Alexandrie, lumière du monde antique. *Les dossiers d'Archéologie* 201. Mars 1995. P. 44–48; *idem.* Jewish Law and Hellenistic Legal Praxis in the Light of Greek Papyri from Egypt. *Collatio Iuris Romani. Etudes dédiées à Hans Anjum à l'occasion de son 65^e anniversaire.* Amsterdam, 1995. P. 299–315 (*Studia Amstelodamensia ad epigraphicam, ius antiquum et papyrologicam pertinentia XXV*) = *Hecht N.S., Jackson B.S., Passamanek S.M., Piatelli D., Rabéllo A.M.* An Introduction to the History and Sources of Jewish Law. Oxf., 1996. P. 75–99.

¹⁰ *Grelot P.* Documents araméens d'Éléphantine. P., 1972.

¹¹ *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Newly Copied, Ed. and Transl. into Hebrew and English. V. I–III. Jerusalem, 1986, 1989, 1993.

¹² *Tcherikover V.A., Fuks A., Stern M.* Corpus Papyrorum Judaicarum with an Epigraphic Contribution by D.M. Lewis. V. I–III. Jerusalem – Cambridge Mass., 1957–1964.

¹³ *Horbury W., Noy D.* Jewish Inscriptions of Graeco-Roman Egypt. With an Index of the Jewish Inscriptions of Egypt and Cyrenaica. Cambr., 1992.

¹⁴ Среди исключенных оказался и обобщающий труд бельгийской исследовательницы Клэр Прео, крупнейшего специалиста (после М.И. Постовцева) по истории эллинизма: *Préaux Cl.* Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête romaine de la Grèce (323–146 av. J.-C.) I–II. P., 1978.

¹⁵ К. Хааз (*Haas Chr.J.* Late Roman Alexandria: Social Relations and Intercommunal Conflict in the Entrepôt of the East. Diss. Michigan State University. 1988) посвящает IV главу диссертации (с. 124–169; прим. на с. 170–195) «Alexandrian Jewish Community in Late Antiquity», но материал очень скуден и история этой общины занимает по существу только с. 148–169. Папирусные свидетельства о евреях в Египте становятся более многочисленными с конца IV в., но их очень трудно выделить из-за неопределенности ономастики: многие христиане стали носить библейские имена, так что этот критерий этнической идентификации перестал

Книга состоит из предисловия Ш.Дж. Д. Коэна, известного специалиста по истории евреев в древности и иудаизму (с. XI–XV), где помимо краткой характеристики книги и ее значения сопоставляются три «золотых века» еврейской диаспоры – эллинистический Египет, мусульманская Испания и итальянское Возрождение, введения самого автора (с. XVII–XXVII), в английском варианте которого добавлены сведения об истории возникновения и реализации замысла и об учреждениях и лицах, оказавших автору содействие в процессе работы, и самого текста книги, разделенной на три части: Заря – фараоны и великие цари (с. 5–44); Зенит: Птолемеевский Египет (с. 47–156); Закат: Египет в составе Римской империи (с. 161–225) и Эпилог (с. 227–231). Книга не снабжена примечаниями, но в конце имеются хронологическая таблица, заметка о календаре, справочная таблица о монетах и мерах, словарь терминов, подробная систематическая библиография, о которой говорилось выше, две карты и план Александрии, географический и именной указатель и указатель источников. Части разделены на 10 глав, последние – на параграфы, многим из них присвоены образные названия¹⁶.

Поскольку речь идет об обобщающей работе, а не о публикации новых текстов, книга не содержит сенсационных открытий. Ее значение (и привлекательность) заключается во всестороннем и оригинальном анализе всех известных текстов самого разнообразного характера, основанном на глубоком знании реалий, идеологии, а главное различных систем права, сосуществовавших в исследуемую эпоху. Автор прекрасно чувствует эту эпоху и благодаря несомненному литературному таланту воссоздает осязаемую атмосферу того времени и той среды, которые нашли отражение в изучаемых текстах. Он не навязывает свое мнение читателю, но вводит его в свою «лабораторию», приглашает к участию в обсуждении, добросовестно излагает доводы «за» и «против» и приходит к убедительным, зачастую новым выводам¹⁷. В этом отношении особо выделяются страницы, посвященные «еврейскому вопросу в Александрии». Интересен и захватывающ «Эпилог», в котором автор пытается связать взлет христианства в Египте с исчезновением в результате разгрома восстания 115–117 гг. александрийского иудаизма.

Книга Ж. Мелез-Моджеевского – ценный вклад в научное изучение сложных проблем, которым она посвящена; написанная живо и увлекательно, она доставит большое наслаждение и неспециалисту. Очень хотелось бы видеть эту книгу на русском языке.

И.Ф. Фихман

играть свою важную роль. О новых папирусных текстах, упоминающих евреев в это время в Египте, см. *Fikhman I.F. Les Juifs d'Égypte à l'époque byzantine d'après les papyrus publiés depuis la parution du «Corpus Papyrorum Judaicarum III» // Scripta classica Israelica. 1996. XV. P. 223–229 (Studies in Memory of Abraham Wasserstein. V. I).*

¹⁶ Например, «Иосиф и его братья», «Моисей и фараон», «Митбахия и ее мужа: знатная семья во время Артаксеркса!», «Возможно ли быть одновременно иудеем и эллином», «Любовная история», «Бог всевышний» и «Блеск Израиля», «Алтарь Господа в сердцеvine египетской страны», «Современные фантазии и древние мифы», «Чудо на ипподроме» и т.д.

¹⁷ О манере автора русский читатель может судить по его блестящей статье в ВДИ. 1991. № 1 «Учет государственных земель...».

© 1997 г.

КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ХЕРСОНЕСА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах Отдела археологических памятников ГИМ хранится коллекция (около 30 тыс. предметов), происходящая из Херсонеса Таврического¹. Богатейшее собрание древностей античного периода с территории Боспора и из Ольвии в собрании ГИМ всегда отодвигало херсонесские находки на второй план². И действительно – в херсонесском фонде музея не так много вещей, способных вызвать пристальный интерес специалистов. Однако при более внимательном рассмотрении фонд памятников из античного и средневекового Херсонеса предстает перед нами совсем в другом свете.

Основы формирования херсонесской коллекции Исторического музея были заложены еще в ходе работы Политехнической выставки 1872 г.³, в экспозиции которой важную роль сыграли материалы, посвященные героической обороне Севастополя во время Крымской войны, а в связи с этим и предметы из раскопок древнего Херсонеса. После этой выставки и возникло решение о создании в Москве Императорского Российского Исторического музея (РИМ). Часть материалов выставки составили основу коллекций ряда будущих отделов Исторического музея, в том числе и херсонесской коллекции археологического отдела⁴. В 1883 г. первые десять залов музея (в том числе и с херсонесскими материалами) были открыты для посетителей.

Как известно, первые раскопки в Херсонесе проводились еще в 1827 г. После долгих лет исследований, которые вели граф А.С. Уваров, Одесское общество истории и древностей (1876–1885 гг.) и др., с 1888 г. руководство и ассигнование всех археологических работ в Херсонесе взяла на себя Археологическая комиссия. Во главе работ бесменно в течение

¹ В публикуемом кратком обзоре не рассматриваются монеты, хранящиеся в отделе нумизматики ГИМ (об истории формирования собрания этого отдела см. *Берестецкая Т.В.* К истории отдела нумизматики ГИМ (1918–1965) // Очерки по истории Отдела нумизматики. Тр. ГИМ. 1993. Вып. 83). Лишь незначительное количество монет или монетных слитков хранится в фондах Отдела археологических памятников (см., например: *Пятышева Н.В.* Денежные серебряные гривны из Херсонеса // Нумизматический сборник. 1971. Т. 4. Вып. 1). В задачу обзора не входят подробный анализ, атрибуция и датировка упомянутых предметов. Сравнительно большое число иллюстраций в публикуемой небольшой обзорной статье сделано для лучшего представления о фонде. Указана и основная литература, где были изданы некоторые из хранящихся в музее памятников. Фотографии выполнены А.А. Сорокиным, рисунки – А.Н. Трифионовой.

² *Сорокина Н.П., Журавлев Д.В.* Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва) // ВДИ. 1993. № 4. Согласно принятой в ГИМ системе хранения, коллекции из Херсонеса выделены в отдельный фонд. Публикуемая статья – характеристика коллекций – является второй из целой серии задуманных сотрудниками Отдела археологии ГИМ публикаций, посвященных малоизвестным фондам одного из крупнейших собраний отечественных древностей. С момента выделения херсонесского фонда его хранителем была Н.В. Пятышева (рис. 1), затем – Н.А. Богданова.

³ *Разгон А.М.* Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917) // Очерки истории музейного дела в России. Т. 2. М., 1960. С. 224 сл.; *Журавская И.Л.* К истории Политехнической выставки в Москве // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр. ГИМ. 1995. Вып. 87. С. 17.

⁴ Весьма общие описания вещей с этой выставки приведены в кн. *Мансветов И.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872.



Рис. 1. Н.В. Пятьшева (1907–1984)

20 лет (1888–1907) стоял К.К. Косцюшко-Валюжинич, который раскопал часть территории древнего города и его некрополя (рис. 2).

Именно к этому времени относятся первые поступления в собрание херсонесских древностей Российского Исторического музея⁵. К наиболее ранним из них относятся небольшая коллекция, подаренная А.С. Краузе (1887 г.), отдельные предметы из собрания А.С. Уварова⁶, А.М. Подшивалова и С.И. Чицова, а также несколько вещей из собрания кабинета Изыщных искусств Московского университета⁷. Некоторые вещи, преимущественно ценные, например золотой перстень, «покупались на торгу», причем в документах указывалась даже цена той или иной вещи. Так, бронзовая накладка от ручки ковша с изображениями львов, опубликованная впоследствии В.П. Даркевичем⁸, была куплена на торгу в 1891 г. за 20 рублей.

После начала систематических исследований в Херсонесе Археологическая комиссия передавала Историческому музею отдельные коллекции из раскопок. Как правило, это были не целые комплексы. Надо отметить, что большая часть вещей оставалась в Хер-

⁵ Коллекциям из античных городов Северного Причерноморья и христианским древностям из Херсонеса было отдано в музей три зала – А, Б и В. По замыслу организаторов музея именно они должны были представлять влияние Византии, а через нее и античного мира на культуру Древней Руси. См. *Сорокина Н.П.* И.Е. Забелин и античные коллекции ГИМ // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29–31 октября 1990 г. Тр. ГИМ. 1992. Вып. 81. Ч. 2. Для более широкого показа истории Херсонеса Историческим музеем были заказаны копии ряда ценных в экспозиционном отношении предметов (например херсонесской присяги), которые заняли свое достойное место в залах музея. Копии многих известных раннехристианских памятников также были выставлены в зале А музея (Императорский Российский Исторический музей. Указатель к первым десяти залам. М., 1883. С. 92–105).

⁶ Коллекция А.С. Уварова содержит множество разнообразных памятников как из Северного Причерноморья, так и из Средиземноморья (керамика, терракоты, мраморная скульптура, эпитафия, большое количество византийских древностей), которые были в разное время приобретены А.С. Уваровым. Большая часть этого материала не опубликована, за редкими исключениями, например: *Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 2. М., 1977. № 421*; см. также: *Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1887–1908. Отд. I–XI. Часть коллекции А.С. Уварова была передана им в Исторический музей еще при жизни, часть после 1917 г. поступила из Румянцевского музея (1924 г.), часть – из села Поречье.*

⁷ Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 437, 447, 6, 10, 30, 176.

⁸ *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976. № 106. С. 55. Табл. 42, 7.

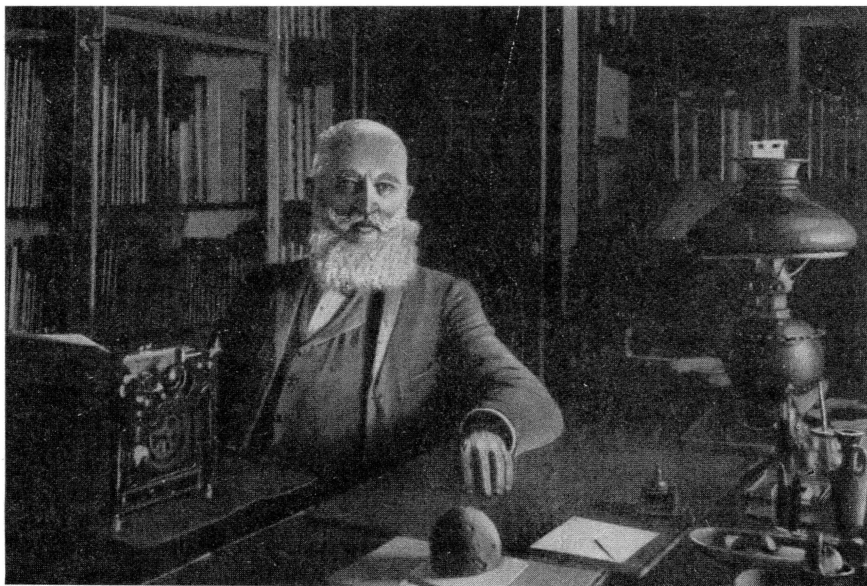


Рис. 2. К.К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907)

сонесе, наиболее ценные в научном и экспозиционном плане находки отправляли в Императорский Эрмитаж, а Историческому музею доставались лишь рядовые экземпляры. Разумеется, коллекцию ГИМ нельзя сравнивать по богатству и разнообразию материала с собраниями Государственного Эрмитажа и Херсонесского археологического музея-заповедника, однако в ней присутствует целый ряд очень интересных экспонатов.

В собрании представлены памятники полисного периода истории города и материальная культура византийского Херсона. Коллекции, поступившие в музей, часто были депортированы и представляли собой лишь набор вещей, без указания комплекса, откуда они происходили. Так, например, есть одна коллекция (808 номеров) «из старых раскопок до 1894 года», переданная в РИМ К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1895 г.⁹ Подчас разновременные вещи объединены по категориям: светильники, керамика, эпиграфика, строительные детали и т.п.

В 1946–1976 годы (с перерывами) в Херсонесе вела работы экспедиция ГИМ под руководством Н.В. Пятышевой¹⁰. В основном раскапывался участок у южной оборонительной стены города, а также общественное водохранилище с облицованными мрамором стенами в западной части городища. Коллекция (22 тыс. предметов) состоит главным образом из фрагментов керамики и строительных деталей.

Античный Херсонес. В целом в собрании хранятся рядовые предметы, из которых можно выделить несколько погребальных урн из различных материалов: бронзовую с трупосожжением из кургана у Стрелецкой бухты¹¹, глиняную и свинцовую урны¹², а из

⁹ Надо отметить, что для некоторых предметов, специально упомянутых в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича и его кратких публикациях в ИАК, возможно установить место, откуда они происходят.

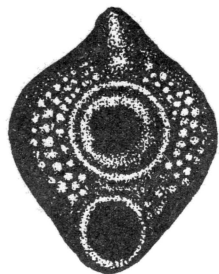
¹⁰ Пятышева Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. М., 1969; она же. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. 1974; она же. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // СА. 1964. № 3.

¹¹ Бертъе-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. С. 55. Табл. II. Рис. 12; Пятышева Н.В. Скифы и Херсонес // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 252; она же. Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. Рис. 2, 8.

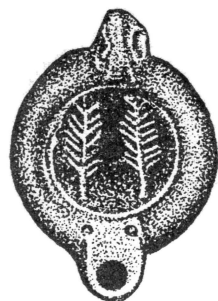
¹² Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 53; рис. 31, 1; с. 55–56, рис. 32, 4.



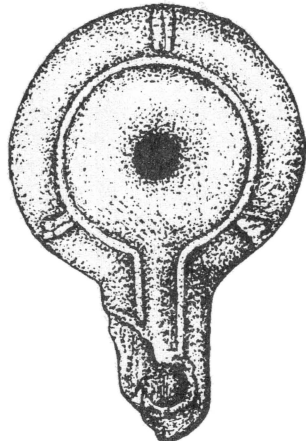
1



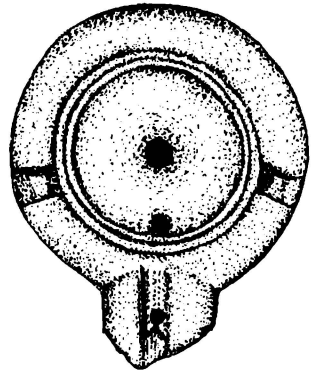
2



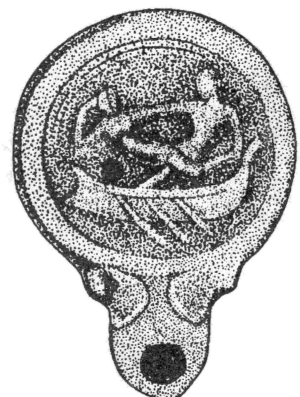
3



4



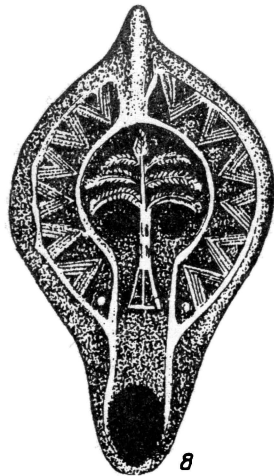
5



6



7



8



9

Рис. 3. 1-9 – светильники (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича). Глина



Рис. 4. Бронзовые статуэтки. 1, 3 – могильник Бельбек IV (раскопки И.И. Гуциной); 2, 4 – Херсонес (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича); 5 – Воронежская обл.; 6 – Херсонес (покупка на торгу)

фрагментов архитектурных деталей – триглифный известняковый фриз эллинистического времени – заготовку, по каким-то причинам оставшуюся незавершенною¹³. Интересна коллекция светильников (более 100 экз.) (рис. 3), многие из которых имеют на щитках разнообразные изображения – от мифологических сюжетов до эротических сцен и гладиаторских боев¹⁴ как античного, так и ранневизантийского времени; на щитках последних есть изображения христианских символов: креста, Доброго Пастыря и т.п. В собрании

¹³ Сорокина, Журавлев. Ук. соч. Рис. 1, 3.

¹⁴ В настоящее время каталог этой коллекции готовится к печати.

хранятся бронзовые сосуды (ковш, ойнохоя) и несколько бронзовых статуэток (рис. 4). Вероятно, через Херсонес попала в Воронежскую область гиря в виде статуэтки Константина Великого¹⁵ (рис. 4, 5). Интерес вызывает бронзовая статуэтка всадника позднеримского времени – случайная находка в Херсонесе, купленная на торгу в Киеве у Н.П. Чернева в 1892 г.¹⁶ (рис. 4, 6). Стеклопосуда представлена бальзамариями, бутылками, гуттусами, стаканами и другими типичными формами¹⁷.

Музей имеет в своем собрании небольшую, но интересную коллекцию эпиграфических памятников. Наиболее известны надпись о постройке башни 245 г. н.э.¹⁸, надгробие Аврелия Виатора¹⁹ (рис. 5, 1), постамент статуи Секста Октавия Фронтинуса²⁰; интересно надгробие с рельефным изображением вооружения IV–III вв. до н.э.²¹

Широко известна также коллекция ювелирных изделий из драгоценных металлов (363 предмета – медальон, амулеты, серьги, браслеты, лицевые пластины и т.п.), переданная в 1940 г. по распоряжению Наркомпроса РСФСР из Херсонеса²². В отличие от большинства других херсонесских коллекций в сопровождающей их описи были указаны не только авторы раскопок (Р.Х. Лепер, К.К. Косцюшко-Валюжинич), но и год и место находки. Наиболее выразительны ювелирные изделия из склепа № 1013, большая часть материалов которого хранится в Государственном Эрмитаже. Из Херсонеса же в 1933 и 1937 гг. были получены в порядке обмена 55 предметов – жертвенник, строительные детали, фрагменты средневековой мозаики.

В собрании ГИМ хранятся отдельные памятники скульптуры, из которых можно выделить статуэтку Гигией, мраморный торс мужской статуи, а также миниатюрную итифалическую герму, изображающую варвара (рис. 5, 2)²³. Первыми веками нашей эры датируется глиняная пластинка с изображением (рис. 5, 3), которое было трактовано Н.В. Пятышевой как змееногая богиня²⁴, а Н.П. Сорокиной – как сирена²⁵. Кроме того, в коллекции хранятся несколько античных гемм²⁶ и монеты из раскопок Н.В. Пятышевой.

¹⁵ Протасов Н.Д. Сирийские реминисценции в памятниках художественной промышленности Херсонеса // РАНИОН. Тр. секции археологии. Т. II. М., 1928; Чустова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962. С. 92–93. Рис. 39; Росс М.С. Statuettes of Constantine the Great // *Dumbarton Oaks Papers*. № 13. 1962. P. 180 ff. Fig. 14; Пятышева Н.В. Статуэтка пляшущего кочевника из Херсонеса (К вопросу о гуннах в Крыму) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. II. Тр. ГИМ. 1982. Вып. 54. С. 51.

¹⁶ Смирнов Я.И. Две бронзовые статуэтки всадников Исторического музея в Москве и Оттоманского музея в Константинополе. М., 1895. С. 3–32. Рис. 1, 3, 4, 6 = Археологические известия и заметки. 1895. № 4. С. 93–122; Искусство Византии... Т. I. № 63.

¹⁷ Зубарь. Ук. соч. С. 84–93; Сорокина Н.П. Стеклопосуда, или гуттусы, первых веков нашей эры из Северного Причерноморья // Проблемы археологии Евразии (По материалам ГИМ). Тр. ГИМ. 1990. Вып. 74. № 18, возможно, № 23.

¹⁸ IOSPE I². № 439; Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. Киев, 1973. № 109.

¹⁹ Латышев В.В. Надписи из Херсонеса Таврического // МАР. 1895. Вып. 17. С. 15. № 16; Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. № 42 (здесь же см. библиографию).

²⁰ Латышев В.В. Новая надпись из Херсонеса Таврического // Древности. Тр. Московского археологического общества. Т. 11. Вып. 3. М., 1887. С. 65–69.

²¹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. // ИАК. Вып. 25. С. 141. Рис. 31; Колесникова Л.Г. Стелы с изображением оружия // Сообщения Херсонесского музея, II. Симферополь. 1961. С. 17–18. Рис. 2, в. Автор статьи, говоря о месте хранения памятника, указывает лишь, что в фондах Херсонесского музея надгробия нет.

²² Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 18; она же. Скифы... Рис. 2.

²³ Она же. Мраморная статуэтка Гигией из Херсонеса (К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье) // ВДИ. 1971. № 2. Рис. 1–3; она же. Античное влияние на скульптуру Причерноморья // ВДИ. 1946. № 3. Рис. 5; она же. Скифы... Рис. 3.

²⁴ Она же. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3; она же. Скифы... С. 262. Рис. 7.

²⁵ Сорокина Н.П. Навершие боспорского надгробия с фигуркой сирены из собрания Государственного Исторического музея // Археологический сборник. Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37. С. 96.

²⁶ Захаров А.А. Геммы Государственного Исторического музея. М., 1928. № 152, 163, 165, 240, 241, 243, 245 и др.



Рис. 5. 1 – надгробие Аврелия Виатора (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича); 2 – «герма» с изображением варвара (находка у Стрелецкой бухты); 3 – глиняная пластина с изображением «женского божества» (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича); 4 – терракотовая статуэтка (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича)



Рис. 6. Костяные изделия византийского времени (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича)



Рис. 7. 1–6 – предметы христианского культа – бронзовые иконки и змеевики (раскопки К.К. Косцошко-Валожинича)



Рис. 8. Предметы христианского культа. 1 – створка креста-энколпиона (раскопки Н.В. Пяташевой); 2 – коцея; 3, 4 – литейные формы для отливки культовых предметов, собрание А.С. Уварова; 5 – дискос (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича)

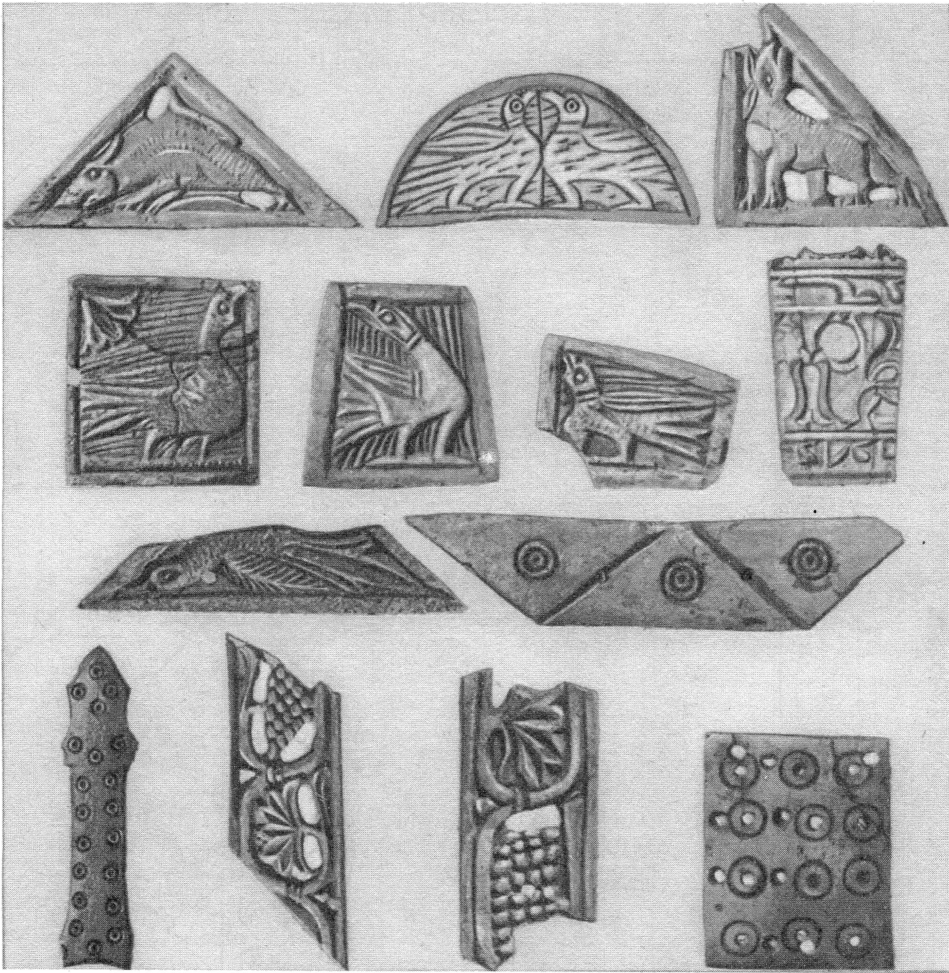


Рис. 9. Предметы христианского культа (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича); 1–4 – бронза; 5 – бронза, серебро

Разумеется, в коллекции присутствует и рядовой материал, обычный для античного города – керамика, терракоты, металлические и костяные изделия, бусы и другие предметы. Из терракот в литературе известна только статуэтка быка из склепа № 1013²⁷ (рис. 5, 4). Небольшая, но очень интересная коллекция краснолаковой керамики включает в себя несколько очень редких для Северного Причерноморья форм группы «Восточная сигиллята В»²⁸. Ряд фрагментов керамики содержит граффити, частично вошедшие в «Корпус херсонесских граффити»²⁹. Из металлических изделий можно выделить группу бронзовых и серебряных Т-образных фибул (одна из них с надписью), которые относительно часто находят в Херсонесе³⁰.

Византийский Херсон. Еще в «Указателе памятников» Российского Исторического

²⁷ ИАК. Вып. 1. С. 55. Рис. 51; Херсонесский сборник. 1927. Вып. II. С. 116. Рис. 9–10.

²⁸ См. подробнее: Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы «Восточная сигиллята В» из Юго-Западного Крыма // Древности Евразии. М., 1997. С. 227–260.

²⁹ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 1110, 1706 и др.

³⁰ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 74–75. В эту сводку вошли далеко не все фибулы из собрания ГИМ.

музея было отмечено, что материалы из Херсонеса должны показывать «...главным образом историю этого города в христианские времена, что вполне соответствует историческому значению Херсонеса как рассадника христианства в Черноморье»³¹. В музее существовал даже «отдел византийских древностей», открытый 15 февраля 1924 г. (впоследствии упраздненный), в котором хранились разнообразные коллекции этого периода³², в настоящее время распределенные между многими отделами ГИМ. В собрании Исторического музея византийские древности из Херсонеса составляют более представительную коллекцию, чем античные³³.

Большой интерес вызывают находки краснолаковых блюд группы Late Roman C и African red slip ware, имеющие на дне отпечатки штампов в виде креста, а также раннехристианских символов – павлина, рыб и т.п.³⁴ Изображение христианских крестов можно найти и на светильниках³⁵. Замечательной находкой можно считать замок в виде лошадки с арабской надписью: «Сделал Омар, сын...»³⁶. Ценными экспонатами также являются железная лицевая маска³⁷, моливдовулы, византийские монеты, серия костяных изделий, как орудий труда, так и пластинок с резными изображениями животных (рис. 6).

Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича происходят керамическая иконка с изображением Богоматери³⁸, бронзовые образки, иконки, кресты-энколпионы³⁹, формы для отливки крестов, лампы, диски, коцея и другие сосуды для богослужений⁴⁰ (рис. 7–9).

Долгие годы раннехристианские древности у нас в стране по известным причинам не изучались, и даже термин «церковная археология» был забыт⁴¹. В настоящее время, когда это направление в науке возрождается⁴², следует ожидать в недалеком будущем появления у нас специальных работ, посвященных средневековым византийским культовым предметам.

Большим разнообразием форм представлена также византийская поливная керамика, происходящая не только из Херсона, но и из некоторых памятников горного Крыма (например, Баклы из раскопок Д.Л. Талиса). Так, в собрании ГИМ находится коллекция белоглиняной поливной керамики с изображением птиц, грифонов, человеческих фигур и т.п.⁴³

³¹ Императорский Российский Исторический музей... С. 435.

³² Отдел византийских памятников. Гос. Исторический музей. М., 1924. Об интенсивной научной работе в этом отделе и о поступавших в него памятниках см., например: Отчет Гос. Исторического музея за 1916–1925 гг. М., 1926. С. 47–48, 78–80.

³³ Благодаря Византийской выставке в Эрмитаже в 1977 г. эта часть коллекции ГИМа стала широко известна (Искусство Византии...). См. также каталог выставки «Из варяг в греки и из грек...». М., 1996. С. 86–96.

³⁴ Ср. Hayes J.M. Late Roman Pottery. L., 1972; Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991.

³⁵ Пятыева. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе. С. 155. Рис. 6; подробная сводка клейм с христианской символикой на раннесредневековой краснолаковой керамике из Северного Причерноморья, подготовленная сотрудником ГИМ П.Д. Диатроповым, находится в печати.

³⁶ Пятыева. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе. Рис. 7.

³⁷ Она же. Железная маска из Херсонеса. М., 1964 (см. рец. Кирпичников А.Н. // СА. 1966. № 4. С. 214–217).

³⁸ ОАК за 1892 г. СПб., 1894. С. 17; Искусство Византии... Т. 2. № 478. В собрании ГИМ также хранятся иконки, изготовленные в аналогичной технике, но происходящие из Никомедии (дореволюционное собрание П.И. Севастьянова, затем – Румянцевский музей). См. также «Из варяг в греки и из грек...». № 751–753.

³⁹ Rosenberg M. Geschichte der Goldschmiederkunst auf technischen Grundlage. Frankfurt am Main, 1924. S. 59–60. Abb. 48, 49; Залеская В.Н. Часть бронзового креста-складня из Херсонеса // ВВ. 1964. XXV. С. 169. Рис. 2, а, б; Искусство Византии... Т. 2. № 567.

⁴⁰ Косцюшко-Валюжинич. Ук. соч. С. 45, рис. 46; с. 55, рис. 51; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. Вып. 63. Рис. 180, 1–2; Искусство Византии... С. 93.

⁴¹ Хруцкова Л.Г. Христианская археология в России и в СССР (до 1940 г.) // Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конф. СПб., 1993. С. 13.

⁴² См., например: Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конф. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 1–3. // Археологические изыскания. Вып. 26. Санкт-Петербург–Псков, 1995.

⁴³ Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Табл. IV, 22, 33–35 и др.; Талис Д.Л. К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса // Археологический сборник. Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37.

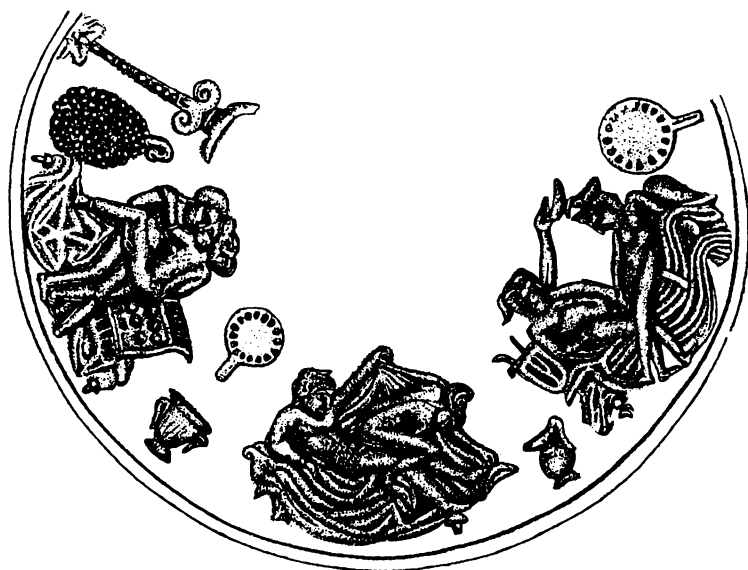


Рис. 10. Фигурный лягинос из могильника Бельбек IV (раскопки И.И. Гузиной). Глина

В коллекции ГИМ немало архитектурных деталей (части колонн, капители, и др.)⁴⁴, а также обломков надписей.

Памятники хоры Херсонеса. Наиболее интересными коллекциями, происходящими из округа Херсонеса, можно, без сомнения, считать материалы раскопок могильников Юго-Западного Крыма римского времени. В музее хранятся материалы из могильников Бельбек III и IV, у с. Заветное, Скалистое III (раскопки И.И. Гущиной, Н.А. Богдановой) и др. Огромное количество краснолаковых и стеклянных сосудов, украшений, предметов быта характеризуют смешанную культуру населения Юго-Западного Крыма первых веков нашей эры. Среди находок из этих памятников есть замечательные произведения античного искусства: книдский фигурный лягинос с эротическими сценами на тулове (рис. 10)⁴⁵ и бронзовые статуэтки из могильника Бельбек IV (рис. 4, 1,3)⁴⁶, золотые ювелирные изделия из Заветного⁴⁷ и т.д.

В старой экспозиции ГИМ коллекции из Херсонеса и его округа достаточно подробно отражали двухтысячелетнюю историю этого города. В новую экспозицию помимо обычных залов предлагается ввести специальный раздел, посвященный распространению христианства, подготовленный в основном на средневековых материалах Херсонеса Таврического.

Д.В. Журавлев

A COLLECTION FROM CHERSONESUS IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM

D.V. Zhuravlev

A collection of antiquities from Chersonesus is kept in the State Historical Museum in Moscow. The beginning of the formation of the collection goes back to 1872, the year of the museum's foundation. The basis of the collection is made up of materials excavated by K.K. Kostyushko-Valuzhich and N.V. Pyatysheva (fig. 1–2) as well as of objects donated to the museum or bought from private collectors. Despite the fact that the Archaeological Commission at its time handed over the best findings to the Imperial Hermitage and the biggest part of the antiquities remained in the Chersonesian museum, the collection of the State Historical Museum has quite a few interesting and valuable exhibits from Chersonesus and its chora (fig. 3–10).

Chronologically the collection can be divided into two parts – the ancient relics of the polis period of Chersonesus and Byzantine Cherson. The collection sufficiently fully reflects the material culture of the ancient polis and the provincial Byzantine city.

⁴⁴ Искусство Византии... № 117, 121, 122; *Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес; ср. *Домбровский О.И.* Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // *Сообщения Херсонесского музея.* III. Симферополь, 1963.

⁴⁵ *Гущина И.И., Сорокина Н.П.* Фигурный кувшин-лягинос из могильника Бельбек IV в Крыму // *Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры.* Тр. ГИМ. 1995. Вып. 87; *Treister M.Yu.* New Find of a Relief Lagynos from Asia Minor in South-West Crimea // *Colloquenda Pontica.* В/1. 1994; *Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Римский импорт из могильника Бельбек IV // *Тез. докл. Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг.* М., 1996. Рис. 1.

⁴⁶ *Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Могильник Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М. (в печати). Там же см. подробную библиографию вопроса.

⁴⁷ *Богданова Н.А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // *Археологические исследования на юге Восточной Европы.* Тр. ГИМ. 1989. Вып. 70. С. 40. Табл. XII.

PERSONALIA



© 1997 г.

К 70-ЛЕТИЮ ГРИГОРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ГИОРГАДЗЕ

28 июля 1997 г. исполнилось 70 лет замечательному ученому-востоковеду, члену-корреспонденту Академии наук Грузии Григорию Григорьевичу Гиоргадзе.

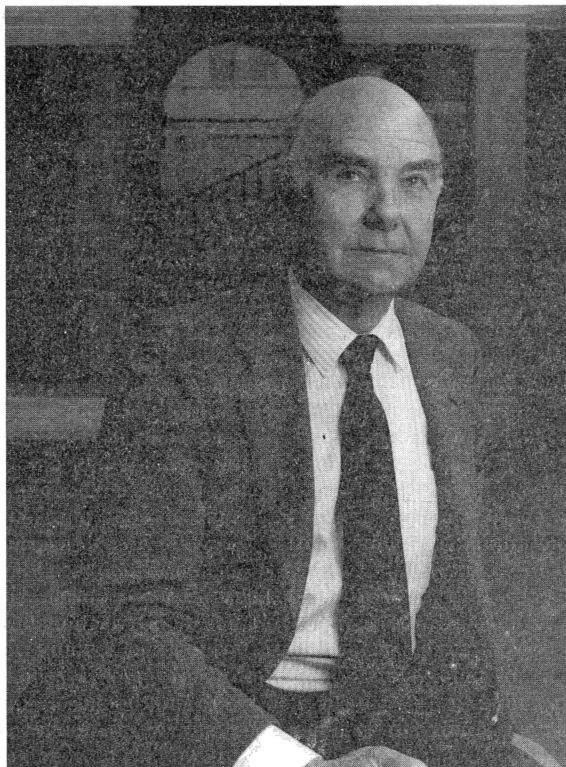
Г.Г. Гиоргадзе окончил в 1952 г. факультет востоковедения Тбилисского государственного университета. Кандидатская и докторская его диссертации, как и большинство публикаций (а всего их у Г.Г. Гиоргадзе более 100) посвящены социально-экономической истории хеттов и сопредельных народов древней Анатолии. Итоги многолетних исследований в этой области подведены в вышедшей в Тбилиси в 1991 г. монографии Г.Г.Гиоргадзе «Вопросы общественного строя хеттов». В этой книге, как и во всех своих работах, автор предстает перед читателем как тонкий исследователь, скрупулезный текстолог, специалист огромного научного и культурного диапазона.

Имя Г.Г. Гиоргадзе хорошо известно в мировом востоковедении. Он неоднократно участвовал в международных симпозиумах и конгрессах по древнему Ближнему Востоку, опубликовал ряд статей в таких престижных изданиях, как «Das Altertum», «Societies and Languages of the Ancient Near East», «Altorientalische Forschungen» и с давних пор является автором журнала «Вестник древней истории».

С 1988 г. Г.Г. Гиоргадзе возглавляет отдел истории древнего Востока Института истории, археологии и этнографии АН Грузии. Во многом благодаря его усилиям этот отдел остался одним из немногих исследовательских центров на территории нашего в прошлом общего научного пространства, в котором сохранились и продолжают развиваться традиции хеттологии.

Мы знаем Григория Григорьевича Гиоргадзе как человека удивительно скромного, обаятельного, отзывчивого. От всей души поздравляем Г.Г. Гиоргадзе со славным юбилеем, желаем ему доброго здоровья и новых творческих успехов. Мы надеемся, что наша дружба и научные контакты пройдут все испытания и будут крепнуть.

*Редколлегия, редсовет и редакция журнала
«Вестник древней истории»*



К 70-ЛЕТИЮ ДЖОНА БОРДМАНА

20 августа 1997 г. исполнилось 70 лет выдающемуся английскому ученому, крупнейшему специалисту в области изучения классической археологии, античного искусства и древней истории профессору сэру Джону Бордману.

Дж. Бордман родился в 1927 г., свои студенческие годы провел в Колледже Магдалины (Кембриджский университет), получив степень бакалавра в 1948 г., а степень мастера – в 1951 г. После службы в армии в 1952 г. он был назначен заместителем директора Британской школы в Афинах, в 1955–1959 гг. работал заместителем хранителя в музее Ашмолеан (Оксфордский университет). С 1955 г. началась и его активная преподавательская деятельность: сначала в качестве университетского лектора по классической археологии, затем как преподавателя и члена Мертон колледжа, а с 1978 г. – профессора классической археологии в Линкольн колледже (Оксфордский университет).

Дж. Бордман не ограничивал свою преподавательскую деятельность рамками только Оксфорда. Он читал курсы лекций в ряде британских и зарубежных высших учебных заведений: Абердинском университете, Королевской академии искусств, Австралийском Институте археологии, в Университете г. Вашингтон (США).

В развитии классической археологии второй половины XX в. выдающуюся роль сыграли осуществленные Дж. Бордманом археологические раскопки на Хиосе (1953–1955 гг.) и в Ливии, в Токре (1964–1965 гг.). Они стали образцовыми примерами современной практики проведения раскопок, фиксации, изучения и публикации результатов археологических исследований. Вместе с тем, эти полевые работы благодаря умелому выбору объектов, тщательной их интерпретации и точным историческим выводам послужили своего рода отправными точками для двух принципиально важных направлений в изучении древнегреческой истории: формирования раннего полиса и Великой греческой колонизации.

Труды Дж. Бордмана составили целую эпоху в изучении классической археологии и истории античного искусства. Им опубликовано несколько сот статей, более 30 монографий, кроме того около 20 книг написано в соавторстве с другими учеными (чаще всего – с его учениками). Среди них – публикации результатов раскопок на Хиосе (1967) и в

Токре (два тома – 1966 и 1973 гг.), большая серия работ, посвященных греческим и переднеазиатским резным камням, несколько книг (включая два тома в серии *Congrus Vasorum*) о греческой расписной керамике, ставших учебниками и справочниками для всех, занимающихся этой сферой древнегреческого искусства, ряд книг об истории древнегреческой архитектуры и скульптуры, включая блистательную работу о Парфеноне. Им самостоятельно или в сотрудничестве с другими учеными опубликовано несколько общих очерков истории античного искусства. Недавно Дж. Бордманом издана прекрасная книга о распространении классического искусства на периферии и за пределами собственно античного мира. Упомянем и книгу (в соавторстве с Д. Куртц) о греческом погребальном ритуале.

Для историков и археологов особое значение имеет книга Дж. Бордмана о Великой греческой колонизации, в которой в равной степени представлены как самые современные результаты конкретных исследований отдельных памятников и регионов «колониального мира», так и его видение общих проблем этого явления, пожалуй, одного из наиболее сейчас дискуссионных.

Многие его исследования переиздавались и переводились на иностранные языки.

Кроме собственно авторской работы Дж. Бордману приходится огромное время и силы тратить на выполнение редакторских обязанностей. В течение 1958–1967 гг. он был главным редактором «*Journal of Hellenic Studies*», членом редколлегии нескольких томов нового издания «Кембриджской древней истории», с 1972 г. входит в редколлегию нового и очень трудного в исполнении справочника «*Lexicon Iconographicum*». Некоторые статьи, написанные Дж. Бордманом для этого издания, по своему характеру и объему скорее представляют настоящие монографии.

Совершенно особое место в деятельности Дж. Бордмана занимает подготовка молодых специалистов в сфере классической археологии и истории античного искусства. Под его руководством написано более 100 диссертаций на степень доктора (Ph. D.) исследователями из более чем десяти стран. Многие из этих диссертаций были опубликованы позднее как монографии.

Естественно, что столь яркая и многогранная деятельность была достойно отмечена учеными как Великобритании, так и других стран. Дж. Бордман получал многие почетные премии за свои труды. Все колледжи, в которых он работал, избрали его своим почетным членом. В 1969 г. он стал членом Британской Академии, в том же году его избрали член-корреспондентом Баварской Академии наук. Позднее он становится также членом Института этрусских исследований (Флоренция), почетным членом Археологического общества Греции, иностранным членом Датской академии наук, ассоциированным членом Академии надписей и изящной словесности (Франция), почетным членом Американского Археологического института, почетным доктором Афинского университета и Сорбонны (Университет Париж-Пантеон).

Глубочайшее достижение феномена классического общества, огромный творческий потенциал, способность учесть всю сумму информации по исследуемому сюжету и создать на ее базе безупречную концепцию, поистине неисчерпаемые знания и постоянная готовность делиться ими, умение увидеть и поддержать все новые плодотворные идеи, способность доказывать свою правоту, не обижая оппонента – таковы характерные черты Дж. Бордмана, рожающие особое отношение к нему коллег.

Наивысшим признанием со стороны научного сообщества является избрание Дж. Бордмана президентом Международной Федерации классических исследований в 1994 г., а со стороны правительства Великобритании – присвоение ему рыцарского титула в 1989 г.

Профессор сэр Джон Бордман – один из самых уважаемых в мире антиковедов, научная, педагогическая и общественная деятельность которого служит примером подражания, и в день его 70-летия его коллеги желают ему здоровья и новых творческих достижений.

*Редакционный совет, редколлегия и редакция журнала
«Вестник древней истории»*

*Сектор античной истории Института всеобщей истории РАН
Отдел классической археологии Института археологии РАН
Department of Classics of Royal Holloway and New Bedford College,
London University*

К 60-ЛЕТИЮ КАРЛА ЛАМБЕРГ-КАРЛОВСКИ

2 октября 1997 г. исполняется 60 лет выдающемуся американскому археологу и историку древности Карлу Ламберг-Карловски.

Ламберг-Карловски родился в Праге. После окончания в 1959 г. Дартмут-Колледжа он учился в Пенсильванском университете (1959–1961; 1963–1965), а также в Йельском университете (1961–1962). Докторскую диссертацию (Ph. D.) К. Ламберг-Карловски защитил в 1965 г. в Пенсильванском университете по истории металлургии древнего Ближнего Востока (главным образом по материалам Хасанлу в Иране). После короткого периода преподавания в Франклин-и-Маршалл колледже (Ланкастер, Пенсильвания) в 1966 г. будущий профессор Ламберг-Карловски получил место в департаменте антропологии знаменитого Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс), где читает лекции до сих пор. Кроме того, с 1971 г. он ведет постоянный семинар по археологии Восточного Средиземноморья, Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока в Колумбийском университете в Нью-Йорке.

К. Ламберг-Карловски руководил американскими археологическими раскопками в Иордании, Сирии, Саудовской Аравии, Иране и Омане, а также в среднеазиатских республиках СССР. Наиболее важными являются его раскопки Тепе-Яхья в Иране (1967–1975), существенно изменившие наши представления о культурном и экономическом обмене между Месопотамией, Индией, областями Средней Азии и Персидского залива в III тыс. до н.э. К. Ламберг-Карловски был первым американским археологом, заключившим прямой договор о совместных археологических раскопках на территории СССР (в Узбекистане и Южной Сибири). С 1979 по 1985 г. он был директором программы научных обменов между СССР и США в области археологии.

Автор около 100 научных работ, редактор и автор 7 монографий, К. Ламберг-Карловски подготовил целую плеяду учеников, ныне работающих во многих университетах США. Будучи с 1969 г. бессменным хранителем ближневосточных археологических коллекций всемирно известного музея Пибоди при Гарвардском университете, с 1977 по 1991 г. он был и его директором и много сделал за эти годы для прославленного музея: организовал ряд блестящих выставок, создал несколько лабораторий и сумел значительно обогатить фонды Пибоди.

Проф. Ламберг-Карловски избран членом Американской Академии искусств и наук и членом-корреспондентом нескольких зарубежных академий и научных обществ, в том числе Королевского общества древностей Великобритании и Ирландии, Российской Академии наук, Итальянского института Среднего и Дальнего Востока. К. Ламберг-Карловски был и продолжает оставаться официальным попечителем (Trustee) нескольких важнейших научных учреждений: Американского иранологического института (1968–1979), Американской школы доисторических исследований (с 1970 г. по настоящее время), Американской школы восточных исследований (1968–1970; 1985–1992), а также членом Американского археологического института и Американского института археологии в Пакистане (1982–1988). Иногда взгляды и убеждения проф. К. Ламберг-Карловски не совпадают с позицией российских ученых, но в наше время несовпадение точек зрения вполне естественно. Разногласия бывают и среди друзей.

Российские коллеги и друзья сердечно поздравляют Карла Ламберг-Карловски с юбилеем, желают ему здоровья и продолжения плодотворной работы на благо науки.

*Редколлегия, Редакционный совет ВДИ
Объединенный институт истории, филологии и
философии Сибирского Отделения РАН*



© 1997 г.

ЗАСЕДАНИЕ СЕКТОРА АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ Е.М. ШТАЕРМАН

23 октября 1996 г. в секторе античной истории Института всеобщей истории РАН состоялось заседание, посвященное памяти Елены Михайловны Штаерман. В своем вступительном слове заведующая сектором Л.П. Маринович отметила, что пять лет прошло с того дня, как ушла из жизни Е.М. Штаерман – выдающийся ученый-антиковед, чье творчество было связано с сектором античной истории, где она проработала более 40 лет, написала восемь книг, множество статей, докладов, сделала целый ряд переводов, участвовала практически во всех коллективных трудах сектора. Не все созданное ею она успела увидеть опубликованным: уже помертно вышли перевод «Астрономики» Манилия, несколько статей, в том числе о римской цивилизации. Сегодня участники заседания смогут познакомиться с последним ее трудом – только что увидевшей свет книгой «История крестьянства в древнем Риме». Далее Л.П. Маринович поделилась воспоминаниями о самой Елене Михайловне, с которой проработала 37 лет. Особенно хотелось бы сказать о ее преданности науке и огромном трудолюбии, в высшей степени развитом чувстве долга, верности данному слову. Е.М. Штаерман неизменно была принципиальна и твердо отстаивала свои взгляды, всегда покоящиеся на анализе источников. Поражала глубина знания ею источников, в том числе и мало известных, на которые она, обладая к тому же прекрасной памятью, постоянно ссылалась. Она была человеком большой эрудиции. Прекрасно знала литературу, особенно любила Ф.М. Достоевского. Для всех, кто знал Елену Михайловну, ее светлый образ останется в памяти как идеал беззаветного служения своему делу, как образец прекрасного, порядочного человека.

Доклад *Е.С. Голубцовой* был посвящен трудам Е.М. Штаерман по истории римского крестьянства. В своей первой статье по этой проблеме – «К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи» (ВДИ. 1952. № 2) – Е.М. Штаерман поставила задачу – показать, какую роль сыграло римское крестьянство для возникновения феодализма в Европе. Статья эта вызвала высокую оценку Р.Ю. Виппера, который согласился с основными ее выводами. Особенно интересным ему показалось привлечение эпиграфического материала по истории колоната в рейнском и дунайском регионах, а также сведений археологических раскопок о межевании крестьянских участков. Продолжая исследование этой проблемы, Е.М. Штаерман в 1955–1956 годах опубликовала в восьми номерах ВДИ «Надписи по социально-экономической истории Римской империи» (перевод и комментарий). Почти в двух тысячах надписей много внимания уделяется крестьянам, их образу жизни, владению землей, уплате налогов, урожаю и доходам от обработки земли. Одним из капитальных ее трудов является монография «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи» (1961 г.). Сама Елена Михайловна называла эту книгу наиболее любимой из всех своих работ. Содержание ее широко и многопланово: это и проблема общины для западных провинций Римской империи, и характер организаций рабов и свободной бедноты, и идеология угнетенных масс, и положение крестьянства в эпоху империи. Подчеркивая, что римская аристократия поддерживала племенную знать, а крестьянство с ней боролось, автор возражает против общепринятой точки зрения о моральном упадке и узкоэгоистических интересах крестьянства и «угнетенной бедноты» и отмечает, что в основе морали и этики лежала не столько религия, сколько долг человека по отношению к своему коллективу – роду, фамилии, общине, пагу, деревне. Затрагивает Е.М. Штаерман вопросы мировоззрения крестьянства и в следующей монографии «Социальные основы религии древнего Рима» (1987), посвященной религии различных слоев римского общества, в том числе и крестьянства, вплоть до III в. н.э. Автор считает возможным назвать раннеримскую религию «крестьянской». Большое внимание в работе уделяется идеологии III в., колонату, изменениям, происшедшим в положении крестьянства в связи с переменами в сельском хозяйстве, а в идеологии – с появлением христианства.

Последней работой Е.М. Штаерман стала книга «История крестьянства в древнем Риме», написанная в те годы, когда сектор работал над коллективной монографией «Раб и крестьянин в античном мире». В этой

книге она подводит итог своим исследованиям в области истории крестьянства на протяжении более чем четырех десятилетий. Подчеркивая, как велика была роль крестьянства для истории Рима во все периоды его существования, автор считает, что «изучение одного только феномена рабства недостаточно без столь же тщательного изучения истории крестьянства».

В своем докладе «О структуре провинциальных городов на Дунае» Ю.К. Колосовская отметила, что посвятила его тем социально-экономическим проблемам, которыми так успешно занималась Е.М. Штаерман, внося свой большой вклад в науку о древности. Основное внимание Ю.К. Колосовская уделила сословию всадников, одному из главных в составе римского провинциального общества на Дунае. В докладе были рассмотрены латинские надписи, принадлежащие лицам всаднического сословия в ранге *equo publico*. Этот социальный слой ведет свое происхождение со времени реформ Сервия Туллия, когда лица первых 18 центурий, состоящих преимущественно из патрицианских родов, были включены в разряд всадников, «людей, сражающихся на коне». Последующие события в Римской республике, а также реформы Гракхов, привели к большим социальным и политическим изменениям в составе всадников. Существенные перемены в это сословие внес Клавдий, разделивший сословие на две части – на служилую часть, когда всадники несли военные должности, оплачиваемые государством, и на несслужилую их часть, когда в лице *equo publico* они представляли собой муниципальную аристократию городов. Своим происхождением лица *equo publico* обязаны древним римским турмам всадников. В период империи звание *equo publico* было только почестью, оно определяется как *honos*. Лица, удостоившиеся звания *equo publico* от городской общины, а также по согласию наместника провинции и с ведома императорской канцелярии, направляли свою деятельность на благо города, на отправление императорского культа, на решение финансовых и экономических проблем провинций и прежде всего – на обеспечение римской армии. Эта деятельность *equo publico* была особенно значимой для правительства, ибо дунайские провинции лежали на лимесе, за которым находился чужой берег, варварский мир, враждебный Риму. Не неся никакой военной службы, лица *equo publico* внесли немалый вклад в романизацию провинций, а также в стабильность империи. Они явились той единственной средой, из которой в провинциях в большинстве случаев формировалось сенаторское сословие.

В докладе «Проблемы собственности и общины в трудах Е.М. Штаерман» И.Л. Маяк подчеркнула, что ее творчество стало значительным фактом отечественной историографии, требует тщательного изучения и его надо расценивать в связи с развитием советской действительности и исторической науки. Е.М. Штаерман была историком-марксистом и не скрывала этого, но подходила к марксизму творчески. Господство марксизма в науке обусловило и социально-экономическую проблематику ее работ: классовая борьба, проблема рабства в Италии и провинциях, религия и мораль угнетенных классов, культура древнего Рима. Деятельность ученого оценивается не только с точки зрения тематики: важно, как работает исследователь. Елена Михайловна была мастером-эмпириком и в то же время проявила себя и на стезе теории – марксистской методологии. Теоретические ее штудии всегда базировались на источниковом материале, не было «пустословного теоретизирования».

Многие, занимавшиеся историей древнего Востока и античности, а также этнографы, с разных сторон исследовали институт общины. Е.М. Штаерман четче, чем кто бы то ни было, выделила основные особенности различных типов общин, особенно соседской сельской общины, и, отталкиваясь от многозначности термина, показала принципиальную разницу между общиной на древнем Востоке и в античности: членство в соседской общине в условиях античности не было условием для пребывания в составе гражданства в отличие от древнего Востока.

Вторая кардинальная проблема в ее творчестве – категория собственности. Вопрос о главных критериях древневосточного и греко-римского общества до сих пор остается открытым. Большинство ученых высказывают мнение о наличии рабовладельческого строя в древнем мире вообще. Определяющим моментом при этом выдвигается форма эксплуатации. Е.М. Штаерман разделяла точку зрения о том, что Рим был прежде всего рабовладельческим. Но для определения характера общества важнее не форма



эксплуатации, а форма собственности. Она исходила из двуединости понимания собственности в античности и не только развивала тезисы Л. Диожди и Л. Капогресси-Колоньези, но и углубила их. Благодаря Е.М. Штаерман в науке утвердился тезис об отличии античной частной собственности от капиталистической. Она подчеркивала трудовой характер античной частной собственности, а также наличие контроля со стороны полиса. Е.М. Штаерман прослеживала также и появление расщепленной, прекарной формы собственности, не свойственной античности, а также сделала оригинальный вывод о значении появления не связанной с полисной муниципальной собственности экзимирированных салтусов. Это было новацией, так как не характерно для античных условий. Таким образом, были прослежены судьбы собственности в Риме вплоть до превращения экзимирированных имений, где формировалась сословная собственность.

Г.А. Кошеленко в своем выступлении отметил: сейчас, видимо, нам еще трудно оценивать все значение научной деятельности Елены Михайловны. Однако можно, как кажется, уже сейчас сказать без всякого преувеличения, что Е.М. Штаерман была крупнейшим антиковедом-марксистом XX в. Марксизм, как историсофская концепция, как теория, стремящаяся дать научное объяснение процессу исторического развития (а не как утопический план построения «рая на земле»), имеет, подобно всем таким теориям, свои сильные и слабые стороны. Марксизм оказался несостоятельным при объяснении «феномена человека», и, как стало ясно, бесполезен при анализе явлений политической истории. Но в то же время нет ни одной научной теории, которая бы лучше, чем марксизм, объясняла глубинные процессы эволюции человеческого общества, процессы, длящиеся десятилетия и столетия, скрывающиеся под «пенной» ежедневных событий. Е.М. Штаерман, зная марксизм не по пересказам популяризаторов, как почти все мы, а в результате собственного глубокого прочтения, прекрасно осознавала как сильные, так и слабые стороны этой теории. И она никогда не занималась теми темами и теми сюжетами, которые были неподвластны марксистскому исследовательскому методу. Сферой ее исследовательской деятельности были только те проблемы, для решения которых этот метод давал наиболее адекватные результаты. И именно поэтому результаты ее исследований так интересны и важны. Соединение фантастического знания источников, глубокого знания всех наиболее важных достижений ее предшественников и точно выбранного исследовательского метода дало те результаты, которые мы видим в ее трудах и которые, конечно, будут служить образцом для нескольких поколений антиковедов.

А.И. Павловская в своем выступлении высказала мнение, что едва ли следует видеть в Е.М. Штаерман уже только «явление историографии» (как здесь прозвучало), ее идеи и труды еще продолжают жить в наших умах и в деятельности «Вестника древней истории». Е.М. Штаерман начала печататься в 1940 г. и затем на протяжении 52 лет ее жизнь и творчество были тесно связаны с ВДИ. На страницах журнала она опубликовала 32 исследовательских статьи, 14 обзоров публикаций источников и научной литературы, 24 рецензии на наши и зарубежные книги, переводы древних авторов Юлия Павла, Домиция Ульпиана, Дионисия Катона, Публилия Сира и – что особенно существенно – большую подборку латинских надписей по социально-экономической истории ранней Римской империи. Каждая важная теоретическая проблема, обсуждавшаяся в ВДИ, находила отклик в статьях Е.М. Штаерман, и нередко именно она была инициатором их обсуждения (например, проблемы кризиса рабовладельческого строя в Римской империи, дискуссии об источниках рабства, о формах собственности в античном мире, сельской общине, возникновении государства в Риме и др.). Большую роль она сыграла в организационной работе журнала: на протяжении 25 лет она была членом редколлегии ВДИ, принимала активнейшее участие в обсуждении статей, в составлении перспективных планов работы журнала, в формировании его научного облика.

Е.В. Ляпустина сделала сообщение на тему «Проблемы римского гражданства в работах Е.М. Штаерман». Творчество Елены Михайловны необычайно разносторонне, так что трудно найти вопрос, который бы в нем не затрагивался, однако к каждой теме она подходила по-своему, вписывая его в ту вполне целостную и оригинальную картину римской истории, которая сложилась у нее в ходе многолетней исследовательской работы. К проблеме римского гражданства – одной из ключевых для истории Рима – имела отношение уже одна из первых ее публикаций (статья о дедитициях в эдикте Каракаллы, напечатанная в ВДИ в 1946 г.). И в дальнейшем, к каким бы темам ни обращалась Елена Михайловна, эта проблематика присутствовала в ее работах.

Поскольку основные положения современной историографии в том, что касается истории гражданства, были прекрасно знакомы и нашли адекватное отражение в ее работах общего характера (например, в написанных ею разделах «Истории Европы», т. I или «Древних цивилизаций»), ее собственный взгляд на эту тему отличался известным своеобразием: игра в правовые дефиниции ее не слишком увлекала, а формально-юридическому анализу проблемы она явным образом предпочитала социологический и исторический. Поэтому гораздо больше ею было написано о складывании римского гражданства в ходе плебейской революции, нежели, например, о римском гражданстве как инструменте интеграции империи. Преимущественное внимание к социальным аспектам гражданства, к реальному содержанию гражданского статуса было обусловлено тем, что в концепции римской истории, разработанной Е.М. Штаерман, центральное место занимали понятия античной гражданской общины и античной формы собственности.

Уже не раз отмечавшийся ее глубокий интерес к «простым людям» проявился и в данном случае: когда в ее работах речь идет о римском гражданстве как инструменте социального возвышения в эпоху империи, в центре ее внимания – выходцы из провинциальных сельских общин, а не представители высших слоев, которыми преимущественно занимается просопография. Как живая историческая реальность «новые» римские граждане возникают при описании жизни туземных общин в Галлии и на Дунае. Точно так же обретают плоть восходящие *cursus honorum* получавших римское гражданство ветеранов вспомогательных частей, дети которых обычно служили в легионе, а внуки достигали высоких чинов и богатства. При этом для нее интересны не просто низшие слои в противоположность высшим. Дело сложнее: ей ближе все, что связано с непосредственной демократией (община и т.п.), и не вызывают интереса иерархии. Отсюда и осязаемая симпатия к связи «император – подданные», направленной против сенатской аристократии. Поэтому римское гражданство воспринимается прежде всего как общность, пусть идеальная, равных друг другу людей, нежели сложная система организации элит и их взаимодействия в деле управления империей.

*Сектор античной истории
Института всеобщей истории РАН*



Н.М. ПОСТОВСКАЯ

(1917–1997)

25 февраля с.г. на 80-м году жизни скончалась Наталья Михайловна Постовская – последняя из той когорты сотрудников «Вестника древней истории», кто возродил его издание после Великой Отечественной войны и дожил до 60-летия журнала. С начала 1946 г. на протяжении 27 лет она отдавала все свои силы и помыслы работе в «Вестнике» в качестве автора, редактора и организатора деятельности редколлегии и редакции.

Наталья Михайловна Постовская родилась 14 июня 1917 г. в Минске в семье офицера, в после-революционные годы семья переехала в Москву и среднее образование она получила в одной из школ Октябрьского района. В 1935 г. Наталья Михайловна поступила на исторический факультет Московского института философии, литературы и истории, избрав специальностью древнюю историю, в 1940 г. защитила диплом по истории древнего Египта под руководством проф. В.И. Авдиева – он же был ее научным руководителем и в аспирантуре. Но война и эвакуация МИФЛИ внесли коррективы в намеченные планы: ей пришлось на несколько месяцев оторваться от научной работы (работала библиотекарем в ГБЛ), лишь после слияния МГУ и МИФЛИ она возобновила свои занятия в аспирантуре МГУ, сдала кандидатский минимум, но подготовить диссертацию к установленному сроку не смогла и в декабре 1943 г. опять вернулась к библиотечной работе на этот раз в Государственной публичной исторической библиотеке.

Важнейшим рубежом в жизни Натальи Михайловны Постовской был переход в мае 1946 г. на работу в Институт истории АН СССР на должность младшего научного сотрудника сектора древней истории с исполнением обязанностей секретаря журнала «Вестник древней истории». Это совпало с выходом первого послевоенного номера ВДИ (подписанного к печати 7 мая 1946 г.), и, возможно, она уже принимала участие в его подготовке.

С этого времени началась ее напряженная редакционная работа в журнале и исследовательская работа над источниками по истории Древнего царства Египта. В декабре 1946 г. она завершает диссертацию «Архаические памятники как источники по истории возникновения государства в древнем Египте» и защищает ее в октябре 1947 г. Продолжая исследование этого периода истории древнего Египта, Наталья Михайловна публикует ряд статей и рецензий, но главное внимание сосредоточивает на организационной и редакторской работе в ВДИ: она ведет редактирование статей головного отдела и переводов письменных памятников древнего Востока, публиковавшихся в отделе публикаций и в приложении (юридических и налоговых документов древнего Египта, законов Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства и др.¹), пишет

¹ Помимо ВДИ, Наталья Михайловна отредактировала, подготовила к печати и издала оставшиеся неопубликованными или незаконченными работы своего безвременного (на 37-м году жизни) скончавшегося мужа О.В. Кудрявцева – «Исследования по истории Балкано-Дунайских областей» (М., 1957).

ряд передовых статей по актуальным политическим и теоретическим вопросам. Унаследовав от опытных редакторов старшего поколения (прежде всего от А.Б. Рановича) навыки и технику редактирования, Н.М. Постовская щедро тратит свои силы и время, обучая начинающих авторов квалифицированно писать статьи и рецензии, а молодых коллег-редакторов – основным принципам и приемам редактирования. Наталья Михайловна умела и любила редактировать. Вот как она характеризовала эту работу в одном из своих отчетов: «редактирование – это анализ представленного к печати материала с точки зрения достаточной аргументированности каждого вывода, точности анализа источников, акрибии в использовании многоязычных текстов, а также литературы предмета; переписка или беседы с авторами порой разрастаются до размеров научной полемики, в ходе которой автор оттачивает свою аргументацию и достигает большей прозрачности и логичности изложения»². Необходимо отметить и огромную организационную работу Н.М. Постовской: за годы работы в редакции она сумела сплотить вокруг журнала научных работников Москвы, Ленинграда и других городов, ведущих исследовательскую работу в области древней истории и особенно в области древнего Востока. Именно со страниц ВДИ (и не без помощи Натальи Михайловны!) шагнули к мировой известности многие наши востоковеды (М.Л. Гельцер, И.М. Дьяконов, Г.А. Меликишвили, А.Г. Периханян и др.).

Принимая во внимание очень важную роль Н.М. Постовской в организационной и редакторской работе, руководство журнала в 1953 г. учредило должность ответственного секретаря и ввело ее в состав редколлегии.

Редактируя статьи востоковедов в ВДИ, Наталья Михайловна следила за их публикациями и в других изданиях – это послужило для нее стимулом к написанию специальной работы историографического характера – «Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.)». Книга была опубликована в 1961 г. В личном деле Н.М. Постовской сохранились отзывы на эту работу В.В. Струве и И.М. Дьяконова. «Поставив себе целью дать исчерпывающий обзор работ советских историков, филологов и искусствоведов-исследователей Ближнего Востока, автор весьма успешно справился с этой трудной задачей... Автор удачно сочетает подробное изложение содержания всех рассматриваемых работ с обобщающими характеристиками целых периодов истории нашей науки... показывает на протяжении всей книги ту острую борьбу мнений, в результате которой рождались важнейшие теоретические выводы (В.В. Струве)». По словам И.М. Дьяконова, в монографии «учтено более тысячи книг и статей... автор освещает их идейную направленность... и в большинстве случаев показывает их место ... в мировой историографии ... Данная работа далеко превосходит по своей полноте, подробности и тщательности все существующие обзоры... Книга Н.М. Постовской несомненно явится настольным пособием не только для востоковедов, но и для широкого круга специалистов по древней истории в целом, она сыграет крупную роль в деле воспитания научной молодежи». Эта оценка оказалась совершенно справедливой, книга и в настоящее время сохраняет свое значение.

Наталья Михайловна намеревалась представить ее в качестве докторской диссертации, но, к сожалению, в начале 60-х годов работы такого характера еще не принимались к защите на степень доктора наук, что несомненно было для нее существенным ударом. Тем не менее она продолжала работу в этом направлении – и написала обзор «Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе в 1960–1965 гг.» для издания «История исторической науки».

В 1959 г. на посту ответственного секретаря ВДИ Н.М. Постовскую сменил Г.Г. Дилигенский, и теперь у нее появилось больше времени для исследовательской работы. Ее внимание привлекают социальные проблемы в истории Древнего царства Египта, с докладами на эту тему она выступала на IV Всесоюзной сессии по древнему Востоку в Ленинграде, на XXV Международном конгрессе востоковедов, написала ряд статей.

За 27 лет работы в институте, помимо огромного объема отредактированных работ, Наталья Михайловна написала и опубликовала более 40 статей и рецензий, она исследовала такие вопросы, как становление государства в древнем Египте, социально-экономическая структура семьи в Древнем царстве, религиозные и идеологические представления в египетском обществе этого времени.

Важнейшие из ее статей: Начальная стадия формирования государственного аппарата в древнем Египте (ВДИ. 1947. № 1); Египет при I династии в свете новых открытий (ВДИ. 1948. № 4); Царь «Скорпион» и его время (ВДИ. 1952. № 1); К обсуждению проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире (ВДИ. 1952. № 3); О царских кенотафах древнего Египта (ВДИ. 1957. № 3); Являются ли абидосские гробницы царей I династии кенотафами? (Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960); Familia в Египте Древнего царства (ВДИ. 1967. № 1).

² Постовская Н.М. Отчет о научной работе в 1964–1968 гг. (из личного дела Н.М. Постовской, хранящегося в отделе кадров ИВИ РАН).

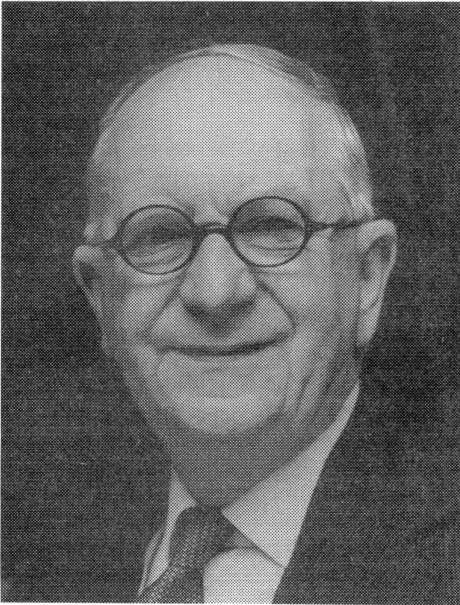
В 1973 г. Наталья Михайловна Постовская по собственному желанию, несмотря на уговоры остаться в ВДИ, ушла на пенсию, мотивируя состоянием здоровья, и позже уже ни одной работы в «Вестник» не присылала. Писала ли она что-то – не известно.

За свою многолетнюю безупречную работу в Государственной публичной исторической библиотеке, в Институте истории и Институте всеобщей истории АН СССР Наталья Михайловна была награждена медалями «За доблестный труд в Великую Отечественную войну», «В память 800-летия Москвы» и ей было присвоено звание «Ветеран труда».

Близкие друзья и бывшие коллеги Натальи Михайловны, проработавшие с ней долгие годы, сохраняют о ней светлую и благодарную память.

*Редколлегия и редакция журнала
«Вестник древней истории»
Сектор античной истории Института
всеобщей истории РАН*

(1909–1996)



Печальные вести иногда доходят с опозданием... Открыв в библиотеке прошлогодний осенний номер «The Times», узнала, что 24 сентября в Лондоне в возрасте 87 лет скоропостижно скончался сэр Иоверт Эйден Стивен Эдвардс, крупнейший египтолог и замечательный человек.

И.Э.С. Эдвардс прожил долгую и яркую жизнь, повороты которой во многом отразили историю наше-го века. Он родился в 1909 г. в Лондоне в семье Эдварда Эдвардса, известного ираниста, возглавляв-шего Отдел оттисков и рукописей Британского музея, и Эллен Эдвардс, оперной певицы. Мальчишеское увлечение археологией, пробужденное сенсационными открытиями 20-х годов Л. Вулли и Г. Картера, переросло у него в серьезный интерес к восточной филологии: в колледже он начал изучать древнееврейский и арабский языки, которые впоследствии стали основой его специализации в Кембридже. Тем не менее истинное его призвание обозначилось позже, когда в 1934 г. он начал работать в Отделе египетских и ассирийских древностей Британского музея: основной областью его научных интересов с тех пор и навсегда стала египтология.

Во время войны Эдвардс был призван в армию и служил при Министерстве иностранных дел подобно многим другим востоковедам, затем в посольствах в Каире, Багдаде и в Секретариате в Иерусалиме. Тем не менее пребывание в течение нескольких военных лет в Каире позволило ему значительно расширить свои научные познания. Результатом стала его легендарная книга «The Pyramids of Egypt»: вышедшая в 1947 г. в издательстве «Penguin», эта книга потом многократно переиздавалась (и в дорогих переплетках, и в бумажных обложках), была переведена на много языков, стала едва ли не самой читаемой книгой по древнеегипетской истории благодаря своему безусловно высокому научному уровню и живому языку.

После войны Эдвардс возвратился в Британский музей и в 1955 г. возглавил вновь созданный Отдел египетских древностей. В этой должности он состоял почти два десятилетия и несмотря на обилие его других, не менее важных и почетных должностей и званий он навсегда останется в памяти прежде всего как его Первый хранитель.

Перу Эдвардса принадлежит около восьми десятков первоклассных египтологических работ, из числа которых особенно следует отметить его замечательную работу «Oracular Amuletic Decrees of the Late New Kingdom» (1960), а также разделы I тома знаменитой «Cambridge Ancient History» (2-го изд., 1962 г.; он также был научным редактором нескольких глав I и II томов 3-го изд. 1973 г., едва ли не лучшей из существующих многотомных историй древнего мира). В течение многих лет он также входил в Комитет, ведающий изданием «Annual Egyptological Bibliography», бесценного пособия для всех египтологов.

Венцом музейной деятельности Эдвардса стала, конечно же, блистательная, ставшая событием для научной и культурной жизни страны выставка сокровищ гробницы Тутанхамона в Британском музее в 1972 г.: во многом благодаря его исключительному научному авторитету, дипломатическим способностям и личным контактам удалось получить из Египта несколько десятков ценнейших экспонатов. Средства, полученные от посещения публики, пошли на программу по спасению храмов о. Филэ под эгидой ЮНЕСКО.

Эдвардс долгие годы был вице-президентом Egyptian Exploration Society, в 1962 г. стал членом Британской Королевской Академии наук. И после выхода на пенсию долгие годы он продолжал оказывать неоценимую консультативную помощь ЮНЕСКО и Египетской службе древностей.

Эдвардс был блестящим, остроумнейшим человеком, обладавшим, казалось, беспредельными знаниями. Беседа с ним была огромным удовольствием: он знал *все* о египтологии и египтологах, будучи истинным «Нестором египтологии», как однажды его назвали.

Теперь имя И.Э.С. Эдвардса займет надлежащее место в «Who is Who in Egyptology».

Российские египтологи навсегда сохранят о нем благодарную память.

ПРИЛОЖЕНИЕ



© 1997 г.

Antonini Liberalis

METAMORPHOSES

Антонин Либерал

МЕТАМОРФОЗЫ

Перевод с древнегреческого, вступительная статья
и комментарии *В.Н. Ярхо*

Собрание «Метаморфозы» Антонина Либерала принадлежит к числу немногих дошедших до нас мифографических компендиумов времен Римской империи, когда не знать мифов (и в том числе – достаточно редких) было неприлично, а прочитать 12 книг «Энеиды» или около 27 тысяч стихов Гомера, не говоря уже об обширной мифологической продукции эллинистических поэтов не у всякого хватало времени и желания. Компендии эти могли носить систематизирующий характер, как, например, «Библиотека», приписываемая Аполлодору, или более пострадавшие от времени «Мифологические рассказы», известные под именем Гигина, но могли быть составлены избирательно, как знакомый читателям ВДИ сборник «О любовных страстях» Парфения (1992, № 1–2). Правда, Парфений подбирал мифы не для широкой публики, а для своего друга поэта Корнелия Галла, но уже по прошествии нескольких десятков лет его сборник объективно стал для читающих кругов «путеводителем» по любовным страстям, описанным ранее в литературе.

Сборник Антонина Либерала составлен под другим углом зрения – его интересуют всевозможные превращения, но читатель без труда найдет общие черты между трудами обоих составителей. Оба свода примерно одинаковы по объему: у Парфения 36 глав, у Антонина Либерала – 41, причем каждая посвящена какому-нибудь одному персонажу или событию. Источником для обоих была преимущественно эллинистическая поэзия, причем Антонин Либерал отличается большим постоянством, поскольку перед ним были уже готовые образцы: поэмы Никандра (II в. до н.э.) «Превращения» (именно так, а не «Метаморфозы») в 4-х или 5-и книгах и другого эллинистического поэта – Бея (Βοῖος) «Происхождения птиц» (вероятно, в 2-х книгах). Об этом авторе мы почти ничего не знаем, кроме того, что его использовали также Овидий и один раз – Плиний Старший в «Естественной

истории» (X. 7). Если «ремарки», сделанные почти ко всем главам «Метаморфоз» Антонина Либерала, как и к Парфению, неизвестным, но вполне добросовестным и эрудированным читателем, не содержат ошибок, то у Никандра наш автор заимствовал сюжеты 22 раза, у Бея – 10. Из остальных 12 авторов Коринна упоминается два раза, все оставшиеся – по одному, при том, что под заглавием гл. XXIII дается отсылка сразу к пяти источникам. Любопытно, что ни разу не назван Овидий, хотя имеется множество случаев совпадения сюжетов; видимо, наш схолиаст либо не был слишком начитан в римской литературе, либо избегал сравнения двух изложений, если они различаются в каких-то деталях. (Отсылки к Овидию и другим параллельным местам читатель найдет в комментариях к соответствующим главам.)

Сопоставление сборников Парфения и Антонина Либерала можно завершить сообщением, что оба они сохранились в единственной рукописи Palatinus Graecus № 398 и восходят к одному переписчику, сохранившему их вместе еще задолго до составления всего кодекса (во второй половине IX в.), включающего в себя также выдержки из античных географов (в том числе – хрестоматию по Страбону), парадоксографов и эпистолографов (в том числе – письма Гиппократов). Рукопись эта была привезена из Константинополя около 1437 г., примерно сто лет спустя (в 1531 г.) использована для первого издания Парфения, и только почти через 40 лет (в 1568 г.), уже попав в Палатинскую библиотеку в Гейдельберге, – для editio princeps Антонина Либерала. Его осуществил в Базеле Вильгельм Хольцманн, более известный под именем Ксиландра, снабдивший свое издание латинским переводом. С тех пор «Метаморфозы» издавались еще 10 раз, не считая сводов Т. Гэйла (1675 г.) и А. Вестерманна (1843 г.). На живые языки «Метаморфозы» переводились не часто: в 1837 г. вышел немецкий перевод Ф. Якобса, в 1963 г. – тоже немецкий – Л. Мадера, и в 1968 г., вместе с новым изданием оригинала, – французский перевод М. Папатомпулоса*.

К сожалению, в отличие от Парфения, сам Антонин Либерал остается для нас личностью неизвестной. Исходя из того, что родовое имя «Антонин» было достаточно широко распространено в Риме в эпоху Антонинов и Северов, и присоединяя сюда сделанные его исследователями наблюдения над языком и стилем «Метаморфоз», разумнее всего датировать его жизнь концом II в. н.э. Может быть, он был образованным вольноотпущенником императора Антонина Пия, но это лишь предположение. Поэтому целесообразно сосредоточить наше внимание не на личности автора, а на его сочинении, которое по содержанию и использованным в нем мотивам допускает достаточно четкую классификацию сюжетов.

Во-первых, это – причины превращений. Здесь на первое место выступает такая архаическая категория, как гнев богов и нимф, спровоцированный преступным поведением или гордыней смертных, посмеявших оспаривать искусство богов: I, II, III, IV, VIII, IX, X, XI, XV, XVI, XX, XXII, XXIII, XXIV, XXIX, XXXI, XXXII, XXXV, XXXVIII, XXXIX.

Особый случай, когда чудовище Тифон, угрожающее власти Зевса, заключается в своем первоначальном виде под землю, но предварительно чуть ли не все боги, спасаясь от него, принимают вид различных животных (XXVIII).

Иногда, впрочем, боги проявляют свою милость, позволяя другим богам смягчить их гнев, или останавливая попытку смертного покончить жизнь самоубийством и заменяя смерть превращением: VI, XII, XIX, XXII, XXX, XXXII, XXXVI, XXXIX, XL. Еще одна причина – особое расположение богов или нимф: XXVI (нимфы превращают в эхо Гила, чтобы спрятать его от Геракла), XXVII (Артемиду подменяет Ифигению на алтаре телкой, сама же царевна остается жива и здорова, только переносится в Тавриду, а затем на Острова Блаженных), XXXIII (также на Острова Блаженных переносит Гермес по воле Зевса после смерти Алкмену). В двух последних случаях нет, собственно, превращения

* Antoninus Liberalis. Les Métamorphoses. Texte établi, traduit et commenté par M. Papathomopoulos. P., «Les Belles Lettres». 1968. По этому изданию сделан наш перевод и использован, насколько это возможно, обстоятельнейший комментарий. На русском языке «Метаморфозы» были изданы в 1890 г. в переводе В. Алексеева, который придал стилю Антонина, по его собственному выражению, «сухому» и лишенному «изящества формы», окраску, более свойственную сказке («Увидал Гермохор и влюбился в нее... Сделал он надпись... Зарделась Ктесилла», гл. I, или: «Молод, прекрасен и отважен был Кефал», гл. XLI). Такого рода бесконечными инверсиями отличается весь перевод, не говоря уже о совершенно несвойственных Антонину фразеологизмах, вроде «души не чаяли», «стал рыть ему яму». После перевода В. Алексеева только два рассказа (№ 27 и 39) были переведены в сборнике «Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V вв.» (М., 1964).

(люди сохраняют свой облик), а есть подмена умершего. В другой раз превращение служит как бы наградой за подвиг (XXV).

Поводом для превращения может быть и собственная беспечность человека, но само превращение, конечно, не обходится без вмешательства богов (VII). На таком же бытовом уровне происходит превращение, когда обнаруживается инцест и его участники сами просят Зевса о своем исчезновении из мира людей (V, XXXIV). Также по воле матери, боящейся своего мужа, Лето изменяет пол ее дочери (XVII), а Аполлон превращает в птицу сына погорячившегося Евмела (XVIII). Дорийцы превратились в птиц вовсе без вины с их стороны, а став жертвой нападения врагов (XXXVII). Аналогичный случай – спасение Муниха и его детей от разбойников (XIV).

Наконец, в гл. XLI превращение лисы и пса в камни объясняется столкновением двух, заранее заданных условий: от пса никто не может скрыться, а лису никому не дано догнать.

В отношении «техники» превращения несколько раз сообщается, что бог прикасается к объекту метаморфозы рукой или жезлом (II. 6; IV. 7; VI. 3; X, 4; XXIII. 6; в XXIV. 3 Деметра выливает на оскорбившего ее Аскалаба остатки кикеона). В остальных случаях превращение происходит само собой.

Теперь мы можем перейти ко *второму* разряду классификации: *во что* превращаются люди, подвергшиеся этой процедуре? Чаще всего – в птиц, что не удивительно, поскольку одним из главных источников Антонина Либерала был Бей с его «Происхождением птиц». Итак: I (здесь голубка появляется после исчезновения Ктесиллы), II, III, V, VI, VII, IX, X, XI, XII) появление лебедей после того, как Кикин и его мать утопились в озере), XIV, XV, XVI, XVIII, XIX, XX, XXI, XXXVII (здесь любопытно противопоставление: тела убитых дорийцев исчезли, а души превратились в птиц). Сюда же можно присоединить превращение Керамба в жука (XXII), т.е. в существо, тоже способное летать.

Второе по частоте превращение – в скалы или камни: IV, XXIII, XXXIII (собственно, замена камнем умершей Алкмены), XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XLI.

Затем – по убывающей частоте – следует превращение в животных (XXIV, XXVIII, XXIX, XXXV), в растения (XXXI, XXXII, XXXIV), в звезды (XXV, XXXVI – Амалфея), в эхо (XXXVI). Особо следует выделить превращение смертных в бессмертных (XXVII, XXX, XXXII, XXXIII), исчезновение (VIII – на месте, где Ламия получила рану, забил источник, XIII, XL – вместо исчезнувших Аспалиды и Бритомартис появляются статуи) и перемену пола (XVII – в пределах главы приводятся еще 4 примера того же рода).

Что касается логики превращения, т.е. соответствия превращенного человека своему новому образу, то она соблюдается не часто. Так, Перифант превратился в орла, птицу Зевса, ибо при жизни был справедлив и благочестив, и люди чтли его, как Зевса (VI). Гипериппа превратилась в гагару, так как, спасаясь от огня, бросилась в воду (XIV); сыновья Полифонты, свирепые Агрый и Орей, закономерно стали стервятником и лагом (см. прим. 113), но служанка, не виновная в их злодеяниях, по собственной просьбе превратилась в безобидного зеленого дятла (XXI). Метморфозы богов, спасающихся от Тифона и принимающих облик различных зверей и птиц (XXVIII), можно отчасти объяснить, находясь на почве Греции (например, отождествление Аполлона с коршуном, Диониса – с козлом), отчасти, как это делают современные исследователи, – их синкретизмом с египетскими богами и их тотемами. Сознал ли сам Антонин Либерал это сходство, сказать трудно. Во всяком случае, этими примерами логическая связь превращаемого с его новым видом, по-видимому, исчерпывается.

Гораздо чаще составитель исходит из существующих названий птиц, животных или деревьев. Коршун по-гречески *léraξ* – стало быть, в него и превратился Гиерак (III); *ἀσκάλαρος* – «пятнистая ящерица», ею и стал человек по имени Аскалаб (XXIV); девушка Смирна стала деревом, с которого каплет мирра (XXXIV). Ср. также гл. VII, IX, XI, XV, XVIII, XIX, XX. Не отказывает себе Антонин Либерал и в наивных этимологических «объяснениях», сближая сходно звучащие слова, – см. прим. 37, 39, 40, 107, 193, 219.

В-третьих, общим для целого ряда рассказов является основание в честь превращенных новых святилищ или учреждений культов с жертвоприношениями: I. 6; IV. 7; XIII. 7; XVII. 6; XXV. 5; XXVI. 5; XXIX. 4; XXXII. 5; XL. 2, 4. С подобными заключениями можно сблизить то, что греки называли *αἴτιον*, т.е. объяснение причины какого-нибудь обряда или повадок определенных животных и птиц. К тому же, что уже сказано об установлении культов, можно добавить гл. XIII. 7 (почему в память об Аспалиде вешают козочку, не знавшую случки); XVII. 6; XXVI. 5; XXXII. 5: (почему женщинам нельзя присутствовать на состязаниях в честь Дриопы). Но есть объяснение и других явлений: почему цапля избегает

встречи с лошадьми (VII. 8), а коршун стал хищной птицей (III. 4); почему птица поинга предпочитает выедать глаза у птиц, рыб и змей (V. 5), а летучая мышь, сова и филин избегают дневного света (X. 4); почему птицы улетают, когда к «Диомедову острову» приближается корабль с иллирийцами (XXXVII. 6) и до сих пор идет война журавлей с пигмеями (XVI. 3). Откуда пошло название города Сибариса (VIII. 7), страны Ликии (XXXV. 3) и источника в Карии – «Слеза Библиды» (XXX. 4)?

В заключение – два слова о стиле Антонина Либерала. Красотами он не блещет, не избегает тавтологий и своего рода формул (например, кто-нибудь превратился в камень «там, где стоял»: IV. 7; XXVI. 3), легко соединяет настоящее время с прошедшим. Эту последнюю особенность мы старались передать в переводе, а там, где язык Антонина Либерала чересчур экономен, добавляли необходимые по смыслу русские слова, заключая их в ломаные скобки.

* * *

Перечень превращений**

- I. Ктесилла (превращается) в голубку после смерти.
- II. Сестры Мелеагра – в (птиц) Мелеагрид.
- III. Гиерак – в коршуна.
- IV. Крагалей – в скалу.
- V. Эгипий и Неофрон – в стервятников, Булида – в поингу, Тимандра – в синицу.
- VI. Перифант – в орла, его жена – в морского орла.
- VII. Анф, Эродий, Схеней, Аканф, Аканфида – в одноименных птиц, Автоной – в выпь, Гипподамия – в хохлатого жаворонка, слуга Анфа – в другую цаплю.
- VIII. Ламия или Сибарида – в одноименный источник Себариду.
- IX. Дочери Пиера – в одноименных птиц эмафид; названия же их такие: чомга, вертишейка, кенхрида, сорока, зеленушка, щегол, утка, зеленый дятел, драконтида.
- X. Левкиппа, Арсиппа, Алкафоя, дочери Миния, – в летучую мышь, сову, филина.
- XI. Пандарей – в морского орла, Аэдон и Хелидонида – в одноименных птиц, мать Аэдон – в галкиону, брат Аэдон – в удода, ее муж Политехн – в зеленого дятла.
- XII. Кикин, сын Аполлона, и Фурия, его мать, – в лебедей.
- XIII. Аспалида – в статую после смерти.
- XIV. Муних – в сарыча; Леланта, его жена – в зеленого дятла, из их детей Алкандр – в королька, Мегалетор – в ихневмона, Филей – в пса, Гипериппа – в гагару.
- XV. Меропида – в сову, Бисса – в одноименную птичку, Агрон – в ржанку, Евмел – в ночного ворона.
- XVI. Эноя – в журавля.
- XVII. Левкипп – из женщины в мужчину.
- XVIII. Аэроп – в одноименную птицу.
- XIX. Лаий, Келей, Кербер, Эголий – в одноименных птиц.
- XX. Клинис – в подорлика, Ликий – в ворона, Артемиха – в пифингу, Ортигий – в синицу, Гарпа и Гарпас – в одноименных птиц.
- XXI. Полифонта – в филина, Орей – в лага, Агрый – в стервятника, их служанка – в зеленого дятла.
- XXII. Керамб – в керамбака.
- XXIII. Батт – в скалу.
- XXIV. Аскалаб – в одноименное животное.
- XXV. Метиоха и Мениппа – в звезды-кометы.

** Собранию рассказов Антонина Либерала предшествуют два никак не озаглавленных перечня глав с обозначением превращений. Первый перечень содержит только очень краткое описание результатов изложения в избранных главах из числа первых 24-х. Например, I. Голубка. V. Стервятник (названия двух других птиц опущены). X. Летучая мышь (названия двух птиц опущены); в гл. IX и XX перечислены соответственно все 9 и 6 птиц. Второй перечень охватывает все главы и указывает в виде краткого резюме кто в кого (или во что) превратился. Только этот второй перечень переведен здесь без комментариев, которые приурочены к каждой из глав.

XXVI. Гил – в эхо.

XXVII. Ифигения – в божество, именуемое Орсилохой.

XXVIII. Тифон – в раскаленное железо, Аполлон – в коршуна, Гермес – в ибиса, Арес – в рыбу лепидота, Артемида – в кошку, Дионис – в козла, Геракл – в олененка, Гефест – в быка, Лето – в землеройку.

XXIX. Галинфиада – в ласку.

XXX. Библида – в одноименную нимфу гамадриаду.

XXXI. Мессапские юноши – в деревья.

XXXII. Дриопа – в тополь.

XXXIII. Алкмена – в камень после смерти.

XXXIV. Смирна – в одноименное дерево.

XXXV. Пастухи – в лягушек.

XXXVI. Пандарей – в скалу.

XXXVII. Дорийцы, прибывшие с Диомедом, – в птиц после смерти.

XXXVIII. Волк – в скалу.

XXXIX. Арсиноя – в камень.

XL. Бритомартис – в статую Афей.

XLI. Лиса и пес – в камни.

АНТОНИН ЛИБЕРАЛ

Метаморфозы

І. К т е с и л л а¹

[Рассказывает Никандр в книге III «Превращений»]

(1) Ктесилла, дочь Алкидаманта, происходила с Кеоса из рода Иулидов². Увидев ее, когда она во время Пифийского праздника танцевала вокруг алтаря Аполлона в Карфее, афинянин Гермохар влюбился в нее и подбросил ей в храме Артемиды яблоко с надписью. Она его подняла и прочитала надпись вслух. (2) Начертана же была клятва именем Артемиды, что девушка выйдет замуж за афинянина Гермохара. И тогда Ктесилла, устыдившись, отбросила яблоко и тяжело восприняла случившееся [подобно тому как Аконтий обманул Кидиппу]. (3) Когда Гермохар попросил руки Ктесиллы, ее отец согласился на брак и поклялся Аполлоном, прикоснувшись к лавру³. Когда же прошло время Пифийского празднества, Алкидамант позабыл о данной им клятве и собрался выдать дочь замуж за другого. (4) Между тем девушка совершала жертвоприношения в храме Артемиды, и Гермохар, тяжело переживая, что его обманули в отношении брака, вбежал в храм. Увидев юношу, девушка по воле богини влюбилась в него, и, сговорившись с ним при посредстве кормилицы, втайне от отца отплыла ночью в Афины и вступила в брак с Гермохаром. (5) Во время тяжелых родов Ктесилла по воле бога⁴ скончалась – за то, что ее отец нарушил клятву. И когда ее тело понесли для погребения, с ложа вспорхнула голубка, а тело Ктесиллы исчезло из виду. (6) Гермохару, обратившемуся за прорицанием к богу, тот велел основать святилище⁵ в Иулиде, посвященное Ктесилле; такое же самое прорицание он дал кеосцам. Они приносят жертвы и до сих пор; жители Иулиды называют Ктесиллу Афродитой, а остальные кеосцы – Дальновержицей.

¹ История Ктесиллы и Гермохара весьма напоминает рассказ Каллимаха об Аконтии и Кидиппе (см. Callimachus. Aetia, Iambi, Lyric poems [etc.]. Text... by С.А. Tripanis. L.-Cambr. Mass., 1958. P. 54–61; полный русский перевод дошедшего отрывка публикуется в кн.: Эллинистские поэты VII–III вв. до н.э. (М.: Ладомир, 1997) с той разницей, что история Кидиппы завершается благополучно. Принадлежит ли взятое в квадратных скобки в конце § 2 сравнение с обманом Аконтия Никандру, Антонину Либералу или позднему читателю, остается спорным.

² Иулида, как и ниже Карфея, – города на острове Кеос.

³ Прикоснувшись к лавру, т.е. придавая своей клятве наибольшую силу.

⁴ По воле богов – наказание за нарушение клятвы вполне могло переходить с виновного на его потомство.

⁵ Основать святилище – о рассказе с заключительной *ἀίτιον* см. вступительную заметку. Сходство с главой XIII подчеркивается общностью культового эпитета Ктесиллы и Аспалиды – *Εκαέρου* («Дальновержица»), т.е. обе являются местной ипостасью Артемиды.

II. Мелеагриды⁶

[Рассказывает Никандр в книге III «Превращений»]

(1) Ойней, сын Порфея и внук Ареса⁷, царствовал в Калидоне, и от Алфеи, дочери Фестия, родились у него сыновья Мелеагр, Ферей, Агелей, Токсей, Климен, Перифант и дочери Горга, Евримеда, Деянира и Меланиппа. (2) Когда Ойней однажды приносил в жертву первинки от имени всей страны, он забыл Артемиду⁸, и она в гневе наслала дикого кабана, который разорял землю и многих убил. Тогда Мелеагр и сыновья Фестия собрали доблестных героев со (всей) Эллады на войну против кабана. Те пришли и убили его. (3) Мелеагр, производя раздел его мяса героям, взял себе голову и шкуру как почетную добычу. Но Артемиды разгневалась еще больше за то, что они убили ее священного кабана и возбудила среди них раздор. А именно, сыновья Фестия и остальные куреты требуют шкуру кабана, говоря, что им принадлежит половина добычи. (4) Мелеагр же отбирает шкуру силой и убивает сыновей Фестия. По этой причине разгорелась война между куретами и калидонцами, но Мелеагр не выходил на бой⁹, порицая мать за то, что она прокляла его за смерть ее братьев. (5) Когда же куреты были близки к тому, чтобы захватить город, Клеопатра, жена Мелеагра, убедила его помочь калидонцам; восстав против войска куретов, он сам умирает, так как мать сожгла головню¹⁰, врученную ей Мойрами. Ведь они выпряли ему такую долю, что он будет жить до той поры, пока остается в целости головня. (6) В сражении погибли и другие сыновья Ойнея, а среди калидонцев возникла величайшая печаль по Мелеагру. Сестры непрерывно плакали над его могилой, пока Артемиды, прикоснувшись к ним жезлом, не превратила их в птиц и не поселила на острове Леросе, назвав их Мелеагридами. (7) Говорят, что они до сих пор весной и летом носят траур по Мелеагру. Две же из дочерей Алфеи – Горга и Деянира¹¹, как говорят, не превратились в птиц по милости Диониса, которому Артемиды оказала такое расположение.

III. Гиерак¹²

[Рассказывает Бей в «Происхождении птиц»]

(1) Гиерак происходил из земли мариандинов¹³ и был человеком справедливым и знаменитым. Он учредил множество святилищ Деметры и получал от нее обильные плоды. (2) Когда же тевкры¹⁴ в назначенное время не принесли жертв Посидону, но по недосмотру их пропустили, Посидон, разгневавшись, погубил плоды их земли и наслал на них из моря страшное чудовище¹⁵. (3) Не будучи в силах противостоять чудовищу и выносить голод, тевкры отправили послов к Гиераку и просили отвратить от них голод, и он послал им (ячмень), пшеницу и другое пропитание. (4) А Посидон, разгневавшись, что Гиерак лишил

⁶ Источником большей части главы II являются скорее более ранние мифографы (ср. *Аполлодор*. I. VII. 10 – VIII. 3), чем Никандр, которого предыстория превращения Мелеагриды в птиц едва ли интересовала как слишком известная. Об участии Мелеагра ср. *Вакхилид*. V. 93–154; *Диодор Сицил*. IV. 34; *Овидий*. *Метаморфозы*. VIII. 270–525; недошедшие трагедии Софокла и Еврипида (фр. 515–539).

⁷ У Аполлодора отцом Ойнея назван Порфаон, дедом – Агенор.

⁸ *Заблыв Артемиду* – ср. историю Адмета у Еврипида в «Алkestиде» (Аполлодор. I. IX. 15).

⁹ *Мелеагр не выходил на бой* – ср. *Гомер*. Илиада. IX. 529–599.

¹⁰ *Мать сожгла головню* – широко распространенный вариант. См., кроме источников, упомянутых в прим. 6, также: *Эсхил*. Хозфоры. 609–612; *Овидий*. *Метаморфозы*. VIII. 445–525; *Павсаний*. X. 31. 4; *Гигин*. CLXXI; CLXXIV.

¹¹ *Деянира* – по некоторым источникам, дочь Алфеи от Диониса (*Аполлодор*. I. VIII. 2; *Гигин*. CXXIX). Отсюда – его заступничество за нее.

¹² История *Гиерака* известна только из «Метаморфоз» Антонина Либерала.

¹³ *Мариандины* жили в Вифинии, на северо-востоке Малой Азии.

¹⁴ *Тевкры* – троянцы, потомки троянского героя Тевкра, сына речного бога Скамандра и нимфы Идеи. см. *Аполлодор*. III. XII, 1.

¹⁵ *Наслал страшное чудовище*. – Рассказ напоминает историю о том, как Аполлон и Посидон, построившие для Лаомедонта стены вокруг Трои и не получившие обещанной награды, наслали на Трои морское чудовище, в жертву которому была обречена Гесиона. Ср. *Гомер*. Илиада. VII. 452 сл.; XXI. 441–457; *Овидий*. *Метаморфозы*. XI. 199–220; *Аполлодор*. II. V. 9; *Гигин*. LXXXIX.

его божественных почестей, превратил его в птицу, которая еще и теперь называется гиерак (ястреб). Заставив его исчезнуть (из числа людей), он изменил и его нрав: бог сделал так, что тот, кого люди (ранее) возлюбили, того (теперь) птицы возненавидели, и тот, который помешал многим людям умереть, (теперь) убивает множество птиц.

IV. Крагалея¹⁶

[Рассказывает Никандр в книге I «Превращений» и Афанадас¹⁷
в «Амбракийской истории»]

(1) Крагалея, сын Дриопа, жил в земле Дриопиде у «Геракловых вод»¹⁸, которые, как рассказывают, Геракл заставил течь, ударив палицей по поверхности горы. (2) Этот Крагалея был уже старым и считался у местных жителей справедливым и рассудительным. Когда он пас коров, к нему явились Аполлон, Артемида и Геракл, чтобы он рассудил их¹⁹ в споре за Амбракию, находящуюся в Эпире. (3) Аполлон говорил, что именно ему принадлежит этот город, так как его сыном был Меланей²⁰, воцарившийся над дриопами, взявший войной весь Эпир и родивший детей Еврита и Амбракию, по имени которой город зовется Амбракией. И сам он оказал этому городу огромные услуги. (4) А именно Сисифиды²¹, пришедшие по его приказу, помогли амбракиотам выиграть войну, разгоревшуюся с эпиротами, а Горг²², брат Кипсела, подчиняясь его прорицаниям, вывел в Амбракию переселенцев²³ из Коринфа; (также) согласно его пророчеству, амбракиоты восстали против Фалека, тиранически правившего городом, и как раз в это время Фалек погубил многих из своего окружения; вообще же это он (Аполлон) прекратил в городе частые гражданские войны, вражду и мятежи, а вместо них установил благозаконие, порядок и справедливость, почему еще и теперь у амбракиотов во время праздников и на пирах прославляют Пифийца-Спасителя. (5) В свою очередь, Артемида была готова отказать от вражды с Аполлоном, хотя считала справедливым с его согласия владеть Амбракией. Она выставляла следующую причину, чтобы владеть этим городом. Когда Фалек был в нем тираном и никто не смел от страха убить его, она на охоте показала Фалеку львенка; когда тот взял его в руки, из леса выскочила львица, набросилась на Фалека и растерзала ему грудь; амбракиоты же, избавившись от рабства, стали почитать Артемиду как свою Предводительницу²⁴ и, воздвигнув ей статую в виде Охотницы, поставили рядом с ней медную фигуру зверя. (6) Со своей стороны, Геракл заявлял, что Амбракия и весь Эпир – его собственность, так как им были побеждены кельты, хаоны и феспроты²⁵ и вообще все эпироты, которые, собравшись все вместе, пошли на него войной, замыслив отобрать у него коров Герiona²⁶. Со временем же из Коринфа пришел в качестве переселенцев и

¹⁶ Упоминаемый только здесь *Крагалея* – эпоним крагалидов, проживавших в южной части Фокиды.

¹⁷ *Афанадас* – автор, более не известный.

¹⁸ «*Геракловы воды*» – источник в Фермопилах.

¹⁹ ...чтобы он рассудил их. – Суд смертного над богами, в котором он неизбежно оказывается пострадавшей стороной, – фольклорный мотив. Ср. суд Париса, так же пасшего свои стада, как Крагалея.

²⁰ *Меланей*. – Ср. *Павсаний*. IV. II. 2. *Дриопы*, которых первоначально локализовали в предгорьях Парнаса, были вытеснены оттуда дорийцами и, как видно из настоящего изложения, расселились группами по разным областям Греции.

²¹ *Сисифиды* – поэтическое наименование коринфян, чей город, по преданию, был основан Сисифом. *Гомер*. Илиада. VI. 152 сл.; ср. *Аполлодор*. I. IX. 3; *Павсаний*. II. I. 1.

²² *Горг*, по другим источникам – один из четырех сыновей *Кипсела*.

²³ ...вывел ...переселенцев. – Покровительство при основании колоний и часто пророческое приказание на этот счет – один из постоянных функций Аполлона.

²⁴ *Предводительница* (ἡγεμένη) – культовый эпитет Артемиды. Ее храм в Амбракии упоминает *Полиен*. Военные хитрости. VII. 52 (ок. 230 г. н.э.).

²⁵ Победа Геракла вместе с калидонцами над феспротами упоминается Аполлодором (II. VII. 6).

²⁶ *Герiona* с его стадами локализируют обычно на крайнем западе Европы; однако Гекатей помешал его владение Эрифью в области Амбракии. Впрочем, место можно понять так, что эпироты пытались напасть на Геракла, когда он гнал коров Герiona с запада в Микены.

остальной люд и, вытеснив ранее прибывших, основал Амбракию. (7) Коринфяне же все происходят от Геракла²⁷. Выслушав это, Крагалея признал, что город принадлежит Гераклу. Тогда Аполлон в гневе прикоснулся к нему рукой и превратил Крагалея в камень там, где он стоял. Что касается амбракиотов, то они приносят жертвы Аполлону–Спасителю, но город считают собственностью Геракла и его детей, а Крагалею после праздника Геракла до сих пор приносят погребальные жертвы.

V. Эгипий²⁸

[Рассказывает Бей в книге I «Происхождения птиц»]

(1) У Анфея, сына Номиона, родился сын Эгипий. Жил он у самой границы Фессалии, и боги возлюбили его за благочестие, а люди – за благородство и справедливость. (2) Увидев Тимандеру, Эгипий в нее влюбился; узнав же, что она вдова и соблазнив ее дарами, стал приходить к ней в дом и совокупляться с ней. Сын Тимандры Неофрон (а он был ровесником Эгипию) тяжело это переживал и замыслил против него хитрость. (3) Дав большие дары²⁹ и убедив Булиду, мать Эгипия, он ввел ее в свой дом и стал спать с нею. Узнав же заранее время, когда Эгипий обычно являлся к Тимандре, Неофрон под каким-то предлогом удалил из дома свою мать, а вместо нее привел в дом мать Эгипия, чтобы-де вернуться к ней, и (таким образом) обманул обоих. (4) А Эгипий, не подозревая ничего из того, что подстроил против него Неофрон, совокупился с собственной матерью, считая ее Тимандрой. Когда же им овладел сон, Булида узнала собственного сына и, схватив меч, хотела лишить его зрения, себя же убить. Однако по воле Аполлона Эгипий пробудился и узнав, что за преступление подстроил ему Неофрон, возрев на небо, взмолился³⁰, чтобы все (участники этого нечестия) исчезли вместе с ним. (5) Зевс превратил их в птиц, и Эгипий вместе с Неофроном стали стервятниками; называют их одинаково, но они различаются по цвету оперения и величине: Неофрон стал меньшим. Булида же превратилась в поингу³¹, и Зевс не дал ей в пищу чего-либо растущего на земле, но (предоставил выедать) глаза у рыб, или птиц, или змей, за то что она хотела лишить зрения своего сына Эгипия. Тимандру он превратил в синицу; и до сих пор эти птицы никогда не появляются вместе.

VI. Перифант³²

(1) Перифант был в Аттике автохтоном еще до того, как появился сын земли Кекроп³³. Он царствовал над древними людьми, был справедливым, богатым и благочестивым, соорудил многочисленные святилища Аполлону, разбирал многочисленные тяжбы, и ни один человек его не бранил, (2) но он предводительствовал всеми по их доброй воле, и за его превосходство во (всех) делах люди перенесли (на него) почести, положенные Зевсу, и почитали, что они принадлежат Перифанту, построили его святилища и храмы и прозвали его Зевсом-Спасителем, Всевидящим и Милостивым. (3) И Зевс в негодовании хотел весь его дом испепелить молнией, но Аполлон упростил не губить совсем Перифанта, так как тот очень усердно его почитал. Зевс уступил в этом Аполлону и, явившись в дом Перифанта и застав его с женой, схватил их и превратил Перифанта в орла. Когда же его жена стала просить, чтобы Зевс и ее превратил в птицу, родственную Перифанту, он обратил ее в орлана. (4) И он дарует Перифанту почести взамен его благочестия в отношении людей,

²⁷ *Коринфяне... происходят от Геракла.* – Этот довод, явно противоречащий аргументам Аполлона (см. прим. 21), можно объяснить так, что многие знатные роды в Пелопоннесе возводили свое происхождение к Гераклу.

²⁸ Антонин Либерал – единственный, кто передает этот миф. К сюжетной ситуации ср. *Парфений*. XVII.

²⁹ *Дав большие дары.* – Ср. ниже XLI. 2–3; *Парфений*. XXV.

³⁰ *...Возрев на небо, взмолился...* Ср. VI. 3; XXI. 7; XXXIV. 5.

³¹ *Поинга* – не идентифицированная птица. Аристотель в «Истории животных» (IX. 18. 617a8), называет некую фoinгу «наиболее пожирающей глаза» (μάλιτα... ὀφθαλμοβόρος) из всех птиц.

³² Эта глава – одна из трех, к заглавию которых нет никаких комментариев. Поскольку речь в ней идет о превращении в птиц, то источником мог быть скорее всего Бей либо все тот же Никандр.

³³ *Кекроп* – первый аттический царь – Ср. *Аполлодор*. III. XIV. 1.

ибо он делает его царем над всеми птицами и дает ему сторожить (свой) священный скипетр³⁴ и восседать рядом с его тронном. Жене же Перифанта, которую Зевс превратил в орлана, предоставляет являться людям в качестве доброй приметы во всех их делах.

VII. Анф

[Рассказывает Бей в книге I «Происхождения птиц»]

(1) У Автоноя, сына Меланея, и Гипподамии³⁵, родились сыновья Эродий, Анф, Схеней, Аканф и дочь Акинфида³⁶, которой боги даровали прекрасную внешность. (2) Были же у Автоноя многочисленные табуны лошадей, и пасли их Гипподамия, его жена, и их сыновья. (3) Так как Автоною его обширнейшие владения не приносили никаких плодов из-за пренебрежения (сельскими) трудами, а родила ему земля камыш (схен) и чертополох (аканф), то по ним он и назвал детей Аканфом, Схенеем и Аканфидой, а старшего – Эродием, ибо земля его...³⁷. (4) Этот Эродий особенно возлюбил конские табуны и кормил их на лугу. Когда же Анф выгнал лошадей с луга, они, вынужденные искать пищу, понеслись и, напав на Анфа, стали пожирать его³⁸, громко зывавшего к богам о защите. (5) Отец, пораженный страхом, промедлил отогнать лошадей, как и слуга сына, мать же пыталась бороться с лошадьми, но по своей телесной слабости не смогла ничего сделать, чтобы отвлечь гибель (сына). (6) И так они оплакивали умершего сына, что Зевс и Аполлон, сжалившись, превратили их всех в птиц: Автоноя – в выпь, так как он, будучи отцом Анфа, промедлил отогнать кобылиц, мать – в хохлатого жаворонка, так как она выпрямилась³⁹, сражаясь с лошадьми за сына. (7) Самого же Анфа, и Эродия, и Схеней, и Аканфа, и Аканфиду, ставших птицами, велели называть тем же именем, каким (их называли) и раньше, до превращения; слугу Анфа они сделали цаплей, так же, как брата юноши, но не вполне похожей, ибо это – белая цапля⁴⁰, размером значительно меньше черной и никогда не соединяется с анфом, подобно тому, как анф избегает лошади, так как от лошадей он претерпел величайшие бедствия. (8) И еще теперь, когда анф слышит ржание коня, он убегает, подражая вместе с тем его голосу⁴¹.

VIII. Ламия, или Сибарида

[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) У подножия Парнаса, вблизи Крисы, в направлении на юг лежит гора под названием Корфида, и в ней и до сих пор находится громадная пещера, в которой жило чудовище огромной величины, которое одни называли Ламией, а другие – Сибаридой. (2) Это

³⁴ ...сторожить священный скипетр... – Ср. Пиндар. Пиф. I. 9.

³⁵ Аканфида – рукописное чтение; в «Оглавлении» (см. выше) – Аканфиллида, исправленная нами ради единообразия.

³⁶ Гипподамия – «укрощающая лошадей». Имя ее находится в прямом противоречии с отпущенными ей возможностями (см. § 5).

³⁷ Место испорченное. Любое предложение по его восстановлению должно исходить из спекулятивного сближения имени Ἐρῳδίδης со сказуемым τρώσσει, однако ни одно известное значение глагола не объясняет предложенных конъектур.

³⁸ ...Стали пожирать его... – ср. участие лошадей-людоедов в мифе о фракийском царе Диомеде, убитом Гераклом (Диодор Сицил., IV. 15.3; Филострат. Картины. II. 25; Аполлодор. II. V. 8; Гигин. XXX; Квинт Смирнский. VI. 245–248). Ср. также поведение обезумевших ослов у Антонина Либерала (XX. 5).

³⁹ Своим превращением в выпь и хохлатого жаворонка отец и мать Анфа обязаны исключительно излюбленному древними греками этимологическому сближению сходно звучащих слов: ἄκνος – «выпь», ἄκνέω – «медлить»; κορίδιος – «хохлатый жаворонок»; ἐκορίσσοτο – «выпрямилась». В действительности между сходно звучащими словами нет ничего общего.

⁴⁰ Здесь имя Ἐρῳδίδης ассоциируется с названием белой цапли (λευκέρωδιος).

⁴¹ Анф, как видно, тоже род цапли, умеющей подражать конскому ржанию и этим пугающей лошадей; в свою очередь, лошади при виде Анфа норовят его убить. См. Аристотель. История животных. IX. 609 b14; Элиан. О природе животных. VI. 19; Плиний. Естеств. история. X. 42, 116.

чудовище каждый день совершало вылазки и похищало с полей людей⁴² и домашний скот. И уже дельфийцы собирались запросить оракул о выселении и получить пророчество, в какую землю им следует направиться, как бог указал им на способ избавиться от несчастья: если они желают остаться (на своем месте), пусть они выставят у входа в пещеру юношу из числа граждан. (3) И они собрались сделать так, как сказал бог. Жребий вынул Алкионей, сын Диома и Меганеры, единственный у своего отца, отличавшийся как красивой внешностью, так и (прекрасным) душевным складом. (4) И вот жрецы, увенчав Алкионей⁴³, отвели его к пещере Сибариды; (в это время) Еврибат, сын Евфема из рода Аксия, молодой и знатный человек, выйдя по воле бога из земли куретов⁴⁴, случайно повстречал ведомого (на погибель) юношу. (5) Сраженный страстью и спросив (дельфийцев), по какой причине они шествуют, он счел, что будет чудовищным, если он не отобьет юношу силой, а позволит ему погибнуть жалкой смертью. (6) Итак, сорвав с Алкионей венки и возложив их себе на голову, велел вести себя вместо юноши. Но когда жрецы отвели его в пещеру, он вбежал туда, схватил Сибариду с ее ложа, вынес наружу и сбросил со скалы. (7) Когда он нес Сибариду, она ударила головой о выступ Крысы, получила рану и сделалась невидимой, а из этой скалы забил источник, который местные жители называют Сибаридой. По его имени локрийцы назвали город, основанный ими в Италии, Сибарисом⁴⁵.

IX. Эмафиды⁴⁶

[Рассказывает Никандр в книге IV «Превращений»]

(1) Зевс, совокупившись в Пиерии с Мнемосиной, породил Муз. В это время в Эмафии царствовал автохтон Пиер, и было у него девять дочерей. Они составили хор для соревнования с Музами, и на Геликоне произошло состязание⁴⁷ в мусическом искусстве. (2) И вот, когда пели дочери Пиера, все вокруг погружалось во мрак и никто не слушал их хора, а при пении Муз замирало небо, и звезды, и море, и реки, а Геликон, услаждаемый (их пением), стал от радости расти до неба, пока это не прекратил по воле Посидона Пегас, ударив копытом в его вершину⁴⁸. (3) За то, что (Эмафиды), будучи смертными, вступили в спор с богинями, Музы изменили их внешность и превратили в девять птиц⁴⁹. И еще теперь смертные называют их чомгой, вертишейкой, кенхридой⁵⁰, зеленушкой, щеглом, уткой, зеленым дятлом и драконтидой.

⁴² ...похищало с полей людей. – Ср. ниже XLI. 8; *Павсаний*. IX. XXVI. 7–8.

⁴³ Жрецы, увенчав Алкионей... – как искупительную жертву.

⁴⁴ ...земля куретов обычно отождествлялась с Этолией или Акарнией. См. выше II. 3.

⁴⁵ Сибарис был основан не локрийцами, а ахейцами. Здесь опять «этимологическое» сближение, чему соответствовало и существование вблизи Сибариса города Ламии, названного так по имени ливийской царицы, которую Зевс перенес в Италию (схолии к «Миру» Аристофана, ст. 758).

⁴⁶ Рассказы об Эмафидах и об Аскалабе (XXIV), заимствованные Антонином Либералом из кн. IV «Превращений» Никандра, нашли отражение также в кн. V «Метаморфоз» Овидия (ст. 294–314, 533–550).

⁴⁷ ...состязание смертных с богами в искусстве – распространенный мотив в эллинистическое время. Ср., например, ниже XXXI. 3–5 (состязание мессапиев с нимфами); *Овидий*. Метаморфозы. VI. 1–145 (Арахна и Афина); *Павсаний*. II. XXII. 9; *Аполлодор*. I. IV. 2; *Гигин*. CLXV (Марсий и Аполлон); *Гомер*. Илиада. II. 594–600; *Аполлодор*. I. III. 3 (Фамирид и Музы).

⁴⁸ От этого удара копытом Пегаса вырвался из поверхности Геликона источник Гиппокрена. См. *Гесиод*. Теогония. 6; *Каллимах*. Купание Паллады. 71; *Овидий*. Метаморфозы. V. 256–263; *Страбон*. VIII. VI. 21; *Павсаний*. IX. XXXI. 3.

⁴⁹ У Овидия (Метаморфозы. V. 294–314) все девять Эмафид превращаются в сорок.

⁵⁰ Кенхрида – птица, не идентифицированная, как и названная последней драконтида.

[Рассказывает Никандр в книге IV «Превращений» и Коринна⁵²]

(1) У Миния, сына Орхомена, были дочери Левкиппа, Арсиппа и Алкафея, и оказались они неумеренно трудолюбивыми. Они очень сильно порицали других женщин за то, что те, покинув город, предаются в горах вакхическим неистовствам, пока Дионис, приняв вид девушки, не посоветовал им не пропускать празднеств или мистерий бога. (2) Но они не захотели обратить на это внимания. Поэтому разгневанный Дионис вместо девушки стал оборачиваться то быком, то львом, то пантерой⁵³, а по станинам ткацкого станка во славу его потекли нектар и молоко⁵⁴. (3) При виде этих знамений девушек охватил страх. И тотчас, побросав жребий в сосуд, все трое стали их тянуть. Когда выпал жребий Левкиппы, она громко пообещала принести богу жертву и вместе с сестрами растерзала своего сына Гиппаса. (4) Покинув отцовский дом, они стали предаваться в горах вакхическим неистовствам, обедавая плющ, вьюнок и лавр, пока Гермес, прикоснувшись к ним железом, не превратил их в птиц. Одна из них стала летучей мышью, другая – совой, третья – филином, и все трое стали избегать солнечного света.

XI. Аэдон⁵⁵

[Рассказывает Бей в «Происхождении птиц»]

(1) Пандарей жил в Эфесской земле, где сейчас у города находится выступающая скала. Деметра дала ему в дар никогда не испытывать от еды тяжести в желудке, сколь много он бы ее не проглотил. (2) У Пандарея была дочь Аэдон; на ней женился плотник Политехн, который жил в Колофоне, в Лидии, и долгое время они наслаждались совместной жизнью. Родился у них единственный сын Итис. (3) Итак, пока они почитали богов, они были счастливы. Когда же с уст у них сорвалась нечестивая речь, что они любят друг друга больше, чем Гера и Зевс⁵⁶, Гера, разгневавшись на такие слова, нагнала на них Вражду, а та внесла раздор в их дела. Политехну надо было в короткое время кончить сиденье для возницы в колеснице, Аэдон – соткать ткань, и они договорились, что кто быстрее выполнит свою работу, тот подарит другому рабыню. (4) И когда Аэдон быстрее соткала ткань (ибо ей помогала Гера), Политехн, огорченный ее победой, пришел к Пандарею и сделал вид, будто он послан Аэдон, чтобы отвести к ней ее сестру Хелидониду. Пандарей, не заподозрив ничего плохого, дал (ему) увести ее. (5) Политехн же, заполучив девушку, надругался над ней в лесной чаще, передел в другое платье, остриг волосы на голове и пригрозил смертью, если она скажет что-нибудь об этом Аэдон. (6) Вернувшись домой, он по уговору отдал Аэдон девушку в качестве служанки, и та стала мучить ее работой, пока Хелидонида⁵⁷, держа в руках кувшин, не стала горько жаловаться у колодца, и Аэдон услышала ее слова. Когда же они узнали друг друга и обнялись, они стали замышлять беду для Политехна. (7) Они убили сына (Политехна), сложили его мясо в кастрюлю и сварили; Аэдон, попросив своего соседа сказать Политехну, чтобы отведал мяса, ушла с сестрой к отцу Пандарею и открыла ему, какое она испытала несчастье. А Политехн, узнав, что угощался мясом своего сына, бросился преследовать женщин до самого их отцовского дома, где слуги Пандарея схватили его и связали неразрывными узами за то, что он хотел нанести

⁵¹ Более подробный рассказ – у Овидия (Метаморфозы. IV. 1–415). По существу, «женский» вариант сказания о противостоянии Дионису, разработанный Еврипидом в «Вакханках».

⁵² *Коринна* – беотийская поэтесса из Танагры. Одни исследователи относят ее творчество к V в., другие – к эпохе эллинизма. Содержание ее творчества составляли главным образом местные сказания.

⁵³ *Бык, лев, пантера* особенно часто ассоциируются с Дионисом; первый из них – его зооморфная ипостась (см. Древнегреческая мелика. М., 1988. С. 412); о втором см. гомеровский гимн к Дионису, I, 44 сл.

⁵⁴ ...*потекли нектар и молоко*. – Ср. Гомер. гимн к Дионису. I. 34–36; *Элиан*. Пестрые рассказы. III. 42.

⁵⁵ В более распространенном варианте сказания действующими лицами являются афинская царевна Прокна, превращенная затем в соловья (ἀρδών), ее сестра Филомела, ставшая ласточкой (χελιδών), и фракийский царь Терей (будущий удад). См. *Овидий*. Метаморфозы. VI. 426–674; *Конон*. 31; *Аполлодор*. III. XIV. 8; *Гигин*. XLV; *Гераклит*. XXXV.

⁵⁶ ...*больше, чем Зевс и Гера*. – Ср. историю Кеика и Алкионы, восходящую еще к Гесиоду, – ВДИ. 1983. № 3. С. 123 сл.; *Овидий*. Метаморфозы. XI. 410–591.

⁵⁷ *Хелидонида* – уменьшительное имя от «Хелидон».

оскорбление дому Пандарея, и, намазав его тело медом⁵⁸, бросили в стадо. (8) Облепившие Политехна мухи стали его мучить, Аэдон же, жалея его ради прежней любви, отгоняла мух от Политехна. Когда ее увидели родители и брат, они, возненавидев, пытались ее убить. (9) Но Зевс, вместо того, чтобы дом Пандарея постигло большее зло, сжалившись, превратил всех в птиц. И одни из них, вылетив, устремились к морю, другие – в небо. Сам Пандарей стал морским орлом, мать Аэдон – алкионой, и они тотчас захотели броситься в море, но Зевс им в этом помешал. (10) Морьякам эти птицы служат доброй приметой. Политехн после превращения стал зеленым дятлом, потому что Гефест дал ему топор⁵⁹, когда он плотничал. И появление этой птицы – благо для плотника. Брат Аэдон стал удою; появление его благоприятно и для мореплавателей, и для находящихся на суше, а еще лучше – вместе с морским орлом и алкионой. (11) Что касается Аэдон и Хелидониды, то первая из них у рек и в лесной чаще оплакивает своего сына Итиса, вторая же по воле Артемиды стала жить рядом с людьми, потому что, по принуждению расставаясь с девичеством, громче всего взывала к Артемиде.

ХII. Кикн⁶⁰

[Рассказывает Никандр в книге III «Превращений» и спартаец Аревс⁶¹ в поэме «Кикн»]

(1) У Аполлона и Фурии, дочери Амфинома, родился сын Кикн. Он был хорош собой, а нравом – неприятен и дик, и неумеренно любил охоту. А жил он в полях между Плевроном⁶² и Калидоном, и было множество влюбленных в него из-за его красоты. (2) Но Кикн из-за высокомерия не допускал к себе никого из них. Вскоре его возненавидели и покинули все вздыхатели, остался с ним один Филий, но и его он оскорблял сверх всякой меры. В это самое время в земле этолийцев появился огромный величины лев, который нападал и на них самих, и на скот. (3) Итак, Кикн велел названному выше Филию убить льва, не прибегая к оружию; тот пообещал и убил его благодаря следующей уловке. Зная, в какое время лев выйдет на свое привычное место, Филий наполнил желудок обильной снедью и вином, и когда зверь приблизился, Филий вырыгнул снедь. (4) Лев, съев с голоду эту пищу, отпел от вина, и Филий, обернув руку одеждой, которую носил, заткнул ею пасть льва. Умертвив его и взвалив на плечи, он отнес его к Кикну и получил широкую известность за удачно исполненное поручение. (5) Однако Кикн приказал ему выполнить другое задание, еще более бессмысленное. Ибо в этом краю появились стервятники такой сверхъестественной величины, что они убивали многих людей. Их-то Кикн приказал взять живыми и принести (к нему), не применяя никаких ухищрений. (6) В то время как Филий находился в затруднении, как выполнить поручение, по воле бога орел, похитивший зайца, выпустил его полумертвого (из когтей), прежде чем донести до гнезда. Филий разорвал зайца и лег на землю, намазавшись его кровью. Стервятники набросились на него, как на мертвое тело, а Филий, схватив двух из них за лапы и крепко удерживая, отнес Кикну. (7) Тот же дал ему третье, еще более трудное задание: он приказал вывести из стада быка, ухватив его голыми руками, и доставить к алтарю Зевса. Филий, совершенно не зная, как ему поступить, чтобы выполнить приказание, взмолился о помощи к Гераклу. И во время этой молитвы появились два быка, которые сражались за одну телку, и, бодая друг друга рогами, свалились на землю. Когда они рухнули, Филий связал одному из них ноги и так дотащил его до алтаря, но по воле Геракла пренебрег (полным исполнением) приказа Кикна. (8) Тот же решил, что ему, вопреки ожиданию, нанесено ужасное бесчестие, в отчаянии бросился в озеро, которое называется Конопом⁶³, и исчез из виду. Из-за его гибели и Фурия, его мать,

⁵⁸ ...намазав его тело медом. – Ср. *Апулей*. *Метаморфозы*. VIII. 22. 5–6.

⁵⁹ ...дал ему топор. – Очередное «этимологическое» объяснение: *πέλεκυς* – «зеленый дятел», *τέλεκυς* – «секира», «обоюдоострый топор».

⁶⁰ *Кикн* – не следует его смешивать ни с одноименным сыном Ареса, которого убил Геракл (см. псевдогесиодовскую поэму «Щит Геракла»), ни с участником Троянской войны. О Кикне, герое Антонина Либерала, см. также: *Овидий*. *Метаморфозы*. VII. 371–381. Сходный рассказ о юноше, презирающем влюбленного в него, см. *Конон*. 16.

⁶¹ *Аревс* – неизвестный из других источников поэт.

⁶² *Плеврон* – город в Этолии, на северо-запад от Калидона.

⁶³ *Коноп* – местоположение этого озера неизвестно.

бросилась в то же самое озеро. По воле Аполлона они стали в озере птицами. (9) После их исчезновения переименовали и само озеро, которое стало <называться> Лебединым; во время весенних полевых работ на нем появляется много лебедей, а рядом находится и гробница Филия⁶⁴.

ХIII. Аспалида⁶⁵

[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) У Зевса и нимфы Офрейды родился сын Мелитей, которого мать из страха перед Герой подбросила в лесу, ибо с ней сошелся Зевс. Однако по воле Зевса мальчик не погиб, но вырос, так как его кормили пчелы⁶⁶. Фагр, сын Аполлона и нимфы Офрейды, той самой, которая родила и Мелитея, «сына леса», случайно нашел его, пася овец. (2) Удивившись росту ребенка и еще больше – (окружавшим его) пчелам, он подобрал его, отнес домой и воспитывал очень усердно, дав ему имя Мелитей⁶⁷, так как выкормили его пчелы. Пришло на ум ему и предсказание, в котором бог когда-то велел спасти ребенка того же происхождения, которого кормят пчелы. (3) А мальчик, так как быстро возмужал, стал благородным мужем, возглавил многих из своего окружения и основал во Фтии город, назвав его Мелитой. В этой самой Мелите жил тиран, надменный насильник, которого местные жители не называют даже по имени, а чужеземцы прозвали Тартаром⁶⁸. Если до него доходил слух о красоте какой-нибудь девушки из местных, он приводил ее к себе и насильно совокуплялся с ней еще до замужества. (4) Итак, однажды он велел слугам, привести Аспалиду, дочь Аргея, человека из числа весьма заметных. Но девушка, когда ей стало известно это приказание, повесилась еще до прихода тех, кто должен был ее увести. Пока слух о ее смерти еще не распространился, брат Аспалиды Астигит поклялся отомстить тирану раньше, чем вынет из петли тело сестры. (5) Поспешно надев на себя платье Аспалиды и спрятав вдоль левого бока меч, он скрылся с глаз, будучи похож на девушку. Войдя же в дом тирана и застав его безоружным и без охраны, убивает его. (6) Жители Мелиты увенчали Астигита венком и проводили домой, исполняя пеан, тело же тирана утопили, бросив в реку, которую с тех пор еще и теперь зовут Тартаром. Но тело Аспалиды, которое разыскивали всеми силами, чтобы торжественно похоронить, найти не смогли: оно исчезло по воле бога, а вместо него появилась деревянная статуя рядом с изображением Артемиды. (7) Местные жители называют эту статую Аспалиды Амелита Дальновержица⁶⁹, и в честь ее каждый год девушки вешали козочку, не знавшую случки, потому что и Аспалида повесилась, будучи девушкой.

ХIV. Муних

[Так]⁷⁰

(1) Муних, сын Дрианта, царствовал над молоссами⁷¹ и был хорошим прорицателем и справедливым человеком. От Леланты у него были сыновья Алкандр (еще лучший прорицатель, чем он сам), Мегалетор, Филей и дочь Гипериппа. (2) Боги их возлюбили, так как были они все благородны и справедливы. Когда однажды ночью на них напали в поле разбойники и пытались их пленить, они стали бросать на них с высоты

⁶⁴ ...гробница Филия. – Обстоятельства смерти Филия Антонина Либерала не интересуют.

⁶⁵ Антонин Либерал – единственный источник этой истории.

⁶⁶ ...кормили пчелы. – Подброшенных детей в античной мифологии часто выкармливали животные: Телефа, сына Геракла, – лань; Эгисфа – коза, Роμουла и Рема – волчица и т.п. Ср. ниже XIX. 2; XXX. 1; XXXVI. 1; Гигин. CCLII.

⁶⁷ ...дав ему имя Мелитей – естественно, от μέλισσα – «пчела», но почему оно названо уже в начале рассказа и откуда Фагр узнал в нем единоутробного брата, не разъясняется.

⁶⁸ ...прозвали Тартаром, т.е. дали имя, уже содержащее зловещее предзнаменование.

⁶⁹ Дальновержица – см. прим. 5.

⁷⁰ Так. – Это замечание (ср. также XXXIV; XXXVI; XXXVII) показывает, что автору указаний на источники нижеследующая история была известна, но он не мог найти или вспомнить откуда. Поскольку дело кончается превращением в птиц, источником мог быть все тот же Бей.

⁷¹ Молоссы – племя в Эпире; в их области находилось знаменитое прорицалище Зевса в Додоне.

башен⁷² (что попало под руку) (ибо не могли равняться силами с нападавшими); тогда воры подожгли их дома. Однако Зевс, ради их благочестия, не допустил такой плачевной смерти, а превратил всех в птиц. В частности, Гипериппа превратилась в гагару, так как, спасаясь от огня, бросилась в воду. Остальные же выпорхнули из огня, превратившись – Муних – в сарыча, Алкандр – в королька. А Мегалетор и Филей превратились в двух маленьких птиц, так как, спасаясь от огня, спустились по стене на землю. И первый из них – ихневмон, Филея же называют псом⁷³. Мать их превратилась в зеленого дятла. (4) Орел и цапля ведут с ним войну, ибо он разбивает их яйца, стуча по дубу в поисках мошек. А живут они все вместе в лесу и кустарнике, кроме гагары, которая обитает в озерах и в море.

XV. Мериода⁷⁴

[Рассказывает Бей в книге I «Происхождения птиц»]

(1) У Евмела, сына Меропа, были надменные и наглые дети Бисса, Мериода и Агрон. Жили они в Мериоде на острове Косе, и Земля приносила им обильные плоды, так как они почитали одну эту богиню и заботливо за ней ухаживали. (2) Они ни с кем не встречались, не ходили ни в город, ни на пиры, ни на праздники богов; больше того: когда кто-нибудь, принося жертвы Афине, звал девушек, брат отвергал приглашение. Он говорил, что не любит богиню со светлыми глазами, так как у его сестер глаза черные, и вообще ему неприятна птица сова⁷⁵. Если же их звали на праздник Артемиды, он говорил, что ненавидит богиню, бродящую по ночам⁷⁶. Если же звали на возлияние Гермесу, то говорил, что он не почитает бога-вора. (3) И так они очень часто оскорбляли богов. Тогда разгневанные Гермес, Афина и Артемида ночью предстали перед ними в их доме: Афина и Артемида – уподобившись девушкам, Гермес же – в пастушьей одежде⁷⁷. Обратившись к Евмелу и Агрону, он стал приглашать их принять участие в пирушке: он-де вместе с другими пастухами совершает жертвоприношение Гермесу. Что касается Биссы и Мериоды, то он пытался убедить (брата) отослать их к ровесницам в священную рощу Афины и Артемиды. (4) Так им сказал Гермес. Но Мериода, когда это услышала, стала нагло насмехаться над именем Афины, и та превратила ее в совенка. Бисса же, говорят, под своим собственным именем является птицей Левкофеи⁷⁸, Агрона, который, увидев это, схватил вертел и выбежал наружу, Гермес превратил в ржанку. Евмел стал сильно бранить Гермеса за то, что он превратил в птицу его сына; тогда тот и из него сделал ночного ворона⁷⁹, вестника несчастий.

XVI. Эноя

[Рассказывает Бей в книге II «Происхождения птиц»]

(1) У людей, которых называют пигмеями, родилась дочь по имени Эноя⁸⁰; внешность ее не вызывала порицания, но нрав был неприятный и высокомерный. И нисколько ее не заботила мысль ни об Артемиде, ни о Гере. (2) Выйдя замуж за одного из граждан Никодаманта, человека справедливого и знающего меру, она родила сына Мопса. Из любви к нему все пигмеи принесли ей многочисленные дары по случаю рождения сына. Гера же, браня Эною за то, что та не почитала ее, превратила ее в журавля, вытянув в длину ее шею и сделав высоко летающей птицей. И она развязала войну между ней и пигмеями. (3)

⁷² ...с высоты башен, т.е., видимо, с укреплений, окружавших их поместье в качестве защиты; судя по дальнейшему, дети Муниха успели добежать до своей усадьбы.

⁷³ Ихневмон и пс – не идентифицированные птицы.

⁷⁴ Антонин Либерал – единственный источник этой истории.

⁷⁵ ...неприятна сова – как священная птица Афины.

⁷⁶ ...богиню, бродящую по ночам. – Артемида отождествлена здесь с Гекатой-Селеной, хранительницей перекрестков, особенно в ночное время.

⁷⁷ ...в пастушьей одежде – как и подобает богу – покровителю пастухов и их стад.

⁷⁸ Левкофея – морская богиня – у Гомера и позже является в виде нырка. Бисса (вероятно, то же самое, что βίσα или βίσα – «сова») – признак ее принадлежности к хтоническим божествам.

⁷⁹ Ночной ворон – разновидность филина, предвещающего смерть.

⁸⁰ Антонин Либерал – единственный, кто дает ей это имя. В других источниках, восходящих к Бео, ее называют Герана, что делает более естественным ее превращение в журавля (уέρανος).

Эноя же, от тоски по сыну Мопсу, летала вокруг дома и не оставляла его. И от этого еще и до сих пор идет война между журавлями и пигмеями.

XVII. Левкипп

[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) Галатея, дочь Еврития и внучка Спартона, вышла замуж за Лампра, сына Пандиона, который жил в Фесте на Крите; человек он был из хорошего рода, но удачи в жизни ему не было... (2) Когда Галатея была беременна, он молился, чтобы родился сын, а жене приказал, если родится дочь, удалить ее с глаз долой. И так, уйдя из дому он пас свои стада, когда у Галатеи родилась дочь. (3) И мать, пожалев новорожденную, подумала, каким пустынным окажется дом (без ребенка); к тому же, и сновидения, и прорицатели поддерживали ее, советуя воспитывать девочку, как мальчика. Она обманула Лампра, говоря, что родила мальчика, и стала так воспитывать девочку, назвав ее Левкиппом⁸¹. (4) Когда же девушка выросла и проявилась ее несказанная красота, Галатея испугалась, что нет больше возможности скрывать правду от Лампра; она укрылась в святилище Лето и стала горячо молить богиню, чтобы вместо дочери у нее мог появиться сын, подобно тому, как Кенида⁸², дочь Атрака, по желанию Посидона стала лапифом Кенеом. (5) Так же и Тиресий⁸³ стал из мужчины женщиной, когда он убил попавшихся ему на перекрестке спаривающихся змей, а потом опять из женщины – мужчиной, снова убив змею. Часто и Гиперместра⁸⁴ велела продавать себя за плату, как женщина, а, став мужчиной, обеспечивала пропитанием своего отца Эфона. Изменил свой пол и критянин Сипрет⁸⁵, чтобы увидеть на охоте купание Артемиды. (6) Лето сжалилась над непрерывно горевашей и молившей ее Галатеей и изменила природу ее дочери, превратив ее в юношу. Жители Феста все еще помнят об этом превращении и приносят жертвы Лето Фитии⁸⁶, которая позволила вырасти мужскому члену у девушки, а праздник называют Разоблачением (Экдисия⁸⁷), так как Левкипп сбросил пеплос. (В Фесте) существует обычай, что перед бракосочетанием женщины ложатся рядом со статуей Левкиппа.

XVIII. Аэроп

[Рассказывает Бей в книге II «Происхождения птиц»]

(1) Евмел, сын Евгнота, жил в беотийский Фивах, и был у него сын по имени Ботр. Этот Евмел безгранично почитал Аполлона. (2) И однажды, когда он приносил ему жертву, присутствовавший при том его сын Ботр отведал от мозга барана, прежде чем освятить его на алтаре. Узнав о случившемся, Евмел в гневе схватил с алтаря головню и ударил ею сына по голове⁸⁸. Мальчик упал, обливаясь кровью, и забился в судороге. (3) Когда это увидели мать, и отец, и слуги, их охватило страшное горе. Но Аполлон, так как Евмел его почитал, сжалился и превратил мальчика в птицу осоеда, которая и теперь кладет яйца в земле и все время стремится летать.

⁸¹ Назвав ее Левкиппом. – Противоположная ситуация, когда юноша Левкипп маскируется под девушку, – у Парфения, XV, и Павсания, XVIII. XX. 2–4, но там его разоблачение кончается смертью. Ср. также Палефат. X.

⁸² Кенида. – См. Аполлоний Родос. I. 57–64; Овидий. Метаморфозы. XII. 459–532; Аполлодор. Эпитома. I. 22.

⁸³ Тиресий. – См. Овидий. Метаморфозы. III. 316–338; Аполлодор. III. VI. 7; Гигин. LXXV.

⁸⁴ Гиперместра, соблазненная Посидоном, получила от него взамен способность менять свой пол (Ликофрон. Александра. 1391–1396). Чаще, однако, эту историю связывают с дочерью Эрисихтона Местрой, которая таким образом пыталась прокормить своего отца, испытывавшего по воле Деметры неутолимый голод. См. Каллимах. Гимн к Деметре, 61–117; Овидий. Метаморфозы. VIII. 738–878.

⁸⁵ Сипрет. – Имя это больше нигде не засвидетельствовано.

⁸⁶ Фития (Φιτίη) – неизвестный из других источников эпитет Лето, сближаемый с глаголом φύω – «расти, выращивать».

⁸⁷ Экдисия (Ἐκδίσια) – тоже неизвестный из других источников праздник, «этимологически» сближаемый с глаголом ἐκδίσω «раздеваться», хотя непонятно, зачем Левкиппе надо было менять свою мужскую одежду.

⁸⁸ Ср. похожий рассказ у Павсания, I. XLII. 6.

[Рассказывает Бей в книге II «Происхождения птиц»]

(1) Говорят, на Крите есть священная пещера⁹⁰, полная пчел, в которой, как рассказывают, Рея родила Зевса, и является нечестием, если кто-нибудь туда проникает, будь то бог или смертный. Каждый год⁹¹ в определенное время видят, как из пещеры вырывается яркий огонь. (2) Рассказывают, что это происходит, когда во время родов проливается кровь Зевса. Населяют пещеру священные пчелы⁹², кормилицы Зевса. В эту пещеру отважились войти Лайи⁹³, Келей, Кербер и Эголий⁹⁴, чтобы набрать как можно больше меда. Защитив все тело медными доспехами, они набрали пчелиного меда и увидели пеленки Зевса, когда медные доспехи раскололись на их телах. (3) Зевс, прогремев громом, хотел метнуть в них молнию, но этому помешали Мойры и Фемида, ибо было бы нечестием, если кто-нибудь умер бы в пещере. Тогда Зевс превратил их всех в птиц, и пошла от них порода птиц-прорицателей, каковы певчие дрозды, зеленые дятлы, керберы⁹⁵ и сипухи. Появляясь, они служат благоприятным и надежным предзнаменованием по сравнению с другими птицами, так как видели кровь Зевса.

(Продолжение следует)

⁸⁹ Антонин Либерал – единственный письменный источник этой истории. Существует, однако, амфора из Вульчи (VI в. до н.э.), на которой изображено, как с героев падают расколовшиеся доспехи (см. конец § 2).

⁹⁰ ...*священная пещера*. – Речь идет о горе Дикте на Крите, в которой, по традиционной версии, Рея укрыла от Крона новорожденного Зевса. Ср. ниже, XXXVI, где кормилицей Зевса названа коза; *Аполлодор*. I. I. 7.

⁹¹ *Каждый год...* – Зевс здесь, по аналогии с вегетативными божествами, представлен рождающимся ежегодно. См. гимн юному Зевсу в кн.: Древнегреческая мелика. С. 417–422.

⁹² *Населяют пещеру священные пчелы*. – Ср. *Пиндар*. Фр. 123; *Петроний*. LVI.

⁹³ *Лайи* – конечно, не фиванский царь, убитый Эдипом.

⁹⁴ *Келей, Кербер, Эголий* более нигде не упоминаются.

⁹⁵ *Кербер* – не идентифицированная птица.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВЛУ – Вестник Ленинградского Государственного университета
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИАК – Известия Археологической Комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
Нис – Нумизматика и сфрагистика
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ПОИПА – Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк
ПССА – Проблемы скифо-сарматской археологии. Москва
ПССАСП – Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СМАА – Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
ССМ ПАССМ – Скифо-сибирский мир. Проблемы археологии скифо-сибирского мира (Социальная структура и общественные отношения. Тезисы Всесоюзной археологической конференции). Кемерово
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТЧИНИИ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный
AJA – American Journal of Archaeology
ANRW – Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt
AS – Ancient Society
BCH – Bulletin de correspondance hellénique
Bergk – *Th. Bergk. Poetae Lyrici Graeci. 1882*
CAH – Cambridge Ancient History
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani
CRAI – Comptes-Rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
Diehl – *E. Diehl. Anthologia Lyrica Graeca. 1942*
FGrH – *F. Jacoby. Fragmente der griechischen Historiker*
HSCP – Harvard Studies in Classical Philology
IOSPE – *B. Latyshev. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. I. Petropoli, 1916*
JHS – Journal of Hellenic Studies
JRS – Journal of Roman Studies
LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae
MDAI – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts
RA – Reallexikon der Assyriologie
RE – Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
RHR – Revue de l'histoire des religions
RN – Revue numismatique
Rzach – *A. Rzach. Hesiodi Carmina*
SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum
Syll.³ – *G. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum. 3 Aufl. 4 vol. Leipzig, 1915–1924*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Симс-Вильямс Н.</i> (Лондон) – Новые бактрийские документы.....	3
<i>Дандамаева М.М.</i> (С.-Петербург) – Ассирия и Вавилония в мифологии греков.....	11
<i>Смышляев А.Л.</i> (Москва) – <i>Civilis dominatio</i> : римский наместник в провинциальном городе.....	24

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Зайцев Ю.П.</i> (Симферополь) – Южный дворец Неаполя Скифского.....	36
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Глиптика Средней Азии и Ближнего Востока

Дюринг-Касперс Э. (Лейден) – Маргианско-бактрийский археологический комплекс и харапское письмо.....	51
---	----

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

<i>От редколлегии</i>	66
<i>Кнабе Г.С.</i> (Москва) – Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения.....	66
<i>Свенцицкая И.С.</i> (Москва) – Отношение «гражданин-полис» в системе Римской империи: проблема отчуждения.....	79

Историческая география античного Причерноморья

<i>От редколлегии</i>	84
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора.....	85

Эллинизм: политическая практика и культурные традиции

<i>Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.</i> (С.-Петербург) – Сарматы и гибель «Великой Скифии».....	93
<i>Виноградов Ю.Г.</i> (Москва) – Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I ² 343 и вторжение сарматов в Скифию.....	104

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Галанина Л.К.</i> (С.-Петербург) – К вопросу о кубанском очаге раннескифской культуры.....	125
<i>Бухарин М.Д.</i> (Москва) – Описание индийского государства в «Индики» Мегасфена.....	138
<i>Беликов А.П.</i> (Ставрополь) – Третья Македонская война: проблема вины сторон.....	149

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Каньетта М.</i> (Бари) – М.И. Ростовцев в Италии: культурные взаимосвязи и издательские дела.....	158
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) – М.Г. А б р а м з о н. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.....	173
<i>Соломатин М.Д.</i> (Москва) – М.Г. А б р а м з о н. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.....	178

<i>Литвиненко Ю.Н.</i> (Москва) – D. B o n n e a u. Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque, romaine et byzantine. Leiden, 1993.....	186
<i>Фихман И.Ф.</i> (Иерусалим) – J. M é l è z e - M o d r z e j e w s k i. The Jews of Egypt. From Rameses II to Emperor Hadrian. Transl. by Robert Comman with a Foreword by Shaye J.D. Cohen. Philadelphia and Jerusalem, 1995.....	191

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Журавлев Д.В.</i> (Москва) – Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного исторического музея.....	194
---	-----

PERSONALIA

К 70-летию Григория Григорьевича Гиоргадзе	208
К 70-летию Джона Бордмана.....	209
К 60-летию К. Ламберг-Карловски	211

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Заседание сектора античной истории Института всеобщей истории РАН, посвященное памяти Е.М. Штаерман	212
---	-----

Н.М. Постовская (1917–1997)	216
--	-----

И.Э. Эдвардс (1909–1996).....	219
--------------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

А н т о н и н Л и б е р а л. Метаморфозы. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии <i>В.Н. Ярхо</i> (Бордо).....	220
---	-----

CONTENTS

<i>N. Sims-Williams</i> (London) – New Bactrian Documents.....	3
<i>M.M. Dandamayeva</i> (St.-Petersburg) – Assyria and Babylonia in Greek Mythology	11
<i>A.L. Smyshlyaev</i> (Moscow) – <i>Civilis dominatio</i> : the Roman Governor in a Provincial City.....	24

PUBLICATIONS

<i>Yu.P. Zaitsev</i> (Simferopol) – The Southern Palace of the Scythian Neapolis.....	36
---	----

DISCUSSIONS

Glyptics of Central Asia and the Near East

<i>E.C.L. During Caspers</i> (Leiden) – Margiana-Bactrian Archaeological Complex and the Harappan Script.....	51
---	----

Ancient Empires (New Approaches to the Study of Ancient Empires of the West and East)

<i>Editor's Note</i>	66
<i>G.S. Knabe</i> (Moscow) – The Metaphysics of Living at Close Quarters. The Roman Empire and Alienation.....	66
<i>I.S. Svetsitskaya</i> (Moscow) – Citizens and Polis in the Roman Empire: the Problem of Alienation.....	79

Historical Geogaphy of Ancient Black Sea Area

<i>Editor's Note</i>	84
<i>S.Yu. Saprykin</i> (Moscow) – Natural Catastrophes and Phenomena in the Ideology of Mithridates the Great.....	85

Hellenism: Political Practice and Cultural Traditions

<i>Yu.A. Vinogradov, K.K. Marchenko, Ye.Ya. Rogov</i> (St.-Petersburg) – Sarmatians and the Destruction of Great Scythia.....	93
<i>Yu.G. Vinogradov</i> (Moscow) – The Chersonesian Decree on «Carrying Dionysos» IOSPE I ² 343 and the Sarmatian Invasion to Scythia.....	104

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>L.K. Galanina</i> (St.-Petersburg) – On the Kuban Centre of Early Scythian Culture.....	125
<i>M.D. Bukharin</i> (Moscow) – The Description of the Indian State in Megasthenes' <i>Indika</i>	138
<i>A.P. Belikov</i> (Stavropol) – The Third Macedonian War: the Problem of the Guilt of the Parties.....	149

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M. Cagnetta</i> (Bari) – M.I. Rostovtzeff in Italy: Cultural Ties and Story of Publications.....	158
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>A.V. Makhlayuk</i> (Nizhnii Novgorod) – M.G. Abramzon. <i>Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskoï imperii. M., 1995</i>	173
<i>M.D. Solomatin</i> (Moscow) – M.G. Abramzon. <i>Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskoï imperii. M., 1995</i>	178
<i>Yu.N. Litvinenko</i> (Moscow) – D. Bonneau. <i>Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque, romaine et byzantine. Leiden, 1993</i>	186
	239

<i>I.F. Fikhman</i> (Jerusalem) – <i>J. M é l è z e - M o d r z e j e w s k i</i> . The Jews of Egypt. From Rameses II to Emperor Hadrian. Transl. by Robert Comman with a Foreword by Shaye J.D. Cohen. Philadelphia and Jerusalem, 1995.....	191
--	-----

IN WORLD MUSEUMS

<i>D.V. Zhuravlyev</i> (Moscow) – Collections from Chersonesus in the State Historical Museum	194
---	-----

PERSONALIA

70th Birthday of Grigoriĭ Grigor'evich Giorgadze	208
70th Birthday of John Boardman.....	209
60th Birthday of K. Lamberg-Karłowski.....	211

SCIENTIFIC EVENTS

A Session of the Department of Ancient History of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences in Memory of E.M. Shtaerman.....	212
--	-----

N.M. Postovskaya (1917–1997)	216
I.E.S. Edwards (1909–1996).....	219

Supplement

<i>Antonini Liberalis Metamorphoses</i> . Introduction, Translation and Commentaries by V.N. Yarkho (Bordeaux)	220
--	-----

Технический редактор *Н.С. Евсева*

Сдано в набор 20.05.97. Подписано к печати 19.06.97 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
 Офсетная печать. Усл.кр.-отт. 25,8 тыс. Уч. изд.л. 23,0 Бум. л. 7,5
 Усл.печ.л. 19,5 Тираж 1305 экз. Заказ 1728

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
 Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
 Московская типография № 2 РАН, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Б Ъ Е Д И Н Е Н Н Ы Й КАТАЛОГ '97

российские и зарубежные
газеты, журналы, книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

АПР
Агентство Подписки и Розницы

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

АРПИ

Агентство по распространению
печати издательства "Известия"

УГОДИЕ



НАУЧНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОНД «СКИФ»

Фонд учрежден
акционерным обществом
Генеральная компания
СКИФ ТРОИЦК

Фонд разрабатывает и способствует научной разработке проблем культуры скифо-сармато-аланского мира, этногенеза и истории ираноязычных народов и их роли в судьбах населения евразийских цивилизаций.

Фонд направляет свою деятельность на:

1. Финансирование, организацию и проведение исследований по вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики и фольклора.
2. Организацию и проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов», а также осуществление издательской деятельности, помощь в работе историко-археологических экспедиций.
3. Установление и развитие культурных и деловых связей с российскими и зарубежными учеными, научными центрами и ассоциациями и другими научно-культурными организациями по направлениям деятельности Фонда.
4. Содействие в подготовке квалифицированных исследователей в области науки и культуры.

Почетным Председателем Фонда является выдающийся ученый, профессор В.И. Абаев.

Фонд оказывает спонсорную помощь Центру сравнительного изучения древних цивилизаций.

129327 Москва, Ленская ул., 2/21
Телефон: 470-21-92; факс: 470-02-95



«НАУКА»